

тель Н. Гарденинъ. Въ этомъ Сборникѣ помѣщены слѣдующія статьи:

„Село Благодатное“, повѣсть и „Сцены изъ супружеской жизни“, *М. Н.*

„Зрѣлость“, „Исторія одной любви“, „Auto-da-fe“, „Деревня“, „Зимнее утро“, „Привѣтъ“, „Въ Гросфу“ (изъ Горадіа). „Въ красавицѣ“, „Анониму“, „Совѣтъ“, „В. И. Н—ой“ и „Яффа“—стихотворенія *Кельма*.

„Вѣлица“, стих. *Н. Н.*

„Былина о битвѣ Ильи Муромца съ сннкомъ“.

„Изъ воспоминаній о зимней экспедиціи“ *А. К—ва*.

„Глеть“, стихотвореніе на малороссійскомъ языкѣ *Н. Н.*

„Дорлькотъ-Миль“. Сцены изъ англійской жизни, переводъ съ французскаго. *М. З.*

„Лень“ (Переводъ съ Датскаго), соч. Андерсена и „Дѣвочка в спички“. *Х. Х.*

„Въ осени лѣто“, (переводъ съ Малороссійскаго) и „Чары“ (тоже) *П. Малыгина*.

„Видѣнія“, стихотв. (изъ В. Гюго) перев. *Кельма*.

„Евгеній, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій. *А. Данскаго*.

„Григорій Саввичъ Скворода“. *А. К.*

„Городъ Нязведѣвиць и его уѣздъ“. *П. Малыгина*.

„О благочестивыхъ обычаяхъ и религіозныхъ учрежденіяхъ, существующихъ у жителей Воронежской старшіи“, *С. Никонова*.

„Очеркъ пофрій, обрядовъ, приговѣвъ и гаданій въ Воронежской губерніи“. *А. О.*

Омльс.

„Д'Орбиньи, и его путешествія и открытія“. (Переводъ съ французскаго), *А. К—ва*.

„Вѣрованіе въ духовъ и мертвецовъ въ классической древности“. (Переводъ съ нѣмецкаго). *М. К.*

„Таблицы восхожденія и захожденія солнца, луны и нѣкоторыхъ планетъ, составленныя для гор. Воронежа на 1861 годъ“. *Н. Анцыферова*.

„Рѣка Усмань, происхожденіе ея названія по народному преданію“. *Н. Н.*

„Кушова Татьяна яна“, *А. С.*

„Село Пригородокъ-Полатовъ“. *П. М.*

„Историческое преданіе о селѣ Петровскомъ“ и драма „Опасные“ съ прологомъ и эпилогомъ, переделанная изъ романа Леона Гюлана. *И. З.*

2) *Воронежская Бесѣда*“ на 1861 годъ. Изданіе *М. Де-Пуле* и *П. Глотова*. Въ этомъ изданіи помѣщены слѣдующія статьи:

„Русскія пословицы“, собранія *А. В. Кольцовымъ*.

„Тарасъ“, поэма *И. Никитина*.

„Черничка“, рассказъ *А. Суворина*.

„Вступительная лекція Государственного права Европейскихъ державъ“. *Д. Каченовскаго*.

„Михаилъ Матвѣевичъ Петровъ“, ветеранъ 1812 года. *М. Де-Пуле*.

„Дневникъ Семинариста“, *И. Никитина*.

„Гарибальди“, (изъ путевныхъ замѣтокъ), *А. Суворина*.

„Письма Ломоносова къ И. И. Шувалову“.

„Стихи Ломоносова на Сумарокова“.

Два стихотворенія *И. Никитина*.

Стихотворенія *Ф. Берга*.

„О заселеніи Воронежской губерніи“, *Н. Втирова*.

„Историческія замѣтки о гор. Воронежѣ“.

„Историческій очеркъ воронежской гимназій“ отъ 1785 до 1835 г., *Г. Васеловскаго*.

„Сличеніе нѣсколькихъ русскихъ пѣсень“, *Кохановской*.

„Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ“, критическая статья *М. Де-Пуле*.

Де-Пуле.

„Историческіе матеріалы“.

„Матеріалы для статистики народонаселенія Воронежской губ.“

„Записки о судоходствѣ по Дону въ Воронежской губерніи,
А. Шапошникова-Капустина.

„Нѣчто о Воронежскихъ путешествіяхъ и юрдынкахъ.

„Народныя пѣсни“.

„Свадебные обряды малороссіянъ слободы Воронцовки Павловскаго уѣзда“.

„Рождественскія сцѣнки у малороссіянъ Павловскаго уѣзда“,
М. П—ва.

„Нѣкоторыя малороссійскія повѣрья“, *А. Расснаго.*

„Нѣкоторыя черты изъ вседневной жизни помѣщиковъ Виршченскаго уѣзда прошлаго и настоящаго времени“, *А. Терентьева.*

„Нѣсколько цыганскихъ словъ“, *А. П—ва.*

„Малороссійскія похороны въ Подгоренскомъ приходѣ, Остро-гожскаго уѣзда“, *С. А. Аполосова.*

„Изъ путевыхъ записокъ при ботаническихъ поѣздкахъ по Воронежской губерніи“, *Н. Тарачкова.*

(Критическій разборъ двухъ Воронежскихъ сборниковъ повѣстей, черезъ 10 лѣтъ послѣ появленія ихъ, въ газетѣ „Донъ“ 1871 г. (№№ 37, 40, 42, 43, 56, 57, 58 и 61).

3) *Памятная книжка Воронежской губерніи* на 1861 годъ, изданная Воронежскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ. Капитальныя статьи въ этой книжкѣ, печатавшіяся и въ „губ. вѣд.“, принадлежатъ *М. М. Скиады*; одна изъ статей (судоходство по рѣкѣ Дону) составлена имъ вмѣстѣ съ *П. Д. Шапошниковымъ*.

Считаемъ обязанностью сообщить здѣсь свѣдѣнія о дѣятельности *М. М. Скиады*, оказавшаго значительныя услуги, по разработкѣ мѣстной исторіи и статистики, и занимающаго при томъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ провинціальной литературѣ.

Михаилъ Михайловичъ Складъ.

Михаилъ Михайловичъ, уроженецъ Вобровскаго уѣзда Воронежской губерніи, получилъ воспитаніе въ Москвѣ, въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ; въ 1843 г. поступилъ въ Московскій университетъ, а въ 1844 г. перешелъ въ Харьковскій, въ которомъ и окончилъ курсъ по юридическому факультету. Въ 1849 году Михаилъ Михайловичъ былъ опредѣленъ старшимъ учителемъ въ Тамбовскую гимназію по предмету законовѣдѣнія; въ Тамбовѣ онъ исполнялъ обязанности мѣстнаго цензора и, кромѣ того, былъ сотрудникомъ и ближайшимъ руководителемъ „Тамбовскихъ Губ. Вѣдомостей“. Въ 1857 году М. М. вышелъ въ отставку и переехалъ на жительство въ г. Воронежъ, гдѣ съ 1858 г. былъ сверхштатнымъ преподавателемъ законовѣдѣнія въ Михайловскомъ кадетскомъ корпусѣ; съ 1859 по 1865 г. занималъ должности судебного слѣдователя, потомъ секретаря Воронежскаго губернскаго Статистическаго Комитета и, наконецъ, секретаря губернскаго акцизнаго управленія. а съ 1866 года находится въ отставкѣ и занимается адвокатурой. Со времени основанія въ Воронежѣ газеты „Донъ“. т. е. съ 1868 года, М. М. состоитъ редакторомъ этой газеты. Въ 1869 году М. М., какъ дѣйствительный членъ Воронежскаго губернскаго Статистическаго Комитета, былъ избранъ Помощникомъ Предсѣдателя Комитета и находился въ этомъ званіи, въ теченіи 15 лѣтъ, до 22 сентября 1884 года, — рѣдкій примѣръ такой продолжительной службы, въ одной и той-же должности, службы ничѣмъ не вознаграждаемой, но требующей не рѣдко серьезныхъ трудовъ.

Михаилъ Михайловичъ, и до избранія его Помощникомъ Предсѣдателя, принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ Статистическаго Комитета, начиная съ 1861 года, когда онъ, какъ секретарь Комитета, кромѣ занятій по обработкѣ статистическихъ данныхъ,

представляемыхъ въ разныя учрежденія, составилъ памятную книжку Воронежской губерніи на 1861 годъ— первое изданіе вновь преобразованнаго тогда Статистическаго Комитета. Въ 1862 и 1863 г.г. въ „Воронеж. Вѣдомостяхъ“ напечатанъ рядъ статей М. М., „О торговой, заводской и фабричной промышленности г. Воронежа“. (1862 г. №№ 40, 41, 42, 44, 46, 48, 49 и 52.— 1863 года №№ 8—10). Въ памятной книжкѣ Воронежской губерніи на 1865—1866 г., онъ помѣстилъ историко-статистическій очеркъ подъ заглавіемъ „Войсковые обыватели Воронежской губерніи“. Затѣмъ всѣ серьезныя работы, предпринимавшіяся Статистическимъ Комитетомъ въ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ, исполнялись съ участіемъ М. М. Скиады, какъ Помощника Предсѣдателя. Укажемъ здѣсь на нѣкоторыя изъ этихъ работъ: въ 1871 г. издана Комитетомъ памятная книжка на 1870—1871 годъ, въ которой помѣщена статья М. М. Скиады и П. Д. Шапошникова: „Старые и новые торговые пути сообщенія въ Воронежскомъ краѣ“.

Въ 1872 году, въ виду празднованія, 30 мая, 200-лѣтняго юбилея рожденія Императора Петра Великаго, Комитетомъ, въ память этого событія, изданы подъ редакцію секретаря Ѳ. К. Яворскаго, грамоты и другіе акты, относящіеся ко времени Петра Великаго, а М. М. Скиада составилъ статью, прочитанную въ день юбилея, въ залѣ дворянскаго собранія: „Петръ Великій на Воронежѣ“.

Въ видахъ содѣйствія Московской политехнической выставкѣ, бывшей въ 1872 г., Комитетомъ доставлены на выставку нѣкоторые предметы кустарнаго производства въ Воронежской губерніи и три статистическихкія описанія, въ томъ числѣ „описание производства крестьянскихъ сапоговъ въ слободѣ Бутурлиновкѣ Вобровскаго уѣзда“, составленное М. М. Скиады. Въ томъ-же 1872 году, 14 октября, Комитетомъ, при участіи многихъ охотниковъ, была произведена однодневная перепись жителей города Воронежа.

Въ 1873 г., по инициативѣ бывшаго Начальника Воронежской губерніи Дмитрія Федоровича Ковянько, Комитетъ занимался разработкой вопроса объ открытіи мѣстной сельско-хозяйственной выставки; при чемъ М. М. Скіада составилъ проектъ общей программы выставки, которая, однако, не состоялась.

Въ 1874 году Комитетъ, имѣя въ виду значительное развитіе кустарной промышленности въ Воронежской губерніи и то важное экономическое значеніе, какое она имѣетъ въ бытовой жизни простаго народа, призналъ необходимымъ предпринять подробное описаніе кустарныхъ производствъ, при чемъ М. М. Скіада принялъ на себя трудъ какъ по составленію программы „описанія кустарныхъ промысловъ въ Воронежской губерніи“, такъ и объяснительной записки. По утвержденіи затѣмъ программы, Комитетъ предложилъ М. М. принять на себя званіе редактора описанія и соединенныя съ нимъ обязанности, по составленію монографій мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ. Результатомъ этого предпріятія было описаніе нѣкоторыхъ кустарныхъ промысловъ въ Воронежской губерніи, помѣщенное, въ нѣсколькихъ статьяхъ, въ памятной книжкѣ на 1878—79 г., и въ отдѣльномъ очеркѣ, составленномъ М. М. въ 1882 году, но работу эту нельзя считать оконченною, такъ какъ многіе промыслы не описаны. Въ той же памятной книжкѣ помѣщены статьи Михаила Михайловича: „Общій взглядъ на охотничье дѣло въ Воронежской губерніи со времени заселенія края“ и „Свѣдѣнія объ охотѣ и охотничьемъ бытѣ въ Воронежской губерніи“.

Въ 1877 и 1878 годахъ Статистическимъ Комитетомъ предпринята была, по требованію Центрального Статистическаго Комитета, очень сложная работа, по составленію списковъ населенныхъ мѣстъ и землевладѣній по Воронежской губерніи и работа эта выполнена была настолько обстоятельно, что Центральный Статистическій Комитетъ выразилъ за нее искрен-

ную признательность. (Разработкою собранныхъ матеріаловъ занимался Ѳ. К. Яворскій).

Въ 1881 г. Комитетъ, имѣя въ своемъ распоряженіи остатокъ отъ суммъ, собранныхъ изъ пожертвованій на открытіе мѣстной выставки, которая не состоялась, нашелъ возможнымъ принять участіе на Всероссийской выставкѣ въ Москвѣ, по отдѣлу кустарной промышленности. Предпріятіе это, благодаря исключительно заботливости М. М. Скіады, приведено въ исполненіе: болѣе 200 образцовъ было собрано и представлено въ 1882 г. на Московскую выставку.

Обращаясь къ дѣятельности Михаила Михайловича, какъ редактора газеты „Донъ“, издателемъ которой долгое время былъ Г. М. Весселовскій, передавшій затѣмъ это право супругѣ своей Варварѣ Яковлевнѣ, достаточно сказать, что газета „Донъ“ существуетъ 17 лѣтъ и что если она пережила столь продолжительный періодъ жизни, то этимъ обязана неослабывающему стремленію руководителей своихъ отвѣчать на запросы и интересы мѣстной жизни. Въ такомъ стремленіи, въ такой продолжительности существованія газеты и заключается самая вѣрная оцѣнка дѣятельности редакціи.

Считаемъ необходимымъ высказать еще, что газета „Донъ“ основана, при благопріятныхъ для редакціи условіяхъ, въ томъ отношеніи, что она имѣла предъ собою опытъ возникновенія и жизни *первой частной* газеты въ Воронежѣ („Воронежскій Листокъ“, 1862 г.)

Эта газета возникла, „главнымъ образомъ, подъ давленіемъ мысли—о необходимости имѣть собственно *справочный листокъ* для мѣстнаго жизненнаго обихода, и, потому, газета прекрасно уже служила городскому обывателю, если она сосредоточивала на своихъ столбцахъ *только* обывательскій буднично-жизненный *спросъ и предложеніе*. Къ мѣстной газетѣ, прежде всего, бросались затѣмъ, чтобы прочитатъ въ ней: кто что про-

даеть, кто что покупаетъ, кто въ какомъ трудѣ нуждается и кто какой трудъ предлагаетъ. Рядомъ съ этимъ, газета, на первыхъ-же порахъ своего существованія, вышла на встрѣчу и другой потребности обывателя—знать, чрезъ газету, какъ живетъ и что дѣлаетъ „Иванъ Ивановичъ“ или „Надежда Петровна“²³⁾.

Одинъ изъ мѣстныхъ литераторовъ, привѣтствуя появленіе „Воронежскаго Листка“, говорилъ, между прочимъ, что его интересуеть „Листокъ“ не объявленіями, а *фельетонами*. „Я представляю его себѣ (безъ шутокъ) *Пчелкою*, но не *Петербургскою*, а *Воронежскою*: вѣдь большія, серьезныя статьи, какіе-нибудь тамъ изслѣдованія и матеріалы. по моему, совершенно будутъ неумѣстны въ вашей газетѣ“, говорилъ авторъ, обращаясь къ редактору „Листка“. „И вотъ эта пчелка летаетъ и жужжитъ надъ Воронежскою жизнію, жужжитъ и собираетъ... но врядь-ли она много наберетъ пвѣточной пыли! Жужжитъ она и жалитъ и не даетъ покою всему, что есть дикаго, отсталаго и печальнаго въ нашей жизни, вездѣ и во всемъ—

Хотя при торгу—при базарѣ,
Хотя при пирѣ—при бесѣдѣ,
Хотя во чистомъ во погѣ,
Хотя во темномъ во гнѣсѣ“²⁴⁾.

„Листокъ“ и старался, претерпѣвая даже непріятности, „поддержать и закутить къ себѣ вниманіе обывателя сообщеніемъ ему свѣдѣній о житьѣ-бытьѣ отдѣльныхъ лицъ, съ исключительно *обличительнымъ* направленіемъ. Это была пора именно такой исключительной дѣятельности не только мѣстныхъ справочныхъ листковъ, но и изданій столичныхъ²⁵⁾.

„Но время шло; назрѣвали и болѣе серьезныя задачи литературныхъ органовъ: жизнь, затронутая реформами, выдвинула на сцену различные вопросы“.

²³⁾ См. газету „Донъ“ 1884 г., № 1.

²⁴⁾ См. „Воронеж. Листокъ“ 1862 г., № 2.

Редакція газеты „Донъ“, основанной въ 1868 г., т. е. чрезъ 6 лѣтъ послѣ возникновенія „Листка“, видѣла, что, кромѣ жужжанья пчелки и удовлетворенія обыкновенныхъ обывательскихъ потребностей, провинціальная газета должна, по возможности, слѣдить за всѣми явленіями и вопросами на почвѣ общей и преимущественно мѣстной, должна принимать серьезное участіе въ разрѣшеніи *общественныхъ* вопросовъ.

Преслѣдуя эту цѣль, редакція газеты „Донъ“, при обсужденіи тѣхъ или другихъ, заслуживавшихъ общаго вниманія, вопросовъ, старалась относиться къ нимъ съ самостоятельной точки зрѣнія и потому появлявшіяся на страницахъ газеты „Донъ“ статьи нерѣдко обращали на себя особое вниманіе и вызывали въ мѣстной публикѣ горячіе толки. Многія изъ статей, появившихся за время существованія газеты, по серьезности обсуждения предметовъ, будь эти статьи на страницахъ болѣе распространенныхъ изданій, могли-бы возбудить вниманіе и не въ одномъ только мѣстномъ кружкѣ.

Въ „Русской Лѣтописи“, за 1871 годъ, была сдѣлана такая характеристика нашихъ мѣстныхъ газетъ: „Телеграфъ“, (возникшій послѣ „Воронежскаго Листка“),—мѣстный вѣстникъ, въ которомъ перепечатаются важнѣйшія правительственныя распоряженія и помѣщаются туземные отчеты, а также и мѣстныя извѣстія, а за ними такъ-называемыя *внутреннія* извѣстія вообще и даже иностранная политика. Первые и вторыя, представляющія главный интересъ для мѣстной публики, до сихъ поръ составлялись обстоятельно, а въ первый годъ существованія газеты въ ней постоянно помѣщалось даже обзорніе внутренней жизни Россіи. За-то оказываются ни къ чему не пригодными политическія новости, заимствуемыя изъ столичныхъ изданій, которыя читаются раньше мѣстныхъ газетъ. Ко всему этому надо прибавить, что „Телеграфъ“ печатается опрятно и выходитъ исправно.

Что касается газеты „Донъ“, то она имѣетъ болѣе обширную задачу и носить болѣе опредѣленную и постоянную физиономію. Имѣя также политическій отдѣлъ, она ограничивается сообщеніемъ лишь крупныхъ или особо-интересныхъ фактовъ, дополняя ихъ передовыми статьями и политическимъ обзорѣемъ^{*)}). Достоинство ея состоитъ уже въ томъ, что она разсматриваетъ явленія всегда съ однажды установленной точки зрѣнія. Но, служа органомъ мѣстной общественной жизни, „Донъ“ задался еще и другой задачей—представить собою органъ общепроvincialный, какъ выразилась его редакція при самомъ началѣ изданія. Починъ въ этомъ дѣлѣ у насъ принадлежитъ именно газетѣ „Донъ“, которая, расширяя свою дѣятельность, старалась постоянно не только поддерживать интересомъ чисто-мѣстные, но и приводить въ связь съ общими задачами русской жизни и, такимъ образомъ, стать посредницей между провинціей и столицами. Нерѣдко также письма корреспондентовъ изъ губерніи даютъ совершенно превратное понятіе о такихъ предметахъ, о которыхъ вѣрнѣе всего можно было-бы судить по отзывамъ мѣстныхъ газетъ. Въ этомъ отношеніи „Донъ“ не разъ принималъ на себя обязанность обличать неправильныя, легкомысленныя или пристрастныя сужденія корреспондентовъ столичныхъ изданій, равно какъ недостойныя и несправедливыя глумленія ихъ надъ областною жизнью тамъ, гдѣ она наименѣе заслуживала этого“

Задача газеты „Донъ“—сдѣлаться органомъ общепроvincialнымъ, не получила должнаго развитія, но мы не будемъ говорить здѣсь о причинахъ, по которымъ эта газета вынуждена была съузить свои задачи...

Необходимѣе было-бы указать на статьи, принадлежащія перу М. М. Скиады, много трудившаго-

*) Статьи эти писались редакторомъ М. М. Скиадоу.

ея для своей газеты, но, къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности сдѣлать этого теперь, по недостатку времени для пересмотра газеты за нѣсколько лѣтъ. Ограничимся указаніемъ лишь на труды Михаила Михайловича, вышедшіе отдѣльными изданіями, какъ напр.: „Сословіе прикащиковъ, въ виду новаго городского Положенія“; „Невѣрность поневоль“. (Романъ XV столѣтія). Въ трехъ частяхъ. „О методѣ для правильного развитія разума и для изысканія истины въ наукахъ. Сочинен. Декарта съ статьею переводчика о Декартѣ и его сочиненіяхъ“. Перев. М. М. Скіады.

Въ заключеніе, позволимъ себѣ сказать, что при другой обстановкѣ, при другихъ условіяхъ жизни, Михаилъ Михайловичъ, какъ получившій весьма солидное образованіе и щедро надѣленный отъ природы, несомнѣнно развернулъ-бы шире свою ученую и литературную дѣятельность.

Намъ остается сообщить еще объ одномъ изъ со-трудниковъ „губ. вѣд.“ 1861 г., именно о *Петрѣ Даниловичѣ Шапошниковѣ*.

Принадлежа къ старинному купеческому роду, Петръ Даниловичъ родился въ г. Павловскѣ Воронежской губерніи 29 іюня 1820 г. Отецъ и дѣдъ его были одними изъ уважаемыхъ Павловскихъ гражданъ и избирались въ разныя общественныя должности, какъ и на должность городского головы. Въ семействѣ Шапошниковыхъ хранится аттестатъ, выданный купеческимъ и мѣщанскимъ обществомъ г. Павловска, 22-го декабря 1807 г., дѣду Петра Даниловича. Этимъ аттестатомъ признательное общество свидѣтельствовало, что служившій по выборамъ 1795 года Городовымъ Старостою, 1796—1798 г.г. Ратникомъ городского магистрата и, наконецъ, съ 1804 по 1807 годъ, Градокинъ Головою, Павловскій купецъ Иванъ

Алексѣевичъ Шапошниковъ достоинъ отличной похвалы „за то, что онъ во все время показаннаго служенія проходилъ должности свои съ примѣрнымъ усердіемъ и ревностію; былъ истинный послѣдователь закона, рачительный хранитель общественнаго порядка и блага; велъ себя въ точности такъ какъ долгъ званія его повелѣвалъ и какъ требуетъ обязанность вѣрно-подданнаго Императорскаго Величества и истиннаго сына Отечества; лихоимства, пристрастія и прочихъ пороковъ былъ совсѣмъ чуждъ и неучаственъ; въ штрафахъ и подозрѣніяхъ не только не замѣченъ, но и всегда показывалъ себя, какъ по дѣламъ возложенной должности на него, такъ и въ отношеніи къ частному съ людьми обращенію, заслуживающимъ особенное вниманіе и одобреніе; между-же тѣмъ, презрѣвъ собственныя выгоды, оказалъ еще всему обществу значительныя услуги, съ нарочитою пользою для онаго соединенныя, чѣмъ и приобрѣлъ право на совершенную признательность“.

Унаслѣдовавъ отъ предковъ добрыя, нравственныя качества, П. Д. Шапошниковъ никогда не измѣнялъ имъ, несмотря на всѣ неудачи въ жизни, и оставилъ память о себѣ, какъ о честномъ человѣкѣ, всю жизнь работавшемъ, не покладая рукъ, но не успѣвшемъ обезпечить свою семью.

„Еще въ молодыхъ лѣтахъ, очень и очень рано, разбилось его счастье при сплавѣ баровъ по Дону, — и съ этихъ поръ уже на всѣхъ его предпріятіяхъ лежала какая-то странная печать неудачъ. Все, за что ни принимался покойный Петръ Даниловичъ“, говоритъ авторъ некролога, помѣщеннаго въ газетѣ „Донъ“ (1871 г. № 61), „казалось разумнымъ, строго обдуманнымъ, но какая-нибудь слѣпая случайность непремѣнно налетала на предпріятіе и разбивала его. Но эта длинная и сложная цѣпь неудачъ; какъ мы уже сказали, не сломила нравственной стороны П. Д., и не сломила она потому, что у него, кромѣ погони за матеріальны-

ми интересами, бывъ не менѣ развитая потребность — удовлетворять свою врожденную любознательность по разнымъ отраслямъ научныхъ знаній. Будучи съ элементарнымъ запасомъ грамотности, онъ уже съ юныхъ лѣтъ полюбилъ чтеніе и чтеніемъ этимъ подготовилъ себя къ пониманію многихъ чисто-научныхъ выводовъ. Оттого, между прочимъ, тѣ профессіи, на которыхъ онъ останавливался, изучались имъ не только путемъ практическаго съ ними знакомства, но и путемъ чисто-научнаго изслѣдованія. Результатомъ такого отношенія къ дѣлу, у Петра Даниловича были весьма почтенные труды, напечатанные въ мѣстныхъ изданіяхъ“, когда онъ уже переѣхалъ изъ Павловска въ Воронежъ.

Приглашенный 17-го августа 1865 года въ засѣданіе Воронежскаго губернскаго Статистическаго Комитета, П. Д. Шапошниковъ предложилъ въ даръ Комитету составленную имъ, во время плаванія по р. Воронежу, подробную карту теченія этой рѣки отъ г. Липецка до впаденія ея въ Донъ и рукописное сочиненіе свое: „Судоходство по р. Дону въ Воронежской губерніи“ (1859 г.), съ прибавленіемъ, заключающимъ въ себѣ „Описаніе побочныхъ рѣкъ, впадающихъ въ Донъ“ и съ 8 оригинальными рисунками въ текстѣ. (Сочиненіе это было напечатано, съ нѣкоторыми перемѣнами, въ „Воронежской Бесѣдѣ на 1861 г.“ и въ „Памятной книжкѣ Воронежской губерніи“ на тотъ-же годъ). Въ томъ-же засѣданіи Комитета, П. Д., по просьбѣ членовъ, высказалъ свое мнѣніе о важномъ значеніи р. Воронежа какъ въ Донскомъ бассейнѣ вообще, такъ и для г. Воронежа въ частности, а также и объ удобствѣ ея, начиная отъ г. Липецка, преимущественно предъ другими притоками Дона, для пароходства и вообще судоходства, несмотря на то, что не было сдѣлано ничего для улучшенія плаванія по ней. Соображенія и практическія замѣчанія г. Шапошникова возбудили, какъ сказано въ протоколѣ Ста-

тистическаго Комитета, общій живой интересъ, и разговоръ о судоходствѣ по р. р. Воронежу и Дону продолжался довольно долго. Въ томъ-же заведеніи П. Д. былъ избранъ въ дѣйствительные члены Комитета. Въ 1866 г. онъ доставилъ въ Комитетъ составленное имъ описаніе рѣки Воронежа и судоходства по ней въ то время; описаніе это помѣщено въ „Памятной книжкѣ Воронежской губерніи“ на 1865—1866 г. Послѣдній его трудъ — „Старые и новые торговые пути сообщенія въ Воронежскомъ краѣ“, напечатанъ въ „Памятной книжкѣ“ на 1870—1871 г.

Петръ Даниловичъ скончался, отъ холеры, 10-го августа 1871 года.

1862—1863 г.г.

(Редакторъ М. Ф. Де-Пуле *).

Происходя изъ дворянъ Тамбовской губерніи. Михаилъ Федоровичъ Де-Пуле родился, 12 октября 1822 г., въ селѣ Хрѣнномъ, Липецкаго уѣзда; начавъ первоначальное образованіе въ Козловскомъ уѣздномъ училищѣ, М. Ф., по окончаніи курса, перешелъ въ Воронежскую губернскую гимназію, а затѣмъ поступилъ въ Харьковскій университетъ. При окончаніи гимназическаго курса, онъ получалъ золотую медаль и затѣмъ былъ выдающимся студентомъ въ университетѣ. Еще на первомъ курсѣ на него обратили особенное вниманіе профессора: Якимовъ, Срезневскій, Ваницкій и другіе, такъ какъ М. Ф. подавалъ такого рода сочиненія, которыя отличали въ немъ не только весьма серьезнаго мыслителя, но и преданнаго научнымъ изслѣдованіямъ чело-вѣка.

* Данными, для составленія этого очерка, служили, между прочимъ: статья С—а, помѣщенная въ „Тамб. Губ. Вѣд.“ 1886 г. №№ 88 и 89; статья Г. М. Веселовскаго въ газ. „Донъ“ 1886 г. №№ 102, 104, 107, и 109 форм. списокъ о службѣ М. Ф. Де-Пуле; протоколъ Вор. Губ. Стат. Комитета и биографія И. С. Никитина.

По окончаніи курса въ университетѣ, М. Ѳ. Де-Пуле поступилъ, 2-го августа 1848 года, учителемъ въ Михайловскій Воронежскій Кадетскій Корпусъ, по предметамъ исторіи и русскаго языка.

До 1845 г. Воронежъ имѣлъ только одно среднее учебное заведеніе, которое, начавшись еще при Екатеринѣ Великой (1785 г.), подъ названіемъ „Народнаго училища“, потомъ, при ней-же, реформировавшись и переименовавшись въ „Главное народное училище“ (1786 г.), оно, наконецъ, въ царствованіе Императора Александра I (1809 г.) было преобразовано въ „Воронежскую губернскую гимназію“. Такимъ образомъ, со дня возникновенія (1785 г.) и до 1845 г., т. е. въ періодъ шестидесятилѣтняго существованія, губернская гимназія безраздѣльно держала въ своихъ стѣнахъ“, какъ говоритъ Г. М. Веселовскій, (изъ воспоминаній о М. Ѳ. Де-Пуле, газ. „Донъ“, 1885 г., № 102) „факель средне-учебнаго образованія не только для Воронежской, но и для сосѣднихъ губерній. Этотъ періодъ гимназіи—есть лучшій въ ея исторіи. Все, что попадало лучшаго въ ея учительскій персоналъ, крѣпко держалось за гимназію и служило ей, „вѣрой и правдою“. Правда, вознагражденіе учительскаго труда было скудное, но, во всякомъ случаѣ, педагоги гимназіи могли считать себя удовлетворенными, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Кроме своей службы въ гимназіи, они на расхватъ разбирались по разнаго рода частнымъ пансіонамъ и другимъ приватнымъ урокамъ. Словомъ—конкуренціи имъ совсѣмъ не было, и они жили, какъ говорится, приѣвваючи.

Но, вотъ, разражается неожиданная вѣсть (1836 г.), что одинъ изъ дворянъ Воронежской губерніи, Генераль-Маіоръ Н. Д. Чертковъ, жертвуетъ милліонъ пятьсотъ тысячъ руб. асс. и тысячу душъ крестьянъ на основаніе въ г. Воронежѣ Кадетскаго Корпуса. Къ жертвѣ Черткова присоединились жертвы Воронеж-

скихъ дворянъ, и скоро послѣдовало Высочайшее соизволеніе на основаніе и открытіе въ г. Воронежѣ Кадетскаго Корпуса, наименованнаго „Михайловскимъ“ въ честь Великаго Князя Михаила Павловича.

Уже въ 1837 году началась усиленная работа по заготовкѣ строительныхъ матеріаловъ, и, по прибытіи въ Воронежъ Великаго Князя Михаила Павловича, совершена была торжественная закладка зданія корпуса, а къ концу 1845 г. — глухая до того, безлюдная окраина Воронежа, уступленная городомъ подъ Михайловскій Кадетскій Корпусъ, обстроилась такъ грандіозно и обширно, что составила собою, въ нѣкоторомъ родѣ, *особый городокъ*, опередившій капитальностію своихъ построекъ даже самыя лучшія и центральныя Воронежскія мѣстности. 8-го ноября 1845 г. Корпусъ былъ торжественно открытъ. (Описаніе этого событія помѣщено въ „Воронеж. Губ. Вѣд.“ 1845 г. № 46).

Кадетская администрація прискивала тогда людей, которые могли-бы отвѣчать наилучшей постановкѣ педагогическаго дѣла въ новомъ учебномъ заведеніи. Для послѣдней цѣли, разумѣется, прежде и ближе всего, пришлось вербовать лучшія педагогическія силы изъ Воронежской губернской гимназіи, предложивъ имъ и болѣе выгодныя условія службы.

Вотъ это и былъ критическій моментъ для гимназіи, когда оторвана была отъ нея лучшая часть ея педагогическаго персонала. Къ этому оторванному, такъ сказать, лучшему ломтю, вслѣдъ затѣмъ, стали присоединяться и новыя лица, которые, при несуществованіи Корпуса, могли-бы вполне отдаться педагогической дѣятельности Воронежской губернской гимназіи. Въ числѣ этихъ лицъ былъ и М. Ѳ. Де-Пуле.

При такомъ положеніи дѣла невольно возникло, между названными учебными заведеніями, соперничество, настолько напряженное, что учащіе персоналы Кадетскаго Корпуса и Гимназіи держали себя далеко

другъ отъ друга, и даже не вели почти никакого знакомства и общенія другъ съ другомъ.

Въ то время, когда преподаватели Кадетскаго Корпуса, всецѣло отдавшись педагогической дѣятельности, одинъ передъ другимъ работали надъ составленіемъ записокъ, по учебнымъ предметамъ, учительскій персоналъ Губернской Гимназіи, потерявшій лучшую часть своего состава, вмѣсто того, чтобы всѣми силами напрячь себя для поддержанія прежняго престижа Гимназіи, рѣшился махнуть на все рукой и отдался самому шаблонному обывательскому служебному существованію.

Между тѣмъ въ кружкѣ педагоговъ Кадетскаго Корпуса занималъ видную роль М. Ѳ. Де-Пуле, постоянно стремившійся къ тому, чтобы учебный и воспитательный персоналъ Корпуса стоялъ на подобающей ему высотѣ“.

Въ 1850 году, 6 ноября, Корпусъ былъ осчастливленъ посѣщеніемъ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича (покойнаго Государя), и это посѣщеніе, между прочимъ, было ознаменовано особымъ вниманіемъ Царственнаго Гостя къ М. Ѳ. Де-Пуле, преподнесшему Ему свой трудъ: „Записки по теоретической и исторической грамматикѣ“. Оба эти учебника, какъ и составленныя впоследствии записки по географіи, обращались въ свое время въ литографированныхъ изданіяхъ. За составленіе записокъ по грамматикѣ, М. Ѳ. — чу объявлена благодарность Наслѣдника Цесаревича, соизволившаго при томъ пожаловать ему (1853 г.) въ подарокъ золотыя часы; такимъ образомъ, М. Ѳ. еще болѣе выдвинулся не только въ глазахъ корпусныхъ дѣятелей, но и во всемъ интеллигентномъ Воронежскомъ обществѣ.

Значеніе М. Ѳ. Де-Пуле въ обществѣ со временемъ возвысилось и укрѣпилось потому, что оно увидѣло въ немъ не только образцоваго педагога, но и горячо

преданнаго литературному дѣлу человѣка, всячески старавшагося, чтобы и этимъ дѣломъ приносить пользу обществу.

„М. Ѡ. близко сошелся съ Н. И. Второвымъ, И. А. Придорогинымъ^{*)}, И. С. Никитинымъ и другими лицами, которыя хотя и не видны были по вѣншему своему положенію, зато къ этимъ лицамъ уже льнули симпатіи, какъ къ лучшимъ людямъ своего времени. Всѣ они сплотились въ одинъ Воронежскій интеллигентный кружокъ, имѣя въ своемъ девизѣ: „работать на пользу поднятія уровня мѣстнаго общественнаго самосознанія тамъ, гдѣ это было и возможно, и по-сильно“. Душою этого кружка былъ Н. И. Второвъ, жизнь и труды котораго извѣстны. Въ 1857 г. Второвъ выбылъ изъ Воронежа; все, что прежде группи-

---

^{*)} Иванъ Алексѣевичъ Придорогинъ принадлежалъ къ старинной купеческой фамилиі города Воронежа, ведущей свое начало отъ временъ Петра I-го.

Исторія Воронежскихъ купеческихъ фамилій очень интересна, и для насъ живутъ любопытные матеріалы въ архивѣ Воронежскаго Статистическаго Комитета; но въ нихъ, между прочимъ, видно, что древность происхожденія въ при-донскомъ край, или въ теневершней Воронежской губерніи, принадлежитъ преимущественно купечеству, съ которымъ въ этомъ отношеніи далеко не всѣ дворянскіе роды, происшедшіе отъ разнаго наименованія служивыхъ людей, могутъ сравниться.

По этой, между прочимъ, причинѣ Воронежское купечество, по крайней мѣрѣ аристократическая его часть, т. е. древнѣе, богатѣе роды, всегда рѣзко отличалось отъ типа русскаго купца, выработаннаго еще допетровской исторіей и все-дѣло сохранившагося въ ближайшихъ къ Воронежу торговыхъ городахъ Елецѣ и Комловѣ; оно приняло доскѣ европейскаго образованія, подобно дворянству, и чуть-ли не богѣе, чѣмъ гдѣ-либо, съ нимъ сближалось и родилось. Фамилія Придорогиныхъ, вѣкогда очень богатая, принадлежала именно къ этой категоріи Воронежскихъ купцовъ.

Иванъ Алексѣевичъ Придорогинъ получалъ образованіе въ Московскомъ университетѣ по словесному факультету, въ которомъ, впрочемъ, онъ не окончилъ курса по причинѣ болячки глотки, поразившей его впоследствии почти слѣпотою. Онъ былъ великій мечтатель (и, кажется, слушатель) Грановскаго и вообще той блестящей плеяды профессоровъ, которою Московскій университетъ имѣлъ право гордиться въ эпоху новаго 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ.

Натура поэтическая, душа теплая и любящая, отчасти лиричній человекъ, какимъ представляеть его Тургеневъ, не сумѣвшій повести и устроить своихъ торговыхъ дѣлъ, Придорогинъ являлся только глубоко реальнымъ въ своемъ протестѣ противъ всего дивнаго и произвольнаго. (Изъ біографіи Никитина).

ровалось около него, съ отъѣдомъ его въ Петербургъ, приключило къ М. Ѳ. Де-Пуле. Такимъ образомъ, онъ сталъ такъ сказать, душеприкащикомъ по проложенію дороги, намѣченной Второвымъ. Въ качествѣ этого душеприкащика, онъ взялъ на себя заданіе „Орловскихъ актовъ“; сталъ собирать матеріалы для біографіи поэта Кольцова; намѣтилъ планъ собранія историческихъ матеріаловъ по Воронежскому краю и вербовалъ въ свой кружокъ новыхъ лицъ, которыя могли быть полезными для этого дѣла.

Н. И. Второвъ избралъ органомъ для распространенія историко-статистическихъ и другихъ трудовъ мѣстный „губ. вѣд.“, такъ какъ въ то время и негдѣ было искать въ провинці иного органа распространенія. М. Ѳ. Де-Пуле, сдѣлавшись руководителемъ кружка, старался шире раздвинуть рамки дѣйствій кружка: кромѣ „губ. вѣд.“ и частныхъ собраній въ его квартирѣ, онъ остановился на мысли будировать общественное мнѣніе путемъ публичныхъ чтеній въ залахъ Кадетскаго Корпуса и Дворянскаго Собранія. Независимо отъ этого, онъ мечталъ о созданіи мѣстныхъ частныхъ литературныхъ органовъ и о солидной постановкѣ корреспондентнаго дѣла въ столичныя изданія, чтобы и этимъ путемъ двинуть то, что не могло быть подвинуто мѣстнымъ печатнымъ словомъ. Въ столичныхъ газетахъ и журналахъ въ то время стали особенно часто появляться корреспонденціи и статьи изъ Воронежа, захватывавшія существенные интересы провинціи, и эти статьи, кромѣ пера М. Ѳ. Де-Пуле, принадлежали почти исключительно перу лицъ его кружка. Здѣсь хотати замѣтить, что М. Ѳ. былъ настолько не ревнивъ въ перу лицъ своего кружка, что самъ рекомендовалъ лицамъ, желавшимъ писать, гдѣ или другія періодическія изданія, и даже оказывалъ свое содѣйствіе, рекомендуя письменно той или другой столичной редакціи того или другаго Воронежскаго корреспондента или писателя.

М. Ө. былъ по призванію писатель, онъ сердечно вѣрилъ и не менѣе сердечно надѣялся, что горячее и искренно-прочувствованное печатное слово найдетъ овой откликъ въ читателяхъ, и потому всегда отдавалъ честному и правдивому литературному слову преимущественное значеніе. „Если это слово“, часто говаривалъ онъ, какъ передаетъ Г. М. Веселовскій, „улавливаетъ и покоряетъ одного изъ ста читателей, то и это уже весьма много значить, ибо одинъ уловленный и покоренный, путемъ продуманности и прожонности сердца, гораздо больше значить, чѣмъ десятки уловленныхъ иными путями“.

Но, всетаки, М. Ө. Де-Пуле строилъ свои планы на поднятіе уровня мѣстнаго общественнаго самосознанія не столько на столбцахъ столичныхъ періодическихъ литературныхъ органовъ, сколько на будированіи общества мѣстными публичными чтеніями и созданиемъ своихъ провинціальныхъ частныхъ періодическихъ или единовременныхъ изданій, въ которыхъ раскрывалось бы наше укромное обывательское гнѣздо во всей его наготѣ...

Г. М. Веселовскій, въ своихъ воспоминаніяхъ, рассказываетъ о первомъ литературномъ чтеніи, когда М. Ө. Де-Пуле выступилъ съ своимъ словомъ передъ Воронежскою публикою, въ качествѣ общественнаго лектора, рассказываетъ еще о первомъ своемъ знакомствѣ съ М. Ө., но затѣмъ, къ сожалѣнію, эти воспоминанія, извлеченія изъ которыхъ приведены выше, прерваны, хотя Г. М. Веселовскій, какъ ближайшій свидѣтель трудовъ М. Ө. Де-Пуле, какъ литературный дѣятель, прожившій въ Воронежѣ болѣе 25 лѣтъ и все это время не оставлявшій горячо любимаго имъ литературнаго дѣла, могъ бы сообщить много интересныхъ свѣдѣній не только о дѣятельности того или другаго лица, но и вообще о развитіи литературнаго дѣла въ Воронежѣ.

Въ 1860 году М. Ѳ. Де-Пуле и И. С. Никитинъ задумали изданіе періодическаго сборника, о чемъ говорилось уже въ биографическомъ очеркѣ Никитина.

Этотъ сборникъ, изданный подъ редакцію М. Ѳ., подъ названіемъ „Воронежская Вѣзда“, вышелъ въ свѣтъ въ концѣ 1861 г.; въ немъ, кромѣ историческихъ матеріаловъ, собранныхъ М. Ѳ., помѣщены статьи его: „Михаилъ Матвѣевичъ Петровъ, ветеранъ 1812 года“ и „Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ“.

Послѣ смерти Никитина, на долю М. Ѳ., какъ душеприкащика, выпало много хлопотъ: онъ долженъ былъ продать книжный магазинъ Никитина, собрать и уплатить долги, удовлетворить наслѣдниковъ по завѣщанію Никитина, и т. п.

Первое изданіе сочиненій Никитина, сдѣланное А. Р. Михайловымъ, предоставлено Михаиломъ Ѳедоровичемъ въ пользу Воронежской Маріинской женской гимназіи, которой, по распродажѣ этого изданія, досталось чистой прибыли 2599 р. 45 к. сер.

Въ 1861 г. М. Ѳ. Де-Пуле изданы „Орловскіе акты“, которые, до того времени, печатались въ „губ. вѣд.“ Въ предисловіи къ этому изданію М. Ѳ. говорить между прочимъ: „главнѣйшимъ и, можно сказать, единственнымъ источникомъ для исторіи Воронежской губерніи служить древній архивъ, находящійся при Воронежскомъ Губ. Статистическомъ Комитетѣ. Архивъ этотъ обязанъ своимъ существованіемъ г.г. Второву и Александрову Дольнику. Работа по архиву, доставшаяся, послѣ переѣзда г. Александрова-Дольника изъ Воронежа въ Москву, на долю одного г. Второва, не прекращалась: Н. И. Второвъ, который такъ много сдѣлалъ для исторіи и этнографіи Воронежской губерніи, продолжалъ собирать, гдѣ можно, древніе акты и приводить ихъ въ хронологическій порядокъ, безъ чего была бы невозможна не только ученая ихъ обработка, но даже и самое изданіе.“

Познакомившись наглядно съ содержаніемъ Воронежскаго архива, мы увидѣли, что одни изъ древнихъ актовъ (большая часть) приведены въ хронологическій порядокъ и хранятся въ картонныхъ коробкахъ (числомъ болѣе 30 ти), другіе еще не разобраны вовсе; послѣдніе были присланы изъ уѣздныхъ городовъ Воронежской губерніи. Мы прежде всего обратили вниманіе на послѣдніе, надѣясь найти между ними хоть нѣсколько бумагъ временъ Царя Михаила Феодоровича, которыми нашъ архивъ очень бѣденъ. Предположеніе наше не осуществилось, но за то мы были вознаграждены неожиданнымъ открытіемъ. Въ двухъ тюкахъ, зашитыхъ въ холстѣ, присланныхъ изъ Задонскаго уѣзднаго суда, мы нашли воеводскія дѣла бывшаго города Орлова *). Обрадованные этой находкой, мы принялись за разборъ орловскихъ актовъ, которые, по приведенію въ хронологическій порядокъ, рѣшили издать прежде, чѣмъ начать продолженіе труда г.г. Второва и Александрова-Дольника. Къ этому насъ побудило не столько желаніе подѣлиться съ читателями собственнымъ нашимъ открытіемъ, сколько надежда возбудить особенный интересъ къ жизни небольшого украиннаго городка почти въ сорокалѣтній періодъ его существованія (1663—1702) Едва-ли время такъ пощадило старинные акты другихъ, болѣе важныхъ городовъ, какъ оно было благосклонно для актовъ орловскихъ: однѣхъ царскихъ грамотъ на имя воеводъ этого городка сохранилось до трехъ-сотъ, не говоря о сорока свиткахъ, заключающихъ въ себѣ памяти изъ приказовъ, переписку орловскихъ воеводъ, дѣла губныя и т. п. По крайней мѣрѣ, изъ неразобранныхъ еще г. Второвымъ актовъ орловскіе во всѣхъ отношеніяхъ

*) Орловъ, или какъ называютъ его иначе *Орлово, Орликъ, село* Воронежскаго уѣзда, въ 33 верстахъ отъ губернскаго города. Въ до-петровское время и отчасти при Петрѣ онъ былъ однимъ изъ украинскихъ или польскихъ городковъ; теперь село это имѣетъ 2490 человекъ жителей обоаго пола и одну ярмарку (Ворон. Памят. Книжка на 1856 г. Отд. IV. стр. 41). *Прим. Др-Игуль.*

занимают первое мѣсто. Акты другихъ городовъ Воронежской губернии, сколько можно судить по числу ихъ, находящемуся при Статистическомъ Комитетѣ, плохо сохранились, весьма разрознены и очень бѣдны числомъ царскихъ грамотъ, между тѣмъ какъ самые города (каковы, напримѣръ, Валуйки, Коротоякъ и Острогожскъ) были несравненно значительнѣе Орлова“²³⁾.

²³⁾ Капитанъ-Лейтенантъ *Владимъ*, въ отчетѣ своемъ о побѣдѣ 1-го томъ 1860 г., для осмотра архивовъ, и вообще о занятіяхъ по исторіи флота, говорить слѣдующее:

„Отправившись изъ С.-Петербурга 18-го іюня для осмотра архивовъ, я, не останавливаясь въ Москвѣ, проѣхалъ прямо въ Воронежъ, куда прибылъ 22-го, и приступилъ къ осмотру архива старыхъ дѣлъ, хранящагося въ губернскомъ статистическомъ комитетѣ.

Шестнадцать дней, проведенныхъ въ этихъ занятіяхъ, показали мнѣ, что ожиданія мои на счетъ свѣдѣній въ этомъ архивѣ далеко не оправдываются.

Сколько мнѣ удавалось слышать и видѣть самому, въ не первоклассныхъ архивахъ дѣла въ порядкѣ и съ описями только со времени административныхъ преобразованій, послѣдовавшихъ во второй половинѣ XVIII столѣтія.

Подверженный одинаковой съ другими участи въ этомъ отношеніи, воронежскій архивъ старыхъ дѣлъ, неподлежащихъ ни одной изъ современныхъ отраслей государственной администраціи, долженъ былъ находиться въ совершенномъ небреженіи, что видно изъ остатка бумагъ весьма скуднаго, сравнительно съ тѣмъ, что бы должно ожидать отъ края, кнѣжескаго усилевою дѣятельностію въ продолженіи почти 16 лѣтъ. Это доказывается еще тѣмъ, что въ воронежскомъ архивѣ найдены свѣтки, заключающіе въ себѣ оглавленія или описи дѣлъ, весьма интересныхъ, но самыхъ дѣлъ не оказалось.

Только съ 1849 г. любознательность служившихъ тамъ лицъ (Графъ Толстой, г.г. Второвъ, Александровъ-Дольникъ и Де-Пуле), посвящавшихъ свой досугъ знакомству съ исторіей края, открыла существованіе этихъ дѣлъ и начала приводить въ порядокъ остатки, случайно сохранившіеся отъ невѣжественныхъ рукъ и частныхъ пожаровъ.

Такимъ образомъ я нашелъ въ архивѣ Статистическаго комитета шкапъ, наполненный коробками, заключающими въ себѣ въ некоторое собраніе грамотъ и актовъ царствованія Михаила Феодоровича до Петра Великаго включительно. Просмотрѣвъ нѣсколько коробокъ изъ послѣдняго царствованія съ актами воронежскими и азовскими и отобравъ изъ нихъ нѣсколько отдѣльныхъ документовъ, я, во избѣжаніе значительной потери времени, ограничился отсылкою въ Петербургъ всѣхъ актовъ изъ остальныхъ 13 коробокъ, для разработкы на мѣстѣ, и за тѣмъ перешелъ къ другому шкапу, въ которомъ хранились сложенные въ нѣсколькихъ куляхъ и кучахъ разные документы (съ начала XVII по первую четверть XVIII столѣтія), въ книгахъ, тетрадахъ, свѣткахъ разныхъ величинъ и отдѣльныхъ лоскуткахъ. Всѣ эти документы значительно попорчены временемъ и при прикосновеніи къ нимъ отдѣляютъ бѣдную пыль. Начавъ первоначально отбирать ихъ по содержанію, я увидѣлъ, что на подобный обзоръ потребуется слишкомъ много времени, и потому ограничился только отборомъ документовъ нужной мнѣ эпохи — 1696—1711 г. Я старался оста-

Съ 1 января 1862 г., М. Θ. Де-Пуле принялъ въ свое завѣдываніе неофициальный отдѣлъ „Воронеж. Губ. Вѣд.“. Обращаясь по этому поводу къ читателямъ, онъ высказалъ, между прочимъ: „мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы обѣщать читателямъ небывалый интересъ, чтобы увѣрять ихъ, что мѣстная губернская газета подѣ нашей редакціей получить вполне современное значеніе, какое требуется отъ періодическихъ изданій подобнаго рода; совершенно напротивъ: мы откровенно сознаемся въ нашемъ безсиліи поставить завѣдываемый нами отдѣлъ, собственными, *личными* нашими средствами, въ уровень съ современными требованіями. Программа „губ. вѣд.“ довольно широка: въ рамки ихъ свободно уляжется прошлая и современная жизнь нашего края во всѣхъ своихъ отправленіяхъ. За прошлую жизнь, за разработку и подготовку матеріаловъ для ея изученія, беремся мы и въ этомъ *только* одномъ случаѣ подвергаемъ себя отвѣтственности передъ публикой; за современную жизнь — можетъ, если захочетъ, вѣзаться каждый; здѣсь наше дѣло будетъ ограничиваться постановкою тѣхъ или другихъ вопросовъ и самымъ радушнымъ литературнымъ гостепріимствомъ при ихъ рѣшеніи. Изученіе современности и отраженіе ея въ литературномъ органѣ, безъ сомнѣнія, требуетъ не только гласнаго, но иногда и полемическаго отношенія къ дѣлу; мы допускаемъ умѣренную *отъ лозую* гласность, *безъ оскорбленія и задѣванія личности*; тѣмъ болѣе, слѣдовательно, необходимо допустить и полемику въ вопросахъ, касающихся нашей провинціальной жизни“. („Губ. вѣд.“, 1862 г. № 1).

Завѣдуя неофициальнымъ отдѣломъ по 11 декабря 1863 г., т. е. почти 2 года, М. Θ. не пропускалъ

влять документы, не относящіеся до морскаго дѣла, но, при единственно возможномъ мнѣ способѣ быстрой наглядности, въ отправленныхъ въ Петербургъ 13 томахъ оказались свѣдѣнія, не идущія къ дѣлу.

Кромѣ того, я отобралъ въ воронежской казенной палатѣ 90 дѣлъ 1896—670 г.“

ни одного сколько-нибудь выдающагося факта изъ мѣстной жизни, чтобы не сказать о немъ свое слово. Не смотря на строго-ограниченную программу „губ. вѣд.“, онъ далъ толчекъ къ пробужденію нашей мѣстной гласности. На страницахъ „губ. вѣдомостей“ возбуждались и обсуждались многіе общественные вопросы, какъ наприм.: объ учрежденіи въ г. Воронежѣ общества взаимнаго отъ огня страхованія, объ устройствѣ мужской реальной гимназіи, объ улучшеніи городскаго управленія, объ учрежденіи общественнаго банка, объ открытіи общественной бібліотеки въ г. Воронежѣ, о постановкѣ памятниковъ поэтамъ Кольцову и Никитину, о воскресныхъ школахъ, и т. п. Нѣкоторыми изъ этихъ вопросовъ М. Ѳ. особенно интересовался, какъ принимавшій лично участіе въ учрежденіи одной изъ воскресныхъ школъ, въ постановкѣ памятника Никитину, въ открытіи общественной бібліотеки, существованіе которой неразрывно связано съ именемъ Михаила Ѳеодоровича, какъ одного изъ первыхъ дѣятелей, положившихъ прочное основаніе нашей бібліотекѣ.

Кромѣ мѣстной хроники и статей по поводу различныхъ общественныхъ вопросовъ, въ „губ. вѣд.“ 1862 и 1863 г.г. помѣщались весьма интересные историческіе матеріалы, корреспонденціи изъ уѣздовъ, описанія разныхъ мѣстностей губерніи, и т. п. Въ числѣ сотрудниковъ „губ. вѣд.“ того времени были: Н. С. Тарачковъ, Г. М. Веселовскій, А. Р. Михайловъ, А. И. Селивановъ, А. Ф. Сцепура, бывший тогда директоромъ Воронежской губернской гимназіи, помѣщавшій въ „губ. вѣдомостяхъ“ статьи по учебному дѣлу, (онъ умеръ въ Воронежѣ 12 апрѣля 1882 г.), А. А. Шкляревскій, бывший учитель Павловскаго приходскаго училища, начавшій свою литературную дѣятельность въ Воронежѣ и потомъ перенесшій ее въ Петербургъ, гдѣ былъ извѣстенъ, какъ авторъ многихъ повѣстей и рассказовъ. Умеръ въ Петербургѣ 24 октября 1883 г.)

Благодаря трудамъ М. Ѳ. Де-Пуле и его сотрудниковъ, „Воронежскія Губернскія Вѣдомости“ были поставлены настолько хорошо, что газета „День“ (1863 г. № 14) отнесла ихъ къ *наилучшимъ* въ Россіи. По поводу такого отзыва М. Ѳ., въ статьѣ своей, помѣщенной въ № 21 „губ. вѣд.“ 1863 г., высказалъ: „Если „Воронеж. Губ. Вѣд.“ лучше другихъ, то это никакъ не дѣло одного редактора, а и его сотрудниковъ и его читателей; да, и читателей: чѣмъ больше ихъ, тѣмъ больше корреспондентовъ, тѣмъ, слѣд., спорѣе наше дѣло. Если „Воронеж. Губ. Вѣд.“ лучше другихъ, то этимъ онѣ обязаны столько-же сотрудникамъ нашимъ и читателямъ, сколько и М. И. Чертвову: при другомъ взглядѣ губернатора на газету, не мыслимъ никакой успѣхъ. Взявшись за редакцію „Губ. Вѣд.“, мы поставили первымъ своимъ долгомъ возвысить униженное достоинство газеты и придать ей возможную независимость. На первыхъ порахъ мы встрѣтили со стороны людей, на помощь которыхъ рассчитывали, такой отзывъ: „Для васъ, пожалуй, и написалъ бы что; но ваша газета... эти сѣрые листы... эти... ну, да вообще одно слово губернскія вѣдомости!“ Теперь, слава Богу, дѣло пошло нѣсколько лучше, т. е. мы встрѣчаемъ больше довѣрія и меньше опаски скомпрометировать свое имя печатаніемъ статьи въ „губ. вѣд.“.

Останавливаясь затѣмъ на фактѣ, что „Воронеж. Губ. Вѣд.“ читаются грамотными крестьянами, что Воронежъ и все Воронежское очень интересуется не только уѣздный служащій и торговый людъ, но и вообще крестьянскій, — М. Ѳ. признавалъ необходимымъ, чтобы въ „губ. вѣд.“ появлялись статьи не только съ общимъ, но и съ руководящимъ характеромъ. „Конечно, редакторъ, или тотъ, кто пишетъ эти статьи“, говорилъ онъ, „не долженъ забывать, что на немъ лежитъ великая ответственность предъ Богомъ и совѣстію, чтобы умышленно или неумышленно не соблазнить ни *единого* отъ *малыя* *сиахъ*. Пока нѣтъ народ-

ныхъ газетъ, „губ вѣдомости“ состоятъ, выражаясь служебно, въ должности народныхъ. Онѣ идутъ по приходамъ, слѣдов., каждый грамотный въ приходѣ прежде всего берется за нихъ и очень часто, кромѣ ихъ, ничего не читаетъ. Изданіе въ столицахъ вполнѣ народной, т. е. престонародной газеты, читаемой, поддерживаемой и наполняемой статьями людей, принадлежащихъ къ народу, вещь не мыслимая. „Губернскія вѣдомости“, если въ настоящее время и не такая народная газета, по крайней мѣрѣ, онѣ могутъ возбудить потребность въ ней. Даже теперешняя задача „губернскихъ вѣдомостей“, при всѣхъ трудностяхъ ея выполнения, дѣло очень и очень не маловажное. Изученіе прошлой и выраженіе современной жизни данной мѣстности (конечно, на сколько она дается), а также проведеніе газеты въ народъ, въ благодатную глушь сель и деревень, — это такая задача, отъ которой никогда не откажутся наши будущіе литературные преемники, издатели и редакторы будущихъ провинціально-народныхъ газетъ. Они въ правѣ будутъ бранить насъ, говорилъ въ заключеніе М. Ө, за ничтожность добытыхъ нами результатовъ; но... утѣшительно думать, если они не откажутъ намъ, по крайней мѣрѣ, въ искренности желанія подготовить для нихъ все, что нужно для болѣе успѣшной работы“.

М. Ө. Де-Пуле, посвятивъ нѣсколько статей вопросу о значеніи „губ. вѣд.“, говорилъ и о положеніи корреспондента среди уѣднаго, боящагося огласки общества. Любопытно указаніе, сдѣланное имъ своимъ корреспондентамъ. Вотъ оно: „нужно подписываться псевдонимомъ, адресъ на письмѣ въ редакцію писать чужою рукою, не носить самому писемъ на почту и посылать ихъ (во избѣжаніе соблазна) страховыми“.

(„Губ. вѣд.“ 1863 г., № 2).

Стремленіе М. Ө. поднять значеніе „губ. вѣд.“ и сдѣлать ихъ органомъ, въ которомъ, выветѣ съ изученіемъ прошлой жизни, выражалось-бы и современное

состояніе края, могло бы вполне осуществиться, при болѣе продолжительной дѣятельности М. Ѳ., какъ редактора „губ. вѣд.“, но онъ, къ сожалѣнію, вынужденъ былъ оставить завѣдываніе редакціею къ концу 1863 года, хотя затѣмъ и не переставалъ изрѣдка помѣщать въ „губ. вѣд.“ свои статьи.

19-го мая 1864 г. М. Ѳ. былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ, а 26 февраля 1865 г. Помощникомъ Предсѣдателя Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета и оставался въ этомъ званіи до выбытія изъ Воронежской губерніи.

Съ должности Помощника Инспектора классовъ Воронежскаго Кадетскаго Корпуса, М. Ѳ. былъ вызванъ въ Вильну на педагогическое и литературное поприще. Предписаніемъ Попечителя Виленскаго учебнаго округа (23 декабря 1865 года) онъ опредѣленъ Инспекторомъ Виленской классической гимназіи, а съ 3-го августа 1866 г. назначенъ исправляющимъ должность Виленскаго директора училищъ. Желая дать русское направленіе „Виленскому Вѣстнику“, графъ Эдуардъ Трофимовичъ Барановъ (22 декабря 1866 г.) причислилъ Де-Пуле къ управленію Виленскаго, Ковенскаго, Гродненскаго и Минскаго генераль-губернатора и главнаго Начальника Витебской и Могилевской губерній, и поручилъ ему редактированіе официальной газеты „Виленскій Вѣстникъ“, редакторомъ которой онъ и состоялъ съ 1 ноября 1866 г. по 1 февраля 1868 г. Усиленная дѣятельность Де-Пуле въ эту пору сильно отразилась на его здоровьи: впоследствии М. Ѳ. и самъ признавался, что редакторскіе труды въ Вильнѣ подорвали его силы.

Какъ провинціальный редакторъ-издатель, онъ хорошо ознакомился съ положеніемъ представителя провинціального органа. „Нѣтъ“, — говаривалъ онъ, — „въ провинціи редактору мѣстной газеты не легко справиться съ своимъ дѣломъ и положеніемъ! Если у васъ одни только друзья, то, ставъ редакторомъ, скоро

потеряете ихъ всёхъ, или же ничего не сдѣлаете своей газетой. Вы скоро бросите этотъ трудъ, или, не находя поддержки, неизбежно придете къ тому, что бросите перо и будете дѣйствовать исключительно ножницами. Не разъ придется вамъ, накануне выхода текущаго нумера, ночь превратить въ день и въ лихорадкѣ пополнять разнообразныя рубрики газеты спѣшными произведеніями собственнаго пера".

Изъ Вильны, 30-го августа 1868 г., Де-Пуле переведенъ въ С.-Петербургъ, въ главное Управление военно-учебныхъ заведеній, для особыхъ порученій. Однако сѣверная Пальмира не приплась М. Ө. по душѣ, и онъ искалъ другого назначенія. 7-го іюня 1870 года Высочайшимъ приказомъ онъ былъ назначенъ Инспекторомъ классовъ Петровской Полтавской военной гимназій, гдѣ вскорѣ и закончилъ свое служебное поприще, 16-го апрѣля 1872 года—Де-Пуле произведенъ въ дѣйств. стат. сов., съ 1874 г., за выслугу 25 лѣтъ по учебной части, ему при томъ назначена пенсія по 1401 руб. въ годъ, и, наконецъ, Высочайшимъ приказомъ о гражданскихъ чинахъ военнаго вѣдомства, 22-го декабря 1875 года, былъ уволенъ отъ службы, по прошенію, съ мундиромъ. Оставивъ службу, Де-Пуле, кромѣ пенсіи, ежегодно получалъ 285 руб. изъ эмеритальной кассы военно-сухопутнаго вѣдомства, а всего—1686 р. въ годъ.

Покинувъ государственную службу, достаточно обезпеченный пенсіей, Де-Пуле искалъ, гдѣ бы устроиться ему въ любимой провинціи. Первоначально онъ думалъ избрать мѣстомъ своего жительства Воронежъ, гдѣ онъ провелъ и юношескіе учебные годы, и долгое время состоялъ на службѣ. Но Воронежъ почему-то ему не нравился болѣе, и онъ направился въ сосѣдній Тамбовъ, гдѣ скоро на свои сбереженія приобрѣлъ себѣ домикъ.

М. Ө. Де-Пуле былъ большой поклонникъ провинціальной литературы и посвятилъ много труда и вре-

мени на изслѣдованія о тѣхъ писателяхъ, которые жили и работали въ провинціи. Кромѣ обширныхъ біографій Второвыхъ (отца и сына), Никитина и Кольцова, М. Θ. съ увлеченіемъ работалъ надъ біографіей Харьковскаго профессора Д. П. Каченовскаго, рукопись которой, къ сожалѣнію, осталась неоконченной. На время М. Θ. оставилъ этотъ трудъ въ сторонѣ, собираясь при первой-же возможности снова приняться за него, чтобы закончить оставшееся.

Нельзя пройти молчаніемъ также его труда, подъ заглавіемъ: „Станиславъ—Августъ Понятовскій“, являющагося результатомъ его занятій въ Виленскихъ архивахъ.

До послѣднихъ дней М. Θ. трудился надъ новымъ, 4-мъ изданіемъ сочиненій своего друга Никитина. Одинъ изъ послѣднихъ листовъ изданія, просмотрѣнный покойнымъ, такъ и остался на письменномъ столѣ М. Θ—ча. (Это издан. уже вышло въ свѣтъ).

Въ началѣ существованія „Русскаго Слова“, Де-Пуле, нѣкоторое время, былъ критикомъ этого журнала и написалъ нѣсколько статей о новой русской литературѣ Въ „Атенеѣ“, кромѣ подписанныхъ его именемъ статей. М. Θ. помѣстилъ, еще при жизни Ив. Сав. Никитина, замѣтку, касающуюся послѣдняго, но подписалъ ее буквой Т. Изъ публицистическихъ статей Де-Пуле обратили на себя всеобщее вниманіе „Виленскія письма“, помѣщавшіяся въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, изд. въ 1867—68 г., подъ ред. Корша. Кромѣ перечисленнаго, имъ написано множество замѣтокъ, разбросанныхъ всюду въ повременныхъ изданіяхъ обѣихъ столицъ и любимой имъ провинціи. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ „Руси“ онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ до послѣдняго времени. Онъ помѣщалъ свои статьи въ „Вѣстн. Евр.“ и „Нов. Врем.“ Вообще же довольно затруднительно съ точностью указать гдѣ, и какія именно статьи и замѣтки помѣщалъ М. Θ. Де-Пуле.

Последніе годы своей жизни, онъ чувствовалъ довольно сильную одышку; все лѣто 1885 г. пользовался совѣтами врачей, но не чувствовалъ облегченія. Наконецъ, 27 августа 1885 г., Михаилъ Федоровичъ скончался въ г. Тамбовѣ.

Какъ человекъ, онъ былъ идеалистомъ въ лучшемъ смыслѣ слова,—какъ выразилось „Новое Время“, и, по этой самой причинѣ, въ жизни—человѣкомъ далеко *непрактичнымъ*. Онъ любилъ провинцію, тяготѣлъ къ ней, и даже при нормальномъ безлюдьѣ губернскаго города, искалъ въ немъ уединенія. Да иначе и не могло быть: „одиночество есть жребій всѣхъ выдающихся умовъ. Чѣмъ менѣе человекъ принужденъ, по внѣшнимъ или внутреннимъ условіямъ, приходиться въ соприкосновеніе съ людьми, тѣмъ онъ лучше“.

Неустанно работалъ М. Ф. самъ и къ тому-же поощрялъ всякаго, коль скоро замѣчалъ въ немъ искру таланта и любовь къ перу. Охотно поощрялъ онъ болѣе *серьезный литературный трудъ*, лучшимъ примѣромъ котораго могъ служить самъ для своихъ учениковъ. Не принадлежа ни къ какимъ партіямъ, М. Ф. преслѣдовалъ лишь чисто научныя и литературныя цѣли. Самовосхваленія онъ не терпѣлъ, какъ не терпѣлъ и разныхъ литературныхъ „прихлебателей“, всегда готовыхъ судить и раять о комъ и о чемъ угодно...

Вѣроятно *непрактичность*, о которой упоминается въ „Новомъ Времени“, была виною и тому, что нѣкоторыя изъ столичныхъ изданій, въ своихъ обзорѣніяхъ прошлаго 1885 г., говоря о писателяхъ, умершихъ въ томъ году, прошли молчаніемъ о смерти М. Ф. Де-Пуле, хотя утрата такого полезнаго литературнаго дѣятеля, какимъ былъ М. Ф., не могла быть не замѣчена...

Приступая къ перечисленію статей, помѣщенныхъ въ „губ. вѣд.“ 1862 и 1863 г.г., мы, на этотъ разъ, въ подробности, укажемъ статьи, относящіяся къ мѣстной хроникѣ, и статьи по поводу различныхъ современныхъ вопросовъ, такъ какъ большинство изъ этихъ статей принадлежитъ перу М. Ѳ. Де-Пуле. Замѣтимъ при этомъ, что большинство изъ статей, принадлежащихъ редакціи, помѣщались подъ рубрикою „Воронежъ“.

Въ 1862 г. въ „губ. вѣд.“ помѣщали слѣдующія статьи, относящіяся въ *мѣстной хроникѣ*:

Открытіе дворянскихъ выборовъ, Спектакль любителей 4-го января (№ 2), Хроника Воронежской жизни (№ 3, 6, 8, 9, 14, 29 и 32). *Ред.*—Некрологи: Эмерика Амвросіевича Завадскаго (№ 3) Z, Елизаветы Карловны фонъ-Тизенгаузель (№ 4), Романа Яковлевича Блументала (№ 8), Ивана Ивановича Зиновьева (№ 16) и Африкана Яковлевича Терентьева (№ 21), *Ред.*—Послѣдняя воля Ив. Сав. Никитина и ея исполненіе (№ 9), Подписка на сооруженіе надгробнаго памятника Никитину (№ 15, 16 и 20), О голичномъ поминовеніи Никитина (№ 42), Замѣтка для біографіи Никитина (№ 48). Общественная благотворительность (№ 16, 17 37 и 44), *Ред.* Временный комитетъ по устройству публичной бібліотеки (№ 46, 47, 48 и 49). Театральныя замѣтки (№ 3 и 18) *Ред.*, (29, 30, 32, 35 и 36)—*Л. Павленкова*, (38, 39, 41, 44 и 46) *Ред.*

Статьи по поводу различныхъ современныхъ вопросовъ и статьи полемическія: О значеніи губернскихъ вѣдомостей и объ уѣздныхъ корреспондентахъ (№ 1, 20, 45) *Ред.*; Отчетъ Попечительнаго Совѣта о состояніи Воронежскаго женскаго училища 1-го разряда и отъ редакціи по поводу этого отчета (№ 1), Отвѣтъ Попечительнаго Совѣта женскаго училища и возраженія редакціи (№ 5), Письмо Начальницы Воронежскаго женскаго училища Книрикѣ къ редактору „губ. вѣд.“ и отвѣтъ редактора (№ 10), Годичные экзамены въ женской гимназій (женскомъ училищѣ) (№ 30) *Де-Пуле*. Нѣчто объ отношеніи „Воронежскаго Листка“ къ „Воронежскимъ Губ. Вѣдомостямъ“ (№ 6) *Ред.*, Нѣчто о литературномъ тактѣ „Воронежскаго Листка“ (№ 15),

Нелюбителя музыки, Нѣсколько словъ редактору „Воронежскаго Листка“ (№ 18) *Нелюбителя Воронежскаго Листка*, По поводу статьи, напечатанной въ 31 № „Воронеж. Листка“: „наши врачи и публика“ (№ 22) *А. Шкляревскаго*, Отвѣтъ г. Малыхину (№ 31), По поводу статьи, напечат. въ „Воронеж. Лист.“: Слово и дѣло (№ 51) *Ред.*—По поводу семинарской ученической библиотеки (№ 8) *Н. Л.р...аго*; О Воронежскихъ воскресныхъ школахъ (№ 11. 20 и 33) *Де-Пуле*; Ученическая библиотека при Воронежской гимназiи (№ 12) *Н*; По поводу заѣтки г. Де-Пуле на протоколъ Статистическаго Комитета 10 февраля 1862 г., *М. Склады* и Отвѣтъ редактора „губ. вѣд.“ (№ 13); Два слова объ общественной библиотекѣ въ Воронежѣ (№ 18) *Странствующаго туриста* и отъ *Ред.*, Письмо г. *Тарачкова* къ редактору „губернскихъ вѣдомостей“ о публичной библиотекѣ и отъ *Редакціи* (№ 20), По поводу публичной библиотеки въ Воронежѣ (№ 28) *В. Стѣпковскаго*, Еще о публичной библиотекѣ (№ 32) *А. Селиванова*. Письма о современныхъ явленіяхъ изъ Воронежской общественной жизни (№ 19, 20, 21 и 23) *Ив. Васильева*; Нѣсколько словъ о купцахъ-земледѣльцахъ (№ 27) *Новохоперскаго купца*; Объ улучшеніи городского управленія (30-35) *Ред.*, Отчего нѣтъ отвѣтовъ на программу о городскомъ управленіи и кое-что о большинствѣ уѣзднаго купечества (№ 45) *А. Чудина*, Заѣтки по поводу общественнаго управленія городовъ (№ 47 и 48) *А. Михайлова*, и въ № 50—*Котова*; Общество взаимнаго отъ огня застрахованія (№ 51 и 52) *А. Михайлова*; Объ общественныхъ пожарныхъ командахъ, *Н. Милашевича*. (№ 41, 42, 43, 45, 46, 47, 48, и 51). Объ успѣхахъ безмездныхъ школъ (№ 33) *С. Гриненко*; О школахъ для первоначальнаго обученія дѣтей священно и церковно-служителей въ сл. Ливниовкѣ Острогожскаго уѣзда (№ 39) *І. Ар-нія*; Нѣсколько словъ о сельскихъ школахъ (№ 48) *А. Р-скаго*. Нѣсколько словъ къ вразумленію временно-обязанныхъ крестьянъ (№ 44) *Б. Гацуца*; Дѣйствующее законодательство относительно театральныхъ представлений (№ 49 и 50) *И. Дьякова*; Нѣкоторыя особенности изъ уѣздной жизни (№ 50) *В. П-ова*; Каково у насъ принимаютъ законы въ дѣлу (введеніе винной торговли съ 1863 года) *Н. Ж.* (№ 50); Заѣтки по поводу распределенія ассигнованнаго пра-

вительствовъ пособіа между малопомѣстными владѣльцами (№ 52) *Н. Стаскаго*.

Статьи по исторіи, статистикѣ, этнографіи и другія:

Дивногорскій монастырь (№ 4) *А. М.*; Забѣтки страдающаго туриста (№ 4); Корр. изъ Павловска (№ 7, 12, 16, 30 и 47) *А. Шкляревскаго*; Выборъ церковныхъ сторожей (№ 7) *С. А.—каго*; Нѣсколько словъ о наймѣ рабочихъ въ Германіи (№ 8 и 9); Корр. изъ Павловска (№ 9) *А. Р.—скаго*, Бирюча (№ 10) *Африкана Терентьева*, Богучара (№ 11, 32, 38, 45 и 48). Протоколъ засѣданія общаго собранія Воронеж. Губ. Статистическаго Комитета на 10 февраля 1862 г. (№ 11 и 12). Корр. изъ Землянска (№ 13) *Александрова*; Куново лекарство отъ пьянства (№ 13) *З. Раевского*; Забѣтки проѣзжаго по Воронежской губерніи (№ 13, 14, 15 и 16) *Фульгина*; Протоколъ 4-го засѣданія (голичнаго) Воронежскаго Отдѣла Комитета акклиматизаціи животныхъ и растений (№ 13, 14 и 15); Корр. изъ Острогожска (№ 15 и 23) *С. В.*; Забѣтки о малороссахъ и малороссійскомъ языкѣ (№ 17) *Р. Н.*; Вѣнненъ волежъ въ Валуискомъ уѣздѣ (№ 17 и 22. Жизнь и воспоминанія одного дворянина. *А. Бартењева*. (№№ 17, 19, 21, 22, 23, 25, 29, 31, 33, 34, 36, 38, 40, 43, 47, 51 и 1863 г. №№ 5, 10, 14, 23 и 26). Корр. изъ Новохоперска (№ 18, 24, 26, 34, 41); Задонска (№ 18); Забѣтка для біографіи митрополита Евгѣнія (№ 18) *Ред.*; Новая Калытва (Новокалитвянскіе мірошды) *М. Перекрестова* (№ 19); Забѣтки по поводу этой статьи (№ 36) *С. Васильева*; Острогожскъ. (Педагогическія бесѣды при уѣздномъ училищѣ) (№ 20 и 21); Забѣтки о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Воронежской губерніи (№ 22) *А. М.*; Павловская женская бесплатная школа (№ 23) *Н. Баламова*; Слобода Балачъ (№ 25) *М. Попова*; Изъ жизни консисторскихъ чиновниковъ прошлаго вѣка (№ 26) *Н. Воложаго*; Корр. изъ Острогожска (№ 31 и 39) *В. П.*; Павловска (№ 35) *А. Чудина*; Матеріалы для исторіи и этнографіи Воронежа въ началѣ прошлаго вѣка (№ 37) *Ред.*; О торговой, заводской и фабричной промышленности въ г. Воронежѣ (№ 40, 41, 42, 44, 46, 48, 49 и 52) *М. Скіады*; Вѣдомости о происшествіяхъ во Воронежской губерніи въ 1862 г. (№ 43,

46, 47, 48, 49 и 52); Этнографическіе очерки Воронежской губерніи (№ 45) А. Саливанова; Забѣтки правдоисыщателя (№ 47 и 50).

Къ Лѣтописи 1862 года.

1 января вышелъ 1-й № „Воронежскаго Листка“, первой частной газеты въ Воронежѣ. („Губ. вѣд“ № 1.)

Съ того же времени въ Воронежѣ началъ издаваться бывшимъ преподавателемъ въ Михайловскомъ Кадетскомъ Корпусѣ Алексѣемъ Андреевичемъ Хованскимъ ученый журналъ „Филологическія Записки“. Цѣль этого періодическаго изданія — развивать и объяснять разные филологическіе вопросы, — быть ближайшимъ посредникомъ между преподавателями во всемъ томъ, что относится до изслѣдованія по филологіи, — быть сборникомъ разныхъ филологическихъ статей и служить для преподавателей готовымъ матеріаломъ при преподаваніи Рус. яз. и словесности въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ“.

Академикъ Гротъ, въ своей статьѣ „изъ поѣздки въ Воронежъ“, помѣщенной въ „Вѣст. Европы“ 1870 г., сдѣлалъ такой отзывъ объ А. А. Хованскомъ, какъ издатель „Филологическихъ Записокъ: „должно отдать полную сираведливость постоянству, съ какимъ онъ уже 9 лѣтъ ведетъ изданіе основаннаго имъ спеціальнаго журнала, который, конечно, можетъ имѣть весьма ограниченныи кругъ читателей. Первоначальная мысль этого предпріятія принадлежитъ, какъ я слышалъ, М. Ѳ. Де-Пуле; тѣмъ не менѣе честь ея выколненія вся остается за г. Хованскимъ. Съ ничтожными средствами онъ умѣлъ оказать русской филологіи существенную услугу сборникомъ, вмѣщающимъ въ себѣ уже множество полезныхъ и отчасти замѣчательныхъ трудовъ по этой части. Кромѣ статей нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ (Аванасьева, Буслаева, Котляревскаго, Потемни и др.),

въ „Филологическихъ Запискахъ“ явились первые опыты молодыхъ ученыхъ, общающихъ статьи достойными дѣятелями науки, какъ напр. Чудинова, К. Вобарькина, Желтова, Лавренка. Журналъ г. Хованскаго заслуживаетъ благодарность и поддержку всѣхъ любителей русскаго языка.“

Въ № 5 газ. „Донъ“ 1886 г. сообщалось, „что журналъ „Филологическія Записки“ въ слѣдующемъ году будетъ праздновать свой двадцати-пятилѣтній юбилей; что въ немъ участвовали выдающіеся отечественные филологи; онъ былъ колыбелью, такъ сказать, солиднѣйшихъ произведеній по части филологіи и, несмотря на это,—многіе ли въ Воронежѣ не только знакомы съ этимъ журналомъ, но даже знаютъ о его существованіи. Журналъ, во все время своего существованія, издавался и редактировался однимъ и тѣмъ-же лицомъ — А. А. Хованскимъ, положившимъ на это дѣло много труда и энергіи.“

25-го февраля, въ 7 часовъ утра, въ г. Воронежѣ изволилъ прибыть Его Императорское Высочество Великій Князь Михайлъ Николаевичъ, Главный Начальникъ военно-учебныхъ заведеній, и, употребивъ почти все время пребыванія своего въ этомъ городѣ на самый подробный осмотръ Михайловскаго кадетскаго корпуса во всѣхъ его частяхъ, 27-го числа, въ 4 ч. по полудни, отправился на Елецъ („Губ. вѣд.“ № 9-й.)

Государь Императоръ, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, 19 Марта Высочайше повелѣть соизволилъ: 1. учредить въ г. Новохоперскѣ судоходную депутацію на тѣхъ основаніяхъ, на коихъ учреждена такая же депутація въ г. Орлѣ, а именно: изъ двухъ депутатовъ отъ купечества, отправляющаго грузы свои по р.р. Хопру и Дону къ Азовскому морю, съ назначеніемъ каждому изъ нихъ по одному помощнику и 2. независимо отъ установленнаго по ст. 87 уст. путей сообщ. (т. XII. ч. I) общаго сбора для улучшенія водяныхъ путей, установить для содержанія Ново-

хоперской депутаціи, какъ то: на наемъ письмоводителя и писца, на разъѣзды депутатовъ и ихъ помощниковъ, на канцелярскіе и другіе расходы дополнительный сборъ съ судовъ, грузящихся на пристаняхъ по р. Хопру расположенныхъ, по $\frac{1}{4}$ коп. съ рубля цѣнности нагружаемой клади (№ 18-й). Новох. Судоход. Депутація открыта 25-го ноября 1864 г., какъ видно изъ № 50 „Губ. вѣд.“ за тотъ годъ.

Съ 1 мая упразднены всѣ окружныя управления въ Воронежской губерніи, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 11 декабря 1861 г., и съ того-же 1 мая назначены въ Воронежской губерніи чиновники особыхъ порученій для наблюденія за порядкомъ въ волостяхъ. (№№ 10, 11 и 26.)

1 Іюля открыто Воронежское Губернское Акцизное Управление, на основаніи Положенія о питейномъ сборѣ, Высочайше утвержденнаго 4 іюля 1861 г., а 15 іюля открыты Окружныя Питейно-Акцизныя Управленія: 1-го округа въ г. Воронежѣ, 2-го округа въ г. Острогожскѣ и 3-го округа въ г. Бирючѣ (№№ 28 и 30); затѣмъ съ 1 января 1863 г. открыто въ Павловскѣ Окружное Управление („Губ. Вѣд.“ 1863 г. № 4).

28 іюля въ № 30 „Губ. Вѣд.“ напечатанъ приказъ по полиціи Воронежскаго старшаго полиціймейстера о перенумерованіи всѣхъ домовъ въ г. Воронежѣ; причѣмъ былъ принятъ слѣдующій порядокъ: 1) такъ какъ главная улица въ Воронежѣ есть Вольшая Дворянская, то всѣ улицы и переулки должны имѣть первые номера отъ Дворянской улицы. 2) Если одна и та же улица на протяженіи своемъ имѣетъ нѣсколько названій, то каждая часть этой улицы, имѣющая особенное наименованіе, должна имѣть свои номера, но если улица подъ однимъ и тѣмъ-же названіемъ изъ одной части переходитъ въ другую, то номера, не прерываясь, должны идти по порядку до окончанія улицы. 3) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ зданія находятся только

на одной сторонѣ, номера должны быть или одни четные или нечетные, смотря — на правой или на лѣвой сторонѣ находятся дома. 4) Дома, которые имѣютъ выходы на двѣ или на три улицы, должны имѣть отдѣльный номеръ на каждой улицѣ по порядку идущихъ на ней номеровъ.

Съ 21 по 28 Августа была открыта въ г. Воронежѣ выставка крестьянскихъ и верховыхъ лошадей. (№ 37.)

10 ноября, въ № 45 „губ. вѣд.“ отъ Воронежскаго Губернскаго Правленія объявлено, что г. Управляющимъ Министерствомъ Финансовъ разрѣшено учредить въ г. Острогожскѣ Общественный Банкъ, основной капиталъ котораго долженъ состояться изъ 20 000 рублей, отдѣляемыхъ для сего изъ запаснаго городского капитала.

Въ „губ. вѣд.“ 1862 г., съ № 11, печатался именная списокъ селеніямъ Воронежской губерніи

— Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ цензурованіе „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ возложено г. Губернаторомъ на одного изъ членовъ Губернскаго Правленія, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, опубликованнаго въ указѣ Правительствующаго Сената 19-го марта 1862 года, которымъ постановлено: во все не подвергать разсмотрѣнію общей цензуры „губернскія вѣдомости“, предоставивъ Губернаторамъ поручать цензурованіе оныхъ лицамъ по своему выбору, съ тѣмъ, чтобы въ сомнительныхъ только случаяхъ лица сіи обращались къ цензорамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а гдѣ оныхъ не полагается къ директорамъ Училищъ. (№ 17).

1863 г. — *Мѣстная хроника*: Некрологъ Василія Федоровича Соголова (№ 2) *В. Дейнера*; По поводу заявленія г. Кривошеина о желаніи пожертвовать 25 р. на приобрѣтеніе би-

ствоъ Кольцова и Никитина (№ 3) *Де-Пуле*; По поводу возвращенія въ Воронежъ Дорошинскаго, похитившаго 17 тысячъ р. и бѣжавшаго въ Лондонъ (№ 5) *Ред.*; Некрологъ Василія Ивановича Малышева (№ 7) *Де-Пуле*; Сборъ на памятникъ Кольцову въ Богучарѣ (№ 7); Театральныя замѣтки (№ 7) *Ред.*; О литературномъ вечерѣ въ пользу публичной библиотеки (№ 9) *Ред.*; Письмо А. В. Андроновой, урожденной Кольцовой, о пожертвованіи на памятникъ поэту Кольцову 600 р., Два слова о памятникѣ Кольцову (№ 9) *Де-Пуле*; Новѣйшее производство (мѣстный спиритизмъ) (№ 10); Отъ Комитета по устройству публичной библиотеки (№ 12, 13, 46 и 49); Объ устройствѣ и открытіи въ Воронежѣ второразряднаго женскаго училища (№ 12, 31, 31 и 35) *Ред.*; О любительскомъ спектаклѣ въ пользу этого училища (№ 15) *Ред.*; О публичныхъ лекціяхъ г. Веселовскаго по политической экономіи (№ 17 и 47) *Ред.*; О Высочайше разрѣшенной, въ 5 день Апрѣля 1863 г., подпискѣ на сооруженіе памятника поэту Кольцову (№ 18); Письмо къ редактору, съ приложеніемъ 432 р. 8 к. на памятникъ Кольцову (№ 35); Еще письмо съ 20 р. (№ 38); Мелочи изъ Воронежской жизни (№ 18, 20, 25, 29, 33); Некрологъ Федора Борисовича Тидебеля (№ 19 и 21); Всеподданнѣйшія письма отъ Воронежскаго Городскаго Общества и отъ Воронежскаго Дворянства, съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, по поводу событій въ Царствѣ Польскомъ (№ 21); Всеподданнѣйшее письмо Новохоперскаго Городскаго Общества (№ 27); Ольридъ на Воронежской сценѣ (№ 23) *Де-Пуле*; Городскія вѣсти (№ 30 и 39) *Ред.*; Общественныя гулянья въ г. Воронежѣ (№ 28) *Ред.*; О кончинѣ Воронежскаго Городскаго Головы Ивана Филиповича Москалева (№ 34); О выставкѣ сельскихъ произведеній въ Воронежѣ (№ 21, 36, 37 и 38) *Ред.*; О спектакляхъ любителей (№ 38) *Ред.*; Объ открытіи надгробнаго памятника поэту Никитину (№ 40) *Ред.*; Объ открытіи законоучителемъ кадетскаго корпуса А. Н. Чуевымъ безплатной школы для дѣтей обоюбого пола нижнихъ чиновъ, служащихъ при корпусѣ (№ 45) *Ред.*; О потерѣ г. Кражовымъ банковыхъ билетовъ на 107 тысячъ руб. (№ 48); Нѣсколько словъ о приѣмѣ рекрутъ (№ 48) *Ст. Романовскаго*; Записка о состояніи Воронежскаго женскаго училища 1 разряда съ 26 Августа 1861 по 26 Августа 1863

г. (№ 36 и 37. *А. Сценуры*; По поводу открываемой въ г. Воронежѣ публичной библіотеки (№ 46); Отъ Попечительнаго Совѣта Воронежскихъ женскихъ училищъ № 52).

По поводу различныхъ современныхъ вопросовъ и полемическихъ статьи: Объ отношеніи общества къ различнымъ общественнымъ учрежденіямъ вообще и къ публичной библіотекѣ въ особенности (№ 1) *Ред.*; Соображенія Воронежской Комиссіи по вопросамъ, предложеннымъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ относительно преобразованія городского управленія (№ 1—5); Наши Воронежскіе прогрессисты и историки (№ 1); Еще о сельскихъ школахъ (№ 2) *Ред.*; Еще кое-что о нашихъ уѣздныхъ корреспондентахъ (№ 2, 32 и 48) *Ред.*; По поводу взаимнаго застрахованія (№ 3) *Ред.*; Нѣсколько словъ по поводу статьи: Эпизоды изъ семинарскихъ экзаменовъ, помѣщенной въ 99 № Воронежскаго Листка за 1862 г. (№ 3); Возраженія на статью Купцы-земледѣльцы (№ 6) *Елецкаго купца*; Нѣсколько словъ по поводу распространенія грамотности (№ 7) *А. Шкляревского*; Наваялся-продаялся (№ 8) *Ред.*; О публичной библіотекѣ, женскихъ училищахъ и памятникѣ Кольцову (№ 10 и 16) *Ред.*; Забѣтки и отвѣты редакціи (№ 11, 29, 31); Проектъ положенія о Воронежскомъ Городскомъ Общественномъ Банкѣ (№ 12—17); Еще о распространеніи грамотности (№ 17) *А. Шкляревского*; Кое-что по поводу губернскихъ вѣдомостей (№ 18, 21, 34, 37) *Ред.*; Вопросъ объ улучшеніи быта православнаго духовенства (№ 20) *Ред.*; Какой же у насъ теперь будетъ вопросъ на очереди? (Объ устройствѣ въ г. Воронежѣ второй мужской гимназіи) (№ 19), Какова должна быть вторая мужская гимназія въ г. Воронежѣ (№ 20), Общія соображенія относительно устройства второй мужской реальной гимназіи въ г. Воронежѣ (№ 21), Съ чего нужно начать устройство реальной гимназіи въ Воронежѣ (№ 25), Дополненіе къ вопросу объ устройствѣ въ г. Воронежѣ реальной гимназіи (№ 30) *Г. Веселовскаго*; По поводу означенныхъ выше статей г. Веселовскаго объ устройствѣ второй гимназіи (№ 23) *Ред.*, Еще о реальной гимназіи (№ 27) *А. М.*, (№ 41) *Ред.*, Что намъ теперь нужно? (№ 46) *А. Михайлова*, По поводу учрежденія въ г. Воронежѣ реальной гимназіи (№ 46) *А. Сценуры*, По поводу послѣднихъ двухъ статей (№ 46)

Ред., О возможности приступить къ учрежденію въ Воронежѣ реальнаго училища (№ 48) *Н. Тарачкова*; О страхованіи капиталовъ и доходовъ (№ 19) *А. С.*; Проектъ правилъ взаимнаго страхованія недвижимыхъ имуществъ г. Воронежа (№ 19 и 20); По поводу статьи Вор. Листка „Объ испытаніи на званіе домашнихъ учительницъ“ (№ 20) *М. Распопова*; По поводу городского общества, составившаго комитеты по учрежденію Общественнаго Банка и взаимнаго страхованія имуществъ (№ 22) *Ред.*; Заѣтки комисіи на возраженія, написанныя по поводу проектовъ объ учрежденіи коммерческаго банка и взаимнаго страхованія въ г. Воронежѣ (№ 22); Ниши городскія дѣла (№ 22); Наши губерскіе страхователи (№ 23) *А. Попова*; О патристическомъ одушевленіи, вызванномъ событіями въ Царствѣ Польскомъ (№ 24) *Ред.*; Еще о сельскихъ школахъ (№ 26) *А. Р.*; Отвѣтъ г. Распопову на его возраженіе противъ статьи „объ испытаніяхъ на званіе домашнихъ учительницъ“ (№ 26) *П. Малашина*; Дѣта и ребятки (№ 27) *Н. Крб-ва*; Воронежскій Листокъ во гнѣвъ (№ 29) *Ред.*; О слабости и разрозненности нашего городского общества (№ 31 и 32) *Ред.*; О средствахъ къ улучшенію купеческаго общества (№ 36) *Ред.*; Отвѣтъ Воронежскому жителю (№ 36) *Русскаго купца*; Объ образованіи общества любителей драматическаго искусства (. 36) *Ред.*; Возраженіе автору статьи о спектаклѣ 26 Августа (№ 38) *П. А—ва*; Подкидыши (№ 39); По поводу вспомошествованія погорѣвшему духовенству (№ 40) Священника *Д. Кирилова*; Варьянціи на поговорку: „На весь свѣтъ не угодишь“ (№ 40) *Ред.*; Заѣтка о размыкѣ „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, по сельскимъ церквамъ (№ 40) Священника *С. Лебедева*; О необходимости учрежденія Епархіальныхъ Вѣдомостей (№ 42) Сельскаго Священника; Нѣсколько словъ въ защиту сельскаго духовенства по поводу обвиненій его въ дѣлѣ распространенія гнѣвности (№ 41, 42, 43 и 44) Священ. *С. Лебедева*; Заѣтки поклонника о Задонскомъ Монастырѣ (№ 35) *В. Успенскаго*; Вопросъ о Задонскомъ монастырѣ (№ 49) *Гид.*; Заѣтки свѣтскаго челоѣка о Задонскомъ монастырѣ (№ 49) *Барона Николая Попова*; О сельскихъ повивальныхъ бабкахъ (№ 50) *Свящ. Василія Лебедева*.

Статьи по исторіи, статистикѣ, этнографіи и другія:

Село Шишовка Бобровскаго уѣзда (№ 1, 3 и 4) *Ал. Серд—скаго*; Бобровъ (№ 2); Слобода Волоконовка. Вирюченскаго уѣзда (№ 5) *Ал. Серд—скаго*; Богучарскія идилліи (№ 5); Село Пятницкое Вирюченскаго уѣзда (№ 6 и 7) *Ал. Серд—скаго*; Вѣдомости о происшествіяхъ въ Воронежской губерніи (№ 6, 9, 15, 16, 19, 22, 24, 29, 38, 39, 43, 44, 49, 50, 51 и 52); Богучаръ—нѣкоторыя этнографическія особенности здѣшняго населенія (№ 8); О торговой, заводской и фабричной промышленности г. Воронежа (№ 8—10) *М. Скѣда*; Школа въ слободѣ Саприной (№ 8) *А. Р—скаго*; Этнографическіе очерки Воронежской губерніи (№ 9, 28 и 47) *А. Селиванова*; Матеріалы для исторіи и статистики сельскаго населенія Воронежскаго уѣзда въ началѣ прошлаго вѣка (№ 10, 11 и 13) *Ред.*; Отъ Харькова до Воронежа (№ 10) *С. Соколова*; Городъ Валуйки и его уѣздъ (11 и 13); Изъ путевыхъ замѣтокъ (№ 11) *Чудина*; Списокъ Воронежскихъ Городскихъ головъ съ 1788 года (№ 11); Воспоминаніе о Никитѣхъ (№ 12) *М. Де-Пуле*; Вугурлиновка (№ 14 и 43); Новокалѣвскія пещеры (№ 16) *Иакова Кочергина*; Слобода Воронцовка (№ 17) *Н. Б—ова*; Слобода Талы (№ 18) *П. —гина*; Слобода Михайловка (№ 19) Свящ. *Іакова Шатошникова*; Слобода Уразова (№ 21); Изъ Землянскаго уѣзда (№ 22, 33 и 40); Хорошевскаго по немножку (№ 22) *Ив. Торговцева*; Богучаръ (№ 24) *І. Бардакова*; Уѣздныя мелочи (№ 24); Вѣсти изъ селъ (№ 25, 28, 29, 32, 35, 40, 41, 44); Село Рождественская Хава (№ 25) *Я. Глазнева*; Протоколы засѣданій Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета (№ 25, 26, 28, 46, 47); Воспоминанія сына объ отцѣ (№ 27, 28, 30, 31 и 32) *В. Успенскаго*; Историческое и этнографическое описаніе села Губарей Новохоперскаго уѣзда (№ 27, 30 и 33) *Ө. Понятовскаго*; Грамота Преосв. Митрофана на постройку Покровской церкви (№ 27); Волостныя сцены (№ 28 и 30); Союзъ (№ 31) *А. Михайлова*; Слобода Петровская (№ 32) *Попова*; Путевыя замѣтки (№ 32) *А. Чудина*; Свадебные обычаи Бобровскихъ крестьянъ (№ 34, 35 и 37) *Кор—та*; Хуторъ Кубраковъ (№ 34) Свящ. *А. Соколова*; Бобровъ (№ 36); Вѣ-

сти изъ того же уѣзда (№ 36); Аукціонъ въ селѣ Хрѣвовоѣ (№ 37) *Н. Боровкова*; Азкія вѣдомости, народный рассказъ (№ 39); Слобода Карабанова (№ 41); Обширный, этнографическій очеркъ (№ 41, 42, 43 и 44) *А. Селиванова*; Пожаръ въ Гнилушенской лѣсной дачѣ, Задонскаго уѣзда (№ 42); Слобода Уривъ (№ 44) *Г. Крисовскаго*; Матеріалы для исторіи Воронежскихъ монастырей (№ 44) *Г. Бардакова*; Изъ жизни Св. Тихона (№ 44) Свящ. *Д. Кирилова*; Успенскій Донецкій монастырь (№ 45, 47, 49) *Г. Бардакова*; Мужички-грамотей (№ 45) *С. Романовскаго*; Поездка въ Алексѣевку (№ 45); Село Шестаково (№ 47 и 49) *А. Сосницкаго*; Изъ Евстратовки (№ 52); Рассказъ крестьянина села Садоваго, Лаврентія Иванова Кузнецова (№ 52).

Къ Лѣтописи 1863 года.

1-го мая, во исполненіе Высочайшей воли, изъявленной въ данномъ Правительствующему Сенату 25 декабря 1862 года указѣ, введено въ Воронежской губерніи новое устройство полиціи, при чемъ всѣ городническія правленія въ уѣздныхъ городахъ присоединены къ земскимъ судамъ, званіе городничихъ упразднено и ихъ обязанности возложены на уѣздныхъ исправниковъ, а обязанности городскихъ полицій—на уѣздныя полицейскія управленія, преобразованныя изъ земскихъ судовъ. Отдѣльная отъ уѣздной городской полиція оставлена только въ г. Воронежѣ, съ наименованіемъ этого учрежденія Воронежскимъ городскимъ полицейскимъ управленіемъ. (№№ 19 и 20).

26-го августа открыто въ г. Воронежѣ второразрядное женское училище въ домѣ, пожертвованномъ почетнымъ гражданиномъ А. И. Нечаевымъ (№ 31, 32 и 35).

1-го сентября открыта была въ Воронежѣ третья очередная выставка сельскихъ произведеній, продолжавшаяся 10 дней и удостоенная, 3-го сентября, въ

6-мъ часу пополудни, посѣщеніемъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго (приб. въ г. Воронежъ, слѣдуя изъ своего Чесменскаго завода въ С.-Петербургъ, 3 сентября въ часъ пополудни, отпр. того-же числа въ 8 час. вечера). (№№ 36, 37 и 38).

29-го сентября, происходило открытіе надгробнаго памятника поэту Никитину (№ 40).

15-го декабря, Воронежскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ, произведена одѣодневная перепись жителей г. Воронежа. (№ 52).

21-го декабря, опубликовано объ открытіи въ г. Вирючѣ Городскаго Общественнаго Банка, съ основнымъ капиталомъ въ 20.000 руб. (№ 51).

— Съ 1-го іюля 1863 года „Воронеж. Губ. Вѣд.“ стали издаваться въ новомъ форматѣ, по примѣру большей части газетъ, въ двухъ цѣлыхъ листахъ: одинъ собственно для официальной, а другой — для неофициальной части.

1 8 6 4 г.

(Редакторъ Н. П. Курбатовъ).

Николай Павловичъ Курбатовъ, происходя изъ дворянъ Воронежской губерніи, по окончаніи курса наукъ въ Московскомъ университетѣ, въ 1857 году опредѣлился на службу въ штатъ канцеляріи Начальника Воронежской губерніи. Это совпало съ тѣмъ временемъ, когда изъ Воронежа выѣхалъ Н. И. Второвъ, и у М. Ѳ. Де-Пуле сталъ собираться новый литературный кружокъ, въ который вошелъ и Н. П. Курбатовъ. По словамъ самаго М. Ѳ., у него собирались „разъ въ недѣлю И. С. Никитинъ, И. А. Придорогинъ, Н. П. Курбатовъ, Ѳ. Н. Бергъ и Н. С. Милашевичъ, одинъ изъ героевъ Крымской

войны, рассказы о которой оживляли ихъ бесѣды“. Затѣмъ, когда Никитинъ рѣшился устроить въ Воронежѣ книжный магазинъ, то Курбатовъ принялъ было непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ, въ качествѣ компаньона и, уволившись въ 1858 г. въ отставку, ѣздилъ въ Москву и Петербургъ за книгами и другими предметами для книжнаго магазина; однакожь совмѣстное веденіе дѣла оказалось неудобнымъ: „Курбатовъ добрый и честный человекъ“, говоритъ Никитинъ въ одномъ письмѣ къ Второву, — „въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; но характеры наши, взгляды на то, какъ вести нужно дѣло, совершенно противоположны“. (Изъ біографіи Никитина, изд. 1883 г.)

Въ октябрѣ 1862 года Н. П. Курбатовъ снова поступилъ на службу — исправляющимъ должность судебного слѣдователя по 1 участку Землянскаго уѣзда; въ февралѣ 1863 г. переѣхалъ на ту-же должность въ Воронежскій уѣздъ по 4 участку, а съ 16 апрѣля былъ назначенъ секретаремъ Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета; въ декабрѣ того-же 1863 года ему было поручено и завѣдываніе неофициальною частью „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ **).

Протоколы Статистическаго Комитета 60-хъ годовъ свидѣтельствуютъ, что Н. П. Курбатовъ чрезвычайно добросовѣстно относился къ своей обязанности и много потрудился для Комитета. На первыхъ-же порахъ онъ, какъ дѣлопроизводитель Комитета по управленію выставкою сельскихъ произведеній въ Воронежѣ съ 1 по 10 сентября 1863 года, составилъ описаніе выставки, которое представлено въ Министерство Государственныхъ Имуществъ 30-го ноября того-же года и напечатано въ „губ. вѣд.“ 1864 г.

**) Съ 11 по 19 декабря 1863 г. исполнять обязанности редакц. неоф. части „губ. вѣд.“ временно въ канцеляріи Начальника Воронеж. губерніи Н. И. Софъ, перемѣщенный въ 1864 г. судебнымъ слѣдователемъ въ Рязанскую губернію.

Затѣмъ онъ обратилъ особое вниманіе на неудовлетворительное состояніе мѣстной административной статистики и, направивъ свою дѣятельность преимущественно на исправное содержаніе статистики, Н. П., независимо переписки Комитета съ полицейскими управленіями, предпринималъ поѣздки въ нѣкоторые уѣзды губерніи, какъ для личнаго ознакомленія съ этими уѣздами и пріисканія частныхъ сотрудниковъ для статистическихъ работъ и повѣрки свѣдѣній, собираемыхъ officialнымъ путемъ, такъ и для узнанія на мѣстѣ и направленія способовъ собиранія этихъ свѣдѣній. Результатомъ такихъ поѣздокъ было, между прочимъ, пріобрѣтеніе для Комитета сотрудниковъ и разъясненіе полиціи встрѣченныхъ недоразумѣній. Въ особомъ докладѣ Комитету о мѣрахъ необходимыхъ для устраненія причинъ, ежегодно затрудняющихъ своевременное изготовленіе статистической отчетности Комитета. Н. П. высказалъ, что „при существующемъ порядкѣ собиранія статистическихъ свѣдѣній и ограниченности собственныхъ средствъ Комитета, повѣрка многихъ давныхъ, по меньшей мѣрѣ, весьма затруднительна;—и если собиратели статистическихъ свѣдѣній не захотятъ понять, что языкъ цифръ краснорѣчивѣе всякаго другаго говорить объ экономическомъ положеніи края, и что, слѣдовательно, если статистическія цифры невѣрны, то и основываемыя на нихъ мѣропріятія не будутъ достигать своей цѣли; если притомъ и само общество будетъ равнодушно относиться къ дѣлу мѣстной земской статистики,—хотя земская реформа, уже при самомъ введеніи ея въ дѣйствіе, должна бы убѣдить, сильнѣе всякихъ доводовъ, въ необходимости и практической пользѣ вѣрныхъ статистическихъ свѣдѣній: то одинъ Губернскій Статистическій Комитетъ сдѣлаетъ немного“...

Путемъ повѣрки и сличенія статистическихъ данныхъ Н. П. достигалъ нѣкотораго успѣха въ смыслѣ улучшенія мѣстной статистики, хотя главныя при-

чины неудовлетворительности ея (способы собиранія свѣдѣній и недостаточность средствъ, коими располагаетъ Комитетъ), остаются до сего времени.

Одною изъ болѣе существенныхъ мѣръ, принятыхъ въ то время, для болѣе точнаго исчисленія жителей, было производство однодневной переписи, 15 декабря 1863 года, въ г. Воронежѣ и 15 декабря 1864 г. въ уѣздныхъ городахъ.

Кромѣ разработки статистическихъ свѣдѣній и составленія памятныхъ книжекъ на 1863—1864 г. и 1865—1866 г., Н. П. Курбатовъ озаботился приведеніемъ въ порядокъ библіотеки Комитета, въ которой, какъ видно изъ протокола 26 февраля 1865 г., должны были находиться „едва-ли не въ единственномъ экземплярѣ въ г. Воронежѣ, довольно многія спеціальныя изданія, а также книги, составляющія библиографическую рѣдкость“. Для удобства пользованія библіотекою, Н. П. составилъ и напечаталъ каталогъ ея и правила для чтенія книгъ изъ этой библіотеки. (Къ сожалѣнію, въ послѣдствіи времени, послѣ Н. П., правила эти не исполнялись, и безпорядокъ, въ отношеніи выдачи книгъ для временнаго пользованія ими, повелъ къ тому, что многихъ книгъ не оказалось на лицо)³⁰⁾.

Сложныя занятія по Статистическому Комитету и разстроенное здоровье Николая Павловича вынудили его отказаться отъ редактированія „губ. вѣд.“, которыя находились подъ редакціею его въ теченіе 1864 г.

Въ № 48 „губ. вѣд.“ за тотъ годъ помѣщена статья, присланная однимъ изъ уѣздныхъ корреспондентовъ, въ которой авторъ высказалъ между прочимъ: „человѣку благомыслящему и не безучастному къ пользамъ и нуждамъ роднаго края нельзя не порадоваться направленію, какое приняла въ послѣдніе годы

---

³⁰⁾ Нельзя не показать еще и о томъ, что Статис. Комитетъ не имѣлъ возможности составить систематическую опись древнимъ документамъ, хранящимся въ его архивѣ, такъ что остается неизвѣстнымъ—какіе изъ этихъ документовъ были взяты, по какому каибудь случаю.

наша мѣстная губернская газета, посвятивъ себя удовлетворенію мѣстныхъ потребностей, собранію и разработкѣ статистическихъ и этнографическихъ матеріаловъ, и отбросивъ въ сторону все, льстившее одному любопытству, но непригодное для края и не дающее благихъ результатовъ“.

Этотъ скромный отзывъ о „губ. вѣд.“ справедливъ. Серьезное направленіе, данное „губ. вѣд.“ М. Ѳ. Де-Пуле, отъ котораго перешли онѣ къ Н. П. Курбатову, поддерживалось и при немъ. Одно перечисленіе статей, помѣщенныхъ въ 1864 году, покажетъ читателямъ — насколько удовлетворительно исполнила свою задачу редакция „губ. вѣд.“ того времени.

Въ 1867 или 1868 году Н. П. совсѣмъ оставилъ службу по болѣзни, вынудившей его лѣчиться даже за границей.

Послѣднимъ, кажется, трудомъ его было — редактированіе вышедшаго въ 1869 году изданія сочиненій Никитина, предпринятаго тестемъ Н. П., А. Р. Михайловымъ³¹⁾.

---

³¹⁾ Вышло въ свѣтъ 4-е изданіе сочин. *И. С. Никитина* съ его портретомъ, fac-simile и биографіей, составленной М. Ѳ. Де-Пуле. Москва, 1885 г.

Вышедшее изданіе впервые является провѣреннымъ съ рукописей, по которымъ печатали свои произведенія самъ поэтъ (рукописи эти недавно отысканы въ Воронежѣ) и съ нѣсколькими дополненіями и измѣненіями биографіей поэта; кромѣ того, изданіе это, также впервые, редактировалось биографомъ Никитина — М. Ѳ. Де-Пуле (ему ошибочно приписывалась редакция прежнихъ изданій), близкое знакомство котораго какъ съ произведеніями поэта, такъ и самымъ дѣломъ редакторства, должно служить ручательствомъ за большую тщательность и выдержанность изданія.

Въ текстъ настоящаго 4-е изданія вошли: всѣ стихотворенія, помѣщенные въ изданіи 1859 г. (Кокорева); все, что осталось непередѣланнымъ въ изданіи 1863 г. (гр. Толстого), что было помѣщено Никитинимъ въ періодическихъ изданіяхъ 1868 г. и большая часть изъ того, что было найдено послѣ смерти Никитина Курбатовимъ, редакторомъ перваго посмертнаго изданія. Порадоу размѣщенія стихотвореній въ новомъ изданіи остался прежній, т. е. хронологическій для лирическихъ поэмъ; крупныя произведенія отдѣлены въ особый второй томъ.

Съ вѣншей стороны новое изданіе опрятно и довольно красиво. Приложенный къ нему портретъ И. С. Никитина — положительное лучшее всѣхъ навістѣвшихъ до сего времени его портретовъ и притомъ отличается большимъ сходствомъ съ поэмнымъ поэтомъ. (Нов. Времѣ, 86 г. № 2607).

Николай Павлович Курбатовъ умеръ въ Воронежѣ 5-го января 1871 года, имѣя всего 37 лѣтъ отъ рожденія.

Въ 1864 году въ „губ. вѣд.“ помѣщены слѣдующія статьи:

По поводу различныхъ современныхъ вопросовъ:

Воронежское училище для дѣвицъ духовнаго званія (№ 1 и 2)
Н. Р. К.

Объ охраненіи частныхъ хѣсовъ въ Валуйскомъ уездѣ (№ 8, 18, 19 и 20) *А. Торопова.*

Въ чемъ нуждается Воронежская публичная бібліотека и нельзя-ли помочь ей? (№ 8) *М. Де-Пуле.*

Въ вопросу о русскихъ братствахъ (№ 8 и 9) *Ред.* (Замѣчательно, что вопросъ объ учрежденіи Воронежскаго христіанскаго братства, подобнаго братству Свв. Митрофана и Тихона, открытому въ Воронежѣ въ 1885 году, возбуждался болѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ *А. Р. Михайловымъ*).

Дѣйствительно-ли необходимо увеличеніе платы въ нашемъ женскомъ училищѣ 1 го разряда? (№ 10) *А. Михайлова.*

Отвѣтъ на эту статью (№ 15).

Экономическая замѣтка по вопросу о дровахъ и объ отопленіи (№ 10).

По поводу предстоящей генеральной оцѣнки недвижимыхъ имуществъ въ г. Воронежѣ (№ 12 и 13) *Воронежскаго жителя.*

Отвѣтъ на эту статью (№ 16). *Тотже Воронежскаго жителя.*

Замѣтки о 2 въ Воронежскомъ женскомъ училищѣ (№ 19)
А. Шклярескаго.

Еще о средствахъ къ удешевленію топлива въ г. Воронежѣ (№ 25) *Н. Тарачкова.*

Замѣтка по поводу проекта положенія о наемной прислугѣ (№ 26) *П. Малыгина.*

Словенная невзгода (№ 30) *П. Малыгина.*

По поводу предстоящей земской реформы—статья съ эпиграфомъ: „Вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ“. (№ 31) *Ч.*

Объ обращеніи съ животными (№ 33) *П. Малыгина.*

О первоначальномъ обученіи грамотности (№ 40) *С. Д. В.*

Объ отношеніи публики къ печатному слову и означеніи гласности (№ 47) *Ред.*

Голосъ ремесленника объ учрежденіи ремесленного училища въ Воронежѣ (№ 47) Ремесленника *Вотова.*

Замѣтка о нашей общественной жизни. (№ 48) *Св. Д. В.*

По поводу открытія внутреннего 5%о съ выигршалаи займа. (№ 49) *В. Ш.*

По поводу новыхъ судебныхъ уставовъ. (№ 50) *Ред.*

По этнографіи:

Этнографическіе очерки Воронежской губерніи. (№ 1, 11, 16 и 27).

Статистическое и этнографическое описаніе Дяченокской волости Богучарскаго уѣзда (№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9) *Г. Ткачева.*

Слова, присказки, пословицы и поговорки, собранныя въ Бобровскомъ уѣздѣ въ 1848 году, учителями Бобровскаго уѣзднаго училища и доставленныя *Г. М. Веселовскимъ.* (№ 17 и 21).

Малороссійскія пѣсни, пословицы и загадки, собранныя въ Богучарскомъ уѣздѣ въ 1847 г. штатнымъ смотрителемъ Богуч. уѣзднаго училища г. Богущъ и доставленныя *Г. М. Веселовскимъ.* (№ 32).

Псалмы, записанныя въ Острогожскомъ уѣздѣ (№ 35, 36, 37 и 38) *П. Кочергина.*

Сватанья—записано со словъ крестьянина Богучарскаго уѣзда (№ 35).

Сцены изъ престолярнаго быта. (№ 36).

Кладонскатель. (№ 51 и 52).

По исторіи, статистикѣ и другія статьи:

Вѣдомости о происшествіяхъ въ Воронежской губерніи (№ 1, 6, 9, 13, 14, 18, 19, 22, 23, 25, 26, 30, 31, 34, 39, 43, 47 и 52).

Воронежская выставка сельскихъ произведеній въ 1863 г. (№ 2, 3, 4 и 5).

Отчетъ о занятіяхъ по устройству въ г. Воронежѣ публичной библиотеки. (№ 7) *М. Де-Пуле.*

О положеніи выкувной операціи, по 1 января 1864 г. (№ 7).
Списокъ журналовъ и газетъ, получавшихся въ г. Воронежѣ въ 1863 году (№ 9).

Село Солонечное, Куротоянскаго уѣзда. (№ 10) *Д. Попова.*

Публичныя лекціи по политической экономіи въ г. Воронежѣ. (Лекція десятая, № 11) *Г. Веселовскаго.*

Дѣтскія сельской школы въ слободѣ Терешковой, Богучарскаго уѣзда (№ 12, 13, 14 и 15) Свящ. *А. Руднева.*

Материалы для исторіи Воронежской губерніи, разработанные *А. И. Селивановымъ* (№ 12, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 24, 26, 28, 29, 42, 43, 46 и 50).

Изъ Землянска. (№ 14) *И. Вицинскаго.*

Прогвѣтающая промышленность. (№ 15) *Ипполита Мессарони.*

По поводу этой статьи (№ 32) *А. Яковлева.*

Село Гудовка, Задонскаго уѣзда. (№ 16 и 17) Священ. *С. Котова.*

Исчисленіе жителей г. Воронежа, 15 декабря 1863 года.

Пожарная труба въ селѣ Петровкѣ, Павловскаго уѣзда. (№ 18) Архитектора *Соколова.*

Лебедница—изъ породы жучковъ, водящаяся на лебедѣ. (№ 20) *А. Михайлова*

Опытъ акклиматизаціи винограда на дачѣ близъ г. Воронежа. *А. Михайлова.*

О сибиркѣ (изъ села Большой Усмани, Воронежскаго уѣзда, (№ 21) Свящ. *Феодора Стефановскаго.*

Изъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ (№ 22) *Жителя Павловскаго уѣзда.*

Письмо *Тарачкова* къ редактору, по поводу метеорологическихъ наблюденій (№ 22).

Протоколы засѣданій Воронежскаго Губ. Статистическаго Комитета. (№ 23, 24, 27, 32, 36, 46, 47 и 49).

Неизданныя стихотворенія *А. В. Кольцова.* (№ 26) *М. Де-Пуле.*

Отъ Острогожска до Ивановки (№ 26).

Ночныя Сладоны. (№ 27) *П. Малыгина.*

Корреспонденція изъ Виршченскаго уѣзда, подъ заглавіемъ „хозяйственныя извѣстія“. (№ 29) *А. К.*

Промышленность въ с. Вольшой Уемани, (№ 29) Свящ. *Θ. Стефановскаго.*

Программа описанія отдѣльных мѣстностей Воронежской губерніи. (№ 31) *Н. П. Курбатова.*

Сельская школа въ слободѣ Бондаревой, Богучарскаго уѣзда (№ 33 и 34) Свящ. *Виссаріона Прокопьева.*

Описание гравюръ времени Петра Великаго, находящихся въ Воронежской публичной библиотекѣ. (№ 34, 35, 36, 37 и 38) *А. Селиванова.*

Аукціонъ и скачки въ селѣ Хрѣновомъ (№ 35) *Н. Боровкова.*

О доступности для гимназистовъ и полезности изученія ихъ родной мѣстности, по мысли и указанію бывшаго учителя гимназіи Г. М. Веселовскаго. (№ 37) *Ред.*

Слобода Воронцовка (№ 37 и 38) *А. Сосницкаго.*

О числѣ жителей въ Воронежской губерніи въ 1863 году (№ 38, 39 и 43).

Корр. изъ Острогожска. (№ 39).

Отчетъ о состояніи Воронежскихъ женскихъ училищъ за 186³/₄ учебный годъ (№ 39, 40 и 41).

По поводу книги Н. П. Вочарова „Оборникъ матеріаловъ для изученія Москвы и Московской губерніи“. (№ 42) *Ред.*

Описание Уразовской волости. Валуйскаго уѣзда (№ 43, 44, 46, 48 и 52) *П. Попова.*

О числѣ аданій въ Воронеж. губерніи въ 1863 г. (№ 44).

Полезная замѣтка (о горномъ наслѣ для овицъ.) (№ 45) *Н. А.*

Отчетъ о состояніи Воронежской губ. гимназіи за 186³/₄ учебный годъ (№ 45 и 46). Директора училищъ *А. Сизури.*

Объ испытаніи лошадей на лѣтнемъ бѣгѣ въ г. Воронежѣ, 1864 г. (№ 45).

Присужденіе наградъ на всероссійской выставкѣ экспонентамъ Воронежской губерніи (№ 46).

О фабрикахъ и заводахъ Воронежской губерніи въ 1863 г. (№ 48, 49 и 50).

Отчетъ о состояніи Острогожскаго женскаго училища 3-го разряда. (№ 50 и 51).

Воронежская городская хроники.

(№№ 2, 5, 6, 7, 10, 13, 15, 19, 22, 23, 28, 36, 39, 41, 44, 51 и 52). Всѣ статьи по этому отдѣлу писались подъ рубрикою „Воронежъ“ и принадлежать редакціи.

Театральная хроника:

(№№ 4, 7, 8, 9, 11, 40, 44, 46 и 49).

Вѣсти изъ селъ:

(№№ 12, 14, 16, 17, 23, 44, 46 и 48).

Нъ Лѣтописи 1864 года.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, 1 января 1864 года, повелѣно: Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ и временныя правила для сихъ учреждений ввести въ дѣйствіе въ губерніяхъ, поименованныхъ въ указѣ, въ томъ числѣ и *Воронежской*. (№ 4). 14-го октября г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ предложилъ г. Начальнику Воронежской губерніи о приступленіи ко введенію въ дѣйствіе означеннаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ. 29-го октября было уже первое засѣданіе временнаго губернскаго комитета. а 31 октября сообщено г.г. уѣзднымъ предводителямъ дворянства объ открытіи, 15 ноября, временныхъ уѣздныхъ комиссій по приведенію въ дѣйствіе Положенія о земскихъ учрежденіяхъ. (№ 44).

Высочайшимъ приказомъ, 7 января, Воронежскій Военный Губернаторъ, управляющій и гражданскою частію, свиты Его Величества генераль-маіоръ *Чертковъ* назначенъ Волынскимъ Военнымъ Губернаторомъ, управляющимъ и гражданскою частію, съ оставленіемъ въ свитѣ Его Величества и по армейской цѣхотѣ. (№ 5).

Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, въ 17 день января, повелѣно: состояще-

му при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, въ званіи Камергера, статскому совѣтнику князю *Трубецкому* быть исправляющимъ должность Воронежскаго Гражданскаго Губернатора. (№ 6). Князь Владиміръ Александровичъ Трубецкой вступилъ въ управленіе губернію 3 марта. (№ 12).

1-го февраля Воронежское общество давало прощальный обѣдъ бывшему начальнику губерніи Михаилу Ивановичу Черткову.

Въ рѣчахъ, произнесенныхъ на этомъ обѣдѣ, указывалось, между прочимъ, на крестьянскую реформу, которая, благодаря влиянію М. И. Черткова, получила въ Воронежской губерніи, какъ выразился А. Н. Соковъ, „мирное направленіе, съ сохраненіемъ добрыхъ отношеній заинтересованныхъ сословій“; указывалось на то, что заботами Его Превосходительства въ Воронежѣ учреждены два женскихъ училища 1 и 2 разряда (гимназія и прогимназія), а равно публичная бібліотека; указывалось еще, что „дѣйствія полиціи“, какъ выразился бывший Воронежскій городской голова А. И. Петровъ, „были строго ограничены законными ея обязанностями, и личная безопасность охранялась не столько страхомъ закона, сколько сознаніемъ и уваженіемъ долга; свобода мысли и слова, не выходящая изъ границъ законности, была допущена на столько, что могла-бы послужить, со временемъ, къ раскрытію нашей вѣковой замкнутости; торговля и промышленность, предоставленная своему натуральному ходу, избавлены были отъ докучной и вредной для нихъ административной опеки“.

Въ заключеніи описанія обѣда упоминается о подпискѣ для образованія стипендіи въ память Михаила Ивановича и о двухъ благородныхъ спектакляхъ, 2 и 3 февраля,—одномъ съ подобною же цѣлью и другомъ — въ пользу женскаго училища 1-го разряда. (№ 6).

2-го февраля открыта Воронежская публичная бібліотека; при чемъ однимъ изъ уредителей, М. Ф.

Де-Пуле былъ прочитанъ отчетъ о занятіяхъ по устройству библиотеки. (№ 7).

2-го мая Петербургскія газеты принесли извѣстіе о прекращеніи на 8 мѣсяцевъ изданія газеты „Воронежскій Листокъ“, по распоряженію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на основ. § VI Высочайше утвержденныхъ 12 мая 1862 г. временныхъ правилъ по цензурѣ. Сожалѣя о причинахъ, вызвавшихъ настоящую правительственную мѣру, редакция „губ. вѣд.“ высказала, что, несмотря на свои недостатки, „Листокъ“, не стѣсненный узкими рамками утилитарной программы, былъ не совсѣмъ бесполезнымъ органомъ мѣстной гласности и также не безъ пользы служилъ къ свободному обмѣну мыслей части нашего общества, въ чемъ оно весьма и весьма нуждается, особенно въ виду земскихъ учрежденій“. (№ 19).

16-го іюня открыло свои дѣйствія учрежденное въ Воронежѣ Отдѣленіе Государственнаго Банка. (№ 25).

Вслѣдствіе нѣсколькихъ пожаровъ, бывшихъ въ Воронежѣ, на Терновой-Полянѣ и близъ нея, при чемъ распространились толки о поджогахъ, имѣвшіе основаніе въ виду обнаруженнаго 30 августа покушенія на зажигательство. — губернскимъ начальствомъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, было учреждено особое временное полицейское отдѣленіе, помѣщенное, съ частью пожарной команды, у Дѣвичьяго монастыря, расположеніе котораго, въ случаѣ распространенія пламени, представляеть величайшую опасность не только для него самого, но и для сосѣднихъ зданій; къ временному полицейскому отдѣленію были прикомандированы 25 гарнизонныхъ солдатъ, размѣщенныхъ въ разныхъ мѣстахъ на квартиры, для караула. (№ 39).

Обнародованіе Высочайше утвержденныхъ 20 ноября уставовъ новаго судопроизводства, „не могло не произвестъ въ нашемъ обществѣ“, какъ замѣчаетъ редакция „губ. вѣд.“, „того возбужденнаго состоянія,

обусловливаемого живымъ сочувствіемъ великой законодательной реформѣ, въ которомъ русскій человѣкъ не можетъ оставаться хладнокровнымъ и относиться къ предмету спокойно, пока не выразитъ чѣмъ нибудь, болѣе или менѣе гласно, волнующихъ его чувствъ. Настоящее возбужденіе общества выразилось у насъ обѣдомъ, даннымъ, по подпискѣ, 13 декабря, въ залѣ Дворянскаго Собранія, — и значительное число принявшихъ участіе въ этомъ обѣдѣ лицъ всѣхъ сословій, не смотря на довольно высокую подписную цѣну, ясно показало, что въ дѣлѣ сочувствія къ судебной реформѣ Воронежъ не уступитъ первенства другимъ городамъ“. На этомъ обѣдѣ произнесли рѣчи г.г.: Управляющій губернію. Князь В. А. Трубецкой, исправл. долж. Губернскаго Прокурора Э. Я. Фуксъ, Директоръ училищъ Воронежской губерніи А. Ф. Спечура, Судебный Слѣдователь И. И. Дьяковъ и Чинovníкъ особыхъ порученій при Начальникѣ губерніи А. Д. Градовскій. Обѣдъ закончился нѣсколькими словами о томъ великомъ времени, въ которое мы живемъ, сказанными съ большимъ олушевленіемъ распорядителемъ обѣда, М. Н. Нечаевымъ.

Приводимъ здѣсь рѣчь Э. Я. Фукса:

„Одна великая мѣра слѣдуетъ за другою, сказала на дняхъ популярнѣйшій изъ нашихъ публицистовъ. Не исторія передаетъ намъ рассказы объ этихъ великихъ событіяхъ; мы сами ихъ переживаемъ. Не прошло и десяти лѣтъ, какъ началась работа преобразования нашей жизни, а ужъ каждый, сравнивъ недавнее прошлое съ настоящимъ, видитъ себя въ новой средѣ, встрѣчаетъ новыхъ людей и самъ сознаетъ себя новымъ человѣкомъ. Съ 1855 года яркими звѣздами заблистали отдѣльныя мѣры, подготовлявшія и предвѣщавшія будущее; загорѣлась благодатная заря 19 февраля 1861 года; Г.г., восходитъ солнце правосудія! Немного въ исторіи человѣческаго законодательства событій, которыя бы могли стать въ уровень съ такимъ гигантомъ, какъ крестьянская реформа: даровавъ свободу милліо-

намъ людей, она проложила путь къ всестороннему развитію нашего отечества. Вслѣдъ за нею, по важности, идетъ реформа, на празднованіе которой мы сошлись. *Судъ скорый, правый, милостивый и для всѣхъ равный* водворенъ въ Россіи, — и всякій, кто успѣлъ ознакомиться съ новыми уставами, радостно сознаетъ, что въ нихъ заключаются всѣ условія, необходимыя для осуществленія у насъ такого суда. Но какъ-бы ни были глубоко задуманы и вѣрно проведены законодательныя мѣры, полный успѣхъ ихъ зависитъ отъ содѣйствія всѣхъ членовъ общества. Примѣръ на глазахъ. Крестьянская реформа, измѣнившая основы нашей жизни, вызвала къ дѣятельности значительную долю лучшихъ силъ общества, — и она уже приведена въ исполненіе съ замѣчательными скоростью и правильностью. Неужели иначе отнесемъ мы къ судебной реформѣ. *Призывая благословеніе Всевышняго на успѣхъ этого великаго дѣла*, Государь Императоръ радостно выражаетъ надежду, что намѣренія Его осуществятся при ревностномъ содѣйствіи какъ cadaго отдѣльно въ кругу его личной дѣятельности, такъ и въ совокупномъ составѣ обществъ, сословій и земства. Богата исторія Россіи великими періодами, богатъ народъ русскій славными подвигами; были эпохи брани — онѣ вызывали доблести воинскія, настоящее время — время внутренняго перерожденія — должно вызвать доблести гражданина. Мы, люди служилые, не пожалѣемъ трудовъ своихъ и честно исполнимъ лежащую на насъ обязанность. Но ряды наши должны пополниться; нынѣ все общество призвано къ участию въ судѣ чрезъ посредство мировыхъ судей и присяжныхъ. Пусть-же лучшіе Русскіе люди стануть въ ряды вмѣстѣ съ нами, но пусть вспомнятъ они, что на судѣ рѣшаются самыя дорогіе для чедовѣка интересы: честь, свобода, достояніе; ошибочное рѣшеніе и вызванныя имъ слезы и страданія тяжелымъ камнемъ ложатся на совѣсти судей. Приготовимъ-же себя къ святому исполненію этой новой нашей обязанности, станемъ учиться по-

становлять непогрѣшимыя рѣшенія, и для того испросимъ разрѣшеніе на учрежденіе юридическихъ обществъ: въ нихъ, научая другъ друга, обмѣниваясь пріобрѣтенными опытомъ и знаніемъ, мы выработаемъ изъ себя достойныхъ дѣятелей новаго суда“.

„Г.г., въ два года законодательныя Комиссіи изготавили проекты новаго судопроизводства. Трудъ громадный и замѣчательный, юридическое достоинство котораго признано знаменитымъ европейскимъ юристомъ Миттермайеромъ. Празднуя, не забудемъ виновниковъ нашего праздника, — заявимъ членамъ этихъ Комиссій глубокую признательность нашего общества за ихъ труды и выпьемъ за здоровье ихъ и главнаго руководителя ихъ работъ, Владиміра Петровича Буткова!“.

Предложеніе это встрѣтило живое сочувствіе общества, и немедленно была отправлена въ Петербургъ, на имя предсѣдателя Комиссій, В. П. Буткова, слѣдующая телеграмма:

„Воронежскіе дворяне, граждане, служащіе, собравшись на обѣдъ по случаю обнародованія уставовъ новаго суда, выражая признательность членамъ Комиссій и Вамъ, какъ главному руководителю ихъ работъ, пьютъ Ваше здоровье“.

На слѣдующій день, 14 декабря, была получена изъ Петербурга слѣдующая отвѣтная депеша: „Въ Воронежъ, Губернатору князю Трубецкому. Прошу передать всѣмъ участвовавшимъ на обѣдъ мою искреннюю благодарность за лестное для меня ихъ вниманіе. *Бутковъ*“. (№ 51).

Въ 1864 году вышла въ свѣтъ *Памятная книжка Воронежской губерніи на 1863—1864 г.*

Въ эту книжку, кромѣ статистическихъ и справочныхъ свѣдѣній, а равно адресъ-календаря, вошли слѣдующія статьи:

Дивногорскій Успенскій монастырь, А. М. (Съ видомъ этого монастыря).

Очерки Задонскаго уѣзда и тамошняго мужскаго монастыря, Н. Трухачева.

Статистическія таблицы, служащія къ опредѣленію движенія образованія въ Воронежской губерніи въ періодъ времени, отъ 1800 по 1862 годъ, І. Веселовскаго.

Воронежская летопись.

1865—1867 г.г.

(Редакторъ Г. М. Веселовскій).

Въ тридцати-лѣтній періодъ (1838 - 1868) существованія „Воронеж. Губ Вѣдомостей“, они пользовались большою извѣстностью въ концѣ 40-хъ и въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, когда неофициальная часть „вѣдомостей“ наполнялась статьями по исторіи, статистикѣ и этнографіи, и въ 60-хъ г.г., когда, кромѣ подобныхъ цѣнныхъ трудовъ, имѣвшихъ цѣль изученіе Воронежскаго края, нерѣдко помещались статьи, посвященныя разработкѣ различныхъ вопросовъ, касавшихся мѣстной жизни.

Въ послѣдніе годы, которыми завершился періодъ процвѣтанія „губ. вѣд.“, редакторомъ ихъ былъ Григорій Михайловичъ Веселовскій, исполнявшій эту обязанность съ 1 января 1865 по 1 января 1868 г.

Григорій Михайловичъ, уроженецъ Саратовской губерніи, въ 1859 году окончилъ курсъ въ бывшемъ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, съ званіемъ старшаго учителя гимназій и награжденіемъ серебряною медалью; въ томъ-же году, въ августѣ мѣсяцѣ, онъ прибылъ въ Воронежъ на мѣсто старшаго учителя (исторіи) Воронежской губернской гимназій. По словамъ Григорія Михайловича (изъ воспоминаній о М. Ѳ. Де-

Пуле, газ. „Донъ“, 1885 г., № 107), поступивъ въ составъ учителей губернской гимназіи, онъ очутился на первыхъ же порахъ въ какомъ-то подавляющемъ нравственномъ мракѣ. „Мои товарищи“, говоритъ онъ, „смотрѣли на меня, какъ на юную птицу, которая непременно должна была обжечь свои высокопарныя крылья на кострѣ сожиганія всяческихъ порывовъ и всяческихъ стремленій, залетавшихъ за предѣлы сложившихся условій жизни персонала губернской гимназіи... но что это были за предѣлы?! Въ то время, какъ, въ концѣ 50-хъ годовъ, со всѣхъ сторонъ повѣяло пробужденіемъ общественнаго самосознанія, губернская гимназія совсѣмъ не хотѣла выходить на эту встрѣчу и съ упорствомъ держалась за свои традиции... Учителя гимназіи съ утра формально отбывали свои учебные часы въ гимназіи; послѣ обѣда еще болѣе формально обѣдали свои приватные уроки по частнымъ пансіонамъ и домамъ; а ввечеру они уже сидѣли или за картами, или играли въ *petits jeux* у когонибудь изъ своихъ товарищей. предаваясь, въ концѣ концовъ, услажденію роскошнымъ ужиномъ со всевозможными наливками... и это повторялось не по праздничнымъ только днямъ, свободнымъ отъ занятій, а положительно день за днемъ, точно для этого была обязательная и неизбѣжная для исполненія программа“...

„Пріѣхавъ въ Воронежъ 22-хъ лѣтъ отъ роду“, говоритъ далѣе Г. М., „съ самыми возвышенными стремленіями, внушенными мнѣ наукой и лучшими профессорами науки концѣ 50-хъ годовъ, я совсѣмъ было захохоталъ въ той сферѣ, въ какой мнѣ приходилось дышать по волѣ провидѣнія... И еслибы не огонекъ, свѣтившійся въ то время изъ-за стѣны кадетскаго корпуса и манившій меня къ себѣ хотя одной милліонной долей удовлетворенія моихъ стремленій, то я не знаю, что могло-бы случиться со мной“...

Григорій Михайловичъ остановился на мысли—познакомиться прежде всего съ М. Ѳ. Де-Пуле, около

котораго группировались не только педагоги, серьезно отданные своему дѣлу, но и лучшіе Воронежскіе интеллигентные люди, находившіеся подъ вліяніемъ умственныхъ интересовъ, привившихся на нашей почвѣ, благодаря, между прочимъ, *Второвскому кружку*.

Воронежъ никогда не былъ чуждъ умственной жизни, которая, какъ всякая жизнь, имѣетъ свои періоды. Въ Воронежѣ родились и впоследствии прославились: *Евфимій* (Евгеній) *Болховитиновъ*, первый Воронежскій историкъ; поэты *Кольцовъ* и *Никитинъ*; здѣсь жилъ и оставилъ неизгладимые слѣды своей учено-литературной дѣятельности — *Иторовъ*.

Въ 60-хъ годахъ, Воронежъ, въ ученое и литературное движеніе, стоялъ впереди почти всѣхъ провинціальныхъ городовъ.

Въ 1860 г. здѣсь началъ издаваться журналъ „Филологическія Записки“^{*)}; въ 1861 году изданы: два учено-литературныхъ сборника „Воронежская Бесѣда“ и „Воронежскій Сборникъ“; „Памятная книжка Воронежской губерніи“ на 1861 годъ и „Орловскіе акты“. Въ 1862 г. возникла первая частная газета „Воронежскій Листокъ“, продолжавшаяся шесть лѣтъ—до 1868 г. включительно; въ то же время „Воронеж. Губ. Вѣдомости“, оживленныя попеременно редактировавшими ихъ лицами, были такъ хорошо поставлены, что считались одними изъ лучшихъ въ Россіи; въ 1864 и 1867 г.г. изданы памятные книжки Воронежской гу-

^{*)} Въ „Лѣтописи“ 1862 г. (стр. 899) мы сказали, что журналъ „Филологическія Записки“ началъ издаваться съ января 1862 г., какъ можно было заключать по свѣдѣніямъ, содержащимся въ „губ. вѣд.“ и газетѣ „Донъ“, но это не вѣрно: изъ объясненій съ почтеннымъ редакторомъ-издателемъ „Филологическія Записки“ мы узнали, что журналъ этотъ началъ издаваться съ 1860 г., когда было выпущено только 3 книги, а остальныя 3 книги вышли въ 1861 г. и эти 6 кн. помѣчены *первыми* годами; въ 1862 и 1863 г. также вышло по 3 книги, помѣченныхъ *вторыми* годами.—Кромѣ того, мы узнали отъ А. А. Хованскаго, что „первоначальная мысль“ объ изданіи названнаго журнала *вообще* принадлежитъ ему, а не М. Ѳ. Де-Пуле, какъ сообщалъ Академикъ *Гротъ*, основываясь, впрочемъ, на слухахъ.

берніи; съ 1866 года началось изданіе „Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“; въ 1868 году появилась другая частная газета „Донъ“, а „Воронежскій Листокъ“ изъ литературной газеты сдѣлался газетой практической и выходилъ въ 1869 году, подъ заглавіемъ „Воронежскаго Справочнаго Листка“; въ этомъ же году издателемъ его начата еще частная газета „Воронежскій Телеграфъ“. Кромѣ того, изданы полныя монографіи городовъ Воронежа и Острогожска, не говоря уже о другихъ вышедшихъ въ то время сочиненіяхъ, не имѣющихъ мѣстнаго характера.

Для болѣе полной обрисовки умственнаго движенія въ Воронежѣ, особенно развившагося въ 60-хъ годахъ, укажемъ еще на бывшія у насъ *юбилейныя празднества* въ честь Ломоносова, Карамзина, Крылова и Волховитинова; на всѣхъ этихъ празднествахъ, равно какъ и на музыкально-литературныхъ вечерахъ, устраивавшихся съ благотворительною цѣлью, читались оригинальныя произведенія мѣстныхъ писателей. Наконецъ, въ Воронежѣ читались публичныя лекціи: въ 1863 г.—по политической экономіи (Веселовскимъ), въ 1864 г.—по сельскому хозяйству (Братчиковымъ), въ 1865 г.—объ основныхъ началахъ земскихъ учрежденій (Градовскимъ) и въ 1867 году—о частной гигиенѣ (Федяевскимъ).

Мы нашли необходимымъ указать здѣсь на этотъ особенно выдающійся десяти-лѣтній періодъ учено-литературной дѣятельности въ Воронежѣ потому, что начало такой дѣятельности совпало съ пріѣздомъ въ Воронежъ Г. М. Веселовскаго, который, какъ увидимъ ниже, вскорѣ-же заявилъ свою учено-литературную дѣятельность сначала какъ участникъ литературнаго кружка М. Ѳ. Де-Пуле, а потомъ, какъ самостоятельный дѣятель, въ качествѣ публициста и историка.

Григорій Михайловичъ недолго былъ учителемъ въ гимназіи: въ 1864 году онъ уже вышелъ въ отставку, оставивъ о себѣ память, какъ о хорошемъ

педагогъ. Кроме преподаванія въ гимназiи, онъ имѣлъ много частныхъ уроковъ и нѣкоторое время читалъ лекціи, по статистикѣ и политической экономiи, въ кадетскомъ корпусѣ, куда, какъ извѣстно, приглашались только лучшіе педагоги.

Коснувшись дѣятельности Г. М., какъ преподавателя гимназiи, отмѣтимъ слѣдующій фактъ: занимаясь самъ разработкою матеріаловъ, для изученія Воронежскаго края, Г. М. успѣлъ пріохотить къ этой работѣ сначала нѣсколькихъ учениковъ изъ старшихъ классовъ гимназiи, а потомъ, когда дѣло пошло успѣшно, онъ сталъ приучать къ подобнымъ трудамъ и младшихъ своихъ учениковъ, — именно, учениковъ III класса. По его указанiю, многими изъ гимназистовъ заведены были памятные тетради, въ которыхъ они отмѣчали все, что только попадалось имъ на глаза замѣчательнаго въ историческомъ, статистическомъ, экономическомъ и другихъ отношенiяхъ. Изъ многихъ группъ собранныхъ такимъ образомъ данныхъ они составляли потомъ систематическій очеркъ — и часто, при помощи г. Веселовскаго, дѣлали разумные выводы изъ своихъ наблюденiй. Подъ влиянiемъ такихъ самостоятельныхъ занятiй, для многихъ изъ гимназистовъ стали оживать тѣ статистическія цифры, которыя прежде казались имъ совершенно мертвыми. Самымъ удобнымъ временемъ для такихъ трудовъ г. Веселовскій считалъ гимназическіе каникулы, когда воспитанники гимназiи, можно сказать, разсыпаются по всѣмъ уголкамъ Воронежской губерніи. Поэтому, предъ каждымъ роспускомъ, онъ посвящалъ одну лекцію на разъясненіе предстоящаго для гимназистовъ, во время каникулъ, труда и на предложеніе цѣлаго ряда вопросовъ, на которые они могли, каждый въ своемъ уголкѣ, записать въ своихъ памятныхъ тетрадяхъ отвѣты*. (См. „Воронеж. Губ. Вѣд.“ 1864 г., № 37). Какъ на результатъ подобныхъ занятiй, можно указать, между прочимъ, на нѣсколько дѣльныхъ статей, принадлежащихъ перу

воспитанниковъ гимназій и помѣщенныхъ въ „губ. вѣд.“, при чемъ воспитанникъ *Ткачевъ*, какъ собиратель и составитель статей, касающихся этнографіи Богучарскаго уѣзда, приобрѣлъ даже извѣстность въ нашей мѣстной литературѣ.

Григорій Григорьевичъ Ткачевъ, сынъ крестьянина слободы Дьяченковой Богучарскаго уѣзда, учился сначала въ Богучарскомъ уѣздномъ училищѣ, а потомъ перешелъ въ Воронежскую гимназію. Въ 1863 году, когда Ткачеву было 16 лѣтъ, онъ высказалъ учителю своему Г. М. Веселовскому, что чувствуетъ въ себѣ непреодолимое стремленіе писать. „Я попросилъ у него“, говоритъ Г. М., „показать мнѣ хоть что-нибудь изъ написаннаго имъ, и чрезъ день получилъ цѣлую куду тетрадей, исписанныхъ стихами и прозой. Прочитавъ эти тетради, я нашелъ въ нихъ проблески весьма сильнаго беллетристическаго таланта, но въ то же время я боялся, что этому таланту еще слишкомъ рано выступать на литературное поприще и потому посоветывалъ Ткачеву больше читать и позаботиться пройти полный курсъ образованія не только въ гимназій, но и въ университетѣ. потому что ученье не ослабляетъ, а, напротивъ, усиливаетъ всякій природный талантъ. Между прочимъ, замѣтивъ въ его статьяхъ сюжеты, преимущественно изъ народнаго быта, я посоветывалъ ему поближе изучить народный бытъ, во время каникулярныхъ побѣдокъ; результатомъ такого указанія и было его занятіе мѣстной этнографіей. Когда онъ былъ только въ 5-мъ классѣ гимназій, онъ уже составилъ во время каникулъ весьма обстоятельную статью подъ заглавіемъ: „Статистическое и этнографическое описаніе Дьяченковской волости Богучарскаго уѣзда“, помѣщенную въ №№ 2—9 „Воронеж. Губ. Вѣд.“ за 1864 годъ. Эта статья обратила на себя весьма лестное вниманіе Воронежскаго Статистическаго Комитета, который, желая содѣйствовать разви-

тію обнаружившагося въ молодомъ юношѣ стремленія въ занятіямъ мѣстною этнографіею и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду воспользоваться его трудами при работкѣ мѣстной этнографіи, во время лѣтней каникулярной поѣздки Ткачева въ Богучарскій уѣздъ, далъ ему нѣкоторое денежное пособіе. Результатомъ этой поѣздки было описаніе цѣлаго Богучарскаго уѣзда — сочиненіе, представленное Ткачевымъ на конкурсъ, объявленный въ 1864 году Стат. Комитетомъ, и удостоенное полной преміи въ 150 руб.“ Сочиненіе это, въ извлеченіи, напечатано въ памятной книжкѣ на 1865—1866 г., подъ заглавіемъ: „Этнографическіе очерки Богучарскаго уѣзда“. Другіе отрывки изъ этого сочиненія напечатаны въ „Воронеж. Губ. Вѣдом.“ 1865 года: „Ярмарки въ Богучарскомъ уѣздѣ“ — №№ 1 и 2; „Историческія указанія на мѣстность и народонаселеніе уѣзда“ — № 16, 19, 20 и 25; „Число жителей въ уѣздѣ“ — № 26 „Отличительный оттѣнокъ всѣхъ произведеній Ткачева — это необыкновенно сильная симпатія къ простому народу и особенная забота уловить міровоззрѣніе этого народа въ его обрядахъ, обычаяхъ, пѣсняхъ, сказкахъ, легендахъ, повѣрьяхъ и т. п. проявленіяхъ народнаго духа. Въ обрисовкѣ быта народа онъ доходилъ до самыхъ микроскопическихъ наблюденій, и потому его описанія всегда отличались особенною жизненностью“. Всѣ эти данныя представляли слишкомъ много задатковъ для будущаго, и ожидалось, что природный талантъ Ткачева, при дальнѣйшемъ образованіи, раскроется въ полной силѣ. Но надеждамъ этимъ не суждено было сбыться: „Ткачевъ, какъ цвѣтокъ, которому только что нужно было распуститься, былъ срѣзанъ смертію“. По окончаніи курса въ гимназій, въ 1866 году онъ поступилъ въ студенты Медико-хирургической Академіи, а 6-го января 1867 г. скончался въ Петербургѣ, отъ аневризма, на 20 мѣ. году жизни.

„Если каждая мѣстность“, говоритъ Г. М. Веселовскій, „должна гордиться своими родными земляками.

выходящими изъ ряда обыкновенныхъ, то мы вправѣ сказать, что съ раннею потерю своего земляка Ткачева наша мѣстность потеряла одного изъ лучшихъ своихъ юношей. обѣщавшаго занять мѣсто въ ряду такихъ лицъ, какъ Кольцовъ, Никитинъ, Второвъ, Зиновьевъ и др. наши литературные дѣятели“. („Губ вѣд.“ 1867 г., № 11).

Послѣ остановки, посвященной памяти нашего талантливаго земляка, продолжимъ рѣчь о Г. М. Веселовскомъ.

Бывши еще учителемъ гимназіи, онъ заявилъ свою учено-литературную дѣятельность интересною статьею „Историческій очеркъ Воронежской гимназіи отъ 1785 до 1835 года“, помѣщенною въ „Воронежской Вѣстѣ“ на 1861 годъ. Воронежская публика ближе познакомилась съ нимъ на литературномъ вечерѣ 17 марта 1863 года, гдѣ онъ прочиталъ статью свою „Гимназическіе типы“, прослушанную съ большимъ вниманіемъ и возбудившую толки, какъ замѣчаетъ современная летопись. Въ томъ же году онъ прочиталъ рядъ публичныхъ лекцій по политической экономіи, составлявшей спеціальнѣйшій предметъ его занятій, и помѣстилъ въ „губ. вѣд.“ нѣсколько статей по вопросу объ устройствѣ въ Воронежѣ реальной гимназіи; вопросъ объ этомъ былъ поставленъ Г. М. настолько серьезно, что вызвалъ рядъ статей г.г. Де-Пуле, Тарачкова, Спенуры и Михайлова. Въ 1863 г. Воронежскій Губ. Статистич. Комитетъ избралъ Г. М. своимъ дѣйствительнымъ членомъ и въ памятной книжкѣ на 1863—1864 г., изданной Комитетомъ, были уже помѣщены составленные Г. М. „Статистическія таблицы, служащія къ опредѣленію движенія образованія въ Воронежской губерніи въ періодъ времени отъ 1800 по 1862 годъ“. Въ 1864 г. онъ помѣстилъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ свой трудъ, подъ заглавіемъ „Ист.

исторіи частныхъ народныхъ школъ въ Воронежской губерніи“.

До сихъ поръ учено-литературная дѣятельность Григорія Михайловича не выходила изъ той области, въ которой онъ вращался, какъ состоявшій на службѣ въ гимназіи, и была, такъ сказать, плодомъ досуга, при служебныхъ занятіяхъ.

Но, покинувши гимназію, Г. М. посвятилъ себя исключительно литературѣ и, занявшись подробнымъ описаніемъ города Воронежа, въ то же время редактировалъ „Воронежскія Губернскія Вѣдомости“.

Въ 1866 году уже вышелъ въ свѣтъ капитальный трудъ его, подъ заглавіемъ: „Воронежъ въ историческомъ и современно-статистическомъ отношеніяхъ, съ подробнымъ планомъ города и его окрестностей“. Въ 1867 году появился новый трудъ Григорія Михайловича: „Городъ Острогожскъ (Воронежской губерніи) и его уѣздъ. Историко-статистическій и этнографическій очеркъ съ планомъ города и географическою картою уѣзда“. По отношенію къ этимъ двумъ книгамъ. *Академикъ Гротъ*, въ своей статьѣ „Изъ поѣздки въ Воронежъ“, помѣщенной въ „Вѣстникъ Европы“ 1870 года, далъ слѣдующій отзывъ:

„Первый изъ этихъ трудовъ издавъ въ 1866 году губернскимъ статистическимъ комитетомъ, а второй напечатанъ въ 1867 году въ губернскихъ вѣдомостяхъ и отдѣльными оттисками. Изъ предисловія къ послѣднему мы съ удовольствіемъ узнаемъ, что г. Веселовскій, посвятивъ себя изученію всего мѣстнаго края, намѣренъ мало-по-малу описать въ отдѣльныхъ очеркахъ всю губернію: каждый уѣздъ съ своимъ городомъ составить предметъ особой монографіи. Такое предпріятіе тѣмъ болѣе достойно поощренія, что къ общей цѣли ознакомленія съ краемъ авторъ присоединяетъ еще другую специальную: „своимъ трудомъ—говоритъ онъ—мы хотимъ дать подручный матеріалъ педагогамъ для мѣстнаго *отчизновѣдѣнія*. Будучи глубоко убѣждены въ

громадномъ значеніи этого образовательнаго предмета, мы думаемъ, что чѣмъ скорѣе явится возможность ввести его въ курсъ нашихъ училищъ, тѣмъ ближе мы подойдемъ къ рациональному изученію какъ вообще исторіи и географіи, такъ въ особенности исторіи и географіи *отечественной*". Въ обоихъ названныхъ сочиненіяхъ г. Веселовскій пользовался не только свѣдѣніями и изслѣдованіями, разбѣянными въ разныхъ изданіяхъ, но и рукописными источниками, хранящимися частію въ Воронежскихъ архивахъ, частію въ статистическомъ комитетѣ. Описаніе Воронежа раздѣляется на двѣ главныя части—историческую и статистическую. Въ первой, по всей справедливости, особенное вниманіе обращено авторомъ на ту эпоху существованія Воронежа, когда онъ былъ поприщемъ дѣятельности Петра Великаго. По этому поводу г. Веселовскій говоритъ, между прочимъ: „Пребываніе Петра въ Воронежѣ со всею его свитою, съ иностранцами, мастерами, не могло не имѣть вліянія на мѣстныхъ жителей. Воронежъ едва-ли не прежде всѣхъ русскихъ городовъ долженъ былъ столкнуться съ реформою Петра, потому что наплывъ иноземнаго элемента въ такомъ громадномъ количествѣ въ такой, сравнительно, небольшой городокъ, не могъ невольно не отразиться на нравахъ и обычаяхъ воронежцевъ. Не даромъ мы встрѣчаемъ указанія на тотъ замѣчательный фактъ, что воронежское купечество при Петрѣ приняло европейскій оттѣнокъ и рѣзко отличалось отъ купечества всѣхъ другихъ городовъ. Пирь и празднества, бывшія въ Воронежѣ всякій разъ по пріѣздѣ сюда Государя,—пирь, обставленные всѣми возможными иностранными обычаями и затѣями, часто шедшими въ радикальный разрѣзъ съ русскою стариною, — а тутъ еще цѣлые кварталы голландцевъ и нѣмцевъ, съ ихъ постоянною оригинальною, въ особенности въ глазахъ тогдашняго русскаго общества, жизнію, начиная отъ костюма и кончая языкомъ и пищею,—безъ всякаго сомнѣнія, возбуждали въ мѣстныхъ жителяхъ напряжен-

ное чувство, и если не захватывали этого чувства въ свою пользу, то, по крайней мѣрѣ, возбуждали борьбу,— реакцію, выразившуюся особенно рѣзко въ столетовніяхъ тогдашняго мѣстнаго представителя русской жизни и православія, преосвященнаго Митрофанія, съ Петромъ... Исчезло-ли вліяніе петровской поры на позднѣйшее поколѣніе воронежцевъ—это рѣшается само собою, если принять во вниманіе ту характерную особенность г. Воронежа, которая обособляетъ его въ средѣ другихъ губернскихъ городовъ этого географически глухого края. Казалось бы, Воронежу, отрѣзанному отъ современныхъ бойкихъ сообщеній, нужно было отстать отъ современной русской цивилизаци, но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ“.

Въ статистической части сочиненія интересна, между прочимъ, глава о постепенныхъ измѣненіяхъ во вѣшности Воронежа, который наконецъ совершенно потерялъ прежній свой видъ. Большіе пожары, начиная съ 1703 года, постепенно уничтожали древнія особенности города и развивали „мысль о необходимости раздвинуть предѣлы его, давъ ему тяготѣніе не къ рѣкѣ, какъ это было въ петровскую пору, а по нагорью въ поле“. Новѣйшій характеръ построекъ сталъ особенно господствовать послѣ 1779 года, когда открыто въ Воронежѣ намѣстничество; съ этого времени здѣсь поселилось значительное число административныхъ чиновниковъ, а между тѣмъ и разбогатѣвшее купечество не мало содѣйствовало быстрой и хорошей обстройкѣ города каменными домами. По словамъ Евгенія Болховитинова, „видъ города изъ-за рѣки Воронежа прекрасенъ и представляетъ горы, украшенныя вышнюю церковью и колоколенъ, а скаты и долины—успаванные пестротой разныхъ зданій“. Особенная строительная дѣятельность началась въ Воронежѣ съ 1824 г., когда назначенъ былъ туда губернаторомъ Н. И. Кривоцовъ. Большая часть капитальныхъ улучшеній по вѣшней обстройкѣ города относится именно ко времени

этого краткаго губернаторства. Открытіе мощей святи- теля Митрофана вызвало опять строительное дви- женіе, впрочемъ преимущественно только въ монастыр- скомъ краю. Последнее значительное улучшеніе Во- ронежа произошло въ концѣ 1850-хъ годовъ при гу- бернаторѣ Н. П. Синельниковѣ.

Къ историческому обзорѣнію Воронежа въ книгѣ г. Веселовскаго приложенъ, между прочимъ, списокъ управлявшихъ краемъ губернаторовъ, начиная съ учре- жденія въ 1708 году губерній до нынѣшняго времени. Любопытно, что до конца прошлаго столѣтія тамъ смѣ- нилось въ этомъ званіи 18 лицъ и столько-же перебы- вало ихъ отъ 1800 до 1870 года. Разбирая списокъ подробнѣе, мы находимъ, что долѣе всѣхъ мѣсто Во- ронежскаго губернатора занималъ Иванъ Алексѣевичъ Цотаповъ (1775—1791=16 лѣтъ), а за нимъ А. М. Пушкинъ (1748—1760=12 лѣтъ); въ настоящемъ же столѣтіи самыя продолжительныя губернаторства дли- лись не болѣе 6-ти лѣтъ; это встрѣчается четыре раза: остальные продолжались только отъ 5-ти до 2-хъ лѣтъ.

Описаніе уѣздныхъ городовъ Воронежской губер- нии г. Веселовскій началъ съ Острогожска, второго по важности города въ цѣлой губернии. Находясь въ юж- ной ея части, Острогожскъ представляетъ въ своемъ населеніи преобладаніе малороссійскаго элемента, и авторъ сообщаетъ здѣсь много любопытнаго въ этно- графическомъ отношеніи. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожи- дать описанія остальныхъ 11-ти уѣздовъ, въ твердой увѣренности, что просвѣщенное губернское начальство и статистическій комитетъ, оцѣнивъ способности и трудолюбіе г. Веселовскаго, употребятъ всѣ средства къ поддержанію такого полезнаго предпріятія, важнаго и для науки и для практическаго знакомства съ Рос- сіей. Нельзя не пожалѣть, что въ настоящее время г. Веселовскій принужденъ раздроблять свою дѣятель- ность и заниматься изданіемъ газеты“.

Судя потому, что Г. М. успѣлъ, въ короткое сравни- тельно время, составить описаніе г. Воронежа и Остро-

гожскаго уѣзда и приступилъ къ описанію Бобровскаго уѣзда, помѣщая этотъ трудъ въ „губ. вѣд.“, въ продолженіи 4-хъ мѣсяцевъ, съ августа по декабрь 1867 г., можно съ увѣренностью сказать, что Г. М. осуществилъ-бы свое предположеніе, относительно всѣхъ уѣздовъ Воронежской губерніи, тѣмъ болѣе, что въ „губ. вѣд.“ и Статистическомъ Комитетѣ накопилось много разработанныхъ данныхъ почти по всѣмъ отдѣламъ, которые должны были войти въ описаніе уѣздовъ. Но, къ сожалѣнію, Г. М. не былъ поддержанъ въ такомъ полезномъ предпріятіи и даже вынужденъ былъ, по истеченіи трехъ лѣтъ, оставить редакцію „губ. вѣдомостей“, служившихъ ему подспорьемъ, при историко-статистическихъ трудахъ. Постоянно помѣщая въ „губ. вѣд.“ эти труды, Г. М., въ тоже время, не оставлялъ безъ вниманія и текущей жизни. Въ теченіи трехъ лѣтъ имъ напечатано много статей, подъ рубрикою „Воронежь“, въ которыхъ, кромѣ городской хроники, обсуждались разные вопросы, касавшіеся мѣстной жизни. Съ 26-го мая 1865 г. „губ. вѣд.“ стали издаваться *два раза* въ недѣлю: по средамъ и субботамъ; учащенный выходъ „вѣдомостей“ требовалъ и болѣе усиленныхъ трудовъ редакціи, какъ между тѣмъ, по словамъ Г. М., ему „приходилось иногда не имѣть ничего въ своемъ редакторскомъ портфельѣ и быть одному и редакторомъ, и составителемъ статей для цѣлыхъ нумеровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ *корректоромъ*“. По этому же поводу Г. М. высказалъ, что „положеніе редактора неофициальной части „губ. вѣд.“, при скудости вообще средствъ этого изданія, — дѣло весьма рискованное относительно успѣха веденія дѣла: статьи сотрудниковъ и корреспондентовъ не оплачиваются ни одною копѣйкою, кромѣ развѣ полученія безденежно самой газеты, да иногда нѣсколькихъ отдѣльныхъ оттисковъ статьи въ пользу автора — вотъ весь гонораръ, какой предлагала и на будущее время можетъ предложить своимъ сотрудникамъ и корреспондентамъ редакція „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. Но, благодаря исторически-

сложившейся преемственной связи, безкорыстные труженники на мѣстномъ литературномъ поприщѣ понижаютъ средства редакціи и несутъ ей свой трудъ, не требуя больше того, что она можетъ отъ себя дать.“ („Губ. вѣд.“ 1865 г. № 83).

Плата собственно за труды редактора никогда не превышала 500 руб. въ годъ, и поэтому редакторомъ обыкновенно назначалось лицо, получающее особое содержаніе по другой какой-либо службѣ. Г. М. Веселовскій, какъ несостоявшій на службѣ, былъ еще редакторомъ „Воронежскаго Листка“ (съ 14-го августа 1866 г.) и кромѣ того корреспондировалъ въ разныя столичные газеты и журналы. При всемъ томъ, онъ не мало удѣлялъ времени для „губ. вѣд.“, такъ что рѣдкій № выходилъ безъ его собственной статьи.

Вообще онъ занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ числѣ немногихъ редакторовъ, много и благотворно потрудившихся для „губ. вѣдомостей“.

Сложивши съ себя званіе редактора „губ. вѣд.“ и „Воронеж. Листка“, Григорій Михайловичъ приобрѣлъ право на изданіе газеты „Донъ“ (со второй половины 1868 года) и сдѣлался собственникомъ типографіи.

Въ 1870 г. онъ издавалъ, въ теченіи 2-хъ мѣсяцевъ, „Воронежскій Ежедневный Календарь“, какъ всесторонній указатель необходимыхъ мѣстныхъ свѣдѣній, но этотъ „Календарь“ оказался излишнимъ, также какъ и „Воронеж. Справочный Листокъ“ (Гольдштейна), прекратившійся въ 1871 г.

Какъ издатель, сотрудникъ и ближайшій руководитель газеты „Донъ“, стремясь къ тому, что-бы она отвѣчала потребностямъ читателей, Г. М. принималъ для этого все, что лично отъ него зависѣло, и успѣлъ упрочить продолжительное существованіе газеты, хотя и при ограниченномъ числѣ подписчиковъ. Конечно, съ точки зрѣнія иныхъ читателей, многого

не достаётъ для того, чтобы газета вполне отвѣчала своему назначенію, но такая требовательность, по отношенію къ провинціальной газетѣ, возможна только со стороны того, кто мало знакомъ съ условіями, при которыхъ существуетъ провинціальная пресса.

Въ большинствѣ случаевъ, провинціальныя газеты основываются на мѣдные гроши, и газетное дѣло едва-едва оплачиваетъ расходъ на бумагу и на печатаніе; только объявленія даютъ нѣкоторый доходъ издателю. Редакторскій трудъ и трудъ сотрудниковъ зачастую остается безъ всякой оплаты, такъ какъ платить не изъ чего. Люди, пишущіе въ провинціальной печати— это безкорыстные труженники, которые работаютъ изъ любви къ литературному дѣлу. Не получая никакого вознагражденія, мѣстный писатель, если онъ крѣпко держится правды, испытываетъ однѣ лишь непріятности. Многіе еще не сознаютъ пользу гласности, хотя она, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ одно изъ серьезнѣйшихъ условій всякаго разумнаго предпріятія. Гласность, такъ сказать, подготавливаетъ, развиваетъ, регулируетъ и контролируетъ каждое дѣло, влияющее на общественную жизнь. Мѣстному обществу еще сильно рѣжетъ глазъ всякое прямое указаніе на разнаго рода ненормальности. „Зацѣпи ихъ мѣстная печать“, говорить одинъ изъ мѣстныхъ писателей, „она зацѣпитъ мѣстныхъ вожakovъ и воротилъ, которые способны раздѣлаться съ своимъ врагомъ „по—свойски“, т. е. доконать во что-бы то ни стало. Вообще у провинціальной печати, по словамъ того-же писателя, враговъ больше, чѣмъ друзей“, и этимъ, между прочимъ, объясняется недостатокъ подписчиковъ, а слѣдовательно, и средствъ, необходимыхъ для существеннаго улучшенія газетнаго дѣла.

При такомъ отношеніи общества къ мѣстной прессѣ, даже лучшіе изъ руководителей ея не всегда сохраняютъ энергію для борьбы съ препятствіями и не всегда удерживаются на высотѣ своего призванія...

Переходя отъ газетъ къ книгамъ мѣстнаго изданія, мы и здѣсь замѣчаемъ равнодушіе общества, неблагопріятно отзывавшееся на книжной производительности. Одинъ изъ провинціальныхъ писателей, коснувшись этого вопроса, (Н. Ф. Хованскій; Очерки по исторіи г. Саратова и Саратовской губерніи, 1884 г.) говоритъ, что „къ числу условій, неблагопріятствующихъ книжной производительности, должно отнести также вкоренившуюся въ провинціяхъ нелюбовь къ *своему*, къ тому, что выходитъ и печатается въ самой провинціи, недовѣріе къ провинціальному работнику, скромныхъ достоинствъ котораго не замѣчаютъ, а недостатки преувеличиваютъ. Въ провинціальныхъ магазинахъ— мѣстныя изданія въ загонѣ. Конечно, многія изданія совсѣмъ не замѣчательны, но они ничѣмъ не хуже Манухинскихъ и Леухинскихъ издѣлій, находящихся въ провинціи громаднѣйшій сбытъ. Манухинскія и Леухинскія книги процвѣтаютъ, а мѣстныя изданія не находятъ даже пріюта въ магазинахъ. Не говоря о книгахъ общаго содержанія, даже книги, *посвященныя исторіи мѣстнаго края*, которыя, конечно, въ столицахъ не фабрикуются, и тѣ плохо держатся въ нашихъ (Саратовскихъ) магазинахъ. Такъ, напр., изданія Статистическаго Комитета продавались и продаются съ аукціона, какъ оберточная бумага. Понятно, что книги, выходящія въ провинціи, печатаются въ самомъ ограниченномъ числѣ и рѣдко выходятъ вторымъ изданіемъ“.

Тоже самое еще прежде замѣчено и у насъ въ Воронежѣ. Одинъ библіофилъ рассказывалъ намъ, что знаменитые „Второвскіе Акты“, которыхъ нѣтъ даже въ Статистическомъ Комитетѣ и которыхъ нельзя приобрести теперь ни за какія деньги, хотя многіе въ нихъ нуждаются, были проданы когда-то, изъ книжнаго магазина, прямо на оберточную бумагу и притомъ едва ли не по гривеннику за экземпляры...

Неудачи въ книжной издательской дѣятельности испыталъ и Г. М. Веселовскій, мечтавшій когда-то

повести это дѣло въ широкихъ размѣрахъ. Пользуясь своею, хотя небольшою типографіею, Г. М. издалъ, между прочимъ, слѣдующія книги:

„Эпизодъ изъ не напечатаннаго романа „Непропавшая сила“. Соч. Г. М. *Веселовскаго*. 1869 г.

„Горе отъ ума“ на провинціальной сценѣ. Соч. Н. Д. *Мизко*. 1870 г.

„Сухая перегонка дерева и дальнѣйшая переработка получаемыхъ при ней продуктовъ“. Переводъ съ примѣчаніями и дополненіями. *И. Острякова*. 1870 г.

„Монографія углей“. Составилъ *Гр. Кривоозъ*. 1870 г.

„Углекислая известь и формы ея въ природѣ“. Его-же.

„Сословіе прикащиковъ въ виду новаго Городоваго Положенія“. Соч. М. М. *Скиады*. 1871 г.

„Русская Абадонна“ — оригинальная повѣсть. Соч. М. Г. *Кузнецова*. 1871 г.

„Русскіе богатыри“ изъ походныхъ записокъ старослуживаго солдата. Соч. генераль-лейтенанта А. Н. *Марина*. 1872 г.

Декартъ. „О методѣ для правильнаго развитія разума и для изысканія истины въ наукахъ“. Перев. съ французскаго М. М. *Скиада*. 1873 г.

„Невѣрность по неволѣ“. (Романъ XV столѣтія). М. М. *Скиада*.

„Митюха“. (Разсказъ поселянина). Соч. *Θ. К.*

„Воронежскій Календарь на 1873 г.“ Составилъ *Г. М. Веселовскій*.

„Христоматія для изученія образцовъ русской словесности“. (Отдѣлы 1—4) Составилъ *Н. Θ. Бунаковъ*. 1873 и 1874 г.г.

„Воронежскій Календарь на 1874 г.“ Составили *Г. М. Веселовскій* и *Н. В. Воскресенскій*.

„Города Воронежской губерніи“. Составили Г. М. Веселовскій и Н. В. Воскресенскій. 1876 г.

(По отношенію къ послѣдней книгѣ, равно какъ и къ книгѣ — „Городъ Острогожскъ и его уѣздъ“, — состоялось опредѣленіе особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, слѣдующаго содержанія: „первую изъ означенныхъ книгъ допустить въ бібліотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній преимущественно Воронежской, а также и другихъ губерній, вторую — въ бібліотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній“).

Изданіе названныхъ книгъ, даже при условіи печатанія ихъ въ собственной типографіи, не только не принесло никакихъ выгодъ издателю, но, по отношенію къ нѣкоторымъ книгамъ, не окупило самыхъ необходимыхъ расходовъ. На Христоматію Вунакова, напр., пока она находилась на рукахъ издателя, не было никакого требованія, а когда право на нее было уступлено одному изъ Петербургскихъ книгопродавцевъ, то эта книга быстро разошлась и выдержала нѣсколько изданій, принесла несомнѣнныя выгоды — только не первому издателю... Вообще въ провинціи можетъ быть выгодно изданіе книгъ, имѣющихъ особенно практическій характеръ, какъ напр. книга „Сборникъ правилъ и подробныхъ программъ для поступленія во всѣ учебныя заведенія“, которая печаталась недавно въ Воронеж. Губ. Типограф. *восемью* изданіемъ. Книги другаго рода, издающіяся въ провинціи, не исключая книгъ посвященныхъ мѣстной исторіи, плохо расходятся. Даже многіе изъ интеллигентныхъ людей, зачастую незнающихъ исторіи роднаго края, не только не имѣютъ потребности въ приобрѣтеніи книги, знакомящей съ этимъ важнымъ предметомъ, но и не подозреваютъ о существованіи такой книги...

Само-собою разумѣется, что Г. М. Веселовскій не могъ, при подобныхъ условіяхъ, расширить и продолжать свою издательскую дѣятельность.

Со времени введенія въ Воронежѣ новаго Городоваго Положенія (1871 г.), Г. М. состоялъ два четырехлѣтія гласнымъ Думы и одно четырехлѣтїе (съ августа 1873 г.) членомъ Городской Управы; съ 1883 г. снова избранъ гласнымъ Думы.

Въ качествѣ гласнаго, Г. М. извѣстенъ своимъ внимательнымъ отношеніемъ къ той роли, какую должны играть выборные, стоя у кормила городского самоуправления. Голосъ его, среди гласныхъ, всегда имѣлъ значеніе, хотя не всякое мнѣніе его принималось и осуществлялось; но и такія мнѣнія нерѣдко вызывали горячія пренія и оужденія, переходившія иногда на страницы мѣстныхъ газетъ. Дѣятельность Г. М., какъ гласнаго, не ограничивалась только посѣщеніемъ засѣданій Думы и подачею мнѣній, а, напротивъ, въ болѣе серьезныхъ случаяхъ, онъ избирался въ разныя комисси и нѣсколько разъ уполномочивался на поѣздки въ Петербургъ, для ходатайства по дѣламъ города. Такъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1871 г., когда только что открылись засѣданія вновь образовавшейся Воронежской городской Думы, однимъ изъ первыхъ былъ поднятъ вопросъ о томъ, какимъ путемъ, наивозможно лучше, отстоять значительный капиталъ, завѣщанный покойнымъ Воронежскимъ почетнымъ гражданиномъ А. И. Нечаевымъ, въ распоряженіе Думы, съ благотворительною цѣлью. Веденіе этого дѣла было поручено Думою особой комиссїи, въ составъ которой вошелъ Г. М. Веселовскій, и онъ, по порученію комиссїи, ѣздилъ въ Петербургъ, для совѣщанія и соглашенія съ присяжнымъ повѣреннымъ К. К. Арсеньевымъ. Дѣло это, какъ извѣстно, окончилось присужденіемъ Думѣ капитала въ 239.517 рублей. Свою поѣздку въ Петербургъ Г. М. описалъ въ статьѣ „Мое хожденіе по дѣлу Нечаева“, помѣщенной въ газетѣ „Донъ“ 1871 г., №№ 91 - 94.

Въ 1872 году Г. М. былъ въ Петербургѣ, въ составѣ депутаціи, для ходатайства объ устройствѣ въ Воронежѣ Реальнаго училища; въ 1874 году — о мѣ-

рахъ къ скорѣйшей отправкѣ хлѣбовъ, сдаваемыхъ на Воронежскую желѣзную дорогу. Въ 1883 г., по уполномочію Воронежскаго общества Взаимнаго страхованія, онъ былъ въ Петербургѣ, на сѣздѣ представителей городскихъ обществъ.—Состоя-же членомъ Городской Управы, онъ завѣдывалъ городскими народными училищами. Въ послѣдніе годы Г. М. состоитъ Предсѣдателемъ: Воронежскаго общества городского взаимнаго страхованія, Ликвидационной комисіи Воронежскаго общества взаимнаго кредита и Училищной комисіи, при городской Думѣ. Основательно изучивъ все, что относится къ городскому самоуправленію, Г. М. приступилъ къ составленію „Обзора Воронежскаго городского самоуправления со дня открытія его“; этотъ интересный трудъ помѣщался въ газетѣ „Донъ“ за 1883 г. (№№ 17, 18, 20, 21, 24, 26, 62 и 63), но, къ сожалѣнію, прерванъ и неоконченъ.

Съ сентября 1884 года, Григорій Михайловичъ передалъ издательскія права на газету „Донъ“ супругѣ своей Варварѣ Яковлевнѣ, занимающейся и редакціонными работами.

Лишнимъ было-бы пояснять, что Г. М., несмотря на сложныя занятія, по городскимъ учрежденіямъ, лшавшія его возможности расширить свою литературную дѣятельность, не порываетъ связи съ газетою, для которой онъ трудился болѣе 17 лѣтъ.

Въ послѣднее время Григорій Михайловичъ, какъ членъ Статистическаго Комитета и гласный городской Думы, составилъ, по порученію Думы, „Историческій очеркъ Воронежа“, въ память 300-лѣтія основанія этого города.

Не имѣя, къ сожалѣнію, времени для того, что-бы указать статьи, помѣщенныя самимъ Г. М. въ газетѣ „Донъ“, переходимъ къ обзорѣнію „губ. вѣд.“ за время его редакторства.

Въ 1865 г. въ „губ. вѣд.“ помѣщены статьи по поводу мѣстныхъ современныхъ вопросовъ и статьи, относящіяся къ мѣстной городской хроникѣ:

Надежды по отношенію къ жизни и газетѣ по поводу новаго года (№ 1).

Замѣтки о текущей городской жизни (№ 2, 3, 4, 6 и 9).

Дневникъ происшествій по г. Воронежу (№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 33, 36, 38—45, 48, 58, 63, 67, 73 и 77).

По поводу желѣзной дороги, проводимой на г. Козловѣ (№ 2).

„Горе отъ ума“ на Воронеж. сценѣ 3-го января 1865 г. (№ 3 и 4).

По поводу продаваемыхъ въ книжномъ магазинѣ листовъ съ картинами (№ 5).

О желѣзной дорогѣ на Воронежѣ (№ 6).

О прїѣздѣ въ городъ преосвящ. Серафима (№ 7).

По поводу преобразованія Воронеж. гимназіи въ классическую (№ 10).

О празднованіи юбилея Ломоносова (№ 15).

По поводу полученнаго извѣстія о кончинѣ Государя Нагльдики. (№ 17).

О Придѣвиченскомъ краѣ и Терновой Полянѣ (№ 19).

Собраніе домовладѣльцевъ для избранія изъ среды своей старосты для надзора надъ караульщиками и наемъ ихъ (№ 23).

По поводу гимназическихъ экзаменовъ (№ 27).

О страшномъ ливнѣ, бывшемъ 14 іюня (№ 29). *І. Фриера.*

Луное затмѣніе, видимое въ г. Воронежѣ. *Н. Анцифорова* (№ 30).

Объ экзаменѣ въ училищѣ 1-го разряда по предмету Исторіи (№ 31).

Алады—какъ поводъ къ пьянству (№ 32).

О публичномъ экзаменѣ въ Духовн. Семинаріи (№ 36).

По поводу статьи Воронеж. Листка о вспомошествованіи нищимъ—дѣлякъ (№ 37).

Собрание Городской Думы, по поводу предложения общества Тверскихъ газопроводовъ и водопроводовъ (№ 42).

Объ открытіи земскихъ собраній: уѣздныхъ съ 15 сентября, а губернскаго съ 1 декабря (№ 45).

О рѣшеніи городской думы по поводу водопроводовъ и газопроводовъ (№ 48).

Совѣщаніе Городской Думы: 1) объ устройствѣ водопроводовъ въ городѣ; 2) о газовомъ освѣщеніи его; 3) о приобрѣтеніи винныхъ и соляныхъ анбаровъ; 4) о назначеніи добавочнаго жалованья Вратнейстеру; 5) объ увеличеніи налога на распивочныя и трактирныя завед. *Домовладѣльца* (№ 49).

О публичномъ актѣ во 2-мъ женскомъ училищѣ (№ 50).

О публичномъ актѣ въ 1-мъ женскомъ училищѣ (№ 51).

О публичномъ актѣ въ губ. гимназіи (№ 52).

О переоцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ (№ 54).

Хроника засѣданій Воронежскаго уѣзднаго земскаго собранія (№№ 55, 56 и 57).

Дѣтопись общда, бывшаго въ г. Воронежѣ 11 сентября въ честь г.г. преподавателей гимназій и женскихъ училищъ. *В. Титова*. (№ 58).

Открытіе въ г. Воронежѣ училища для дѣвѣцъ духовнаго званія. NN (№ 61).

О засѣданіи съѣхавшихся изъ уѣздовъ бухгалтеровъ уѣздныхъ казначействъ Воронеж. губерніи (№ 66).

О холерѣ въ Задонскѣ (№ 76).

Некрологъ *А. И. Селиванова* (№ 76).

Объ открытіи засѣданій Воронежскаго губернскаго земскаго собранія (№ 77).

Извѣщеніе о деньгахъ, пожертвованныхъ на памятникъ Кольцову. *М. Де-Пуле* (№ 81).

По поводу окончанія 1865 г. *Г. Вессловскаго* (№ 83).

Протоколи засѣданій Воронеж. Губ. Стат. Комитета (№№ 2, 15, 21, 22, 23, 48, 49, 50, 51, 68, 69, 70).

Нѣсколько словъ по поводу замѣтокъ о текущей городской жизни (№ 5).

Нѣчто о замѣчательныхъ людяхъ нашего края. *М. Де-Пуле* (№ 7).

Нѣсколько словъ о педагогическ. листахъ. *А. Сценуры* (№ 8).

Замѣтка по поводу иллюзій, помѣщенныхъ во 2 и 6 №№ Воронеж. Листка (№ 9).

Замѣтка по вопросу о педагогическихъ бесѣдахъ. *А. Сценуры* (№ 9).

Наши мѣстныя тюрьмы. *М. Громницкаго*. (№ 9, 10, 40 и 46). (Авторъ этой статьи, г. Громницкій служилъ нѣкоторое время въ Воронежѣ губернскимъ уголовнымъ дѣль Странчимъ и въ 1866 г. переведенъ товарищемъ прокурора Московскаго Окружнаго Суда).

Отчетъ о состояніи Ворож. публич. библиотеки (№ 9 и 10).

Письмо къ редактору. *М. Де-Пуле* (№ 9).

Ночные караульщики. *Т.* (№ 10).

Отъ редакціи и рѣчь обвинителя по дѣлу объ убійствѣ Степанидой * своего мужа Льва * (№ 11).

Нѣсколько словъ по поводу полученія первыхъ двухъ номеровъ Воронеж. Листка (№ 11).

Защитительная рѣчь по дѣлу объ убійствѣ Степанидой своего мужа Льва * (№ 12)

Публичная лекція. *А. Градовскаго*. (№ 13 и 14).

По поводу передовой статьи „Воронеж. Губ. Вѣд.“, помѣщенной въ 1 №. *Гр. Чередрія* (№ 13).

Отвѣтъ на статью Москов. Вѣд. (№ 14).

Письмо къ редактору—по поводу тѣхъ же вѣдомостей. *Реалиста* (№ 14).

Статья читанная въ залѣ Дворянскаго Собранія въ день празднованія юбилея М. В. Ломоносова. *А. Сценуры*. (№ 16, 17 и 18).

По поводу статьи: „Изъ Богуч. уѣзда“, помѣщенной въ № 13 „Воронеж. Губ. Вѣд.“ *С. Соколова* (№ 17).

Наши празднующіеся пилгримы. Св. *Дмитрія Кирилова* (№ 20 и 24).

Мѣстные извѣстія и слухи. — *сва.* (№ 20).

Конкурсъ отъ Статистическаго Комитета. (№ 21).

По поводу корреспонденціи изъ г. Богучара. (№ 31).

Вѣрные часы въ Воронежѣ. *Амфибурова* (№ 33).

Кому нужно помочь въ настоящее время? (№ 34).

Авось, да живетъ, до добра не доведеть. Св. *В. Антимова* (№ 37).

Записка, читанная въ засѣданіи Попечительнаго о бѣдныхъ Комитета. *А. Сценуры* (№ 41).

Вопросъ о сельской бѣдности, поставленный въ началѣ январскаго столѣтія въ Вирюченскомъ уѣздѣ (№ 53 и 54).

Общественная благотворительность и Воронежскій Попечительный о бѣдныхъ Комитетъ (№ 54 и 55).

Письмо къ редактору О нищенствѣ. *П. Исаева* (№ 60).

Отчетъ о состояніи Воронежской губернской гимназіи. *А. Сценуры*. (№ 60, 61, 63).

Отчетъ о состояніи женскаго училища 1-го разряда. *А. Сценуры* (№ 64, 65 и 67).

Отчетъ о состояніи женскаго училища 2 разр. (№ 68, 69).

По поводу измѣненія судопроизводства (№ 68).

Редакціи Московскихъ Вѣдомостей (№ 72).

Наставленіе — какъ сберечь себя на случай появленія холеры (№ 73).

Крестьянская автономія. Св. *Д. Кирилова* (№ 75, 76).

Захѣтка С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ (№ 76).

Журналы Воронеж. Губ. Земскаго Собранія. (№ 79, 80, 81, 82 и 83).

Захѣтка Воронежскому Листку (№ 81).

Мѣстная уездная хроника.

Вирючь. Объ освященіи Покровскаго собора. Св. *М. Марьевскаго* (№ 1).

Богучарь. О двѣицѣ-врачѣ и операторѣ. *Св. А. Воскресенскаго* (№ 1).

Павловскъ. Объ открытіи женской школы (№ 2).

Землянскъ. О положеніи города, заводахъ его — и какъ въ немъ живутъ. *И. Вицинскаго* (№ 3).

Новохоперскъ. Нѣсколько словъ о настоящемъ состояніи города. *Н. В. Воскресенскаго* (№ 5).

Экзамень въ школахъ хутора Кубрикова. (№ 19, 52).

Богучарь. О поминовеніи усопшихъ родныхъ въ Троицкіи день и сороковой поминъ Государю Наслѣднику Николаю Александровичу. *Анисимова* (№ 28).

Павловскъ. По поводу выѣзда инспектора духовнаго училища (№ 47).

Новохоперскъ. Объ освященіи храма во имя Воскресенія Христова. *Степанова* (№ 60).

Острогожскъ. Сл. Россонь. Объ адресѣ благочинному *Е.—С-на* (№ 60).

О библиотекѣ и школахъ въ слободѣ Караяшникѣ Острогожскаго уѣзда. *Д. Самбикина* (№ 70, 72).

Отдѣлъ историко-статистическій и экономическій.

Ярмарки въ Богучарскомъ уѣздѣ. *Г. Ткачева* (№ 1, 2).

Вѣдомость объ учебныхъ заведеніяхъ по Воронежской губ. за 1864 г. (№ 2, 3).

Къ исторіи частныхъ народныхъ школъ въ Воронеж. губер. съ 1787 г. по 1855 г. *Г. Вессловскаго* (№ 6, 7).

Историческія указанія на иѣтность и народонаселеніе Богучарскаго уѣзда. *Г. Ткачева* (№ 16, 19, 20, 25).

Матеріалы для біографіи И. А. Малышева. *К. П. Федлева* (№ 21, 22)

Слобода Лѣвая Уколова (Коротоякскаго уѣзда). *Тимофья Барсукова* (№ 25).

Число жителей Богучарскаго уѣзда съ подраздѣленіемъ ихъ на полн, званія и вѣроисповѣданія. *Г. Ткачева* (№ 26).

Слобода Красная (Валуйскаго уѣзда). *П. Шрамкова* (№ 27).

Бывшій городъ Усердъ. *М. Марьинскаго* (№ 29, 30).

Статистическая таблица о числѣ жителей по сословіямъ въ Воронеж. губ. за 1864 годъ (№ 32).

О числѣ жителей по вѣроисповѣданію (№ 34).

Слобода Варваровка (Вирюченскаго уѣзда). *П. Владимірова* (№ 35)

Историко-статистическіе труды, относящіеся къ изученію Воронеж. губ. *Г. Вессловскаго* (№ 37, 38, 39).

Описание слободы Юрьевки (Валуйск. уѣзда) *П. Иванова* (№ 38).

Преданіе. *В. Исаева* (№ 39).

О числѣ родившихся (№ 40).

Возможно-ли въ настоящее время возрожденіе суконнаго дѣла въ г. Воронежѣ. *К. Олифера* (№ 44, 45).

Замѣтки по вопросу о развитіи народнаго образованія въ населеніи Воронеж. губерніи. *А. Сценуры* (№ 53).

Что я видѣлъ и узналъ проѣздомъ. *В. Ис-ва* (№ 59).

Слобода Ново-Александровка (Валуйскаго уѣзда). *Романовскаго* (№ 63, 64, 65).

Рѣка Воронежъ. *А. Ростоцкаго* (№ 71, 72, 73, 74).
(*А. И. Ростоцкій* былъ учителемъ географіи въ Воронеж. губ. гимназій и состоялъ дѣйстви. членомъ Стат. Комитета. Составилъ краткій „Географическій очеркъ Воронежской губерніи“, напечатанный въ „Ворон. Листкѣ“ за 1866 г.)

Село Хризовое (Вобровскаго уѣзда) *Н. Давыдова* (№ 75, 77, 78).

Корреспонденція изъ Острогожскаго уѣзда (№ 77, 78, 79, 80).

Воспоминаніе о трудахъ Н. И. Второва. *Г. Вессловскаго* (№ 79).

Вѣдомости о происшествіяхъ по Воронежской губерніи (№ 5, 24, 25, 26, 27, 31, 32, 34, 43, 66, 69).

Этнографія.

Вариантъ „пѣсни о голубиной книгѣ“. *Св. Котова* (№ 5).

Этнографическіе очерки Воронеж. губерніи. *А. Селиванова* (№ 17, 27).

Черты для характеристики быта Терновополянцевъ *П. Ива* (№ 42).

Къ Лѣтописи 1865 года.

4-го января назначень, а 9 февраля прибылъ на епископскую кафедру въ Воронежъ Викарій Кіевской епархіи. преосвященный Серафимъ. („Губ. вѣд.“ № 7).

Возведенный въ 1871 г. въ санъ Архіепископа, высокопреосвященный Серафимъ управлялъ Воронежскою епархіею болѣе 20 лѣтъ. до самой кончины, послѣдовавшей 22 апрѣля 1886 г. Будучи однимъ изъ старѣйшихъ іерарховъ († 74 лѣтъ), почившій, за овою строго подвижническую жизнь и благочестіе, пользовался большою извѣстностію въ народѣ далеко за предѣлами Воронежской епархіи.

Высокопреосвященный Серафимъ — уроженецъ г. Орла, въ мѣрѣ Александръ Аретинскій, сынъ діакона. Въ Орлѣ же онъ получилъ свое первоначальное и среднее образованіе — въ Духовномъ училищѣ и въ Семинаріи, ректоромъ которой, въ ту пору, былъ архимандритъ Исидоръ — нынѣ старѣйшій и маститый іерархъ Русской церкви, Митрополитъ С.-Петербургскій и Новгородскій. По окончаніи курса семинаріи, Александръ Аретинскій получилъ назначеніе въ Кіевскую духовную академію. Онъ былъ воспитанникъ VIII курса (выпуска) академіи; окончилъ курсъ магистромъ въ 1837 г., будучи ученикомъ знаменитѣйшаго Иннокентія, архіепископа Херсонскаго.

Въ годъ же окончанія курса въ академіи постригся въ монашество, съ именемъ Серафима; съ декабря

1837 г. бакалавръ богословскихъ наукъ Кіевской академіи; въ 1842 г. возведенъ въ санъ архимандрита; съ 1 іюля 1842 г. инспекторъ и профессоръ богословія въ Казанской духовной академіи.

По общему тогда мнѣнію, преосвященный Серафимъ получилъ это высокое назначеніе для сообщенія вновь учрежденной въ то время Казанской духовной академіи направленія и нравственныхъ устоевъ Кіевской академіи, какъ старѣйшей академіи, представителемъ которой онъ могъ быть съ честью и славою. Преосвященный любилъ самъ въ послѣдствіи вспоминать о времени, проведенномъ имъ въ Казанской академіи.

Съ 1846 по 1860 годъ, преосвященный Серафимъ состоялъ въ должности ректора духовныхъ семинарій: Кавказской, Могилевской, Херсонской и Тамбовской. Во всѣхъ этихъ семинаріяхъ онъ оставилъ о себѣ память, какъ о начальникѣ кроткомъ и гуманномъ. Черезъ 23 года по окончаніи академическаго курса и именно въ 1860 году архимандритъ Серафимъ тогда ректоръ Тамбовской семинаріи, былъ произведенъ въ санъ епископа Чигиринскаго, викарія Кіевской епархіи, гдѣ и прослужилъ пять лѣтъ, до назначенія на Воронежскую кафедру.

Академическія свои лекціи и другія рукописи, каковыхъ осталось не мало, преосвященный Серафимъ воздерживался печатать. Только въ бытность свою въ С.-Петербургѣ, на чредѣ въ св. Синодѣ (1874—1877 г.) онъ напечаталъ, по настоятельному совѣту архимандрита Іосифа, въ то время цензора книгъ духовнаго содержанія, и въ послѣдствіи времени епископа Каменецъ-Подольскаго, усерднѣйшаго проповѣдника, свои „Слова и рѣчи“, въ двухъ книгахъ. Во второй книгѣ помѣщено и академическое сочиненіе, писанное на степень магистра: „Разсужденіе о томъ, что истинная философія можетъ быть почерпнута только изъ Божественнаго откровенія“. На основаніи этого сочиненія преосвященный Серафимъ включенъ въ лекси-

конѣ Гогоцкаго въ число русскихъ ученыхъ религіозно-философскаго направленія. Но эти двѣ книги „Словъ и рѣчей“ не были сданы въ продажу, а розданы самимъ авторомъ.

Преосвященный Серафимъ, въ свое время, внимательно и зорко слѣдилъ за своею паствою и всегда откликался на тѣ или другія общественныя событія. Время управленія его воронежской епархіей ознаменовано, между прочимъ, перестройкою Благовѣщенскаго собора, перестройкою Дух. семинаріи, постройкою дома Духовнаго училища и т. д., хотя преосвященный не былъ сторонникомъ выборнаго начала въ средѣ духовенства, инициативѣ котораго принадлежали всѣ эти начинанія послѣдняго времени, въ сферѣ улучшеній духовныхъ учрежденій. Нельзя не отмѣтить также, что, благодаря исключительно заботамъ почившаго, былъ сформированъ прекрасный и даже образцовый хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ. Послѣдніе годы покойный архипастырь былъ удручаемъ тяжелою болѣзнію, приведшей его къ смертному одру. Въ жизни и въ своихъ привычкахъ преосвященный Серафимъ строго держался монашескихъ обѣтовъ, не смотря на немощи тѣла. Благоворя бѣднымъ и обездоленнымъ, покойный владыка соблюдалъ заповѣдь Евангелія „давать правою рукою такъ, чтобы не знала о томъ лѣвая“ — и вкладя на дѣло помощи ближнему почти всѣ свои личныя средства.

Почившій Архипастырь погребенъ 26 апрѣля въ Благовѣщенскомъ соборѣ Митрофановскаго монастыря. Погребеніе совершали: Тульскій Архіепископъ, высокопреосвященный Никандръ и Преосвященный Макарій, викарій Воронежской епархіи, въ сослуженіи монашества и градскаго духовенства. при огромномъ стеченіи народа.

Въ надгробныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ при погребеніи, почившій охарактеризованъ какъ пастырь добрый, гуманнй. много любившій и много прощавшій.

„Терпѣнію Серафима“, по выраженію одного изъ проповѣдниковъ. „казалось не было конца“... (Газеты „Донъ“ №№ 44 и 47 и „Ворон. Телеграфъ“. 1886 г. №№ 45 и 48).

19-го января, „Воронежскіе почетные граждане, купцы, мѣщане и цеховые, бывъ въ собраніи въ домѣ, занимаемомъ Городскою Думою, имѣли сужденіе: Воронежская губернія, принадлежа къ числу плодороднѣйшихъ губерній Россійской Имперіи, доселѣ не могла удовлетворительно развить своихъ производительныхъ и промышленныхъ силъ, собственно по невыгодному положенію относительно пунктовъ сбыта своихъ продуктовъ, остающихся въ избыткѣ за удовлетвореніемъ мѣстныхъ нуждъ. Доставка въ столицы и вообще на сѣверъ, по дороговизнѣ и невѣрности гужеваго провоза, доступна только для цѣнныхъ товаровъ, какъ-то: масла, сала, шерсти и тому подобныхъ; главное-же богатство страны, именно хлѣбные продукты, по относительной къ тяжести дешевизнѣ, вывозятся преимущественно къ южнымъ портамъ воднымъ путемъ посредствомъ рѣки Дона. Но, къ сожалѣнію, этотъ путь, по которому спускались нѣкогда военные корабли Петра Великаго, отъ совершенной небрежности къ нему, сдѣлался крайне неудовлетворительнымъ и опаснымъ. Хотя судопромышленники на устройство безопасныхъ пристаней и на работы по расчисткѣ русла рѣки, по предложенію правительства, добровольно обложили себя опредѣленнымъ сборомъ съ цѣнности груза, и сборъ этотъ продолжается уже много лѣтъ въдомствомъ Путей Сообщенія, но улучшеній судоходства по Дону до сихъ поръ никакихъ не произведено, почему и рѣка не только остается со всѣми своими неудобствами, но еще ежегодно приходитъ въ худшее состояніе: это доказывается частымъ обмелѣніемъ не только одиночныхъ судовъ, но и цѣлыхъ каравановъ, и огромныя потери, отъ того происходящія, разоряя судохозяевъ, отзываютъ

ся вреднымъ потрясеніемъ во всемъ округѣ областей, прилегающихъ къ водной донской системѣ. Для отвращенія всѣхъ этихъ неудобствъ, разстроивающихъ экономическое состояніе края, общество считаетъ единственными средствами: во-первыхъ передачу рѣки Дона, на всемъ протяженіи Воронежской губерніи, изъ вѣдомства Путей Сообщенія, въ распоряженіе мѣстнаго земскаго вѣдомства, и во-вторыхъ постройку желѣзной дороги отъ города Воронежа до города Козлова, до котораго уже предположено продолжать Московско-Рязанскую дорогу. Этими только средствами Воронежская губернія можетъ выйти изъ настоящаго застоя какъ въ сельско-хозяйственномъ, такъ и торгово-промышленномъ отношеніи, а потому опредѣлили просить г. городского голову, сорымѣсно съ купцомъ Антономъ Родионовичемъ Михайловымъ, войти въ ближайшее сношеніе съ г. губернскимъ предводителемъ дворянства и, вмѣстѣ съ его содѣйствіемъ, употребить всѣ зависящія отъ него средства къ ходатайству предъ высшимъ правительствомъ о передачѣ завѣдывающаго рѣкою Дономъ въ предѣлахъ Воронежской губерніи, изъ Департамента Путей Сообщенія, въ вѣдомство Воронежскаго земскаго управленія, а также вмѣстѣ съ г. предводителемъ дворянства обсудить и розыскать средства, чрезъ сношеніе съ кѣмъ слѣдуетъ, къ постройкѣ желѣзной дороги, отъ г. Козлова до Воронежа. Въ чемъ снабдить г.г. городского голову и купца Михайлова отъ общества полномочіемъ*. („Губ. вѣд.“ 1865 г., № 6). Этимъ актомъ положено, такъ сказать, начало осуществившагося впоследствии устройства линіи желѣзной дороги отъ Козлова до Воронежа.

Съ января открыто шестое Окружное акцизное управленіе для двухъ уѣздовъ Задонскаго и Землянскаго, отдѣленныхъ отъ 1-го округа, съ назначеніемъ мѣстопребыванія окружнаго надзирателя въ г. Землянскѣ. (№ 1).

6-го апрѣля Воронежъ праздновалъ 100-лѣтнюю годовщину Михаила Васильевича *Ломоносова*. Съ утра

въ Семинарской церкви отправлена была обѣдня и панихида по покойномъ, а затѣмъ въ 12 часовъ въ залѣ Дворянскаго Собранія любителями просвѣщенія устроено было литературное утро по слѣдующей программѣ:

1) М. Ѳ. Де-Пуле сказалъ нѣсколько словъ по поводу торжества.

А. Ф. Сценура прочиталъ статью „О заслугахъ Ломоносова, какъ натуралиста“.

А. И. Кильчевскій прочиталъ статью „О заслугахъ Ломоносова для русской литературы и просвѣщенія“, и

2) П. В. Малыхинъ прочиталъ стихотвореніе, написанное на 100-лѣтній юбилей Ломоносова.

А. А. Хованскій прочиталъ статью „О заслугахъ Ломоносова для отечественнаго языка“.

К. В. Федяевскій прочиталъ статью „Иванъ Андреевичъ Малышевъ“. (№ 15). (Статью объ И. А. Малышевѣ, какъ о замѣчательномъ дѣятелѣ, послужившемъ на пользу Воронежскаго края и умершемъ здѣсь, помѣстимъ по окончаніи Лѣтописи 1865 г.)

12-го апрѣля, въ г. Ницѣ скончался Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Николай Александровичъ. Уже съ 3-го дня Св. Пасхи, когда по Воронежскимъ церквамъ начались молитвы о дарованіи здравія Царственному Больному, какъ неизбѣжный спутникъ сердечныхъ потрясеній—явилось неволью у каждаго опасеніе за жизнь Державнаго Наслѣдника,—значить опасность велика, когда вся Россія призвана вознести молитву за Того, въ Комъ будущая ея надежда. думалъ каждый про себя, И, къ величайшему несчастью, этому опасенію не суждено было не сбыться. Во вторникъ (13 апрѣля) на Ѳоминой недѣлѣ уже съ утра разнеслось по городу роковое извѣстіе о смерти Государя Наслѣдника,—на улицахъ и площадяхъ, при встрѣчахъ и бесѣдахъ—вездѣ слышно и видно было одно: каждый спѣшилъ облегчить накипающую

грусть сообщеніемъ ея другому. Въ среду, въ 10 часовъ утра, по Воронежу раздался благовѣсть, призывавшій на панихиду. Въ Митрофановскомъ Благовѣщенскомъ Соборѣ, послѣ часовъ, предъ началомъ Литургіи, Преосвященнымъ соборнѣ совершена была панихида, въ присутствіи гражданскихъ и военныхъ чиновъ и при стеченіи множества народа. „Провинціи еще такъ недавно“, замѣчаетъ современная лѣтопись, „видѣли у себя своего Желаннаго Царственного Гостя, видѣли, съ какимъ усердіемъ Онъ вникалъ въ наши провинціальныя нужды и потребности, — видѣли, какъ было доступно предъ Нимъ всякое слово, всякая просьба, — видѣли, съ какою человѣчностію относился Онъ къ сиротамъ и бѣднымъ, и Царственный образъ Его съ тѣхъ поръ глубоко легъ въ душу каждого. Въ провинціяхъ, гдѣ проѣзжалъ Государь Наслѣдникъ, остались неизгладимыя воспоминанія и рассказы о Его добротѣ и милостяхъ, — рассказы эти уже и теперь перешли въ народѣ въ многочислія сказанія и преданія, а что будетъ со временемъ! — Его свѣтлый образъ прибавилъ къ Русскому идеалу Государя въ сердцѣ народа еще не одну отрадную черту!“... (№ 17).

10-го мая, Государь Императоръ, согласно мнѣнію Государственного Совѣта, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: „1) Заштатный городъ *Калитау*, Воронежской губерніи, упразднить; 2) числящихся въ семъ городѣ мѣщанъ обратить въ государственные крестьяне мѣстнаго сельскаго общества, уравнивъ ихъ относительно надѣла землею съ прочими крестьянами и сложивъ съ нихъ податныя недоимки, если таковыя окажутся, и 3) всю отмежеванную г. Калитвѣ выгонную землю передать по принадлежности, въ пользованіе мѣстнаго общества государственныхъ крестьянъ“. (№ 35).

• 18-го мая въ с. Березовѣ, Нижнедѣвицкаго уѣзда, произошелъ пожаръ, которымъ истреблены 63 дома крестьянъ, дома священно-церковнослужителей и хлѣбъ

въ скардахъ; кромѣ того обгорѣла верхняя часть церкви. Во время пожара священникъ того села *Денисовъ*, не смотря на то, что горѣлъ его домъ, безотлучно находился въ церкви, и когда ей угрожала явная опасность, такъ какъ загорѣлась паперть, верхній ярусъ иконостаса и колокольня, онъ вынесъ антиминсъ и дароносицу, подвергая жизнь свою опасности; церковный-же староста крестьянинъ *Михей Труфановъ*, 70-ти лѣтній старикъ, вошелъ, вмѣстѣ съ срященникомъ, сквозь распространившееся пламя, въ церковь, и, при помощи крестьянъ, вынесли иконы, хоругви и ризницу, а затѣмъ принимали дѣятельное участіе къ спасанію отъ пожара зданія церкви. (№ 24).

15-го іюня, въ Новохоперскомъ уѣздѣ, случилось слѣдующее происшествіе: въ 8 верстахъ отъ слободы Алферовки, имѣнія княгини Долгорукой, находится часть земли, урочище Кутиха, отдаваемая обыкновенно въ аренду подъ бакчи. Арендаторъ этой земли Новохоперскій купеческій сынъ Михайль Черновъ нанялъ для полотья бакчи до 40 крестьянъ, разныхъ возрастовъ, изъ слоб. Алферовки. Въ три часа по полудни 15 іюня пошелъ сильный дождь и началась гроза; всѣ рабочіе поспѣшили укрыться въ устроенномъ тутъ-же шалашѣ, который имѣлъ въ окружности 18 сажень, и, при каждомъ громовомъ ударѣ, молились. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ раздался наконецъ до того сильный ударъ грома, что всѣ бывшіе въ шалашѣ упали, а шалашъ вдругъ загорѣлся. Пораженные молніей рабочіе, въ безпамятствѣ, бросились изъ шалаша; убитые же наповалъ сгорѣли вмѣстѣ съ шалашомъ, такъ что этихъ крестьянъ нельзя было потомъ узнать. Такимъ образомъ убито и сгорѣло 13 женщинъ и 2 мужчинъ; остальные же спасшеся 25, большею частію, женщинъ болѣе или менѣе опалены, чувствовали потомъ глухоту и сильную боль въ головѣ и жаловались на грудное разстройство. (№ 30).

По всеподданнѣйшему докладу Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія ходатайства

Воронежскаго городского общества, о наименованіи Воронежскаго женскаго училища 2-го разряда „Воронежскимъ женскимъ училищемъ въ Возѣ почившаго Великаго Князя Цесаревича Николая Александровича“, и о разрѣшеніи ежегодно совершать въ домѣ училища, въ день кончины Его Императорскаго Высочества, заупокойную панихиду, Государь Императоръ, въ 28-й день іюля, Высочайше на сіе соизволилъ. (№ 54).

Съ 1-го августа введенъ въ дѣйствіе по Воронежской гимназіи Высочайше утвержденный въ 19 день ноября 1864 года Уставъ гимназій и прогимназій; при этомъ Воронежская гимназія преобразована въ *филологическую* съ *однимъ* латинскимъ языкомъ. (№ 35).

По всеподданнѣйшему докладу управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія объ отличномъ состояніи Воронежскаго женскаго училища 1-го разряда, засвидѣтельствованномъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа, Государь Императоръ, въ 27-й день августа, Всемилостивѣйше соизволилъ на присвоеніе означенному училищу именования „Маріинскаго“, въ честь Августѣйшаго Имени Государыни Императрицы Маріи Александровны. (№ 59).

На основаніи именнаго Его Императорскаго Величества указа, даннаго въ 8 день іюня Правительствующему Сенату, распубликованнаго въ указѣ Правительствующаго Сената, отъ 2 іюля за № 38.776, Воронежское Губернское Правленіе, принявъ къ руководству и должному исполненію временныя правила о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ канцеляріи и дѣлопроизводствѣ, открыло свои дѣйствія, на новыхъ началахъ, съ 1 сентября. (№ 52).

Съ разрѣшенія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ Воронежской губерніи открыты, съ 15 сентября, уѣздныя земскія собранія. (№ 45).

Затѣмъ *Земскія Управы* открыты въ уѣздахъ:

Воронежскомъ 23, Коротоякскомъ—27 и Задонскомъ—28 Сентября; Бирюченскомъ 2, Острогожекомъ

5. Нижнедѣвилькомъ 6. Валуйскомъ 12. Бобровскомъ 14 и Богучарскомъ 19 октября; Землянскомъ 2 и Павловскомъ 18 ноября; Новохоперскомъ—20 декабря. (№№ 64, 65, 67, 68, 69, 71, 75—1865 г. и № 2—1866 г.)

29-го сентября. Воронежскою городскою Думою опубликовано, что Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшилъ произвести въ 1865 году генеральную опись и оцѣнку недвижимыхъ имуществъ жителей г. Воронежа, для платежа съ оной сборовъ въ городскую доходъ и на квартирную повинность, и что избранная для сего особая оцѣночная коммисія открыла свои дѣйствія (№ 58). По этому поводу редакція „губ. вѣд.“, между прочимъ, сообщила: На основаніи 34 ст. Положенія о постоянной повинности въ г. Воронежѣ, Высочайше утвержденнаго 13 мая 1839 г., переоцѣнка всѣхъ недвижимыхъ имуществъ въ городѣ должна производиться черезъ каждыя десять лѣтъ, а въ необыкновенныхъ случаяхъ и чрезъ пять лѣтъ, потому что въ теченіе этихъ періодовъ времени, какъ строенія, такъ и прочія заведенія могутъ измѣниться въ цѣнности, а отъ этого образуется неуровнительный и часто весьма обидный процентный взносъ на постоянную городскую повинность. Последняя генеральная переоцѣнка имуществъ въ г. Воронежѣ была въ 1855 г., слѣдовательно, возобновленіе переоцѣнки могло быть или въ 1860 г., или въ 1865. Воронежское общество, по случаю упадка цѣнности нѣкоторыхъ строеній со времени послѣдней оцѣнки и, на оборотъ, по случаю новыхъ построекъ, выразило черезъ городскую Думу просьбу о разрѣшеніи произвести вновь переоцѣнку всѣхъ городскихъ имуществъ, не дожидаясь 10-лѣтняго срока. Это было въ 1863 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Въ началѣ слѣдующаго года получено было разрѣшеніе на учрежденіе генеральной оцѣночной коммисіи, которая и должна была составиться по выборамъ изъ депутатовъ отъ всѣхъ городскихъ сословій: дворянъ, купцовъ и мѣщанъ. Вотъ въ этой то фазѣ раз-

вѣтія вопроса о переоцѣнкѣ городскихъ имуществъ и обнаружилось въ высшей степени странное отношеніе городского общества, какъ къ общему, такъ и къ частному своему дѣлу. Въ то время, когда каждый сознавалъ, что для города настоятъ неотлагаемая нужда въ приведеніи въ равновѣсіе процентнаго взноса постоянной повинности, — когда въ Думу и Губернское правленіе поступали просьбы о переоцѣнкахъ, — когда, наконецъ, городское общество, сознавая обременительнымъ для горожанъ 2°/_o сборъ, просить ходатайства, объ уменьшеніи послѣдняго до 1°/_o, что можно было сдѣлать только послѣ новой генеральной переоцѣнки, мы видимъ, что депутатская генеральная оцѣночная коммисія составлялась до такой степени апатично, что безъ настоянія правительственныхъ мѣстъ и лицъ, она, по всей вѣроятности, не организовалась бы“. (№ 54).

1-го октября въ Воронежѣ происходило открытіе училища для дѣвицъ духовнаго званія. Дожъ подарилъ почетный гражданинъ *Нечаевъ*, а средства, которыми пользуется училище, указаны еще *Преосвященнымъ Іосифомъ*. Описывая актъ открытія училища, редакція „губ. вѣд.“ выразила сожалѣніе, что „между лицами, здѣсь находившимися, не было главныхъ виновниковъ существованія училища—Преосвященнаго Іосифа и почетнаго гражданина Нечаева; одна и та же болѣзнь (потеря зрѣнія) помѣшала имъ обогнать посмотрѣть и порадоваться на результатъ своихъ трудовъ“. (№ 61).

9-го октября опубликовано въ „губ. вѣд.“, что „по просьбѣ помѣщика Воронежскаго уѣзда, генераль-лейтенанта *Апполона Никифоровича Марина*, вслѣдствіе ходатайства г. Начальника губерніи, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшилъ ему, Марину, открыть въ селѣ Подгорномъ, Воронежскаго уѣзда, на его фермѣ, школу для пяти мальчиковъ, дѣтей бывшихъ его, Марина, крестьянъ, съ содержаніемъ таковой на собственныхъ средства генерала Марина“. (№ 61).

Апполонъ Никифоровичъ Маринъ родился въ Воронежѣ 17 января 1790 г. и умеръ здѣсь 9 августа 1873 г.

Еще малюткою онъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ Первый Кадетскій корпусъ, когда ему было шесть лѣтъ. Малютку часто возили ко Двору, что было въ царствованіе Императора Павла, и однажды, представляясь на ординарцахъ Государю, Маринъ имѣлъ случай видѣть великаго Суворова. Фельдмаршалъ обратилъ вниманіе на миниатюрнаго гренадера, одѣтаго по формѣ того времени, напудреннаго и въ гренадерской шапкѣ, съ надписью: „съ нами Богъ“. Суворовъ подошелъ къ нему и, шутя, сказалъ: „Помилуй Богъ! какой гренадеръ, пойдемъ бить французовъ!“ Это былъ день, когда Суворовъ приѣзжалъ откланяться Императору Павлу предъ отправленіемъ своимъ въ Италійскую кампанію.

Въ 1809 году Апполонъ Никифоровичъ выпущенъ изъ корпуса подпоручикомъ въ Павловскій Гренадерскій полкъ, а оттуда переведенъ лейбъ-гвардіи въ Финляндскій баталіонъ (впослѣдствіи полкъ) и участвовалъ въ отечественной войнѣ 1812 года. Подъ Бородинымъ — командовалъ дѣтью стрѣлковъ и контуженъ въ грудь картечью; спасеніемъ своей жизни онъ обязанъ тому, что картечь попала въ офицерскій знакъ, который висѣлъ у него на груди. Изъ этого знака онъ приказалъ впослѣдствіи вылить Распятіе.

Подъ Лейпцигомъ А. Н. вновь раненъ въ плечо и ногу. Подъ селеніемъ Госсе, раненый, съ подвязанною рукою, А. Н., при осмотрѣ съ двумя конвойными передовыхъ постовъ, наткнулся на непріятельскій передовой постъ, который стоялъ за угломъ строенія. Одинъ изъ непріятельскихъ часовыхъ выскочилъ изъ за угла, ударилъ кулакомъ его въ голову и въ то же время схватилъ его за грудь. „Бросьте шпагу!“ закричалъ французъ. Молодые солдаты изъ чухонъ, которые были при Маринѣ конвойными, оторопѣли, но

въ то время, когда французъ велъ его къ своему офицеру, плѣнникъ неожиданно ловкимъ ударомъ здоровой лѣвой руки свалилъ француза съ ногъ и приказалъ своимъ конвойнымъ приколоть его. Поднявъ шпагу, Маринъ быстро прошель къ своимъ постаамъ вмѣстѣ съ конвойными. Сюртукъ Финляндскаго полка, который былъ на немъ во время сраженій, пронизанъ пулями и картечью. Вся боевая жизнь Финляндскаго полка *описана* Аполономъ Никифоровичемъ *въ исторіи этого полка*, приобрѣвшей извѣстность даже въ заграничной специальной литературѣ. Этотъ трудъ былъ первою полковою исторіею.

Но едва-ли еще не большую услугу на поприщѣ литературы А. Н. оказалъ, написаніемъ книжки „*Русскіе Богатыри—защитная книжка для ратныхъ людей и народа Русскаго*“. Въ этой книжкѣ, въ цѣломъ рядѣ стихотвореній, хронологически прослѣженъ весь ходъ доблестей Русскаго войска, начиная съ переправы чрезъ Нѣманъ за границу, и оканчивая — встрѣчею русской гвардіи въ Петербургѣ. Воинственный духъ, пылкій патриотизмъ и поэтическое настроеніе лучшихъ и доблестныхъ людей того времени выражены въ книжкѣ А. Н. въ плавныхъ и звучныхъ стихахъ.

Въ 1819 году А. Н. произведенъ въ полковники; въ 1831 году, будучи комендантомъ въ Кейданахъ, выдержалъ сильную осаду поляковъ; отбивъ многочисленнаго непріятеля, онъ взялъ въ плѣнъ изъ ихъ доводцевъ -- Кашевскаго, который имѣлъ намѣреніе отбить плѣнныхъ. Въ 1834 году А. Н. произведенъ въ генераль-майоры; затѣмъ былъ членомъ Государственнаго Коннозаводства, а въ 1856 году, августа 26, въ чинѣ генераль-лейтенанта, А. Н., прослужа почти 50 лѣтъ, оставилъ службу, по болѣзни.

Во время отставки А. Н. жилъ, большею частью, въ селѣ Подгорномъ Воронежскаго уѣзда, въ 7 верстахъ отъ Воронежа, на собственной дачѣ, гдѣ въ саду онъ устроилъ для жилья своего. небольшой, но

красивый домъ. окруженный зеленью и растеніями. (Въ селѣ Подгорномъ похоронена мать А. Н., Анна Дмитріевна, урожденная Якушкина, славившаяся, въ свое время, необыкновенною красотою).

Въ 1872 году Государь Императоръ Всемиловичѣше разрѣшилъ г. Марину носить мундиръ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка, присвоенный находящійся въ отставкѣ, въ память службы г. Марина въ этомъ полку и отлѣтій, оказанныхъ при Бородинѣ и Лейпцигѣ.

Объ этомъ была прислана телеграмма отъ господина Военнаго Министра—12 декабря 1872 года, въ день бывшаго въ Петербургѣ полковаго праздника Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка, на которомъ, между прочимъ, прочитана была пѣсня А. Н. „О Лейпцигскомъ сраженіи при селеніи Гессѣ“.

Въ послѣднее время, до весны 1873 года, А. Н. жилъ въ г. Воронежѣ.—Ему выпала счастливая доля сохранить свѣжесть воспоминаній до послѣднихъ дней жизни. Обыкновенно, А. Н. проводилъ день или въ диктованіи своихъ воспоминаній, которыя записывались находившимся при немъ молодымъ человѣкомъ, или онъ декламировалъ на память стихотворенія Державина, Пушкина, Жуковскаго и другихъ. Вообще бодрость духа подавляла вліяніе весьма преклонныхъ лѣтъ этого ветерана, и только раны, полученныя имъ на Бородинѣ, по временамъ нарушали его нравственный строй. При посѣщеніяхъ своихъ знакомыхъ, и у себя дома, А. Н. бывалъ, въ послѣднее время, постоянно въ военномъ сюртукѣ Финляндскаго полка, съ Георгиевскимъ крестомъ.

Весною 1873 г. А. Н. переехалъ на свою дачу: въ началѣ августа, отправляясь въ Воронежъ, онъ заболѣлъ на пути, и здѣсь (т. е. въ Ворон.), окруженный семьею, скончался 9 августа, имѣя 83 года, а 12 августа погребенъ на Вознесенскомъ (Чугунномъ) кладбищѣ г. Воронежа. (Ворон. Календарь на 1874 г.)

10-го октября, въ г. Новохоперскѣ, Пресвященнымъ Серафимомъ, Епископомъ Воронежскимъ и Задонскимъ, совершенно освященіе храма во имя Воскресенія Христова. („губ. вѣд.“ № 60) Этотъ соборный, пятиглавый храмъ начатъ постройкою, на средства жѣстнаго общества, въ 1861 году, а оконченъ черезъ три года съ небольшимъ. Чтобы судить о благолѣтіи храма, достаточно сказать, что одинъ иконостасъ въ немъ стоилъ болѣе 20.000 руб. Строителемъ Воскресенскаго собора былъ Новохоперскій гражданинъ *Василій Михайловичъ Степановъ*, умершій въ 1871 г., состоя старостою этого собора. Благодаря только энергіи В. М., нещадившаго и собственныхъ средствъ, храмъ могъ быть оконченъ въ такое короткое время. Онъ же былъ строителемъ и кладбищенской церкви въ г. Новохоперскѣ, основанію которой послужило пожертвованіе, завѣщанное Новохоперскимъ купцомъ П. П. Студеникинымъ. (Некрологъ В. М. Степанова помѣщенъ, пишущимъ эти строки, въ № 2 „Ворон. Епарх. Вѣдом.“, за 1871 г.)

Говоря о Новохоперскомъ Воскресенскомъ соборѣ, нельзя пройти молчаніемъ о *Василіи Давыдовичѣ Воскресенскомъ*, который, въ числѣ другихъ ревнителей, содѣйствовалъ успѣшному сооруженію храма. Занимая скромное мѣсто въ чиновничьей іерархіи и отличаясь, при выдающемся умѣ, примѣрною честностію и стремленіемъ къ добру, В. А., во многихъ случаяхъ, оказывалъ полезныя услуги Новохоперскому городскому обществу и пользовался поэтому особеннымъ расположеніемъ тамошнихъ гражданъ. Испытавъ въ жизни много лишеній и скорбей, В. А., какъ истинный христианинъ, никогда не ропталъ и заботился только о сохраненіи добраго имени.—Онъ умеръ въ Воронежѣ 9-го марта 1869 года и погребенъ на кладбищѣ Дѣвичьяго монастыря.

18-го ноября въ г. Задонскѣ обнаружилась холерные припадки „и въ теченіи двухъ дней изъ 13-ти человекъ заболѣвшихъ умерло 7 человекъ, потому съ

15 ноября по 20 еще 18 человекъ заболѣло и умерло 3 человекъ; съ 20 по 27 ноября прибыло больныхъ 16, умерло 4. Тѣ изъ заболѣвшихъ, которые заблаговременно обращались за пособіемъ, были избавлены отъ дальнѣйшаго развитія болѣзни; напротивъ, тѣ, которые обращались къ врачебной помощи при совершенно развившихся припадкахъ, а тѣмъ болѣе въ послѣднемъ періодѣ, умирали, несмотря на тщательный врачебный уходъ.“ (№ 76). Дальнѣйшихъ извѣстій о ходѣ болѣзни нѣтъ въ „губ. вѣд.“.

24 ноября въ Воронежѣ скончался *Алексѣй Ивановичъ Селивановъ*, приобрѣвшій извѣстность своими трудами по этнографіи и исторіи. Происходя изъ купеческаго сословія, онъ родился въ Воронежѣ 14 іюля 1829 г. и воспитывался въ здѣшней гимназіи. По поводу его кончины редакція „Ворон. Губ. Вѣдомостей“, между прочимъ, высказала: „намъ остается только пожалѣть объ этомъ бѣдномъ труженикѣ, отъ котораго можно было бы ожидать очень многого по изученію Воронежскаго края: быть до такой степени преданнымъ къ собиранію даже микроскопическихъ чертъ мѣстной этнографіи, неговоря уже о крупныхъ ея чертахъ, каковымъ былъ Селивановъ — это чистая рѣдкость. Свои труды онъ помѣщалъ въ „Воронеж. Губ. Вѣд.“ и „Ворон. Листкѣ“, и кромѣ того онъ былъ корреспондентомъ нѣкоторыхъ столичныхъ газетъ. Въ послѣднее время онъ былъ занятъ мыслью начертить этнографическую картину всей Воронежской губерніи, и, кажется, уже довольно сдѣлалъ поэтому — трудъ очень большой и весьма полезный! Все это умираютъ послѣдователи почтеннаго нашего труженика Второвъ, умѣвшаго пробудить любовь къ Воронежской старинѣ не въ одномъ частномъ мѣстномъ литературномъ дѣятелѣ!“ (№ 76).

Съ 1-го декабря Воронежское уѣздное казначейство переименовано въ *губернское*, на основаніи Высочайше утвержденного, 30 ноября 1865 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта („губ. вѣд.“ 1866 г., № 3).

1-го декабря, въ 12 часовъ по полудни, въ залѣ Дворянскаго Собранія происходило открытіе засѣданій *Воронежскаго Губернскаго Земскаго Собранія*. Собраніе открыто было слѣдующею рѣчью Начальника губерніи:

„Открывая, на основаніи 81 ст. Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, первое Воронежское Губернское Земское Собраніе, я считаю себя вправе, по личному составу Собранія, выразить убѣжденіе, что каждый изъ Васъ, Г.г... вполне сознаетъ всю важность лежащихъ на немъ обязанностей.

Государю Императору благоугодно возложить на земство заботы о мѣстномъ хозяйствѣ, о пользахъ и нуждахъ губерніи;—сограждане Ваши вѣрили Вамъ свои интересы.—Для Вашей дѣятельности открывається обширное поприще: развитіе промышленности и торговли, попеченіе о народномъ образованіи, о народномъ здравіи, улучшеніе путей сообщенія, правильное распредѣленіе и исполненіе земскихъ повинностей, — всѣ эти предметы требуютъ отъ земскихъ учрежденій много труда, изысканій и соображеній.

Нѣтъ сомнѣній, что настоящее Собраніе далеко не исчерпаетъ всѣхъ вопросовъ, подлежащихъ его разрѣшенію, но отъ него зависятъ дать первое направленіе дѣлу и положить прочныя основанія дальнѣйшему его развитію.

Я уже имѣлъ честь близко ознакомиться съ Дворянствомъ Воронежской губерніи, сословіемъ руководящимъ земскими учрежденіями, и потому убѣжденъ, что основаніемъ предстоящихъ Вамъ занятій послужатъ не одни теоретическія умозрѣнія, но практическія, прямыя соображенія о нуждахъ губерніи и о мѣрахъ, служащихъ къ развитію ея благосостоянія.

Этимъ путемъ, Г.г., Вы оправдаете надежды Государя Императора и довѣріе нашихъ согражданъ.

Объявляя Воронежское Земское Собраніе открытымъ, покорнѣйше прошу пожаловать въ церковь для принесенія установленной присяги*.

Въ слѣдъ за этимъ выборные отправились въ Митрофановскій монастырь для принятія присяги, потомъ къ Архiereю, который, при этомъ случаѣ, высказалъ передъ выборными желаніе, чтобы они обратили свое вниманіе на экономическія нужды духовныхъ училищъ и вообще на бытъ духовенства.

Духовныя училища нуждаются въ вспоможеніи для своего усовершенствованія, а духовенство — въ опредѣленномъ и постоянномъ жалованьи, чтобы не быть въ такомъ зависимомъ положеніи отъ собираемыхъ, часто случайныхъ, крупницъ отъ своей паствы, какъ это бываетъ теперь.

По возвращеніи въ залу Дворянскаго Собранія, Предсѣдатель Земскаго Собранія, А. Н. Сомовъ, обратившись къ г.г. гласнымъ, открылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью:

„На долю нашу выпалъ жребій быть первыми дѣтелями земскаго дѣла въ губерніи. При избраніи состава управъ въ уѣздахъ и гласныхъ въ Губернское Земское Собраніе, довѣріе всѣхъ сословій выразилось въ значительномъ большинствѣ къ дворянскому сословію. и хотя Дворянство уже доказало во всѣхъ дѣлахъ, куда призывало его Правительство, что оно чуждо сословности, но мы здѣсь впервые вызваны отъ всѣхъ сословій губерніи на служеніе общему великому дѣлу, а избраніемъ поставлены во главѣ земскаго управленія, а потому на насъ лежитъ нравственная обязанность доказать, что мы достойны такого призванія. Отъ правильнаго начала много зависитъ въ будущемъ.

Земское дѣло заключаетъ въ себѣ интересы всѣхъ сословій губерніи, и оно, при настоящемъ разстройствѣ и упадкѣ хозяйства и отсутствіи всякаго кредита, вызываетъ наше особенное вниманіе. Намъ предстоитъ войти безотлагательно въ ближайшее разсмотрѣніе къ изысканію средствъ для уравнительности и правильности всѣхъ отбываемыхъ земствомъ повинностей и устройства всего хозяйства въ губерніи такъ,

чтобы расходы земства не увеличивались, а гдѣ можно уменьшались. Трудъ этотъ—не легкій, и только, при одномъ единодушномъ всѣхъ насъ управленіи и занятіи съ любовію дѣломъ, мы можемъ ожидать успѣха.

Не приступая къ занятіямъ, имѣю честь предложить Собранію: не угодно-ли будетъ отправить депешу г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, въ которой просить Его Высочайшее повелѣніе повергнуть предъ Августѣйшимъ Монархомъ безпредѣльную и глубокую признательность земства за Всемилостивѣйше дарованныя права“.

Земское Собраніе постановило: „просить Его Высочайшее повелѣніе, г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, повергнуть предъ Его Императорскимъ Величествомъ выраженіе безпредѣльной и глубокой признательности за Всемилостивѣйше дарованныя права земству“. (1865 г., №№ 77 и 79).

Воронежская Губернская Земская Управа открыла свои дѣйствія съ 3-го января 1866 года. („Губ. вѣд“. 1866 г., № 3).

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БУДУЩЕЙ БИОГРАФИИ ИВАНА АНДРЕЕВИЧА ДОКТОРА МАЛЫШЕВА.

(Эта статья была читана въ день празднованія въ Воронежѣ юбилея М. В. Ломоносова, 6-го апрѣля 1865 г.)

«Fortis est miles in pugna, fortior pater familias in rebus adversis, fortissimus omnium medicus in Epidemii contagii, que coram acervis demorientium».
Avert.

Вглядываясь внимательно въ жизнь общества ка-кого бы то ни было времени и мѣстности, мы увидимъ, что отдѣльныя личности, составляющія это общество, по ихъ жизненной обстановкѣ, можно раздѣ-лить на три категоріи. Люди первой категоріи—это масса общества. Отдѣльныя личности ея не выдаются рѣзко изъ общаго уровня ни своими дарованіями, ни силой характера, ни особенной благосклонностію или исключительной немилостію судьбы. Судьба не балуетъ ихъ, но и не гнететъ больше другихъ: она ихъ, какъ будто, не замѣчаетъ и предоставляетъ теченіе ихъ жизни общимъ историческимъ законамъ, управляющимъ жизни общества въ извѣстный моментъ времени. Никакихъ задачъ не задаютъ себѣ эти люди, не стремятся ни къ какимъ особымъ цѣлямъ; они плывутъ въ одномъ направленіи съ громаднымъ потокомъ общей жизни; они счастливы или несчастливы, на сколько счастливо или несчастливо общество въ ихъ время; они умны или глупы, добры или жестоки, все таки опять на столько на сколько эти свойства развиты въ обществѣ. Большинство изъ нихъ не можетъ дать и отчета, почему они думаютъ такъ, а не иначе, стремятся къ тому-то, а не къ другому чему-нибудь, они живутъ такъ, потому что такъ живется, и не въ состояніи себѣ даже представить возможности иной жизни. Но нѣкоторыя болѣе развитыя личности этой категоріи понимаютъ, что

жизнь ихъ иногда идетъ не такъ, какъ бы слѣдовало, но по слабости силъ не дерзаютъ вступить въ борьбу съ обстоятельствами, и плывутъ вмѣстѣ съ общимъ потокомъ, чувствуя только по временамъ какую-то неловкость и недовольство собой и окружающею ихъ жизнью. Изъ среды этой индифферентной массы рельефно выступаютъ люди, которыхъ мы, по разному контрасту въ ихъ жизненныхъ условіяхъ, относимъ къ двумъ разнымъ категоріямъ. Есть личности, которыя отъ самаго рожденія становятся любимцами, баловнями судьбы. Они потрутся только родиться, а дальше потомъ въ жизни все достается имъ безъ труда. Все что бы ни задумали они, имъ чудесно удается. Все готово пощучьему велѣнью, что только нужно для достиженія предположенной ими цѣли. Они не знаютъ противнаго вѣтра; судьба распорядилась такъ, что-бы вѣтеръ надувалъ парусъ ихъ жизненной ладьи, и они быстро и торжественно несутся на вѣсѣхъ парусахъ къ своей цѣли; съ изумленіемъ сторонятся всѣ и провожаютъ взглядами ихъ торжественное шествіе.

Совсѣмъ другое явленіе замѣчаемъ мы въ жизни личностей, принадлежащихъ къ третьей и послѣдней категоріи. Судьба не только не балуетъ ихъ, а всячески гонитъ и преслѣдуетъ. Родятся они часто окруженные нищетою и всѣми ея непривлекательными принадлежностями; но, одаренныя свыше способностями, выдающимися изъ ряда обыкновенныхъ, они стремятся выйти изъ темныхъ и тѣсныхъ закоулковъ на свѣтлый, широкій путь общественной дѣятельности. Но, кажется, все сговорилось, что-бы помѣшать имъ въ ихъ стремленіяхъ: и обстоятельства жизни, и люди ихъ окружающіе, стараются столкнуть ихъ съ прямой дороги, забить въ грязь, уничтожить. Все въ жизни достается имъ съ бою; каждый шагъ ихъ—битва съ предразсудками родной среды, иногда съ желаніями людей близкихъ имъ по разнымъ отношеніямъ; не благословенія, а проклятія раздаются имъ вслѣдъ при

стремленіи къ самымъ благороднымъ и возвышеннымъ цѣлямъ. Одиово идутъ они своимъ путемъ, идутъ не по гладкой тропѣ, проложенной и протоптанной другими, а часто въ разрѣзъ стремленіямъ окружающей ихъ среды.

Въ борьбѣ съ препятствіями закаляется ихъ характеръ, развивается энергія непреоборимая: это по преимуществу личности силы. Борьба огрубляет ихъ наружность, они часто поражаютъ и отталкиваютъ поверхностнаго наблюдателя жестокостію и шероховатостію своей натуры, но при болѣе близкомъ знакомствѣ съ ними невольно удивляешься самобытному складу ихъ ума, богатству свѣтлыхъ идей, неустанной дѣятельности, и не на словахъ, а на дѣлѣ, выражаемой теплою любовью къ человѣчеству. Такія личности — высшіе представители человѣчества, — и должны возбуждать всю нашу симпатію. Они всемы обязаны себѣ, своимъ силамъ, и потому могутъ служить предметомъ изученія и образцомъ для подражанія. Счастливо то общество, среди котораго являются часто личности, обязанныя своимъ значеніемъ не капризамъ слѣснаго счастья, а собственнымъ талантамъ, своей энергіи.

Если обратиться отъ этихъ общихъ разсужденій къ нашей родинѣ, то мы съ гордостію увидимъ, что она не бѣдна подобными личностями, и тотъ, почтить память котораго собрались мы въ настоящее время, незабвенный Михайло Васильевичъ Ломоносовъ, жизненная борьба котораго отмѣчена свѣтлыми буквами въ Исторіи Русскаго просвѣщенія, служить блестящимъ представителемъ подобныхъ энергическихъ личностей. Но если мы стѣснимъ свой кругозоръ и не будемъ осматривать общей исторической почвы всей Россіи, а взглянемъ кругомъ себя, на нашу Воронежскую мѣстность, то и тутъ мы найдемъ личности, которыя отмѣчены этой печатью силы. Кому изъ русскихъ людей не извѣстны имена Кольцова и Никитина! Къ числу не столько извѣстныхъ, но въ высшей степени полезныхъ дѣятелей разряда послѣдней категоріи

причисляемъ мы и И. А. Малышева. Борьба и борьба — вотъ что представляетъ намъ его жизнь, обильная плодovitою дѣятельностію на пользу человѣчества и преимущественно въ нашей мѣстности. Борьба съ желаніями отца за свое призваніе, борьба съ нуждою, въ стремленіи образовать себя, въ послѣдствіи борьба съ разнаго рода матеріальными лишеніями, какъ во внутренней домашней жизни, такъ и въ общественной дѣятельности его, какъ врача-оператора. Подобные дѣятели, которые подвизаются въ тѣсномъ кругу провинціальной жизни, не рассчитываютъ, конечно, на блестящую страницу въ исторіи цѣлой Россіи, потому-то на насъ, почти современникахъ ихъ, и лежитъ нравственная обязанность помянуть добрымъ словомъ нашихъ скромныхъ мѣстныхъ дѣятелей. Будемъ съ справедливою гордостію произносить имена Ломоносова, Карамзина, Пушкина и другихъ грандіозныхъ личностей, но пусть воспоминаніе объ ихъ блестящей дѣятельности не изглаживаетъ изъ нашей памяти заслугъ людей, подвизавшихся между нами и исключительно для насъ. Благодарною памятью объ нихъ мы докажемъ, что уваженіе наше къ блестящимъ историческимъ дѣятелямъ не есть чувство выказное, парадное, вызванное только громкими словами, а что оно вытекаетъ изъ сознанія пользы понесенныхъ ими трудовъ на поприщѣ широкой общественной дѣятельности. Вотъ почему намъ кажется, М. Г., что нѣсколько словъ объ И. А. Малышевѣ очень уместны въ день, посвященный памяти знаменитаго Ломоносова. Дѣятельность И. А. Малышева, какъ врача-оператора, далеко выходитъ изъ ряда обыкновеннаго и доставила ему популярность не только въ Воронежской губерніи, но и за ея предѣлами. Все это даетъ мнѣ увѣренность, что Воронежскому обществу не безынтересно будетъ выслушать очеркъ его жизни. Я воспользовался бумагами, найденными у родственниковъ покойнаго, и въ большинствѣ случаевъ буду говорить языкомъ самихъ матеріаловъ.

И. А. Малышевъ родился въ 1794 году, въ селѣ Малышево, Рязанской губерніи, гдѣ его отецъ былъ дьячкомъ. Младшій членъ довольно многочисленнаго семейства, И. А. явился на свѣтъ уже въ то время, когда его старшіе братья и сестры были пристроены. Этимъ нужно объяснить страстную любовь къ нему матери, выражавшуюся, какъ у многихъ русскихъ матерей, страшнымъ баловствомъ, а также честолюбивое желаніе старика отца—осуществить хотя на младшемъ сынѣ то, что ему не удалось ни на себѣ, ни на старшихъ дѣтяхъ, т. е. доставить ему болѣе видное и почетное мѣсто на ступеняхъ духовной іерархіи. Впрочемъ, честолюбіе бѣднаго сельскаго дьячка не простиралось дальше священническаго сана. Вотъ почему будущая участь И. А. была рѣшена: по мысли отца онъ долженъ былъ сдѣлаться священникомъ. Выучивши дома грамотѣ, отецъ отвезъ его въ Рязань и помѣстилъ въ духовное училище. Такъ какъ старшія дѣти всѣ были уже пристроены и такъ какъ отецъ И. А. былъ, по своему положенію, зажиточный человекъ, то ему было не трудно вести сына и въ семинарію и оставить тамъ до окончанія курса. Мысль—видѣть его священникомъ не оставляла отца. Но И. А., живя въ городѣ и давая уроки въ какомъ-то зажиточномъ домѣ, успѣлъ познакомиться съ другою жизнію, а слѣдовательно, съ другими потребностями и стремленіями. Въ это время вызывали въ Московскую Медицинскую Академію желающихъ, въ числѣ ихъ объявилъ себя и Малышевъ. Его намѣреніе встрѣтило сильное противорѣчіе въ отцѣ, кончившееся тѣмъ, что И. А., не получивъ ничего на дорогу, даже родительскаго благословенія, принужденъ былъ отправиться въ Москву пѣшкомъ. Прогулка изъ Рязани въ Москву пѣшкомъ, конечно, не могла представить особенныхъ неудобствъ для молодаго, здороваго семинариста. Но въ Москвѣ встрѣтили его какія то затрудненія, помѣшавшія было его поступленію въ Академію. Отецъ И. А., вѣроятно, споря съ сыномъ о характерѣ будущей карьеры, осо-

бенно указывалъ на то обстоятельство, что „человѣку изъ духовнаго званія не подобаеъ рѣзать мертвыхъ“, и очень этимъ гнушался. Даже впоследствии, когда И. А. пробилъ себѣ дорогу, составилъ положеніе, приобрѣлъ себѣ популярность, отецъ не могъ помириться на спорномъ пунктѣ и не захотѣлъ даже купленный имъ клочекъ земли записать на имя сына, какъ дворянина, а записалъ на имя своего сосѣда — помѣщика. И такъ И. А., вопреки желанію и волѣ отца, поступилъ казеннымъ воспитанникомъ въ Академію въ памятный для русскихъ 12 годъ. Во время разгрома, постигшаго Москву въ этомъ году, была закрыта Академія, и И. А. былъ на побывкѣ въ домѣ отца, гдѣ пришлось ему выслушать много поученій въ родѣ того, что Богъ всегда такъ наказываетъ дѣтей за неповиновеніе родителямъ. Нужно же было случиться нашествію Французовъ, чтобы оправдать, такъ сказать, воочію и на дѣлѣ значеніе этого родительскаго пророчества. Изъ студенческой жизни почти ничего неизвѣстно, кромѣ одного семейнаго преданія, обрисовавшаго отчасти будущій характеръ И. А. Въ Москву пріѣзжалъ какъ-то знаменитый операторъ, при операціяхъ котораго, по приказанію начальства, должны были присутствовать студенты, но этотъ господинъ, руководясь неизвѣстно какимъ чувствомъ, можетъ быть, эгоизмомъ, недоброжелательствомъ, всегда такъ устраивалъ, что, когда являлись къ нему въ назначенный часъ студенты, операція оказывалась конченною. Студентъ Малышевъ забрался разъ къ подъѣзду того дома, гдѣ должна была происходить операція еще до разсвѣта, подкараулилъ заѣзжаго нѣмца — оператора. и тотъ волею-неволею долженъ былъ при немъ производить операцію. По окончаніи курса, въ 16 году, И. А., какъ казенный воспитанникъ, опредѣлился врачомъ въ Черноморскій корабельный флотъ, гдѣ и служилъ по 1822 годъ. Въ это уже время онъ получилъ званіе medico-хирурга и нѣсколько благодарностей отъ Конференціи Медицинской Академіи за отлично-произведен-

ныя и рѣдкія операціи. Находя, вѣроятно, службу на флотѣ неудобною для своихъ ученыхъ занятій, Малышевъ вышелъ по прошенію въ отставку, и въ слѣдующемъ году поступилъ уѣзднымъ лѣкаремъ въ г. Осташковъ Тверской губер., гдѣ, несмотря на кратковременную 5-лѣтнюю медицинскую дѣятельность, извѣстность Малышева — какъ оператора, была упрочена, и не ограничилась однимъ городомъ Осташковымъ. Въ его бумагахъ я нашелъ билеты, даваемые крестьянамъ изъ Новгородской губ., для прохода въ Осташковъ съ цѣлю подвергнуться операціи у лѣкаря Малышева. Впрочемъ И. А. началъ свою оперативную дѣятельность съ перваго же года службы въ Черноморскомъ флотѣ, хотя обратилъ на себя вниманіе не ранѣе 1821 года. Въ бумагахъ покойнаго имѣется письмо профессора тогдашней Академіи Гильдебрандта, писанное имъ отъ 7-го октября 21 года, къ одному изъ его знакомыхъ въ Херсонѣ, гдѣ онъ отзывается съ большою похвалою о способностяхъ и талантѣ молодаго оператора Малышева. Чтѣ заставило Малышева оставить Осташковъ — неизвѣстно, но только въ 1828 году онъ перешелъ на службу въ Задонскъ. Въ этомъ году въ Задонскѣ была устроена больница для бѣдныхъ. Малышевъ тотчасъ же по своемъ пріѣздѣ изъ Осташкова предложилъ безденежно свои услуги больницѣ и началъ производить операціи. По желанію Малышева, Губернскій Предводитель Дворянства (кажется г. Видулинъ) разослалъ уѣзднымъ Предводителямъ Дворянства циркуляры о томъ, что больные и по преимуществу бѣдные будутъ приниматься безмездно въ больницу, и, дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого объявленія стеклось большое количество больныхъ, не только изъ одной Воронежской, но и изъ сосѣднихъ губерній.

Изъ бумагъ, относящихся къ этому періоду дѣятельности Малышева, видно, что произведено было значительное количество разнообразныхъ и важныхъ операцій. Но вскорѣ неожиданныя обстоятельства отвлек-

ли Малышева отъ кабинетныхъ занятій. Наступившій 30 годъ былъ очень страшный и тяжелый годъ; по случаю свирѣпствовавшей эпидемической холеры, Малышевъ былъ посланъ въ Богучарскій уѣздъ къ карантинной заставѣ для осмотра проезжающихъ и проходящихъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ по преимуществу выразился эпидемическій характеръ болѣзни. Дѣятельность И. А. за это ужасное, безотрадное время, была въ высшей степени энергична и сопряжена съ большими трудами. Память о личности Малышева и его безкорыстныхъ трудахъ, его находчивости и искусствѣ не потеряться среди самыхъ непредвидѣнныхъ и тяжелыхъ обстоятельствъ, а главное память о его талантахъ, какъ врача и оператора, еще жива и по настоящее время въ г.г. и уѣздахъ — Новохоперскомъ, Нижнедѣвицкомъ, Коротоякскомъ, Задонскомъ, Богучарскомъ, селѣ Роговатомъ, гдѣ страшно свирѣпствовала эпидемія холеры и гдѣ онъ былъ въ командировкахъ для принятія возможныхъ мѣръ къ прекращенію болѣзни. Съ 4-го сентября 30-го года по 31-й годъ Малышевъ провелъ жизнь буквально въ экипажѣ, по случаю постоянныхъ разъѣздовъ. Изъ писемъ, адресованныхъ за это время къ его семейству, видно, какъ много трудовъ, хлопотъ, требовали мрачныя и тяжелыя обстоятельства 30-хъ годовъ. Для знакомства съ тогдашнимъ положеніемъ дѣль я привожу отрывки изъ нѣкоторыхъ писемъ И. А. къ своей супругѣ.

И. А. писалъ изъ Богучарскаго карантина: „ты не повѣришь, какъ здѣсь скучно: представь себѣ обширную степь съ одной стороны, съ другой небольшой лѣсъ. Среди степи стоитъ станціонный домъ, и больше ничего. Двѣ комнаты назначены для больныхъ, двѣ для сомнительныхъ. На дворѣ большая конюшня, устланная соломою, въ ней помѣщается чернь, слѣдующая изъ казацкихъ станицъ. Жизнь здѣсь скудная, приготовить что нибудь и нечего и некому, наприжѣръ, мыть бѣлье и некому и нельзя, у насъ нѣтъ воды, и ее привозятъ изъ довольно отдаленнаго мѣста...“

Теперь я въ Новохоперскѣ и прибылъ сюда 18 сентября; ты не можешь себѣ и представить, въ какомъ положеніи я засталъ чиновниковъ и жителей... Городъ въ ужасномъ уныніи; кто могъ выѣхать, тѣ давно уже живутъ въ деревнѣ, а остальные ходятъ, повѣся голову“.

Молебствія ежедневныя, ходы крестныя каждый праздникъ. Смертность—страшная! Нѣсколько часовъ— и здороваго человѣка нѣтъ! Выздоровливаютъ весьма мало. Совѣтникъ, посланный изъ Воронежа, пустилъ себѣ кровь, жители, смотря на сіе, всѣ безъ разбора пускаютъ тоже кровь, а потому у насъ такое кровопролитіе, какъ при бородинскомъ сраженіи...“ Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „ѣзда мнѣ предстоитъ постоянная; въ Коротоякскомъ уѣздѣ холера въ 11 селахъ, а я долженъ завѣдывать и другими уѣздами, Нижнедѣвицкимъ и городомъ, въ которомъ тоже холера“.... По окончаніи командировки въ концѣ 31 года Малышевъ перешелъ на службу въ Воронежъ, и съ этого времени до самой кончины, послѣдовавшей въ 51 году, его дѣятельность посвящена была на пользу Воронежскаго общества. Официальное положеніе его въ Воронежѣ было слѣдующее: онъ занималъ должность оператора управы, и былъ сверхъ того въ послѣдствіи врачомъ и преподавателемъ медицины при семинаріи. Я уже сказалъ, что Малышевъ при первомъ вступленіи своемъ на практическое медицинское поприще, еще въ молодыхъ лѣтахъ, во время службы на флотѣ обратилъ на себя, какъ на даровитаго оператора, вниманіе какъ сослуживцевъ, такъ и высшаго ученаго медицинскаго начальства. Дѣятельность его въ Осташковѣ еще болѣе выдвинула его изъ ряда обыкновенныхъ врачей, такъ что до пріѣзда его въ Воронежъ, молва о немъ, какъ искусномъ операторѣ, предваряла личное его появленіе. Большинство операций, операций очень важныхъ, произведено имъ было въ Воронежѣ. Изъ вѣдомостей, веденныхъ Малышевымъ и

утвержденныхъ подписями врачей, очевидцевъ, больныхъ, я извлекъ сумму произведенныхъ имъ операций. Нужно замѣтить, что въ этихъ вѣдомостяхъ онъ помѣщалъ по преимуществу только тѣ операции, которыя имъ были произведены безмездно, въ большинствѣ случаевъ, съ затратою своихъ собственныхъ денегъ на помѣщеніе и содержаніе больныхъ. Вѣдомости велись съ 1817 по 1844 годъ, — число операций насчитано мною 255. Большинство операций относится къ излѣченію каменной болѣзни. Въ это число не вошло множество мелкихъ и незначительныхъ операций, которыя могли казаться такимъ самому Малышеву, много операций не записано по разсыянности и забывчивости, что упомянуто въ нѣсколькихъ мѣстахъ бумагъ и записано рукою самого Малышева. Изъ самыхъ вѣдомостей видно, какъ далеко простиралась молва о знаменитомъ и искусномъ операторѣ Малышевѣ, потому что много больныхъ прїѣзжало не только изъ дальнихъ уѣздовъ Воронежской губерніи, но и изъ сосѣднихъ. Есть письменныя свидѣтельства, что столичные врачи отсылали нѣкоторыхъ больныхъ для лѣченія къ оператору Малышеву.

Въ остальные 7 лѣтъ, безъ сомнѣнія, продолжалась дѣятельность Малышева, но записываніе произведенныхъ операций дѣлалось безъ всякаго порядка, на лоскуткахъ бумаги, такъ что съ трудомъ можно было только нѣкоторыя разобрать, такъ что приведенное число 255 положительно нужно считать только отчасти за приблизительное. Изъ нихъ 128 операций относится къ излѣченію каменной болѣзни, 113 къ излѣченію слѣпоты отъ катаракты. Впрочемъ и этой почтенной цифры (255) достаточно, что бы мнѣ, какъ собирателю матеріаловъ къ будущей биографіи И. А., имѣть право сказать, не прибавляя ни одной единицы къ этому числу, что И. А. принадлежалъ къ числу замѣчательно полезныхъ медицинскихъ дѣятелей г. Воронежа. Но И. А. въ своей медицинской дѣятельно-

сти не ограничивался одною оперативною частию, онъ былъ образованнымъ врачомъ и по части внутреннихъ болѣзней. Изъ его книгъ, гдѣ записывались больные, изъ его многихъ подробныхъ исторій болѣзней, изъ его обширной медицинскоя библіотеки (онъ выписывалъ всѣ русскія медицинскія изданія) видно, какъ его широкое медицинское образованіе, стоявшее въ уровень современной ему науки, такъ и удивительный практическій тактъ, сдѣлавшій бы честь и современно образованному врачу. Въ бумагахъ И. А. уцѣлѣлъ истрепанный клочекъ бумаги, гдѣ высказанъ имъ свой собственный оригинальный взглядъ какъ на способъ операціи каменной болѣзни, такъ и его практическія замѣчанія, гдѣ онъ прибавляетъ: „я прочиталъ въ одномъ медицинскомъ журналѣ, что въ Америкѣ знаменитый профессоръ Дудлей, производившій операціи каменной болѣзни при университетскоя богатой научной обстановкѣ, изъ 153 имъ произведенныхъ операцій каменной болѣзни, потерялъ только четырехъ больныхъ, кои умерли“. Далѣе г. Малышевъ замѣчаетъ: „будучи чуждъ всякаго самолюбія, занимаясь не въ клиникѣ, какъ профессоръ, а какъ провинціальный русскій врачъ, дѣлая операціи въ хижинахъ, безъ средствъ не только къ лѣченію, но и къ содержанію, я przygotowляю моихъ бѣдныхъ больныхъ къ операціи голодомъ (дешевымъ способомъ). Голодъ—самое лучшее лѣкарство, гораздо лучше нежели лѣченіе пивками, банками. Врачи, позволяющіе кушать при этой операціи, а потомъ употребляющіе шпакли отъ воспаления—врачи невѣжественные. Хотите умѣрить кровь, умѣрьте питаніе, не давайте ѣсть, и тогда воспаление исчезнетъ, безъ всякихъ лѣкарствъ, а главное безъ издержекъ, которыя пойдутъ на чистоту и содержаніе больнаго. Если воспаление огонь, то не давайте масла, горѣніе исчезнетъ при голодѣ, а потому мои больные, кромѣ воды, три, четыре дня ничего не кушаютъ“. И вотъ даже при такихъ то невыгодныхъ условіяхъ, Малышевъ удивительно былъ счастливъ въ исходѣ сво-

ихъ операций. Изъ 128 больныхъ, которымъ онъ сдѣлалъ операцію каменной болѣзни, умерло только 5, — краснорѣчивый фактъ, рельефно говорящій о его удивительномъ практическомъ искусствѣ. Послѣ Малышева остались и литературные труды, печатавшіеся въ "Другѣ Здравія" въ 30-хъ годахъ, его замѣчательное донесеніе Губернатору Бѣгичеву о характерѣ эпидемической холеры, признанное Медицинскимъ Совѣтомъ важнымъ и достойнымъ печатанія, и нѣсколько статей неоконченныхъ; въ одной изъ нихъ предпологалъ онъ обзорѣть болѣзни, свойственныя по преимуществу г. Воронежу, а именно: горячки и лихорадки, гдѣ онъ замѣчаетъ, что они будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока Воронежцы не позаботятся о чистотѣ своихъ жилищъ, объ изсушеніи болотъ и уничтоженіи кучъ и буераковъ съ водою, и прибавляетъ, что большая смертность отъ холеры въ городѣ Воронежѣ была отъ нечистоты города, и что равнодушіе жителей продолжается и послѣ этого страшнаго урока".

Но въ дѣятельности И. А. была сторона рѣдкая, замѣчательная, дѣлающая честь его гуманному сердцу: сынъ народа, онъ страстно симпатизировалъ ему; — торгуясь съ купцами за свои визиты, онъ лѣчилъ простой народъ даромъ. И. А. вставалъ обыкновенно въ 4 часа утра и занимался чтеніемъ. Часовъ въ 6 къ нему являлось множество бѣдныхъ пациентовъ. Лѣтомъ онъ обыкновенно выходилъ на крыльцо и тамъ разговаривалъ съ больными, а зимою принималъ ихъ въ своемъ кабинетѣ, гдѣ и производилъ легкія операціи безотлагательно. Для серьезныхъ операцій онъ на свой счетъ нанималъ квартиру: мѣщанка Тюрина, владѣтельница этого домика, еще жива и съ большимъ восторгомъ рассказываетъ о незабвенномъ И. А. Въ 4 часа послѣ обѣда Малышевъ опять выходилъ на крыльцо къ своей многочисленной публикѣ и никогда не тяготился ею, какъ тяготился впоследствии большею частію городской практики.

Этотъ бѣдный народъ такъ вѣровалъ въ него, что, не заставъ его дома, караулилъ на тѣхъ улицахъ, по которымъ онъ долженъ былъ проѣзжать, по его соображенію, и останавливалъ лошадей. Когда онъ заболѣлъ, его семейство было осаждено посѣтителями съ вопросами о его здоровьѣ, выходившихъ изъ его дома на улицѣ осыпали такими-же распросами, а во время его похоронъ всѣ улицы были наполнены народомъ. Даже медики, съ которыми онъ не совсѣмъ ладилъ, сочли за долгъ, безъ всякаго приглашенія, явиться на похороны. Большая часть изъ нихъ являлась къ нему и во время болѣзни съ предложеніемъ услугъ, но онъ при этомъ случаѣ или справлялся о городскихъ новостяхъ или упорно молчалъ. Въ началѣ болѣзни онъ прописалъ самъ себѣ какія-то пилюли, а потомъ бросилъ лѣченіе. По догадкамъ Кремина, бывшаго старшимъ врачомъ при городской больницѣ, онъ умеръ отъ желудочнаго рака. Во время болѣзни на убѣжденія родныхъ и пріятелей полѣчиться, онъ отвѣчалъ, что голова у него еще жива, но желудокъ умеръ, а потому и нечего лѣчиться. Памятникъ, поставленный ему родными, сдѣланъ по рисунку, имъ самимъ составленному. Послѣ его смерти въ домъ покойнаго, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ приходили крестьяне изъ очень отдаленныхъ губерній, спрашивая лѣкаря, страшно горевали, что лѣкарь умеръ. Количество панихидъ, отслуживаемыхъ на его могилѣ, и по настоящее время простымъ народомъ, есть вѣрная опѣнка памяти о немъ, живущей въ народѣ. Не далѣе какъ въ 63 году къ кладбищенскому священнику явились издалека два купца и просили показать могилу И. А., что-бы отслужить панихиду, и на вопросъ: кто онъ имъ? отвѣчали: великій благодѣтель. Факты, мною приведенные, М. Г., говорятъ яснѣе и краснорѣчивѣе всякихъ фразъ о даровитой личности Малышева, какъ доктора.

Но Малышевъ былъ не менѣе замѣчательная личность и какъ характеръ. Страстная, первная натура, благодаря своему желчному темпераменту, — Малышевъ

проводилъ и въ жизнь черты, свойственныя этому темпераменту; вотъ почему онъ увлекался и нерѣдко слишкомъ далеко, и только въ этомъ, единственно въ этомъ, бывалъ неправъ Малышевъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ былъ выше всякаго упрека, хотя и подвергался совершенно незаслуженнымъ образомъ нареканію отъ своихъ недруговъ. Всякому новому врачу, пріѣзжавшему въ нашъ городъ, говорили обыкновенно: „Воронежъ очень хорошій городъ, но здѣсь сидитъ Малышевъ, отбивающій у всѣхъ практику, и важъ при немъ не процвѣсти!“ Правда, при немъ было трудно процвѣсти, но только по другимъ причинамъ, дѣлающимъ честь ему, какъ прямому человѣку и научно образованному врачу, чуждому шарлатанства и своекорыстія. Любовь къ народу, по нашему убѣжденію, — крупный фактъ, говорящій о его безкорыстномъ служеніи человечеству. Но есть и другія данныя, не менѣе подтверждающія это обстоятельство: И. А. имѣлъ огромную практику, дающую другимъ возможность оставить богатое наслѣдство, а между тѣмъ извѣстно, какое ничтожное состояніе онъ передалъ своимъ наслѣдникамъ! Вотъ что онъ однажды писалъ своей женѣ изъ командировки въ холерное время, послѣ 15-лѣтней службы на практическомъ медицинскомъ поприщѣ, въ то уже время, когда у него была практика: „послалъ бы тебѣ болѣе, но ты знаешь, что мнѣ взять неоткуда, а воровству, ты это знаешь, живя со мною 10 лѣтъ, я не причастенъ, да и дѣтямъ моимъ то запрещаю..... ты пишешь — ни денегъ, ни хлѣба нѣтъ Скажи, что я безъ мужа умираю голодною смертію, бѣдность — не порокъ, да ты просишь свои деньги, а не милостыню“. Слова относились къ какому то богатому пациенту, у котораго И. А. былъ годовымъ врачомъ.

Останавливаясь на такомъ щекотливомъ вопросѣ, я дѣлаю это не безъ повода впрочемъ посторонняго, и повторяю, что Малышевъ такъ замѣчательнъ въ своей дѣятельности, что не нуждается ни въ какихъ

оправданіяхъ, хотя и въ немъ, какъ человѣкѣ, были недостатки. Сущность упомянутого повода слѣдующая: Малышевъ лѣчилъ поэта Кольцова, и, какъ видно изъ писемъ послѣдняго, приведенныхъ Бѣлинскимъ, (Соч. Кольцова, изд. 1846 г. Стр. XXXIV) былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. „Лѣкарь мой, писалъ Кольцовъ, не смотря на то, что я ему очень мало платилъ, пріѣзжалъ три раза въ день“. Въ другомъ письмѣ, говоря о своемъ тяжеломъ положеніи въ Воронежѣ, Кольцовъ, какъ будто, утѣшаетъ себя мыслию: „что у него въ Воронежѣ много людей хорошихъ, которымъ я еще ни слова; про это знаетъ лѣкарь и тотъ, у кого я жилъ на дачѣ: скажи я имъ, они помогутъ“. Вотъ въ письмѣ, то къ Малышеву, приведенномъ въ „Воронежской Бесѣдѣ за 1861 годъ, Кольцовъ проситъ И. А. обратить вниманіе на одного больного и заключаетъ письмо такъ: „а ваши посѣщенія безъ полученія впередъ, И. А., не окажутся-ли безплодными?“ Вотъ фраза, надъ поясненіемъ которой нравственная обязанность и уваженіе къ памяти И. А. заставляютъ меня остановиться. Одинъ изъ редакторовъ „Воронежской Бесѣды“, въ примѣчаніи къ этой фразѣ, какъ намъ кажется, желалъ смягчить рѣзкость этой черты въ характерѣ и образѣ поведенія Малышева съ нѣкоторыми пациентами, но не снялъ все таки съ памяти И. А. укора, имъ незаслуженнаго, и сказалъ, что Малышевъ пріимлялъ къ жизни пословицу: съ волками жить — по волчьимъ выть. Это несправедливо. И. А. былъ сильный и самобытный характеръ, и не былъ способенъ дѣлать уступки обычаямъ своего времени, противорѣчившимъ его личнымъ убѣжденіямъ: это было противно его открытой, честной, энергической натурѣ. Правда, онъ не только требовалъ впередъ за визиты, съ нѣкоторыхъ пациентовъ, онъ даже торговался съ такими, въ честности которыхъ сомнѣвался. Но это скорѣе бросаетъ невыгодную тѣнь на тѣхъ господъ, которые, „когда тонуть, то топоръ судятъ, а какъ вытаснутъ, то топорища жаль“. И. А. имѣлъ обыкновеніе говорить прямо, что за

трудъ онъ требуетъ вознагражденія;—вотъ за эту открытую постановку простаго экономическаго закона—многіе и осуждали И. А. Потому-то это полученіе впередъ не бросаетъ невыгодной тѣни на характеръ И. А. Малышева. Съ этимъ должны согласиться всѣ, знавшіе честность И. А.—Бѣлинскій, въ біографіи (Стр. XXXIV соч. Кольц.) Кольцова, говоритъ о Малышевѣ и прибавляетъ: „а докторъ Кольцова былъ благородный и симпатичный человекъ, который лѣчилъ его больше изъ личнаго расположенія къ нему, нежели изъ расчета, онъ зналъ впередъ, что получить бездѣлицу, а занимался своимъ паціентомъ съ дружескимъ участіемъ“. Послѣ смерти Кольцова, проѣзжая Воронежъ, Бѣлинскій, уже чувствовавшій себя нездоровымъ, по этому-ли поводу, или по другому, хотѣлъ познакомиться съ Малышевымъ, но что-то тому помѣшало.

Малышевъ былъ вполнѣ сынъ своего времени, того времени, типичныя личности котораго намъ такъ художественно переданы Гоголемъ; потому-то И. А. конечно былъ не безъ недостатковъ, не безъ темныхъ сторонъ характера, но всѣ они искупаются величіемъ его натуры, прямой, честной, энергической, не выносившей лжи и лицемерія. Въ основѣ самыхъ его недостатковъ лежала, какъ я уже сказалъ, страстность темперамента, заставлявшая заинтересовавшагося его личностію наблюдателя, сожалѣть о могучихъ, мужскихъ силахъ, тратившихся порою безплодно. Въ Воронежскомъ обществѣ еще хранятся воспоминанія объ оригинальной фигурѣ И. А., его замѣчательномъ краснорѣчій, увлекавшемъ и его самого, и его слушателей, о его удивительномъ практическомъ тактѣ и находчивости—какъ доктора. Я не останавливался на анекдотической сторонѣ рассказовъ о немъ, носящихъ на себѣ рѣшительно характеръ мѣстическій, потому что не хотѣлъ приводить невѣрныхъ исторій, но всѣ они говорятъ объ его оригинальности, и какомъ то научномъ вдохновеніи, въ силу котораго жертва болѣзни, обреченная другими врачами смерти, воскресала..

Вотъ тѣ факты изъ его дѣятельности, вотъ тѣ стороны его характера, которые показались, М. Г., мнѣ особенно важными, обрисовывающими личность И. А., и надъ которыми *только* я имѣлъ право остановиться по причинамъ, лично отъ меня не зависѣвшимъ. Оставаясь строго безпристрастнымъ къ его личности, на почвѣ фактовъ, безъ преувеличенія, имѣемъ право гордиться подобными дѣятелями, какъ И. А. Малышевъ, и въ лѣтописяхъ Воронежа историкъ всегда найдетъ необходимымъ посвятить страницу замѣчательной личности доктора Малышева.

Да, М. Г., онъ былъ человекъ и ошибался, но и ничто человеческое не было чуждо ему.

К. Федяевскій.

(Перепечатано изъ №№ 21 и 22 „Ворон. Губ. Вѣдомостей“, 1865 г.)

Три анекдота изъ жизни И. А. Малышева.

Въ 1851 году, умеръ въ Воронежѣ знаменитый и всѣми любимый медико-хирургъ И. А. М....., прославившійся своими дивными способностями, съ первого взгляда быстро распознавать и превосходно исцѣлять всякаго рода человѣческіе недуги. Знавшіе очень хорошо покойнаго, передали мнѣ нѣсколько анекдотовъ изъ его жизни, которыми я намѣренъ подѣлиться съ тѣми, для которыхъ память о нашемъ славномъ хирургѣ драгоценна.

I.

Одна молодая дама заболѣла грудью, а домашній докторъ принялся лѣчить ее отъ чахотки, чѣмъ еще болѣе напугалъ свою пациентку и усилилъ ея болѣзнь. Послали за М....., тотъ пріѣхалъ, взглянулъ на больную, покачалъ головою и сказалъ ей:

— Если бы васъ лѣчили такъ, какъ начали, то вы бы чрезъ двѣ недѣли лежали уже въ гробу, а я

вамъ говорю, что вы черезъ двѣ недѣли будете танцовать. У васъ не чахотка, а ревматизмъ.

И, дѣйствительно, чрезъ двѣ недѣли дама эта, совершенно здоровая, танцевала на балу у одного изъ Воронежскихъ аристократовъ.

II.

Въ Москвѣ, въ одномъ довольно порядочномъ домѣ, грудной младенецъ, кормленный кормилицею, вдругъ началъ примѣтно худѣть; домашній докторъ терялся въ догадкахъ на счетъ его болѣзни, но никакъ не могъ постичь причину ея; наконецъ онъ сдѣлалъ предложеніе хозяину дома, чтобъ пригласить на совѣщаніе извѣстныхъ Московскихъ врачей. Предложеніе его было принято, врачи съѣхались, и одинъ изъ нихъ объявилъ, что къ нимъ въ Москву пріѣхалъ изъ Воронежа знаменитый тамошній хирургъ М..... и просилъ позволенія ввести его въ почтенное сословіе друзей человечества. Всѣ согласились: одни — чтобъ увидѣть прежняго своего товарища, другіе, чтобъ испытать его, а можетъ быть и затмить его славу. Черезъ нѣкоторое время входитъ М....., представляется хозяину и рекомендуетъ себя своимъ собратіямъ; потомъ приказалъ показать себѣ больнаго ребенка, взглянулъ на него и сказалъ: ребенокъ пьянъ. — Затѣмъ взялъ свою шляпу, поклонился всѣмъ присутствующимъ и вышелъ вонъ. По уходѣ его, между врачами поднялся ропотъ, и все собраніе положительно опредѣлило, что М..... или пьянъ, или помѣшанъ; но домашній докторъ, зная очень хорошо, что М..... не пуститъ слова на вѣтеръ, а особливо въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, опровергъ и то и другое мнѣніе грознаго ареопага, обѣщаясь самъ сѣздить къ М..... и узнать отъ него подробности о сказанномъ имъ. М..... принялъ его радушно, пошутилъ слегка надъ недогадливостію московскихъ врачей, и сказалъ ему яенѣ, что „кормилица ребенка пьетъ, и пьетъ много, и вѣроятно она это дѣлаетъ по ночамъ; сначала, при поступленіи своемъ въ кормилицы,

она не пила. тогда и ребенокъ былъ здоровъ, а теперь, обжившись въ домѣ, она принялась за прежнее свое ремесло. Домашній докторъ передалъ это свѣдѣніе хозяину дома — и они вдвоемъ принялись наблюдать за поступками своей кормилицы; дѣйствительно, на первую же ночь застали ее потягивающею изъ графинчика горькую водочку.

III.

Одинъ Воронежскій помѣщикъ былъ женатъ на молодой, прекрасной нѣмкѣ, родомъ изъ Пруссіи. По прїездѣ въ Воронежъ вдругъ у молодой начала пухнуть и краснѣть одна щека, что и причиняло ей нестерпимую боль. Молодые пригласили къ себѣ М..... Тотъ прїѣхалъ, осмотрѣлъ больную, распросилъ о ходѣ ея болѣзни и сказалъ ей:

— Я васъ вылѣчу, но только прежде надо сдѣлать вамъ небольшую операцію.

— Операцію! воскликнула больная, но вѣдь это будетъ ужасная боль!

— Вы можете быть покойны, что операція эта не сдѣлаетъ вамъ большой боли.

— А въ чемъ будетъ состоять?

— Я сдѣлаю на вашей щекѣ небольшой разрѣзъ, выдерну вамъ зубъ, и просверлю челюсть.

— И вы говорите, что операція эта не сдѣлаетъ мнѣ большой боли,—да это просто будетъ пытка.

— Могу васъ увѣрить въ противномъ, и ручаюсь, что вы черезъ двѣ, или много, что черезъ три недѣли будете совершенно здоровы и даже на вашей щекѣ не останется признака разрѣза.

— Все равно, но я не рѣшаюсь на эту операцію!

— Какъ вамъ угодно, но только другаго средства къ исцѣленію вашей болѣзни—нѣтъ никакого.

Послѣ этого разговора, больная уѣхала въ Москву, гдѣ тамошніе врачи сказали ей наотрѣзъ, что болѣзнь

ея для нихъ новая, и что они не берутся ея пользоваться. Изъ Москвы молодая поѣхала на свою родину въ Пруссію. Въ родномъ ея городѣ жилъ тогда отставной старый придворный врачъ, который тоже ей сказаль, что и Московскіе врачи: однакожь старикъ обѣщался прислать къ ней молодаго хирурга, на котораго онъ надѣется болѣе, чѣмъ на себя. Молодой хирургъ, представленный придворнымъ врачомъ, ѣздилъ къ больной цѣлые два дня, и безпрестанно уѣзжалъ совѣтоваться о ея болѣзни съ другими врачами. На третій день онъ привезъ уже съ собою хирургическій инструментъ и сказаль больной:

— Теперь я постигъ вашу болѣзнь, и могу васъ вылѣчить!

— Въ чемъ же будетъ состоять ваше лѣченіе?

— Я сдѣлаю вамъ операцію.

— Опять тоже! чтожь это будетъ за операція?

— Я сдѣлаю на вашей щекѣ небольшой разрѣзь, выдерну вамъ зубъ и просверлю челюсть.

— Теперь и я вамъ скажу, воскликнула больная, что это средство есть лучшее, потому, что мнѣ его предлагали еще при началѣ моей болѣзни, но я только потому на это не рѣшилась, что боялась операціи; но теперь вижу, что безъ операціи нельзя обойтись и такъ дѣлайте, что знаете!

Послѣ одѣланной операціи, больная скоро выздоровѣла, возвратилась въ Воронежъ и первымъ ея дѣломъ было принести искреннюю свою благодарность почтенному И. А. М....., котораго она сначала такъ боялась.

По этимъ небольшимъ образчикамъ можно судить, какія гениальныя способности имѣлъ нашъ славный хирургъ.

Андрей Фомъ-Кремль.

(Перепечатано изъ № 1 „Ворон. Губ. Вѣдом.“, 1853 г.)

Авторъ статьи — „Материалы для будущей биографіи Ивана Андреевича доктора Малышева“, — *Константинъ Васильевичъ Федяевскій*, докторъ медицины, послѣ службы въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, въ началѣ 60-хъ годовъ поселился въ Воронежѣ, состоя врачемъ при Ворон. тюремномъ замкѣ, а потомъ (съ 1864 г.) при Ворон. Духовной Семинаріи, исполняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязанности преподавателя медицины въ той-же Семинаріи. Съ 1870 года, Константинъ Васильевичъ занимаетъ должность Старшаго Доктора Воронежской губернской земской Больницы; съ того-же времени, въ теченіе 11 лѣтъ (по октябрь 1881 г.) онъ былъ Предсѣдателемъ Воронежскаго Медицинскаго Общества.

К. В. пользуется извѣстностью не только какъ врачъ, но и какъ общественный дѣятель: Воронежъ знаетъ его и какъ Предсѣдателя Управленія Публичной Библиотеки, и какъ гласнаго Думы, и какъ члена благотворительныхъ учрежденій, и т. п. Чтобы охарактеризовать полезную, выдающуюся дѣятельность К. В. Федяевского, находимъ достаточнымъ привести въ извлеченіи адресъ Воронежскихъ гражданъ, поднесенный К. В.—чу, чрезъ Городскаго Голову, 13-го октября 1881 г., въ годичномъ засѣданіи Медицинскаго Общества.

Этимъ адресомъ, Воронежскіе граждане, привѣтствуя, въ лицѣ Константина Васильевича, Медицинское Общество, высказали, между прочимъ, „что дѣятельность этого общества была всегда направлена на встрѣчу общихъ и широкихъ задачъ общественнаго здоровья и что руководимое К. В.—чемъ, оно не разъ принимало дѣятельное участіе въ борьбѣ съ угрожавшими городу эпидеміями, оно выразило серьезную готовность активнымъ трудомъ прийти на помощь бѣдному населенію города въ его болѣзняхъ, предпринявъ учрежденіе городской лѣчебницы. Наконецъ, въ теченіе 1881 года, Медицинское Общество поставило на очередь общій вопросъ о врачебной помощи населенію,

принявъ во вниманіе взаимные интересы врачей и публики“. Затѣмъ признательность гражданъ, лично Константину Васильевичу, выражена въ адресѣ такими словами:

„Уже минуло двадцать лѣтъ—какъ Воронежъ знаетъ и чтитъ Вася, какъ достойнаго представителя врачебной науки, какъ искуснаго спеціалиста, какъ внимательнаго и вполне доступнаго врача и какъ честнаго гражданина. Не было ни одного полезнаго и добраго общественнаго дѣла въ нашемъ городѣ, которебы не было соединено прямо или косвенно съ Вашимъ именемъ. Какъ врачъ и гражданинъ, Вы всегда и безъ призыва первый протягивали намъ руку помощи, Вы стремились разъяснить намъ непонятное, освѣтить темное и научить полезному, популяризируя для насъ спеціальныя познанія медицины. Мы хотимъ заявить въ настоящемъ случаѣ, что знаемъ и цѣнимъ Вашу разностороннюю дѣятельность на общую пользу и благодаримъ Вася какъ пациенты и какъ граждане города“. (Газ. „Донъ“ 1881 г., № 115).

Въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1866 годъ помѣщены статьи подъ рубрикою Воронежъ:

Итоги прошлаго года и надежды на 1866 годъ (№ 1).

По поводу утвержденія постройки Рязан.-Козл. ж. дор. (№ 5).

По вопросу о выпискѣ сельскихъ приходами „губ. вѣдомостей“ (№ 12).

О статистическихъ данныхъ для губернской и уѣздныхъ земскихъ Управъ (№ 13).

О концертѣ артиста Славянскаго, для увеличенія суммы, собираемой на памятникъ Кольцову (№ 15).

По вопросу о народномъ образованіи въ Воронежской губерніи (№ 21).

По поводу обсужденія домовладѣльцами г. Воронежа вопросъ: объ устройствѣ мостовыхъ и водопровода и объ освѣщеніи города газомъ. (№ 22).

По поводу известія о злодѣйскомъ покушеніи на жизнь Государя Императора (№№ 25, 26, 28, 29 и 30).

О гуляньѣ 1-го мая и о Петровскомъ паркѣ (№ 32).

О дачной лѣтней жизни и загородныхъ гуляньяхъ (№ 36).

По поводу постройки Козлово-Воронеж. жел. дор. (№ 44).

Объ экзаменѣ въ VII классѣ Воронежской губер. гимназій (№ 45).

О публичной библіотекѣ (№ 47).

Объ отсутствіи оживленія въ общественной жизни (№ 48).

О публичныхъ экзаменахъ въ Воронежскихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ (№ 53).

О системѣ воспитанія юношества (№ 55 и 62).

О развивающейся въ разныхъ мѣстахъ холерной эпидеміи (№ 54).

О годичномъ актѣ во 2-мъ женскомъ училищѣ (№ 64).

О водопроводахъ и газопроводахъ (№ 65).

О годичномъ актѣ Воронежской губернской гимназій (№ 66).

О проявленіи случаевъ холеры въ Воронежѣ (№ 70, 72, 78).

Молебствіе и обѣдъ въ залѣ Дворянскаго Собранія, по поводу дарованія концессіи на сооруженіе Ворон.-Козловской жел. дороги (№ 73).

О молебствіи, по случаю обрученія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича съ Ея Королевскимъ Высочествомъ Принцессою Датскою (№ 83 и 84).

О молебствіи, по случаю Высочайшаго Манифеста о бракосочетаніи Его Императорскаго Высочества (№ 86).

Объ обѣдѣ въ Воронежѣ, въ честь дѣятелей, исходатайствовавшихъ концессію Козлово-Воронежской жел. дор. (№ 87).

О празднованія 100-лѣтней годовщины Карашина (№ 90 и 93).

О проѣздѣ черезъ Воронежъ на Кавказъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича съ супругою Своею Великою Княгинею Ольгою Феодоровною (№ 94).

По поводу предложенія Министерства Народнаго Просвѣщенія о лучшемъ надворѣ за учениками (№ 95).

Объ обѣдѣ, данномъ представителямъ земства А. Н. Сомовымъ (№ 99).

По поводу дурной погоды передъ Рождествомъ (№ 100).

Статьи подъ разными заглавіями:

Артистъ Д. А. Славянской (№ 12).

Первый концертъ его въ Воронежѣ (№ 13).

Замѣчательное явленіе (№ 2).

Изъ Воронежской семинарской учебной жизни (№ 4).

По поводу этой статьи (№ 20).

Замѣтка народной газетѣ (№ 7).

По поводу Воронежскихъ Епарх. Вѣдомостей (№ 11).

Извѣстіе о введеніи судебной реформы въ Воронежской губерніи. *Из. М—а.* (№ 54).

Весьма важное извѣстіе (о концессіи на жел. дор.) (№ 62).

Крестный ходъ 7-го августа вокругъ монастыря. *Св. А. Петрова.* (№ 63).

Уставъ Благотворительнаго Женскаго Отдѣленія при Ворон. Шпеч. о бѣд. Комит. (№ 64).

Раздѣленіе города на гигиеническіе участки (№ 64).

Цена и выборъ пѣснь (№ 75).

Рѣчь, сказанная села Богословскаго священникомъ Владиміровскимъ, при служеніи благодарственнаго молебна за сохраненіе Государя Императора Александра Николаевича отъ руки злодѣя. (№ 32).

Рѣчь, сказанная свящ., проф. П. Палицынымъ предъ гробомъ Игуменіи Смарагды (№ 34).

Наставленіе отъ холеры (№ 59).

По поводу экзамена въ 1-мъ женск. училищѣ (№ 40).

Воронежское училище трудолюбія (№ 40).

Письмо къ редактору. *Г. Фишера.* (№ 41).

По поводу гласнаго доклада, бывшаго въ Ворон. Уголовн. Палатѣ 14 іюля. *Г. Весселовскаго.* (№ 58).

Представленіе арабовъ-акробатовъ (№ 51).

Врешь нашего времени. *Кромова* (№№ 73 и 75).

Обѣдъ въ честь А. Н. Соменова (№ 98).

Обѣдъ въ честь главныхъ дѣятелей по исходатайствованію концессіи на желѣзную дорогу (№ 88).

Впечатлѣніе при вѣсти объ опасности и чудесномъ спасеніи Государя Императора (№ 26).

Замѣтка. *Св. Кириллова* (№ 26).

По поводу почтовых ящиков (№ 35).

Протоколъ засѣданій Статистическаго Комитета (№№ 35, 36, 37, 42, 83, 99 и 100).

Затмѣнiя въ 1866 г. для Воронежа. *Н. Андиферова*. (№ 17).

Некрологъ Игумена Воронеж. Покров. дѣвичьяго монастыря Смарагда (№ 34).

Какъ отнеслись Ворон. Епарх. Вѣд. къ мысли о необходимости устройства расадника народныхъ учителей? (№ 38).

Письмо Комиссара-Востромскаго къ Воронеж. городскому голову (№ 37).

Записка. *В. Свѣткина* (№ 51).

Проектъ контракта на освѣщенiе улицъ города Воронежа газомъ (№ 1).

Отчетъ о состоянiи Ворон. публ. библиот. за 1865 годъ. (№ 24, 25).

Отчетъ Воронежскаго Николаевскаго женск. училища 2-го разряда за 1865/66 уч. годъ (№ 68 и 69).

Отчетъ Маринскаго жен. учил. 1-го раз. за тотъ же годъ (№ 70 и 71).

Отчетъ Ворон. губ. гимн. за тотъ же годъ (№№ 72, 73, 74, 75 и 76).

О заболѣвшихъ и умершихъ холерою въ Воронежѣ (№№ 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77 и 78).

Луное затмѣнiе, отчасти видимое въ Воронежѣ. *Н. Андиферова* (№ 60).

(† Николай Ивановичъ *Андиферовъ*, въ 50 и 60-хъ годахъ, состоялъ на службѣ въ Воронежской губернской гимназiи учителемъ математики. Въ „Ворон. Лит. Сборникѣ“, онъ помѣстилъ „Таблицы восхожденiя и захожденiя солнца, луны и нѣкоторыхъ планетъ, составленныя для г. Воронежа на 1861 г.; въ описанiи города Воронежа, составленномъ Г. Веселовскимъ въ 1866 г., помѣщены разработанныя Н. И. Андиферовымъ астрономическiя и физическiя данныя, касающiяся г. Воронежа. Онъ же производилъ метеорологическiя наблюденiя при Воронежской гимназiи и помѣщалъ ихъ въ „губ. вѣд.“).

Изъ слободы Новотроицкой-Криуши (Богуч. уѣзда). Брест.
М. К. Безпалова. (№ 40).

Изъ слободы Калача (Богучар. уѣзда) (№ 45).

Изъ села Губарева (Земл. уѣзда). Свящ. *А. Кириллова.*
№ 50).

Весьма важное извѣстiе (объ очисткѣ рѣки Дона) (№ 51).

Замѣтка. *В. Свѣткина* (№ 51).

Острогожскъ. *В. И.* (№ 52).

Наблюденiе надъ бытою крестьянъ Уразовской волости (Валуйскаго уѣзда). *П. Попова* (№ 60 и 62).

Явленный колодезь близъ Воронежа. *Н. Ивановъ* (№ 71).

Изъ Евстратовки (Острог. у.) Брест. *И. Шеоченко* (№ 39).

Корреспонденцiя: изъ Бирюча. Св. *М. Марьевскаго.* (№ 14).

„ изъ Бирюча *К. Р.* (№ 16).

„ изъ сл. Николаевки (Вал. у.) *П. С. Волкова* (№ 30).

„ изъ Архангельска (Вор. у.) Кр. *П. Щеголева* (№ 31).

„ изъ сл. Петровской (Вал. у.) *П. Попова* (№ 34 и 49).

„ изъ слоб. Криушной. *П. Кочергина* 2 (№ 56).

„ изъ Острогожска. *В. Свѣткина* (№ 57).

„ изъ Острогожска. *В. И...ва* (№ 72).

Холера въ с. Большой Усмани. Свящ. *Θ. Стефановскаго*
(№ 97).

Корреспонденцiя изъ Острогож. уѣзда. *Россикина* (№ 97).

Отчетъ о Караиминической слободской библiотекѣ за 1865
г. *Самбикина* (№ 9 и 10).

Вѣсти изъ селъ (№ 41).

О страхованiи капиталовъ и доходовъ. *А. Сценуры* (№№
27, 28, 29, 30, 31 и 32).

Очеркъ кожевеннаго производста въ Воронежской губерни.
К. Олифера (№ 27 и 29).

Ордена проливъ моли. Его-во. (№ 44).

(† Подполковникъ Бенедиктъ Семеновичъ *Олиферъ* въ
60-хъ годахъ состоялъ на службѣ въ Воронежской Комиссарiат-
ской Комисси, а въ 1860 г. былъ избранъ Дѣйстви. Членомъ
Ворон. Губ. Статист. Комитета).

Болѣ замѣчательные заводы и фабрики въ Воронеж. губ.
А. Ростоцкаго (№ 46).

Нѣсколько словъ о бакачевой и огородной промышленности
въ г. Землянскѣ. *И. Вицинскаго* (№ 47 и 48).

Письма къ редактору объ истребленіи червей. *Финиера*
(№ 47, 48 и 50).

О птичьемъ промыслѣ въ Землянскомъ уѣздѣ. *И. Вицинскаго*
(№ 35).

Вовчокъ. *А. Олдамова* (№ 77).

Хлѣбная торговля въ слободѣ Михайловкѣ Богучарскомъ
уѣздѣ. *А. Россихина* (№ 87).

Само Боршево Боротояк. уѣзда. *Н. Чулкова* (№ 42 и 43).

Лѣкарства отъ лихорадки. *Я. Аристови* (№ 45).

Историческій взглядъ на мѣру постава въ Воронежской гу-
берніи (№ 23).

Описание Казинской волости Валуйскаго уѣзда (№№ 4, 5,
6, 7, 8, 9 и 10).

Отъ Воронежа до с. Мазанокъ (путевныя записки). *П. Исаян*
(№ 49).

Любопытныя преданія о кладахъ, записанныя въ слободѣ
Александровкѣ. *Я. Аристови* (№ 50 и 51).

Статистическая замѣтка (о консенхъ заводахъ) (№ 47).

Историко-статистическіе, экономическіе и этнографическіе
очерки Воронежской губерніи (Острогожскій уѣздъ). *Г. Веселовскаго*
(№№ 76, 77, 78, 79, 82, 84, 85, 86, 88, 89, 91, 92,
93 и 94).

Повѣрія о кладахъ. *Кочергина 2.* (№ 2 и 3).

Раскольники въ с.с. Дехтярной и Ровнахъ. Валуйскій
уѣздъ. Свящ. *І. Корыстина* (№ 6).

Народныя легенды о курганахъ южной половины Ворон. губ.
М. И. Романовскаго (№ 18 и 19).

Слобода Уточка Вирючен. уѣз. *В. Исаян* (№ 20, 21, 22).

Слобода Николаевка Валуйск. у. Свящ. *И. Корыстина*
(№ 24 и 25).

Вывшій городъ Уездъ. Св. *М. Марьескаго* (№ 30, 31,
33, 46, 94 и 95).

Письма въ редакцію о слоб. Твердохайбовой Богуч. уезда
В. Свѣткина (№ 37, 38, 39 и 40).

Извѣстіе о пожарахъ въ г. Острогомжскѣ. *В. И...ва* (№ 78).

Холера въ 1-мъ станѣ Ворон. у. *М. Селинъ*. (№ 81).

Вѣдомость происшествій по Ворон. губ. (№ 81, 84, 85,
86, 87, 90, 91, 92, 93 и 94).

Дневникъ происшествій по г. Воронежу (№ 11, 18, 24, 33,
43, 64, 72, 76, 78, 86 и 90).

Городскіе выборы въ Воронежъ въ 1779 г. 4 декабря (№ 96).

Всѣды о воспитаніи. *Г. Щербачева* (№ 54—69).

Отъ редакціи: О небесномъ явленіи, бывшемъ въ ночь на
10 февраля. (№ 13).

Письмо отъ Русскихъ съ привѣтствіемъ О. И. Комисарову-
Востромскому. (№ 27).

По поводу поступившихъ въ распоряженіе редакціи бесѣдъ
г. Щербачева о воспитаніи. (№ 54).

Рѣчи, говоренныя на обѣдѣ, по поводу утвержденія концес-
сіи Козлово-Воронежской желѣзной дороги (№ 74).

Нѣсколько словъ сотрудникамъ-корреспондентамъ „губ. вѣд.“
(№ 18 и 19).

Прим. Статьи, перепечатанныя въ „губ. вѣд.“ изъ другихъ
изданій, не вошли сюда.

Къ Лѣтописи 1866 года.

Съ 1-го января началось изданіе „Воронежскихъ
Епархіальныхъ Вѣдомостей“, выходящихъ два раза въ
мѣсяцъ, — 1-го и 15 числа, выпусками отъ 2-хъ до
3-хъ печатныхъ листовъ, а въ случаѣ надобности и
болѣе. Первыми редакторами были: Архимандритъ
Феодосій, игуменъ *Арсеній*, священники *Федоръ Нико-
новъ* и *Михаилъ Некрасовъ*. („Губ. вѣд.“ 1865 г., № 80).

Въ настоящее время редакторомъ „Епархіальныхъ
Вѣдомостей“ — Архимандритъ *Димитрій*.

Архимандритъ Димитрій, — въ мѣрѣ Димитрій Ивановичъ Самбкинъ, сынъ протоіерея, уроженецъ Острожскаго уѣзда Воронежской губерніи, воспитанникъ мѣстной Семинаріи, въ 1863 году окончилъ курсъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи со степенью магистра; состоялъ преподавателемъ при Воронежской Духовной Семинаріи и священникомъ Пятницкой церкви; въ 1872 г. назначенъ былъ ректоромъ Тамбовской Духовной Семинаріи, отсюда переведенъ, ректоромъ-же, въ Воронежскую — въ 1881 году.

Архимандритъ Димитрій извѣстенъ, какъ одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ изслѣдователей мѣстной старины, особенно по исторіи церквей Воронежской епархіи. Изъ многочисленныхъ трудовъ его укажемъ на наиболѣе выдающіеся: 1) Тамбовскіе акты (ист. запад. края Тамб. губ.) 2) Мѣсяцесловъ Святыхъ всею Русскою Церковію или мѣстно чтимыхъ и 3) Указатель храмовыхъ празднествъ въ Воронежской епархіи.

Въ отношеніи исторіи мѣстныхъ храмовъ архим. Димитрій можетъ быть признанъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ, такъ какъ, за исключеніемъ не многихъ храмовъ, исторія возникновенія которыхъ еще недостаточно выяснена, въ остальномъ, трудами о. Димитрія, эта область мѣстной церковной исторіи можетъ считаться почти вполне разработанной. Архимандритъ Димитрій состоитъ съ 1871 г. Дѣйствительнымъ Членомъ Воронежскаго Губерн. Статистич. Комитета. —

На основаніи Высочайше утвержденнаго въ 9 день декабря 1865 г. Мнѣнія Государственнаго Совѣта, о повсемѣстномъ открытіи съ 1 января 1866 г. контрольных учрежденій для производства современной документальной ревизіи денежныхъ оборотовъ, былъ командированъ въ г. Воронежъ, для открытія Контрольной Палаты и управленія оною, причисленный къ Государственному Контролю, Надворный Совѣтникъ *Угличинъ*. (1866 г., № 1).

Съ 16-го января, счета и дѣлопроизводство по Воронежскому Приказу Общественнаго Призрѣнія *закрѣты* и объявлено, чтобы всѣ Присутственныя мѣста и должностныя лица, по имѣвшимся въ Приказѣ дѣламъ, относились съ своими требованіями, по кредитной части, въ Воронежское Отдѣленіе Государственнаго Банка, а по благотворительнымъ—въ Воронежскую Губернскую Земскую Управу. (№ 8).

Апрѣля 5-го получена была въ Воронежѣ телеграмма, извѣстившая, что „4-го апрѣля, въ четыре часа по полудни, Государь Императоръ, окончивъ прогулку въ Лѣтнемъ саду, изволилъ садиться въ коляску; въ эту минуту неизвѣстный выстрѣлилъ на Его Величество изъ пистолета; Провидѣніе сохранило Государя; преступникъ задержанъ“.

Приведенные въ ужасъ этою телеграммою и вмѣстѣ съ тѣмъ умиленные явнымъ дѣйствіемъ всеблагаго Промысла, отвратившаго роковой выстрѣлъ отъ Вѣнценосной Главы Монарха, жители города Воронежа въ благоговѣйномъ трепетѣ прежде всего обратились къ Богу съ молитвою, для чего 6-го апрѣля, въ 12 час. дня, собрались въ Митрофановомъ монастырѣ принести Царю царей благодарственное моленіе за спасеніе жизни нашего обожаемаго Государя. Мы, говорить современный лѣтописецъ, молились искренно, горячо; изъ глубины души мы благодарили Бога, спасаго Царя отъ смерти, а Россію—отъ величайшаго несчастія, и просили Его продлить на многіе годы священную для вѣрноподданныхъ жизнь нашего Государя-Благодѣтеля. Чувство вѣрноподданнической любви, подобно электрической искрѣ, мгновенно вспыхнуло въ сердцахъ всѣхъ: учебныя заведенія, разныя вѣдомства и классы народа наперерывъ стремились принести благодарность Богу за спасеніе Государя и повергнуть къ стопамъ Его Величества выраженіе безпредѣльной вѣрноподданнической любви и преданности.

Всѣ сословія города и губерніи предложили собрать сумму 4.500 руб. с., для учрежденія стипендіи, предназначаемой на воспитаніе нѣсколькихъ юношей въ гражданской гимназіи. Независимо отъ этого, общество *Воронежскихъ Русскихъ женщинъ*, желая ознаменовать избавленіе возлюбленнаго Монарха отъ угрожавшей ему опасности, вознамѣрилось собрать сумму для стипендіи на воспитаніе дѣвочки въ Маріинскомъ Воронежскомъ жен. училищѣ 1 разряда. Городская же Дума, созванная Городскимъ Головою А. И. Петровымъ, отличавшимся своимъ патриотизмомъ, въ чрезвычайномъ своемъ собраніи, 10 апрѣля постановила: просить Высочайшаго соизволенія на предложеніе спасителю Царя *Осипу Ивановичу Коммисарову, званіи перваго почетнаго гражданина города Воронежа*. Высочайшее соизволеніе послѣдовало. Городской Голова, извѣстивъ о семъ г. Коммисарова-Костромскаго телеграммою отъ 3-го мая, просилъ увѣдомить, въ случаѣ согласія его, на пріятіе сего званія. На это Осипъ Ивановичъ, отъ 5-го мая, прислалъ Городскому Головѣ письмо слѣдующаго содержанія:

„На посланную вами, 3-го мая, телеграмму посылаю увѣдомить, что имѣя въ виду воспослѣдовавшее уже Всемилостивѣйшее соизволеніе Государя Императора на желаніе Воронежскаго общества, какъ объявлено нами въ означенной телеграммѣ, предложить мнѣ званіе перваго гражданина города Воронежа,—я съ своей стороны съ полнымъ удовольствіемъ готовъ воспользоваться означеннымъ предложеніемъ общества, и затѣмъ позвольте просить васъ, какъ представителя общества, передать оному искреннюю мою благодарность за оказанное вниманіе“.

Но 24-е апрѣля ознаменовалось въ Воронежѣ такимъ торжествомъ, какого въ немъ никогда не было. Дворянство и купечество, военные и гражданскіе чины и люди простаго званія пожертвовали сумму 3.553 р. сер. для устройства народнаго праздника въ память

избавленія Государя отъ грозившей ему опасности. Это празднество удалось какъ нельзя лучше, несмотря на то, что срокъ для его устройства былъ самый короткій: задумали о немъ во вторникъ 19 апрѣля, 20 составила подписка, а 24-го уже было празднество, въ которомъ соединилось все, что могло придать ему значеніе народнаго. На обширномъ плацу Военной Гимназіи были поставлены четыре большіе шатра, съ приподнятыми полами, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ для духовенства, гостей и г. г. учредителей празднества; въ разныхъ мѣстахъ плаца стояли длинные столы для угощенія народа водкою, пивомъ, пирогами, калачами, жаренымъ мясомъ, винограднымъ виномъ, пряниками, рожками и т. п. Въ пяти мѣстахъ находились качели, съ одной стороны плаца устроена была сцена для фокусовъ и марионетокъ, а съ другой натянута была канатъ для эквилибрическихъ представленій акробата; два оркестра военной музыки, два хора цѣсенниковъ поставлены были въ разныхъ мѣстахъ плаца, но среди котораго сдѣлано было возвышеніе съ авалоями для совершенія молебствія предъ началомъ празднества. Для увеселенія народа были поставлены матчи съ флагами, за снятіе которыхъ назначены были денежные призы. Главныя улицы города приняли самый праздничный видъ: на балконахъ и въ окнахъ были выставлены флаги національныхъ цвѣтовъ и разноцвѣтные, ковры, ткани, цвѣты, гирлянды, вензеля, транспаранты. Въ десять часовъ утра всѣ магазины и лавки были заперты; ѣзда по улицамъ, гдѣ надлежало проходить церковному ходу, прекратилась; улицы наполнились народомъ, окна и балконы домовъ также унизаны были зрителями. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали начала церковной процессіи, которая должна была идти отъ Митрофанова монастыря по Московской и Большой Дворянской улицамъ на плацъ Военной Гимназіи, гдѣ надлежало быть торжественному молебствію о здравіи Государя Императора. Предъ крестнымъ ходомъ въ каедральномъ Благовѣ-

щенскомъ Митрофановомъ монастырѣ отправлено было молебствіе Сладчайшему Иисусу, Пресвятой Богородицѣ, св. Благовѣрному князю Александру Невскому и Святителямъ Митрофану и Тихону, Епископамъ Воронежскимъ и Чудотворцамъ. Въ одиннадцать съ половиною часовъ дня, при колокольномъ звонѣ въ церквахъ, началось шестіе крестнаго хода съ чудотворными и особенно чтимыми въ Воронежѣ иконами, съ хоругвями, запрестольными крестами и ополченскими знаменами, которыя были несены прибывшими изъ ближайшихъ селъ волостными головами, имѣвшими ассистентовъ изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и сельскихъ старшинъ.

Между всѣми иконами, находившимися въ крестномъ ходѣ, съ особеннымъ величіемъ, пробуждавшим невольное благоговѣніе въ присутствующихъ, возвышалась икона Смоленской Божіей Матери, что при гробѣ Святителя Митрофана. Эта икона, имѣющая въ длину $3\frac{1}{4}$ аршина, въ богатой золотой ризѣ, украшенной драгоценными камнями, несена была монашествующими и многими изъ гражданъ на особыхъ носилкахъ. Она до сего времени никогда не была носима въ крестныхъ ходахъ, и потому появленіе ея въ процессіи произвело большое впечатлѣніе на народъ, который особенно чтитъ ее. И какъ знаменательно было присутствіе этой иконы въ крестномъ ходѣ, предназначенномъ для благодарственного моленія Богу о спасенномъ Потомкѣ того, кто самъ былъ спасенъ отъ смерти преданностію Ивана Сусанина. (Эта икона, по преданію, была пожертвована царемъ Михаиломъ Теодоровичемъ въ упраздненный нынѣ Коротолякскій Боршевскій монастырь, а въ царствованіе Петра I-го, при Святителѣ Митрофанѣ, какъ говоритъ преданіе, перенесена въ бывшій тогда Каѳедральный Благовѣщенскій Соборъ, что нынѣ Митрофановъ монастырь).

Крестный ходъ совершалъ преосвященный Серафимъ, Епископъ Воронежскій и Задонскій съ тремя

архимандритами, тридцатью девятыю священниками и протоіереями бѣлаго духовенства, съ іеромонахами, протодіакономъ, двумя иподіаконами; кромѣ того въ ходѣ было іеродіаконовъ и діаконовъ 41. причетниковъ съ послушниками и пономарями 50. Процессія шла въ такомъ порядкѣ: впереди шли архіерейскіе пѣвчіе въ парадныхъ кафтанахъ, передъ ними два свѣтильника съ фонарями; за пѣвчими были несены 17 знаменъ воронежскихъ ополченцевъ и хоругвь лиловаго пѣвта, на которой золотыми буквами написанъ былъ народный гимнъ. Эту хоругвь приготовили крестьяне пригородней слободы Чижевки, а несть ее девяностолѣтній старикъ-крестьянинъ, голова котораго съ совершенно бѣлыми волосами внушала къ нему почтеніе. Затѣмъ были несены шесть паръ хоругвей, шесть за престольныхъ крестовъ, за ними слѣдовало низшее духовенство по отдѣленіямъ. За младшими священниками несены были иконы: а) Александра Невского и Апрѣльскія святцы, б) Святителя Митрофана; в) Георгія Побѣдоносца и Святителя Тихона, г) иконы Смоленской Божіей Матери и Св. Николая Чудотворца изъ кафедральнаго собора, д) Святыя Троицы и Воскресенія Христова, е) Икона Божіей Матери, именуемая Троеручицею изъ Алексѣевского монастыря, ж) Икона Божіей Матери моленской, что на столпѣ изъ Митрофанова монастыря, з) Икона Благовѣщенія Божіей Матери изъ Митрофанова монастыря, и) Икона Всѣхъ Скорбящихъ Радости изъ Богословской церкви, (По преданію эта икона получила особенную извѣстность во времена Петра Великаго по слѣдующему случаю: по усердію жителей она переносилась изъ дома въ домъ. Надъ этимъ обычаемъ и надъ самою иконою посмѣялая служившій при адмиралтействѣ полковникъ изъ нѣмцевъ. На другой день послѣ этой дерзости пришлось ему плыть по рѣкѣ, вдругъ безъ всякой причины лодка его начала тонуть. Испуганный нѣмецъ созналъ свою ошибку и обратился къ Богоматери съ теплою молитвою о спасеніи. Спасеніе совершилось.

Въ благодарность за это полковникъ немедленно заказалъ сдѣлать на эту икону ризу, которая и донынѣ на ней существуетъ. Эта икона пользуется особеннымъ чествованіемъ у народа, ее часто носятъ по домамъ и молящіеся получаютъ благодатное врачеваніе). і) Икона Смоленской Божіей Матери, что при Св. Митрофанѣ; за нею шли члены Консисторіи и почетное духовенство, погомъ протодіаконъ и діаконъ съ кадилами и въ заключеніе преосвященный Владыка Серафимъ съ на престольнымъ крестомъ и св. Евангелиемъ въ рукахъ, сопровождаемый иподiakонами. Позади преосвященнаго шли почетныя лица и учредители праздника, потомъ воспитанники: Военной гимназіи, Губернской гимназіи, Духовной Семинаріи, Духовнаго уѣзднаго училища, хоръ музыкантовъ Можайскаго полка, воспитанники Военнаго Училища, сборный баталіонъ Можайскаго полка и затѣмъ огромное число народа всѣхъ званій. День былъ пасмурный и дулъ довольно свѣжій вѣтеръ, но въ то время, какъ крестный ходъ началъ свое шествіе, просіяло солнце и лучи его, разсыпавшись по ризамъ иконъ, освѣтили ихъ яркимъ блескомъ. Народъ съ умиленіемъ встрѣчалъ процессію, выходя изъ домовъ; всѣ молились съ особеннымъ благоговѣніемъ и со слезами. И, дѣйствительно, такой величественный крестный ходъ, по случаю столь важнаго для государства событія, производилъ глубокое впечатлѣніе на зрителей и участвовавшихъ въ ходѣ. По прибытіи этой процессіи на плацъ Военной гимназіи, всѣ знамена, хоругви, кресты, иконы расположились полукругомъ предъ приготовленнымъ посреди плаца амвономъ, а двѣ большія иконы положены были на аналои. Преосвященный Серафимъ началъ совершать молебенъ о здравіи Государя Императора. Тысячи народа, покрывавшаго площадь, прекратили свой говоръ, все смолкло; началось пѣніе молебна. И предъ тѣмъ какъ протодіакону слѣдовало возгласить: „паки и паки, преклоньше колѣна, Господу помолимся“, съ восточной стороны изъ-за Военной Гимназіи показался орелъ, который на

большой высотѣ париль очень медленно и надлетѣвъ надъ самый плацъ, началъ дѣлать круги и виться надъ головами молящихся. Появленіе орла, птицы довольно рѣдкой въ окрестностяхъ Воронежа, не могло не обратить на себя общаго вниманія; торжественность богослуженія не позволила привѣтствовать его крикомъ радости, но сдержанный попотъ пробѣжалъ по рядамъ плотно стоявшей массы народа и замѣтно было, что въ этомъ явленіи представлялось нѣчто пророческое, имѣющее связь съ совершаемымъ молебствіемъ. По прочтеніи Евангелія, преосвященный Серафимъ произнесъ краткое, но полное чувства слово, въ которомъ указалъ на видимое присутствіе промысла Божія въ спасеніи Государя, на дѣйствіе всемогущей воли Творца, обращающей злое во благое, что покушеніе злодѣя на священную особу Монарха послужило къ яснѣйшему выраженію союза, скрѣпляющаго народъ съ Государемъ и обнаружило Правительству, что сѣмя зла кроется въ нѣдрахъ нашего отечества и должно быть вырвано съ корнемъ. Во все продолженіе молебствія на плацу царствовала мертвая тишина, несмотря на присутствіе тысячъ тридцати народа. Но когда окончился молебенъ и музыка заиграла „Боже, Царя храни“, крики ура, какъ перекатное эхо, понеслись съ одного конца площади до другаго.

Послѣ молебна распорядители праздника пригласили духовенство и почетныхъ лицъ въ шатеръ къ закускѣ; войска заняли два ближайшіе къ шатру стола, а народъ сгруппировался вокругъ шести большихъ столовъ, устроенныхъ на разныхъ пунктахъ плаца.

По окончаніи тостовъ прочтены были телеграммы, которыя учредители праздника приготовили послать въ Петербургъ и въ Москву.

Въ то время какъ въ шатрѣ читались телеграммы, на плацу происходило необыкновенное волненіе: изъ Военной гимназіи былъ вынесенъ поясной портретъ Государя Императора, въ золотой рамѣ, и на-

родъ при видѣ его пришелъ въ полный экстазъ. Крики ура сливались въ одинъ непрерывный гулъ, народъ падалъ на колѣни, бросалъ шапки вверхъ и громогласно взывалъ: да здравствуетъ Отецъ нашъ! Портретъ два раза обнесли по всему плацу и народъ подобно волнамъ переливался съ одного мѣста на другое, идя въ слѣдъ за портретомъ. Но, когда преосвященный Серафимъ, вышедъ изъ шатра, сталъ на амвонъ и, при поднесеніи къ нему портрета Императора, поклонился ему до земли и поцѣловалъ Его руку, то народъ пришелъ въ такой восторгъ, что при его крикѣ невольный трепетъ обнималъ душу и можно было бояться, чтобъ кого-нибудь не задавили. Но, слава Богу, ничего подобнаго не случилось, напротивъ— народъ былъ такъ вѣжливъ, что не потѣснилъ дамъ, стоявшихъ вокругъ амвона и съ благоговѣніемъ взиралъ на изображеніе Царя, какъ бы на Его особу лично здѣсь присутствовавшую. Въ доказательство того, съ какимъ уваженіемъ народъ относился къ портрету Государя, служить то, что отломившіеся отъ рамки листки украшенія были сохранены до послѣдняго кусочка и возвращены по принадлежности, а съ одного господина, не снявшаго шапки, когда мимо его пронесли портретъ, шапка была схвачена и разорвана въ клочки.

Въ это время кто только изъ учредителей праздника показывался среди народа, того подхватывали на руки, качали и носили по плацу; Губернатора и Городскаго Голову съ криками ура пронесли по всему плацу.

Быль уже шестой часъ пополудни; угошеніе, приготовленное для народа, было выпито и съѣдено; многіе ходили нетвердыми ногами, а иные и вовсе располагались на отдыхъ, но кто не слишкомъ увлекся предложенными угощеніями, тотъ отъ души веселился. Было все чинно и смирно, музыка играла, пѣсенники пѣли, женщины и дѣти качались на качеляхъ, смотрѣли на акробата и фокусника; ни ссоръ, ни дракъ не было замѣтно. Распорядители праздника изъ шатра

перешли на балконъ Дворянскаго Собранія, гдѣ собрались и многія дамы. Народъ, замѣтивъ это, столпился въ большой массѣ передъ балкономъ и продолжалъ тутъ веселиться. Сюда позвали хоръ музыки и пѣсенниковъ. Съ балкона учредителя праздника бросали въ народъ фотографическія карточки Коммисарова-Костромскаго, апельсины, мелкія деньги и рублевья бумажки. Все это схватывалось на дуту, а если что падало на-земь, то дѣлалось достояніемъ того, кто былъ порасторопнѣе и половчѣе; не безъ того, чтобъ не случилось при этомъ какого-нибудь паденія или столкновенія; но все это возбуждало въ толпѣ только смѣхъ. Замѣтно было, что народъ доволенъ былъ празднествомъ и не дичился господъ, а напротивъ желалъ быть къ нимъ ближе, чтобы поговорить съ ними и показать, что онъ съ удовольствіемъ принимаетъ и угощеніе и ласки и благодаренъ за это. Какъ скоро музыканты начинали играть какую нибудь піесу, народъ останавливалъ ихъ и кричалъ: „Боже, Царя храни!“ Ура почти непрерывно раздавалось среди толпы во все время, пока не опустѣлъ балконъ. Наступили сумерки. Взвилась ракета и дала знать, что скоро зажжется фейерверкъ. Народъ снова началъ толпиться на плацу, чтобъ посмотреть, какое огненное диво покажутъ ему. Освѣтился вѣнзель Государя брилліантовымъ огнемъ, крики ура и хлопанье въ ладоши привѣтствовали его появленіе; народный гимнъ снова повторился нѣсколько разъ. Фейерверкъ былъ сожженъ довольно удачно, хотя въ воздухѣ было сыро, потому что моросилъ мелкій дождикъ; римскія свѣчи далеко разбрасывали яркіе клубы огня и освѣщали народъ, съ любопытствомъ смотрѣвшій на разноцвѣтныя звѣзды, разсыпавшіяся сверху. Стали зажигать иллюминацію; плацъ освѣтился различными фонариками, освѣтилась прозрачная, изъ кумачу сдѣланная, бесѣда, вокругъ которой были вырѣзаны слова „Боже, Царя храни!“ Освѣтились двѣ арии съ надписью на одной: Иванъ Сусанинъ 1613 г., а на другой Коммисаровъ-Костромской 1866 г. Дождь Дво-

рянскаго Собранія весь горѣль въ огнѣ. На главномъ фасѣ была поставлена огромной величины звѣзда, въ срединѣ которой горѣль большой вензель Государя, что издали давало великолѣпный видъ Собранію. На противоположной сторонѣ плаца, въ главномъ корпусѣ Военной гимназій и на квартирѣ директора Фонъ-Виклера также горѣль вензель Государя; всѣ близъ плаца находящіеся дома были освѣщены въ окнахъ и въ темнотѣ казались какими-то фантастическими зданіями. Видъ былъ дѣйствительно прекрасный. Толпы гуляющихъ смѣнялись одна другою. Дворянская улица вся была освѣщена плоскими, фонариками, вензелями и транспарантами. Домъ купца Нагаева былъ освѣщенъ очень красиво разноцвѣтными фонарями и прекраснымъ вензелемъ; его мастеровые, лучшіе у насъ пѣсенники, предъ домою ховяина составили прекрасный хоръ и пѣли „Боже, Царя храни!“ повторяя этотъ гимнъ нѣсколько разъ. Потомъ пѣли разныя русскія пѣсни, плясали и веселились до поздней ночи. Хорошо была иллюминирована и убрана гирляндами Палата государственныхъ имуществъ и еврейская синагога.

Такъ веселился народъ 24 апрѣля въ Воронежѣ.

(Всѣ изложенныя свѣдѣнія, по поводу событія 4 апрѣля, взяты изъ описанія, вышедшаго отдѣльной брошюрой, составленнаго въ 1866 г. П. В. Малыхинымъ).

13-го апрѣля Высочайше утверждены правила объ упраздненіи магистратовъ и ратушь въ теченіе 1866 года во всѣхъ губерніяхъ, управляемыхъ по общему учрежденію, въ томъ числѣ и въ Воронежской. (№ 32).

15-го апрѣля состоялось постановленіе Воронежскаго Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, о распредѣленіи селеній крестьянъ временно-обязанныхъ, собственниковъ и государственныхъ, между мировыми участками, на основаніи Высочайши утвержденнаго, 18 января 1866 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта, о преобразованіи общественнаго

управленія государственныхъ крестьянъ и о передачѣ ихъ въ вѣдѣніе общихъ губернскихъ и уѣздныхъ, а также мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений. (№ 46).

30-го апрѣля, Совѣтомъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества утвержденъ къ исполненію, въ видѣ опыта, на три года, Уставъ Благотворительнаго женскаго Отдѣленія при Воронежскомъ Попечительномъ о бѣдныхъ Комитетѣ. По уставу, отличительная цѣль этого учрежденія должна состоять въ томъ, чтобы открывать людей, по истинѣ нуждающихся въ помощи, особенно стыдящихся просить подаянія и оказывать имъ вспомошествованіе такого свойства, которое приносило бы имъ существенную пользу и не могло-бы быть употребляемо во зло. Кроме того, на женское Отдѣленіе возложено „облегченіе или доставленіе немущимъ способовъ для призрѣнія и воспитанія ихъ дѣтей“. (№ 64).

Съ 5-го на 6-е мая скончалась Игуменія Воронежскаго Покровскаго Дѣвичьяго монастыря *Смарагда*, 76 лѣтъ отъ роду. Она принадлежала къ извѣстной фамиліи *Вязицкихъ*; братъ ея въ тридцатыхъ годахъ былъ Воронежскимъ Губернаторомъ. Смарагда игуменствовала около 30 лѣтъ и умѣла заслужить всеобщую любовь и уваженіе. (№ 34).

23-го Мая Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго совѣта о преобразованіи *казенныхъ палатъ* и измѣненіи штатовъ оныхъ въ губерніяхъ, управляемыхъ по общему губернскому учрежденію, въ томъ числѣ и въ Воронежской. (№ 58).

Вновь образованный Воронежскій Губернскій Училищный Совѣтъ объявилъ п.г. членамъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, чтобы они собрались въ городахъ: Воронежѣ, Нижнедѣвицкѣ, Задонскѣ, Вобровѣ, Павловскѣ, Богучарѣ, Новохоперскѣ, Валуйскѣ, Вирючѣ и Острогожскѣ на 20 мая, а въ Землянкѣ и Коротоякѣ на 23 мая, для избранія изъ среды себя пред-

сѣдателя, согласно 22 ст. Положенія о начальннхъ училищахъ, Высочайше утвержденнаго 14-го іюля 1864 года, и по избраніи сообщили объ этомъ Губернскому Училишному Совѣту для открытія дѣйстви тѣхъ совѣтовъ. (№ 33).

12-го августа Высочайше утверждена концессія на линію желѣзной дороги отъ города Коалова до города Воронежа Эта концессія напечатана въ „губ. вѣд.“ (№№ 71 и 72).

Съ 16 августа по 16 октября въ Воронежѣ была холера, отъ которой умерло 880 человекъ. („губ. вѣд.“ 1867 г., № 91).

Съ 1-го сентября открыты дѣйствія Сеудо-сберегательной Кассы Воронежскаго Губернскаго Правленія. (№ 77).

18-го сентября, Землянское Земское Собраніе, выслушавъ докладъ Земской Управы о предоставленіи помѣщикомъ Землянскаго уѣзда, Генералъ-Адъютантомъ Александромъ Львовичемъ *Потановымъ* дома и службъ въ селѣ Новоуспенскомъ подъ помѣщеніе земской больницы и о принятіи имъ на свой счетъ устройства и отчасти содержанія ея, опредѣлило: изъяснить Его Превосходительству отъ земства искреннюю благодарность, больницу устроить согласно видамъ и условіямъ г. Потанова и наименовать ея *Потановскою*. (1867 г., № 19).

6-го ноября, въ Митрофановскомъ монастырѣ, по случаю Высочайшаго Манифеста о бракосочетаніи Его Императорскаго Высочества Цесаревича Наслѣдника Государя и Великаго Князя Александра Александровича съ Благовѣрною Великою Княжною Марією Теодоровною, Преосвященнымъ Серафимомъ соборнѣ отслужено было благодарственное съ колѣнопреклоненіемъ молебствіе Господу Богу. Въ церкви, кромѣ вѣстныхъ высшихъ и низшихъ чиновъ, было полно народу, молившагося съ теплою вѣрою и надеждою, что Господь

Богъ продлить Новобрачную Царственную Чету на многія лѣта. Въ городѣ въ теченіе трехъ дней былъ во всѣхъ церквахъ торжественный колокольный звонъ. (№ 86).

10-го ноября, въ залѣ Купеческаго Клуба, жители г. Воронежа, и преимущественно Воронежское купечество, давали обѣдъ въ честь Предсѣдателя Губернской Земской Управы Аѳанасія Николаевича Сомова, вмѣстѣ съ членами оной, за исходатайствованіе ими концессіи на устройство желѣзной дороги отъ Козлова до Воронежа, и въ честь Начальника губерніи, Князя Владиміра Александровича Трубецкаго, за его теплое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. (№ 88).

1-го декабря, по случаю столѣтняго юбилея со дня рожденія Николая Михайловича *Карамзина*, въ залѣ Воронежской губернской гимназіи было литературное утро, на которомъ прочитаны: краткая рѣчь о значеніи юбилея; біографія и характеристика Н. М. Карамзина и о значеніи литературной дѣятельности его-же. (№ 93).

4-го декабря, въ 7-мъ съ половиною часовъ вечера, Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ съ Супругою Своею Великою Княгинею Ольгою Феодоровною изволили прибыть въ Воронежъ, проѣзжая изъ С.-Петербурга на Кавказъ. На другой день, въ 9-ть часовъ, Ихъ Императорскія Высочества изволили отправиться въ Митрофановскій монастырь, гдѣ встрѣчены были Архіереемъ, и, приложившись къ мощамъ Святителя Митрофана, изволили отправиться въ дальнѣйшій путь по Павловской дорогѣ. (№ 94).

17-го декабря, въ залѣ Дворянскаго Собранія, Земство Воронежской губерніи, въ знакъ глубокой благодарности за полезную дѣятельность по земству Предсѣдателя Губернской Земской Управы Аѳанасія Николаевича *Сомова*, давало въ честь послѣдняго обѣдъ. Кромѣ учредителей, на этомъ обѣдѣ въ числѣ гостей

были: Губернаторъ Князь Владиміръ Александровичъ Трубецкой, Преосвященный Серафимъ и многія другія лица изъ мѣстнаго чиновничества и купечества Сверхъ того, на этомъ обѣдѣ были строитель Воронежской дороги С. С. Поляковъ и два депутата отъ города Ростова на Дону, прибывшіе въ Воронежъ по поводу обсужденія вопроса о продолженіи Воронежской желѣзной дороги на югъ. (№ 98).

Содержаніе „губернскихъ вѣдомостей“ 1867 года.

Хроника и статьи по поводу современныхъ вопросовъ:

По поводу предложенія Город. Думы о доставленіи свѣдѣній о количествѣ потребления въ г. Воронежѣ воды. (№ 5).

О приѣмѣ въ г. Воронежѣ рекрутовъ и объ открытіи общественнаго Банка. (№ 6).

Объ открытіи общественнаго Банка въ г. Бобровѣ.

Баль-маскарадъ въ пользу Маринской женской Гимназіи на 19 февраля. (№ 7).

Объ обязанности священниковъ искоренять разныя суевѣрія въ народѣ. (№ 8).

По поводу чтенія годичнаго отчета за 1866 г. о состояніи Воронежской публичной библіотеки. (№ 10).

По поводу открытія въ Воронежской Духовной Семинаріи чтенія лекцій педагогики. (№ 12).

Женское училище 1-го разряда и баль-маскарадъ въ пользу этого училища, устроенный княгиней М. А. Трубецкой. (№ 15 и 18).

О небываломъ, по своимъ размѣрамъ, разливѣ рѣки Воронежа. (№ 24).

О духовномъ концертѣ, данномъ въ пользу Кандидатовъ (№ 25).

О празднованіи 4-го апрѣля въ г. Воронежѣ и объ открытіи при Воронежской духов. Семинаріи воскресной школы. (№ 27).

Объ утвержденіи Государемъ Императоромъ журнала Комитета желѣзныхъ дорогъ о постройкѣ Воронежско-Ростовской желѣзной дороги (№ 28).

Музыкально-педагогическій вечеръ въ пользу предполагаемаго въ Воронежѣ „Дѣтскаго Сада“ по системѣ Фребеля. (№ 29).

О началѣ земляныхъ работъ по линіи жел. дороги близъ г. Воронежъ. (№ 32).

О закладкѣ въ г. Воронежѣ главнаго зданія станціи Воронежско-Козловской жел. дор. (№ 33).

Извѣстіе о злодѣйскомъ покушеніи въ Парижѣ на жизнь Государя Императора Александра II и благодарственное молебствіе въ Митрофановскомъ монастырѣ за послѣдніе жизни Государя Императора. (№ 39).

Освященіе закладки часовни при Семинаріи въ память избавленія Государя Императора Александра II отъ покушенія на Его жизнь 4 апрѣля 1865 г. (№ 48).

Открытіе въ Воронежѣ чрезвычайнаго уѣзднаго земскаго собранія съ цѣлью выбора мировыхъ судей въ г. Воронежѣ и уѣздъ его. (№ 51).

Объ открытіи въ Воронежѣ Подготовительной школы я. програма этой школы. (№ 52).

О прибытіи въ Воронежъ Е. Министра Путей Сообщенія для осмотра линіи жел. дор. (№ 56).

Годичный актъ въ Воронежской Губ. Гимназіи. (№ 64).

По вопросу о постройкѣ южной линіи желѣзной дор. (№ 73).

Открытіе третьяго очереднаго Губ. Земскаго Собранія въ Воронежѣ. (№ 92).

Рѣчь Старшаго Предсѣдателя Харьковской Судебной Палаты барона Торнау, сказанная 26 ноября на обѣдѣ въ Дворянскомъ Собраніи, по поводу открытія Окружнаго Суда въ Воронежѣ (№ 96).

О празднованіи 100-лѣтняго юбилея Митрополита Кіевскаго и Галицкаго Евгенія Волховитинова; О любительскомъ спектаклѣ, въ пользу бѣдныхъ, данномъ 19 декабря; О прибытіи въ Воронежъ перваго пробнаго поѣзда желѣзной дороги; О концертѣ г-жи Смирницкой; Объ обѣдѣ въ честь Воронежскаго Губернатора, князя В. А. Трубецкаго (№ 98).

(Всѣ вышеприведенныя статьи были помѣщены въ „губ. вѣд.“ подъ рубрикою „Воронеж“).

Мнѣнія, толкы и живенные вопросы Придвѣнцевъ по поводу пролагаемой Воронежской желѣзной дороги. (№ 2 и 5).

О движеніи работъ на линіи желѣзной дороги. (№ 16, 23, 55 и 80).

Извѣстіе о памятникѣ А. В. Кольцову. (№ 4).

О погодѣ въ январѣ мѣсяцѣ и объ ожидаемомъ затмѣніи солнца. (№ 11).

Письмо изъ Воронежа къ Московскому Митрополиту Филарету съ деньгами, пожертвованными на помощь семействамъ острова Кандін. (№ 12).

Спектакль любителей 12-го февраля 1867 г. (№ 16).

Благотворительное пожертвованіе А. Л. Потанова. (№ 19).

„Дѣтскій Садъ“ въ Воронежѣ. *Е. Гутора*. (№ 31 и 39).

Объ учрежденіи 2-къ классаго народнаго училища въ сл. Вутурлиновкѣ. *А. Сценуры*. (№ 32).

Предполагаемые Окружные Суды въ Воронеж. губ. (№ 43).

Общее городское собраніе 22 іюня. (№ 47).

Предполагаемыя публичныя лекціи въ Воронежѣ и программы ихъ (№ 48 и 94).

Отвѣтъ медиковъ Губ. Вольницы на статью въ „губ. вѣд.“ № 47 и „Ворон. Листка“ № 48 и 49. (№ 54).

Воскресная школа при Воронежской Дух. Семин. (62 и 83).

Совершеніе въ Воронежѣ казни надъ преступникомъ, приговореннымъ Военнымъ уголовнымъ судомъ въ разстрѣлянію. (№ 77).

Приготовленіе къ празднованію въ г. Воронежѣ юбилея Митрополита Кіевскаго Еягенія. (№ 80 и 87).

Галлерей г. Патцала въ Воронежѣ. (№ 87 и 92).

„Гроза“ соч. Островскаго на Воронежской сценѣ. *П. Исавва*. (№ 87).

Выборы старшинъ купеческаго собранія. (№ 88).

Открытіе музыкальныхъ собраній любителей въ Воронежѣ. (№ 89).

Открытіе въ Воронежѣ Оружнаго Суда, 26-го ноября. *Г. Весселовскаго*. (№ 90).

Прибытіе перваго поѣзда на „Графскую“ станцію 28 ноября. (№ 90).

Открытіе Харьковскихъ судебныхъ установленій. (№ 92).

Рѣчь Старшаго Предсѣдателя Харьковской Судебной Палаты барона Торнау, произнесенная 28 ноября при открытіи Острожскаго Окружнаго Суда. (№ 97).

По поводу 2-й женской гимназии и частных училищъ Воронежскаго уѣзданина *Г. Г. Глухова*. (№ 3).

Проектъ доклада Комитета по устройству въ Воронежѣ газоваго освѣщенія и водопроводовъ. (№ 42).

Въ дополненіе къ вопросу о разработкѣ торфа въ Воронежской губерніи (№ 53 и 54).

Письмо къ редактору. *Ив. фонъ-Паули*. (№ 70).

По поводу вопроса объ открытіи въ г. Бобровѣ женскаго второразряднаго училища. (№ 88).

Къ вопросу о хлѣбной торговлѣ и производительности въ Воронежской губерніи. (№ 89).

Некрологъ:

Григорія Григорьевича Ткачева. *Г. Веселовскаго*. (№ 11).

Петра Васильевича Манухина. Его-же. (№ 49).

Къ некрологу графа И. М. Толстаго. *М. Марьескаго*. (№ 78).

Корреспонденци изъ уѣздовъ и городовъ:

Изъ с. Большой Усмани. Св. *Θ. Стефановскаго*. (№ 1).

Г. Павловска. (№ 4 и 33).

Новой Калитвы. (№ 23).

С. Елецкой Лазовки. *Вачкова*. (№ 28)

Сл. Марокъ (Острогожскаго уѣзда) (№ 34).

Подклятнаго (Воронежскаго уѣзда) (№ 35).

Новооперска (№ 35) и уѣзда (№ 76).

Козлова (№ 37).

Земляска (№ 43 и 67).

Острогожскаго уѣзда (№ 43).

Нижнедѣвица (№ 45).

С. Новой-Чиглы, Бобровскаго уѣзда. *Турчанинова*. (№ 46).

С. Рождественской Хавы (Воронеж. уѣзда). Брестьянина *И. Глазиса*. (№ 48).

Богучара (№ 51).

Валуекъ (№ 55).

Вутурлимовки (№ 56, 63, 86).

Бирюча. *М. Марьескаго*. (№ 67 и 87).

Боброва. (№ 74).

Сл. Калача. (Богучарскаго уѣзда). № 84).

Этнографія, статистика и исторія:

Хуторъ Скрышниковъ. Богучарскаго уѣзда. *Д. Романозскаго.* (№ 4, 5 и 6).

Бывшій городъ Усердь. *М. Марьевскаго.* (№ 7 и 8).

Село Танцирекъ, Новохоперскаго уѣзда. (№ 9).

Историко-статистическіе, экономическіе и этнографическіе очерки Острогожскаго уѣзда. *Г. Веселовскаго.* (№№ 12, 13, 14, 17, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 31, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52 и 53).

Народныя лѣкарства отъ разныхъ болѣзней, употребленныя въ Воронежской губ. *Я. Аристовъ.* (№ 15 и 16).

Слобода Михайловка Богучарскаго уѣз. *А. Р.* (№ 17 и 18).

Слоб. Петропавловка Богучарскаго уѣзда. *П. Н. Ефремова.* (№ 21 и 22).

Медико-топографическое описаніе Новохоперскаго уѣзда, составленное въ 1839 г. уѣзднымъ врачомъ *Александромъ Бардовскимъ* (№ 24, 25, 27, 28, 32 и 34).

Статистическая замѣтка о рождаемости по Воронежу (№ 27).

Сл. Новотроицкая Крѣпша, Богучарскаго уѣзда. *А. Воскресенскаго.* (№ 42).

Нѣсколько словъ о вышнемъ видѣ г. Воронежа. (№ 57).

Городъ Вобровъ и его уѣздъ. *Г. Веселовскаго.* (№ 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 68, 71, 73, 74, 75, 79, 83, 84, 86 и 89).

Характеристика Воронежскаго Толмучаго рынка. *П.* (№ 58).
Слобода Уразова, Валуйскаго уѣзда. *П. Попова.* (№ 69, 70 и 71).

С. Рамење (Новохоперскаго уѣзда) (№ 72).

Очеркъ бывшаго города Орлова въ историческомъ отношеніи. *В. Исаева.* (№ 75, 76, 77, 78, 79, 80 и 81).

Число воспитанниковъ Воронежской Семинаріи въ 1867 г. (№ 86).

Статистическая таблица поступленія по Воронежской губерніи патентнаго на право торговли и промысловъ въора съ 1-го ноября 1866 г. по 1 сентября 1867 г. (№ 83).

Записка, поданная Предводителю Воронежскаго Губ. Статистическаго Комитета, о числѣ умершихъ отъ холеры во время эпидеміи 1866 г. *Г. Щербачева*. (№ 91).

Протоколъ засѣданія и отчетъ о дѣйствіяхъ Воронежскаго Губ. Статистическаго Комитета за 1866 г. (№ 85 и 87).

Отчетъ Губернской Гимназіи за 1866/67 уч. г. (№ 65 и 66).

Извлеченіе изъ отчета о приходѣ и расходѣ суммъ по Воронежскому Училищу дѣвицъ духовнаго званія за 1866 г. (№ 86).

Отчетъ о состояніи Воронежскихъ женскихъ училищъ за 1866/67 учеб. г. (№ 67 и 68).

Отчетъ „Подготовительной школы“ въ Воронежѣ за августъ и сентябрь 1867 г. (№ 81 и 82).

Отчетъ Новохоперскаго уѣзднаго Училищнаго Совѣта о состояніи подвѣдомныхъ ему начальныхъ училищъ за сентябрьскую треть 1866 г. (№ 43, 44 и 45).

Отчетъ Воронежской Публичной Библіотеки за 1866 г. (№ 11).

Къ Лѣтописи 1867 года.

Съ 1-го января послѣдовало измѣненіе и сокращеніе состава мѣстнаго управленія государственными имуществами. (№ 6).

Съ 1-го января въ Воронежской губерніи введено взаимное земское страхование. („Губ. вѣд.“ 1869 г. № 63).

10-го января Высочайше утверждено временное росписаніе окружныхъ судовъ по округу Харьковской Судебной Палаты. На основаніи этого росписанія, вѣдѣнію *Воронежскаго Окружнаго Суда* подлежали уѣзды: Воронежскій, Землянскій, Нижнедѣвицкій, Коротоакскій, Бобровскій, Новохоперскій и Усманскій (послѣдній—Тамбовской губерніи); *Острогожскаго Окружнаго Суда*—уѣзды: Павловскій, Острогожскій, Вирюченскій, Валуйскій и Богучарскій. Задонскій же уѣздъ отнесенъ къ вѣдѣнію Елецкаго Окружнаго Суда. (№ 9).—

(На основаніи Высочайше утвержденного 16-го апрѣля 1885 г. мѣстія Государственнаго Совѣта, *Задонскій уѣздъ* перечисленъ изъ округа Елецкаго въ округъ Воронежскаго Окружнаго Суда). („Губ. вѣд.“ 1885 г., № 36).

28-го февраля закрыты упраздненныя въ Воронежской губерніи уѣздные суды: Коротоякскій, Землянскій, Павловскій и Валуйскій, съ отнесеніемъ ихъ дѣлопроизводства: Коротоякскаго къ Острогожскому, Землянскаго къ Нижнедѣвицкому, Павловскаго къ Богучарскому и Валуйскаго къ Бирюченскому Уѣздному Суду. (№ 11 „губ. вѣд.“ 1867 г. и Полн. Соб. Зак. Россійск. имп. 1867 г., изд. 1871 г.)

Съ 22 по 26 марта, рѣка Воронежъ, своимъ страшнымъ, кажется, никогда еще не бывавшимъ разливомъ, причинила большіе убытки прибрежному населенію города Воронежа. Начиная отъ слободы Троицкой и до сл. Чижовки включительно, всѣ набережныя собственнo подручныя строенія были залиты водой, а нѣкоторыя изъ нихъ и вовсе размыты и унесены. Придаченская дамба всплось была залита водою до двухъ аршинъ высоты надъ ея поверхностью, чего, какъ говорили старожилы, никогда еще не было. Въ 1822 г. — когда была самая сильная вода — дамба заливалась только мѣстами, но не вся, какъ въ 1867 г. По замѣчанію современной лѣтописи, нѣсколько тысячъ несчастныхъ жителей (прибрежныхъ) побросали свои пепелища и, какъ помѣшанные, не знали что имъ дѣлать, какъ спасти свое имущество и какъ найти себѣ пріютъ для ночлега. — Особенно страдалъ отъ наводненія Стрѣлецкій Лоскъ, какъ самое низменное прибрежное населенное мѣсто. Такой разливъ рѣки Воронежа, есть слѣдствіе громаднаго разлива рѣки Дона, тронувшагося 21 марта и не давшего, такимъ образомъ, свободнаго теченія рѣкѣ Воронежю, какъ бы подпертой водами рѣки Дона. (№ 24). По иниціативѣ Пресвященнаго *Серафима*, въ пользу семействъ, пострадав-

шихъ отъ наводненія, былъ данъ, 6 апрѣля, архіерейскими пѣвчими, духовный концертъ. (№ 26).

Съ 26-го марта, при Воронежской Духовной Семинаріи, открыта Воскресная школа. (№ 27).

Съ 6-го апрѣля Воронежскій Городской Общественный Банкъ открылъ дѣйствія свои по денежнымъ операціямъ. (№ 26).

8-го апрѣля напечатано въ „губ. вѣд.“ объявленіе отъ Попечительнаго Совѣта женскихъ училищъ, коимъ приглашались желающіе помѣстить дочь свою или родственницу на „*стипендію Воронежскихъ Русскихъ женщинъ*“, учрежденную при Маріинскомъ женскомъ училищѣ на счетъ процентовъ съ капитала, состоящаго въ процентныхъ бумагахъ на 1200 руб., съ тѣмъ, чтобы изъ этихъ процентовъ производилась плата за обученіе одной стипендіатки изъ числа бѣдныхъ дѣтей, въ память событія 4-го апрѣля. (№ 27).

Съ 15 апрѣля закрыты упрядненные въ Воронежской губерніи *Уѣзды Суды Задонскій и Новохоперскій*, съ отнесеніемъ ихъ дѣлопроизводства: перваго — къ Воронежскому, а послѣдняго — къ Вобровскому уѣздному суду. (№ 23).

6-го мая совершено было въ Воронежѣ освященіе закладки главнаго зданія станціи желѣзной дороги и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начала земляныхъ работъ на этомъ пунктѣ. На этомъ освященіи, кромѣ простонародья, присутствовали: Воронежскій Губернаторъ, князь В. А. Трубецкой, многіе чиновники и избранное мѣстное купечество. Въ числѣ иногороднихъ гостей, кромѣ инженеровъ и подрядчиковъ собственно Воронежско-Козловской желѣзной дороги, былъ и главный начальникъ по изысканіямъ на Воронежско-Ростовской линіи, Генералъ-маіоръ П. М. Толстой. Описывая послѣдовавшій затѣмъ обѣдъ, редакторъ „губ. вѣд.“ высказалъ, что „на этомъ обѣдѣ мы подслушали странную ноту въ голосахъ, которые прежде такъ звучно и

увѣренно трактовали о благоденствіи г. Воронежа съ проведеніемъ желѣзной дороги. Эти голоса по одному только поднятію на рынкахъ цѣнъ на мясо, на поде-ную работу и на нѣкоторые другіе предметы, требуемые постройкою дороги, уже голосають теперь другую пѣсню: „Воронежъ — пропадетъ съ желѣзной дорогой“. Откуда и какъ все это? — отвѣтъ одинъ — „жизнь по дороговизнѣ сдѣлается рѣшительно невозможною для многихъ“... Вотъ вамъ и убѣжденія, и глубокое пониманіе необходимости улучшенныхъ путей сообщенія!... Другими словами — многіе бы и назадъ — да поздно: нѣсколько тысячъ рукъ неугомонно срываютъ горы, засыпаютъ овраги, лѣсныя просьби неумолимо говорятъ, что вотъ-вотъ засвиститъ локомотивъ и привезетъ къ намъ въ Воронежъ многое новое, доселѣ не бывалое“... (№ 33).

27-го мая, въ 10 часовъ утра, на имя Воронежскаго Губернатора, изъ Рязани, получена была телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщилъ мнѣ телеграфическое извѣстіе изъ Парижа 25-го мая вечеромъ. Божій Промыслъ сохранилъ Государя Императора: сегодня около 5 часовъ пополудни на возвратномъ пути чрезъ Булонскій паркъ, послѣ военнаго смотра, выстрѣлъ изъ пистолета былъ направленъ на экипажъ, въ которомъ находились оба Императора, Великіе Князья — Цесаревичъ и Владиміръ Александровичъ. Выстрѣлъ никого не коснулся; преступникъ схваченъ и почти истерзанъ народною толпою. Онъ — уроженецъ Волынской губерніи, полякъ, по имени Березовскій, эмигрантъ, 20 лѣтъ проживавшій въ Парижѣ и нѣсколько дней искавшій случая для покушенія на жизнь Государя Императора. Онъ сдѣлалъ полное признаніе; его двухствольный пистолетъ разорвало отъ сильнаго заряда, что уклонило направленіе пули.

Губернаторъ *Болдыревъ*“.

Извѣстіе это въ тотъ же день стало быстро расходиться по городу, и на другой день, въ воскресенье, уже весь городъ зналъ о злодѣйскомъ покушеніи. На улицахъ и площадяхъ замѣтно было особенное движеніе; церковный колокольный звонъ сзывалъ на молебенъ, и со всѣхъ сторонъ народъ потянулся въ церкви, чтобы пролить тамъ горячую молитву за спасеніе драгоценной жизни Государя Императора. Въ 10-ть часовъ утра назначено было архіерейское служеніе въ Митрофановскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ, куда собрались: Воронежскій Губернаторъ Князь В. А. Трубецкой съ мѣстнымъ чиновничествомъ и военные чины мѣстныхъ войскъ, послѣднія шпалерами разставлены были на Митрофановской площади. Послѣ литургіи, совершенной соборнѣ Преосвященнѣйшимъ Θεодосіемъ, изъ церкви потянулась священная процессія съ иконами и хоругвями на площадь, гдѣ всенародно отслуженъ былъ благодарственный съ колѣнопреклоненіемъ молебенъ за спасеніе жизни Государя Императора. Народъ густыми толпами покрывалъ площадь, и одною общею грудью возносилась здѣсь горячая молитва къ Провидѣнію, хранящему царей и царства. (№ 39).

10-го іюня совершенно было освященіе закладки, устроенной въ колоннадѣ дома Воронежской Духовной Семинаріи, часовни, въ память избавленія Государя Императора отъ покушенія на Его жизнь 4 апрѣля 1866 г. (№ 43).

Съ 12-го іюня былъ открытъ въ Воронежѣ „Дѣтскій Садъ“, учрежденный преподавателемъ Воронежской Военной Гимназіи Евгеніемъ Семеновичемъ Гутормомъ. (№ 31 и 39).

26-го іюня, въ г. Вобровѣ, открытъ Городской Общественный Банкъ. (№ 55).

30-го іюня закрыто упраздненное Воронежское Училище военнаго вѣдомства; дѣла этого училища и архивъ бывшихъ Воронежскихъ баталіоновъ военныхъ

кантонистовъ переданы для храненія Воронежскому Губернскому Военному Начальнику. (№ 65).

2-го юля скончался въ Воронежѣ иѣстный педагогъ и писатель Петръ Васильевичъ *Малыгинъ*. (№ 49). (Биографическія свѣдѣнія о немъ помѣщены на 215—219 стр. сего „Сборника“).

15-го августа въ Воронежѣ открыта „Подготовительная Школа“, учрежденная извѣстнымъ въ педагогическомъ мѣрѣ Воронежскимъ педагогомъ Николаемъ Федоровичемъ *Бунаковымъ*. (№ 81).

Николай Федоровичъ Бунаковъ, по окончаніи курса въ Вологодской гимназіи и по полученіи правъ на званіе учителя Русскаго языка отъ С.-Петербургскаго Университета, съ 18 ноября 1854 г. по 29 августа 1862 г. былъ учителемъ Русскаго языка сначала въ Тотемскомъ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ Кадниковскомъ и Вологодскомъ. Оставаясь учителемъ Вологодскаго уѣзднаго училища, Н. Ф., съ 22 декабря 1859 г. исполнялъ обязанности Дѣлопроизводителя Вологодскаго Губ. Статистическаго Комитета, а въ 1861 г. избранъ Дѣйствительнымъ Членомъ этого Комитета. Въ 1862 году онъ назначенъ младшимъ учителемъ Русскаго языка Вологодской гимназіи и оставался здѣсь до 14 августа 1864 года, когда былъ перемѣщенъ испр. долж. старшаго учителя Русскаго языка въ Полоцкое Дворянское училище. 28-го октября того-же года Николай Федоровичъ былъ прикомандированъ къ С.-Петербургскому Учебному Округу, для посѣщенія Петербургскихъ гимназій и ознакомленія съ преподаваніемъ учителей тѣхъ гимназій. Затѣмъ 8-го марта 1865 г. онъ вышелъ въ отставку и ровно черезъ годъ допущенъ къ преподаванію въ Михайловской Воронежской военной Гимназіи Русскаго языка; въ томъ же 1866 году избранъ Дѣйствительнымъ Членомъ Воронеж. Губ. Статист. Комитета. Въ 1868 г. утвержденъ штатнымъ преподавателемъ Военной Гимназіи со старшинствомъ съ 21 марта 1866 г.; въ этой должности

онъ оставался до выхода въ отставку, по болѣзни, въ апрѣлѣ 1879 года. Живя въ Воронежѣ, Н. Θ. приобрѣлъ большую навѣстность, какъ педагогъ-практикъ и какъ авторъ многихъ литературныхъ трудовъ по разработкѣ методики начальнаго обученія и въ частности методики роднаго языка.

Благодаря выдающейся педагогической дѣятельности Н. Θ-ча, онъ, въ 1872 году, былъ приглашенъ въ Москву для чтенія лекцій на учительскомъ съѣздѣ при Московской политехнической выставкѣ. Лекціи эти изданы г. Бунаковымъ подъ заглавіемъ: „Родной языкъ, какъ предметъ обученія въ народной школѣ“.

Затѣмъ онъ былъ приглашаемъ для руководства съѣздами народныхъ учителей, въ разныхъ городахъ, какъ наприм.: Костромѣ, Херсонѣ, Псковѣ и др.

Со времени учрежденія въ Воронежѣ Общества вспомошествованія учащимся (1879 г.) Н. Θ. постоянно оказывалъ содѣйствіе этому Обществу, посвящая свой трудъ на чтеніе въ пользу Общества публичныхъ лекцій. Общее собраніе членовъ Общества, 27 марта 1883 г., выразило свою признательность Н. Θ-чу избраніемъ его почетнымъ членомъ Общества.

Въ собраніи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, бывшемъ 31 октября 1882 г., Н. Θ. Бунакову присуждена большая золотая медаль, за полезные его труды по народному образованію.

Изъ представленія состоящаго при Обществѣ Комитета грамотности, согласно которому присуждена медаль, видно между прочимъ, что „новая земская школа имѣла въ Н. Θ. Бунаковѣ ревностнаго труженика и поборника, честно и неутомимо служившаго ей и словомъ и дѣломъ и что литературно-педагогическая дѣятельность его всегда шла рука объ руку съ дѣятельностью практическою, взаимно-восполняя одна другую“.

19-го августа Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич Старший съ сыномъ своимъ, Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, проездомъ изъ Чесменки и Хрѣноваго, удостоилъ посѣщеніемъ *г. Бобровъ*, а 20 августа *г. Бирючь*. 9-го сентября, Его Высочество, по возвращеніи изъ Крыма, опять проѣхалъ чрезъ Бобровъ въ Чесменку. (№ 67 и 74).

Въ августѣ мѣсяцѣ послѣдовало разрѣшеніе Г. Управляющаго Харьковскимъ Учебнымъ Округомъ на преобразование частнаго начальнаго народнаго училища, въ слободѣ Ольховаткѣ Острогожскаго уѣзда, въ двухъ-классное, съ приготовительнымъ при немъ отдѣленіемъ. („Губ. вѣд.“ 1868 г., № 70).

13-го октября послѣдовало Высочайшее соизволеніе на учрежденіе въ Воронежскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ 1-го разряда „стипендіи Анны Савельевой“, пожертвовавшей капиталъ 2000 руб. (№ 92).

15-го октября, въ слоб. Калачѣ Богучарскаго уѣзда, освящена часовня, устроенная въ память событія 4-го апрѣля 1866 г. (№ 84).

Съ 31-го октября Новохоперскій Городской Общественный Банкъ открылъ дѣйствія свои по денежнымъ операціямъ. (№ 87).

20-го ноября послѣдовало Высочайшее соизволеніе на присвоеніе открытому въ г. Валуйкахъ 1-го сентября 1867 г. женскому училищу 2-го разряда именовація *Маріинскаго* въ честь Августѣйшаго Имени Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Цесаревны Маріи Феодоровны. („Губ. вѣд.“ 1868 г. № 23).

26-го ноября послѣдовало открытіе Воронежскаго Окружнаго Суда, а съ 15-го декабря начались дѣйствія его по уставамъ 20-го ноября 1864 г. Для открытія новаго Суда прибылъ въ Воронежъ Сенаторъ Баронъ Торнау, Старшій Предсѣдатель Харьковской

Судебной Палаты. Наканунѣ дня открытія разнесены были по городу пригласительные билеты къ избраннымъ гражданамъ всѣхъ сословій, а на другой день, въ 12 часовъ, начался съѣздъ во вновь отстроенныя зданія новаго Суда, въ которыхъ должно было происходить самое торжество открытія. Въ отдѣленіи уголовного Суда, въ залѣ, назначенной для засѣданій гласнаго судопроизводства, собрались во множествѣ лица всѣхъ городскихъ сословій; здѣсь одни съ любопытствомъ желали видѣть будущихъ судебныхъ дѣятелей, а другіе, которые уже имѣли случай видѣть ихъ, съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія Сенатора Барона Торнау, чтобы услышать отъ него давно желанную волю Государя объ открытіи въ Воронежскомъ краѣ новыхъ судебныхъ установленій.

Наконецъ, въ 1 часъ по полудни, прибылъ въ залу и г. Сенаторъ. На возвышеніи, предназначенномъ для будущихъ засѣданій судей, былъ поставленъ, противъ портрета Государя, столикъ, покрытый краснымъ сукномъ, съ зеркаломъ на немъ; впереди стола приготовлено было для Сенатора большое кресло, а съ лѣвой отъ него стороны заняли мѣста будущіе судьи Воронежскаго Окружнаго Суда; публика же, приглашенная къ присутствованію при торществѣ, заняла всю остальную часть залы, которая въ буквальный смыслъ была полна.

Открытіе началось чтеніемъ Сенаторомъ Барономъ Торнау указа Правительствующаго Сената, состоявшагося на основаніи Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, объ открытіи новыхъ судебныхъ установленій въ Харьковскомъ Судебномъ Округѣ. При этомъ чтеніи публика встала съ своихъ мѣстъ и съ какимъ-то замирающимъ сердцемъ прислушивалась къ этому знаменательному чтенію. Въ эти минуты зарождался переломъ въ мѣстной народной жизни, переломъ, правда, неувидимый, но тѣмъ не менѣе переломъ чувствуемый всѣми, — въ эти минуты клал-

ся первый прочный камень для будущего великаго народнаго суда, — въ эти минуты старый судъ заканчивалъ овою вѣковую дѣятельность, дѣлясь достояніемъ уже одной народнои исторіи; а новый — только что начиналъ первую, такъ сказать, страницу въ своей будущей великой книгѣ — исторіи. Правда, не великъ былъ кругъ лицъ при открытіи новаго суда, если брать во вниманіе всю массу населенія края, но, вѣдь, слово быстро пробѣгаетъ по массѣ, когда ово касается существенныхъ интересовъ массы, и мы увѣрены, говорить современный лѣтописецъ, что въ тѣ минуты, когда мы лишемъ нашу лѣтопись, уже цѣлыя сотни тысячъ восприняли своимъ сердцемъ загорѣвшуюся зарю новаго суда.

Послѣ прочтенія указа, Секретаремъ были прочтаны имена утвержденныхъ судей Воронежскаго Окружнаго Суда, и затѣмъ Сенаторъ Баронъ Тернау обратился съ слѣдующею рѣчью:

„Открываю Воронежскій Окружной Судъ въ увѣренности полнаго и скорого успѣха здѣсь нашего новаго судебного дѣла.

Воронежскій Судъ открывается подъ знаменіемъ самыхъ счастливыхъ обстоятельствъ: съ одной стороны, я вижу лицъ судебного вѣдомства, уже испытавшихъ и доказавшихъ силы и способности свои по новымъ судебнымъ учрежденіямъ, я вижу почтеннаго Предсѣдателя, руководившаго уже съ честію и знаніемъ дѣла Псковскій Окружной Судъ, — съ другой стороны, я вижу сочувствіе въ обществѣ, сочувствіе, безъ котораго не мыслимъ успѣхъ въ какомъ бы то ни было житейскомъ дѣлѣ, сочувствіе, не могущее не быть искреннимъ со стороны общества въ столь важномъ, святомъ для него самомъ дѣлѣ. О семъ непритворномъ сочувствіи къ дѣлу судебной реформы въ край Харьковскаго судебного округа, извѣстно Государю Императору, и Его Величество Всемилостивѣйше ошзволяетъ съ удовольствіемъ отозваться о

водвореніи подобныхъ мыслей съ перваго появленія чиновъ судебнаго вѣдомства въ семь графъ.

Г.г. Судьи и Прокуроры! Въ высказанномъ сочувствіи къ дѣлу судебной реформы, Вы найдете не только облегченіе, но и нравственную силу для исполненія возложенныхъ на Васъ обязанностей. При явномъ сочувствіи здѣшней высшей администраціи, при сочувствіи твердою и сознательномъ, судъ и администрація, два равносильныхъ органа правительственной власти, достигнуть легко общей государственной цѣли — состоящей въ установленіи общественнаго спокойствія и общественнаго благосостоянія; при сочувствіи же общества, Вы достигнете высшаго предназначенія суда, предназначенія нравственнаго и образовательнаго: всеміемъ въ каждомъ гражданинѣ чувства уваженія къ законности, чувства уваженія къ правамъ другихъ лицъ и чувства необходимости безпрекословнаго подчиненія себя закону и судебной расправѣ.

Путь къ достиженію этихъ цѣлей указываютъ Вамъ уставы 20 ноября 1864 г., а средства къ тому Вы найдете въ самихъ себѣ.

И такъ, г.г. Судьи и Прокуроры, охраняйте и исполняйте свято и ненарушимо уставы 20 ноября и Вы будете творить *тотъ* судъ, который задуманъ Самодержавнымъ Монархомъ и который Имъ требуется отъ Васъ, т. е. судъ правый и нелицеприятный, судъ скорый и гласный, судъ всѣмъ равноправный и всѣмъ доступный.

Съ Архипастырскаго благословенія Преосвященнаго Владыки, помолимся Господу Богу, да поможетъ Онъ Вамъ въ исполненіи Вашихъ трудныхъ обязанностей; въ благодати Своей Онъ укрѣпляетъ всякое правое дѣло.

Объявляю Воронежскій Окружный Судъ открытымъ и приглашаю тѣхъ изъ г.г. членовъ, кои еще не принимали судейской присяги, принять сію присягу въ установленной формѣ“.

Послѣ этой рѣчи двое изъ судей были приведены къ присягѣ. Затѣмъ Преосвященныиъ Серафимомъ, вмѣстѣ съ викаріемъ Архіереемъ Феодосіемъ, соборніи были отслужены мѣстными святителямъ Митрофану и Тихону молебень, по окончаніи котораго Преосвященный Серафимъ сказалъ приличное событію назидательное слово и въ заключеніе всего благословилъ новый Судъ иконою святителей Митрофана и Тихона, вручивъ ее Предсѣдателю суда. Такъ совершилось открытіе Воронежскаго Окружнаго Суда.

Но не окончилось этимъ торжество 26-го ноября. Въ 4¹/₂ часа по полудни въ залѣ Дворянскаго Собранія горожане всѣхъ сословій давали обѣдъ въ честь высокопочтеннаго гостя, открывавшаго Воронежскій Окружной Судъ и въ честь будущихъ дѣятелей этого Суда. Собранныхъ на обѣдъ было болѣе 200 человекъ, каждый шелъ сюда съ цѣлію послушать задушевное слово, прорывающееся обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ въ цѣломъ рядѣ рѣчей, а равно и въ тихомолку подѣлиться съ своимъ сосѣдомъ тою полнотою чувства и мысли, которыми такъ полна была душа каждаго въ этотъ знаменательный день.

И, дѣйствительно, обѣдъ былъ весьма оживленный; много тостовъ и много рѣчей было сказано, и все это сопровождалось громкимъ и единодушнымъ „ура“ и шумными тухами.

Обѣдъ кончился; много высказано было здѣсь чувства; много прорвалось наружу мыслей. Но во всемъ прочувствованномъ и во всемъ высказанномъ не прозвучало ни одной ноты раздраженія противъ суда стараго. Мирно сходить со сцены одряхлѣвшій порядокъ стараго суда и скромно, безъ заносчивости, съ одними только свѣтлыми надеждами занимаетъ его мѣсто юный, но полный избытка нравственныхъ силъ, судъ новый. Уже одинъ этотъ фактъ говоритъ за то, что переломъ совершился. Старое почуяло исполинскую силу новаго судебного принципа, поняло, что симпатія народная

отвернется отъ суда стараго и привяжется всею силою народной симпатіи къ суду новому, въ основѣ котораго лежали три великія начала: *примоты, скоростъ и милосердіе*.

Этими словами редакція „губ. вѣд.“ закончила описаніе торжества открытія новаго Суда. (№ 90, 92 и 96).

Первымъ Предсѣдателемъ Воронежскаго Окружнаго Суда былъ *Н. Г. Примтъ*, Товарищемъ его — Т. А. Тергукасовъ. Въ числѣ членовъ перваго состава находились: А. А. Арцимовичъ, Д. А. Калмыковъ, Н. А. Ридманъ, Н. П. Шарковъ, А. В. Креницынъ и В. Д. Давыдовъ, Прокуроръ С. И. Леонтьевъ. („Губ. вѣд.“ 1868 г. № 8).

28-го ноября послѣдовало открытіе *Острогожскаго Окружнаго Суда*, а съ 15 декабря начались дѣйствія его по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г. Открывая этотъ Судъ, Старшій Предсѣдатель Харьковской Судебной Палаты Баронъ Торнау, въ рѣчи своей, между прочимъ, высказалъ, что „выборъ города Острогожска для учрежденія въ ономъ Окружнаго Суда — не случайный. Правительство нашло, что города и уѣзды, къ Острогожскому судебному округу причисленные, заключаютъ въ себѣ всѣ элементы для воспріятія и для учрежденія въ Острогожскѣ особаго Окружнаго Суда: города — по широкой въ нихъ промышленной дѣятельности, уѣзды, — по хозяйственной дѣятельности въ рукахъ многочисленнаго, просвѣщеннаго высшаго сословія.

Въ мѣстахъ, гдѣ промышленность особо развита, столкновенія интересовъ частныхъ лицъ бывають часты, и вслѣдствіе сего и естественно болѣе частое нарушеніе правъ. При этихъ условіяхъ, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, необходимъ здѣсь судъ гласный и скорый, судъ всѣмъ равноправный, необходимъ судъ, который не только возстановлялъ бы уже нарушенное право и каралъ бы за исполненное уже преступное дѣяніе, — но который дѣйствіями своими, вселялъ бы въ каждомъ

гражданинъ чувство уваженія къ законности, чувство уваженія къ правамъ другихъ лицъ и убѣжденіе въ необходимости безпрекословнаго подчиненія себя закону и судебной расправѣ. При установленіи и укревленіи въ массѣ общества этихъ чувствъ и мыслей, и случаи нарушенія правъ другихъ лицъ, правъ личныхъ, имущественныхъ и семейственныхъ, — должны уменьшаться и прекращаться“.

Затѣмъ Г. Сенаторъ обратился къ присутствовавшимъ, при открытіи Суда, Мировымъ Судьямъ Острогскаго Мироваго Округа, съ слѣдующими словами

„Г.г. Мировые Судьи! На Васъ упадаетъ трудная, но отрадная для каждаго гражданина обязанность. Одно уже назначеніе Ваше лестно для Васъ. Избраніе Ваше есть доказательство личнаго къ Вамъ уваженія и довѣрія общества, а засимъ Правительство ввѣряетъ Вамъ право суда и расправы надъ согражданами Вашими въ широкихъ размѣрахъ. Вы стоите первые къ народу, ближайшіе его интересы въ рукахъ Вашихъ, и дѣйствія Ваши отразятся прежде всего на общественное оновойствіе и общественное благосостояніе. Имѣйте въ виду, что предназначеніе Ваше двойное: прежде всего Вы являетесь миротворнымъ судебнымъ элементомъ: мировое разбирательство, мировое соглашеніе должно предшествовать всякому гражданскому дѣйствію Вашему, и помните, что одинъ фактъ упущенія приглашенія спорящихъ къ миру, — есть случай кассации даже вполне, быть можетъ, правильнаго рѣшенія. Засимъ, когда мировое соглашеніе не состоится, то приступайте къ рѣшенію по закону и въ этомъ случаѣ, если законъ положителенъ, не увлекайтесь никакими посторонними взглядами и воззрѣніями. Законъ для всякаго судьи одинаковъ и только тогда, когда Вы сами будете уважать законъ и будете прилагать его къ дѣлу съ тою святостію и ненарушимостію, которыя ему подобаютъ, Вы исполните истинный долгъ судьи и установите, и

съ своей стороны, въ массѣ общества уваженіе къ законности и уваженіе къ правамъ другихъ лицъ“. (№№ 94 и 97).

Въ составъ Окружнаго Суда входили, между прочимъ, слѣдующія лица: Предсѣдатель *А. А. Коачевскій*, члены: *П. А. Гавриловъ*, *К. А. Унгебауеръ* и *Н. Г. Вонифатьевъ*, Прокуроръ князь *В. А. Кейкуатовъ*. („Губ. вѣд.“ 1868 г., № 14).

28-го ноября Высочайше повелѣно учредить въ Воронежѣ Военно-исправительную Роту на 200 арест., а 1 іюня 1868 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ увеличеніи состава названной Роты до 300 арестантовъ. („Губ. вѣд.“ 1868 г. № 66 и 76).

Съ 15-го декабря, въ Воронежскомъ Мировомъ Судебномъ Округѣ, открыты дѣйствія Мировыхъ Судей, по уставамъ 20 ноября 1864 г. Первыми мировыми судьями по Воронежскому Округу были: флота-лейтенантъ *В. Д. Халютинъ*, штабсъ-капитанъ *И. Е. Эгоръ*, майоръ *И. И. Савостьяновъ*, надворный совѣтникъ *М. П. Якимовъ*, губернской секретарь *Б. В. Алексѣевъ*, коллежскій совѣтникъ *Ф. И. Прибытковъ* и титулярный совѣтникъ *А. Ѡ. Фаленбергъ*. Въ числѣ почетныхъ Мировыхъ Судей состоялъ первый—дворянинъ *О. И. Коммисаровъ-Костромской*. (№ 96).

18-го декабря, въ Воронежѣ праздновался *столтнній юбилей Высокопреосвященнаго Митрополита Киевскаго и Галицкаго Евгения Болховитинова*. (№ 98). (Подроб. см. ниже).

20-го декабря, въ 2 часа по полудни, прибылъ въ Воронежъ первый пробный поѣздъ Воронежско-Козловской желѣзной дороги, встрѣченный, какъ говорить современная лѣтопись, „восторженными криками въ большомъ количествѣ собравшагося народа“. По прибытіи поѣзда, Пресвященнымъ Серафимомъ, Епископомъ Воронежскимъ и Задонскимъ, и викаріемъ, Епископомъ Острогожскимъ Теодосіемъ соборнѣ было со-

вершено въ вокзалѣ благодарственное молебствіе. „До самаго вечера“, замѣчаетъ лѣтописецъ, „не расходились толпы народа и продолжалось празднованіе столь желаннаго и радостнаго событія“. (№ 98).

Празднованіе въ Воронежѣ столѣтняго юбилея Митрополита Евгенія.

Празднованіе юбилея происходило въ Губернской Гимназій утромъ и въ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ вечеромъ. По совершеніи, въ 9 часовъ, въ Гимназической церкви панихиды объ упокоеніи души Митрополита Евгенія, ученики трехъ высшихъ классовъ и желающіе изъ другихъ были собраны въ особую комнату, гдѣ, въ присутствіи всѣхъ преподавателей Гимназій и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, прочитаны были законоучителемъ Н. А. Волковымъ и преподавателемъ исторіи Н. Е. Сѣвернымъ статьи, разсматривающія съ различныхъ сторонъ дѣятельность покойнаго Митрополита. — Вечеромъ того же дня, въ домѣ Губернатора, было публичное засѣданіе Губернскаго Статистическаго Комитета, куда заблаговременно были приглашены всѣ любители просвѣщенія. Въ этомъ засѣданіи, цѣль котораго была объяснена въ краткой рѣчи Предсѣдателемъ Комитета Княземъ В. А. Трубецкимъ, прочитаны были: священникомъ Н. А. Палицынымъ — краткій, но тѣмъ не менѣе интересный очеркъ жизни Митрополита Евгенія; Профессоромъ Воронежской Семинаріи Николаевымъ — обзоръ жизни Митрополита Евгенія, какъ ученика, затѣмъ преподавателя и префекта Воронежской Семинаріи. Наконецъ преподавателемъ Губернской Гимназій Н. Е. Сѣвернымъ изложенъ былъ, въ пространной и серьезной статьѣ, очеркъ дѣятельности Высокопреосвященнаго Митрополита, какъ изслѣдователя отечественной исторіи церковной и гражданской, причемъ въ особенности указаны были его заслуги по составле-

нію двухъ словарей духовныхъ и свѣтскихъ писателей. Въ заключеніе засѣданія Помощникъ Предсѣдателя Комитета А. Ф. Спенура, въ немногихъ словахъ, объяснилъ цѣль изданія переписки Митрополита Евгенія, предпринятой Статистическимъ Комитетомъ, и изъ напечатанныхъ ко дню юбилея пяти листовъ этой переписки прочиталъ два письма, чтобы сколько-нибудь ознакомить публику съ содержаніемъ этой переписки. („Губ. вѣд.“ № 98).

Переписка Митрополита Евгенія съ Государственнымъ Канцлеромъ графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцевымъ, съ 1813 по 1825 г. включительно, сохранилась въ рукахъ одного изъ родственниковъ Митрополита Евгенія, Степана Григорьевича *Устиновскаго*, которому достались бумаги послѣ смерти Митрополита. Когда поднята была мысль о празднованіи 100-лѣтняго юбилея со дня рожденія Митрополита Евгенія, то въ г. Воронежѣ эта мысль принята была всѣми истинными любителями просвѣщенія тѣмъ съ бѣльшимъ сочувствіемъ, что Митрополитъ Евгений былъ уроженецъ города Воронежа и до 32 года своей жизни всецѣло принадлежалъ г. Воронежю. Евгений Степановичъ *Устиновскій* (бывшій Воронежскій Исправникъ), къ которому потомъ перешли бумаги Митрополита Евгенія, подъ вліяніемъ юбилейной мысли, сталъ ихъ пересматривать и нашелъ между ними переписку Евгенія съ графомъ Румянцевымъ и съ нѣкоторыми другими его современниками, между прочимъ, и съ бывшимъ Псковскимъ Губернаторомъ А. Пещуровымъ, съ которымъ Митрополитъ Евгений находился въ весьма пріязненныхъ и близкихъ отношеніяхъ. Узнавъ, что А. Пещуровъ приходится близкимъ родственникомъ Воронежскому Губернатору, князю Владиміру Александровичу Трубецкому (онъ былъ женатъ на дочери А. Пещурова), Устиновскій подѣлился своею находкою съ княземъ Трубецкимъ и вмѣстѣ съ письмами тестя показалъ ему и переписку Евгенія съ графомъ

Румянцовымъ. Заинтересованный этимъ драгоценнымъ сокровищемъ и пользуясь наступающимъ днемъ юбилея, Князь Трубецкой просилъ г. Устиновскаго уступить эти бумаги Воронежскому Губернскому Статистическому Комитету съ тѣмъ, чтобы издать ихъ къ юбилейному дню и такимъ образомъ достойно почтить одного изъ замѣчательнѣйшихъ Русскихъ людей, которому пришлось въ Воронежѣ родиться, воспитаться и начать свою общественную дѣятельность. ³³⁾ (№ 80).

Въ рѣчи, произнесенной 18 декабря, профессоръ *Палицынъ*, высказалъ: „Вся жизнь воспоминаемаго нами Митрополита Евгенія запечатлѣна рѣдкимъ служеніемъ отечественному просвѣщенію и Церкви и нѣкоторыми назидательными особенностями въ характерѣ его, какъ частнаго человѣка.“

Безъ всякихъ средствъ къ воспитанію и образованію, оставшись сиротою по смерти отца своего, свя-

³³⁾ Академикъ *Гротъ*, въ своей статьѣ— „Изъ поѣздка въ Воронежъ“,—помѣщенной въ „Вѣстникъ Европы“ 1870 года, говоря о двухъ первыхъ выпускахъ изданной переписки Митрополита Евгенія, замѣтилъ между прочимъ: „хотя это изданіе и не относится прямо къ кругу дѣятельности статистическаго комитета, нельзя не согласиться, что оно впечатаніемъ названной переписки *оказываетъ науку большую услугу*. Эта учено-литературная переписка составляетъ отраднѣйшій фактъ въ исторіи русскаго образованія за первую четверть нынѣшняго столѣтія, и утрата ея была бы невознаградима. Можно однакожь пожалѣть, что письма Евгенія и Румянцова изданы безъ всякихъ ученыхъ примечаній и представляютъ нѣсколько крупныхъ промаховъ, не говоря объ искажающихъ иногда смыслъ опечаткахъ. Въ самомъ началѣ уже читатель поставленъ въ недоумѣніе отсутствіемъ всякаго предисловія: онъ не видитъ, откуда почерпнуты эти письма, печатаются-ли они съ подлинниковъ, или съ отпусковъ, какими правилами руководствуются при этомъ издатели, держатся ли они правилъ писанія корреспондентовъ и т. п. Особенно чувствуется недостатокъ пояснительныхъ примѣчаній къ тексту писемъ. На первыхъ страницахъ, правда, сдѣлана попытка къ такому комментарию, но единъ читатель успѣлъ порадоваться нѣсколькими небезынтересными замѣтками биографическаго содержанія, какъ рядъ ихъ вдругъ обрывается безъ всякой оговорки, и послѣ того всѣ поясненія почти исключительно ограничиваются заявленіемъ, что такого-то упоминаемаго въ томъ или другомъ письмѣ приложенія въ бумагахъ не найдено. Иногда читатель не встрѣчаетъ даже и такихъ поясненій, которыя легко было бы извлечь даже изъ самой переписки“.

щеника одной из приходских воронежских церквей, десятилѣтній Евгеній Болховитиновъ (мирское имя преосв. Евгенія) находитъ первый пріютъ для себя въ архіерейскомъ пѣвческомъ хорѣ. Здѣсь въ то время, вмѣстѣ съ обученіемъ пѣнію, учили и первоначальнымъ предметамъ общаго образованія. Такъ Промыслу благоугодно было съ первыхъ дней жизни дитяти видѣть роднаго крова предъуказать и какъ бы уже предназначить будущее совмѣстное и постоянное служеніе его Церкви и наукѣ. Благодаря отличнымъ способностямъ и необыкновенной ревности къ научнымъ занятіямъ, Болховитиновъ въ слѣдующія десять лѣтъ съ успѣхомъ проходитъ курсы семинаріи (въ Воронежѣ), академіи и университета (въ Москвѣ), и является оюда-же, на мѣсто родины, въ качествѣ учителя мѣстной семинаріи. Со всемімъ пыломъ свѣжей молодости новый наставникъ всея предается занятіямъ своей службы. За недостаткомъ въ то время нужныхъ и особенно способныхъ дѣятелей по семинаріи, ему приходится нести здѣсь великія и разнообразныя труды: вскорѣ по поступленіи своемъ онъ одновременно преподаетъ пять особыхъ предметовъ: (реторику, французскій языкъ, греческія и римскія древности и философію) и отправляетъ должности вице-префекта и библиотекаря, потомъ становится префектомъ и исправляющимъ должность ректора семинаріи и преподаетъ уже, также одновременно, новые шесть предметовъ: догматическое и нравственное богословіе, церковную исторію, свящ. герменевтику, эллинскій и просто греческій языкъ. Сверхъ того, и при томъ въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, облекается онъ въ санъ протоіерея и служитъ присутствующимъ въ Консисторіи. Столько занятій, столько обязанностей! И что же? При замѣчательномъ равнообразіи дарованій, многостороннемъ и основательномъ образованіи и добросовѣстномъ отношеніи ко всякому своему дѣлу. Болховитиновъ одинъ замѣняетъ собою многихъ дѣятелей и при томъ такъ, что во всеѣхъ отношеніяхъ является лучшимъ образцомъ: какъ наставникъ, онъ,

и почти одинъ онъ, возбуждаетъ, расширяетъ и оживляетъ въ воспитанникахъ занятія научными предметами и горячую любовь къ нимъ; какъ вице-префектъ и потомъ префектъ, онъ взиждущая душа дисциплинарнаго и нравственнаго порядка семинаріа; въ качествѣ бібліотекаря—изыскиваетъ всевозможныя средства, нещадитъ даже собственныхъ, для приведенія бібліотеки въ наилучшій видъ, какой она, благодаря особенно ему, сохраняетъ еще и доселѣ; какъ исправляющій должность ректора, въ пять лѣтъ онъ вообще во весь организмъ тогдашней семинаріи вдыхаетъ новыи духъ, духъ жизни и силы. Давность времени, конечно, затѣнила предъ нами эту и въ то время, какъ и всегда, скромную, за то въ высшей степени животворную и многоплодную дѣятельность Болховитинова; но смыслъ мертвыхъ архивныхъ актовъ тогдашней семинаріи и особенно живая память и вся жизнь бывшихъ въ то время въ семинаріи даютъ достаточно проразумѣть истинно громадное значеніе трудовъ Болховитинова на пользу нашей семинаріи. Въ свое время Воронежскую семинарію онъ именно возвелъ на степень одной изъ лучшихъ среднихъ школъ въ Россіи, если не самой лучшей. Ясно для всѣхъ, какъ и тогда еще лучшіе люди Воронежа сознавали, что такой дѣятель, съ такимъ яркимъ свѣтомъ дарованій и заслугъ, не могъ долго оставаться, какъ бы подъ спудомъ въ узкой для него сферѣ провинціальной жизни. И точно, на 11-мъ году своей службы, Болховитиновъ вызывается въ Петербургъ. „Намъ такого не дождаются...“, съ неподдѣльными слезами говорила сиротѣющая семинаріа при прощаніи съ нимъ... Тотъ же потомъ свѣтъ, ту же жизнь и движеніе вноситъ съ собою Болховитиновъ и въ Александро-невскую академію, куда онъ, по прибытіи изъ Воронежа, опредѣленъ былъ учителемъ и префектомъ: и здѣсь онъ направляетъ занятія студентовъ къ самостоятельному изслѣдованію преподаваемыхъ имъ предметовъ, представляя въ себѣ прекрасный примѣръ такого рода занятій. Въ Петербургѣ же, на первыхъ

еще порахъ, Евгений (уже архимандритъ) оказываетъ прямую и значительную услугу всей нашей Церкви. Въ 1800 г. іезуиты, по проискамъ папы, пустили въ ходъ любимый свой проектъ соединенія нашей Церкви съ латинскою, т. е. собственно не соединенія, а подчиненія Русской Церкви папѣ. Ловкая хитрость и изворотливое искусство успѣли видимо склонить въ пользу іезуитовъ самаго Императора (Павла I) и даже нѣкоторыхъ изъ духовныхъ. Въ это время Евгений написалъ записку о папской власти и тѣмъ окончательно предотвратилъ опасность, грозившую Церкви. Съ теченіемъ времени новыя обстоятельства вызывали его къ новой дѣятельности, внѣ предѣловъ прямыхъ его обязанностей, весьма плодотворной для Церкви и дѣлаго государства. На престолъ вступаетъ Императоръ Александръ I. Начало Его царствованія — время самой одушевленной дѣятельности у насъ по различнымъ внутреннимъ преобразованіямъ государственной жизни. Благія и высокія намѣренія Монарха вызывали ревностныхъ дѣателей къ осуществленію воли Его. Однимъ изъ такихъ дѣателей является и Евгений. Благоизмышляетъ ли Императоръ образовать комитетъ съ цѣлю выработать правила устройства и дѣятельности благотворительнаго общества для уменьшенія нравственныхъ и физическихъ золъ, отъ какихъ страдаютъ бѣдные, — въ Евгениѣ мы встрѣчаемъ полезнѣйшаго и способнѣйшаго члена этого комитета, — члена, проникнутаго живѣйшимъ дѣятельнымъ участіемъ къ святому дѣлу. Монархъ подымлетъ царственные труды и попеченія касательно улучшенія духовнаго просвѣщенія, оставившагося въ неудовлѣтвительномъ состояніи — Евгений беретъ на себя трудъ составить проектъ преобразования духовныхъ училищъ, заслужившій ему Высочайшія одобренія и награду. Между тѣмъ семинарія и низшія духовныя училища Новгородской епархіи, гдѣ онъ состоялъ уже викарнымъ преосвященнымъ, приведенныя имъ въ лучшее по времени устройство, достаточно свидѣтельствовали о при-

годности для жизни плановъ его по части задуманнаго преобразованія. Все это въ сложности подготовило и вызвало вскорѣ дѣйствительное радикальное преобразование духовно-учебнаго дѣла, съ 1809 г. болѣе полвѣка удовлетворявшее насущнымъ потребностямъ Церкви и государства. Заслуги высокія! Сверхъ того, много другихъ капитальныхъ сочиненій написано имъ было въ Петербургѣ, съ живѣйшимъ интересомъ для Русскаго общества, для Церкви и всего государства. Нѣкоторыя изъ нихъ заслужили даже лестное вниманіе знаменитыхъ ученыхъ Европы. Такъ неутомимо и успѣшно подвизался Евгений и въ Петербургѣ. Задуманными благожеланіями и глубокою благодарностію напутствовали его и здѣсь, какъ и въ Воронежѣ, на новое мѣсто епископскаго служенія его въ Вологдѣ. „Свидѣтельствую мою чувствительнѣйшую благодарность, сказалъ ему при прощаніи тогдашній первосвятитель Амвросій, — за безприкѣрную въ служеніи со мною ревность и особенную ко мнѣ любовь, по коимъ въ трудахъ я былъ облегчаемъ, въ затрудненіяхъ спокоенъ“.

Съ 1808 года и до конца жизни преосв. Евгений занималъ одну за другою святительскія кафедры: пять лѣтъ съ половиною въ Вологдѣ, около трехъ лѣтъ въ Калугѣ, шесть лѣтъ въ Псковѣ въ санѣ Архіепископа и остальные пятнадцать лѣтъ состоялъ онъ Митрополитомъ и членомъ Св. Синода въ Кіевѣ. Рука Провидѣнія видимо благоустроила жизненный путь преосвящ. Евгенія такъ, чтобы свѣтомъ его многоплодной дѣятельности непосредственно озарилась и оживилась разныя мѣста Россіи, пока несосредоточила этого свѣта въ центральномъ пунктѣ нашей духовной жизни — на старѣйшей святительской кафедрѣ, откуда бы лучи свѣта удобнѣе и шире разливались на всѣ стороны обширнаго нашего отечества. И блескъ этого свѣта, его живительное дѣйствіе съ годами становились, дѣйствительно, все ярче и ярче. Во все время и на всѣхъ мѣстахъ службы чутко и зорко слѣ-

диль онъ за бѣніемъ жизненнаго пульса не только ввѣряемой его пастырокому попеченію паствы, но и всего отечества, и почти на всѣхъ сторонахъ его жизни. Жизнь паствы, въ извѣстныхъ отношеніяхъ даже жизнь всей Церкви и цѣлаго Русскаго народа, ставши какъ бы его собственною жизнію, творчествомъ его громадныхъ духовныхъ силъ и способностей, точно преобразалась, осмыслялась и просвѣщалась. Мы олимпкомъ утомились бы, еслибы стали, не говоримъ — дѣлать оцѣнку, но просто перечислять всѣ сочиненія его извѣстныя и изданныя. А сколько не издано и остается въ совершенной неизвѣстности! Сколько еще его писемъ серьезнаго содержанія къ разнымъ лицамъ и въ разныхъ мѣста, тоже изданныхъ и неизданныхъ!... Богословіе, философія, исторія, древности, классическіе и новые языки съ ихъ литературами, словесность, поэзія, географія, статистика, законовѣдніе, медицина, отчасти даже теорія музыки и естествознаніе, — вотъ что зналъ и о чемъ такъ много написалъ пр. Евгеній и при томъ отнюдь не поверхностно, но большую частію вполне основательно. Потому-то различныя ученныя общества и учрежденія, отечественныя и иностранныя, какъ бы наперерывъ другъ передъ другомъ, избирали Евгенія въ почетные члены свои, включали его въ избранный кругъ своей ученой семьи, дѣлились съ нимъ своими воззрѣніями, изысканіями, а нередко дѣлали его даже судьей своихъ убѣжденій и изслѣдованій. Онъ именно былъ: почетнымъ членомъ московскаго университета, дѣйствительнымъ членомъ российской академіи, почетнымъ членомъ медико-хирургической академіи, санкт.-петербургскаго общества любителей наукъ, словесности и художествъ, с.-петербургской бесѣды любителей русскаго слова, общества исторіи и древностей російскихъ, московскаго общества врачей-натуральныхъ и физическихъ наукъ, московскаго общества любителей російской словесности, с.-петербургской духовной академіи, казанскаго общества любителей отечественной словесности при университетѣ, харьковска-

го университета, казанскаго университета, комиссіи составленія законовъ россійской имперіи, с.-петербургскаго вольнаго общества любителей русской словесности, виленскаго университета, академіи наукъ, почетнымъ докторомъ философіи въ дерптскомъ университетѣ, почетнымъ членомъ с.-петербургскаго университета, кіевскаго университета, членомъ королевскаго копенгагенскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ и членомъ корреспондентомъ статистическаго отдѣленія совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ больше 20-ти дипломовъ отъ такихъ обществъ и учреждений собралось у него къ концу его жизни. Можно ли, поэтому, не согласиться съ слѣдующимъ отзывомъ о преосвящ. Евгеніи одного изъ современныхъ ему ученыхъ: „напрасно искали бы мы между современниками другаго русскаго человѣка, основательнѣе ученаго и истиннѣе просвѣщеннаго. Евгеній, дѣйствительно, принадлежитъ къ числу первыхъ ученыхъ въ Европѣ“. (Сенковк. въ Библ. для чтенія 1838 г., ч. XXVI).

Что сказать еще собственно о пастырскомъ служеніи преосв. Евгенія, помимо ученой его дѣятельности? — И въ этомъ отношеніи онъ какъ въ Кіевѣ, такъ и вездѣ, былъ дѣйствительно горящимъ и свѣтящимъ свѣтильникомъ. Каждая паства съ глубокимъ уваженіемъ и любовью относилась къ своему архипастырю. Каждая видѣла въ немъ рѣдкое соединеніе ума, благочестія, знаній, мудрости пастырской и благоразумія житейскаго. Его слово въ церкви и внѣ церкви, въ видѣ пастырскаго поученія (150 проповѣдей его напечатано особымъ изданіемъ) и въ тонѣ простой бесѣды, всегда было полно жизни и назиданія. Его занятія по епархіальному управленію были живыми уроками трудолюбія, добросовѣстности, аккуратности и полного законства съ дѣломъ. Чтобы вѣрнѣе узнавать нужды и желанія различныхъ вросителей и предотвращать медленность въ удовлетвореніи законнымъ прошеніямъ ихъ, онъ имѣлъ обычай въ опредѣленное время (ранніе у-

реніе часы дня) лично выслушивать, по важности, каждаго и вслѣдъ затѣмъ полагать по прошеніямъ свое рѣшеніе. Вниманіе его къ епархіальнымъ дѣламъ не ослабѣвало въ немъ до послѣднихъ минутъ его жизни: въ самый день кончины имъ разсмотрѣно и подписано до 28 бумагъ, а скончался онъ въ 8 часовъ утра. Обширныя и твердыя свѣдѣнія въ отечественныхъ законахъ и церковныхъ канонахъ и постановленіяхъ дѣлали для него большею частію излишними замедляющія дѣло справки; иногда, при самыхъ рѣшеніяхъ дѣлъ, онъ по одной памяти безошибочно указывалъ статьи закона или правительственные указы, на которыхъ основывались его рѣшенія. Порядокъ во всемъ—это всегдашнее правило въ требованіяхъ его какъ отъ другихъ, такъ и отъ себя самого, старался онъ проводить во всѣ подвѣдомыя ему части управленія. Его различныя инструкціи и всѣ вообще подобныя распоряженія враникнуты духомъ строгой законности, безъ всякой однакожъ произвольной требовательности; всюду—прямой и свѣтлый взглядъ на вещи, отсутствіе предубѣжденій, безпристрастіе и правдолюбіе.“

Не можемъ, наконецъ, не посмотреть на преосв. Евгенія и въ его частной, внѣ-должностной жизни и дѣятельности. Характеръ его и здѣсь представляетъ для насъ довольно назидательныхъ особенностей.

„Въ домашнемъ быту своемъ преосв. Евгеній былъ чрезвычайно простъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно регуляренъ. Никакой роскоши въ помѣщеніи, въ пищѣ, одеждѣ и проч. онъ не допускалъ у себя, довольствуясь въ этомъ отношеніи удовлетвореніемъ только приличіямъ и существеннымъ потребностямъ. Зато онъ требовалъ отъ окружающихъ его правильнаго, своевременнаго и точнаго исполненія каждодневнаго дѣла, какое кому поручено было, давая собою примѣръ совершеннаго исполненія этого правила. День начинался у него очень рано: Выслушавъ раннюю литургію, онъ переходилъ къ занятіямъ дѣлами епархіальными,

потомъ принималъ постороннихъ посѣтителей, если они случались. Съ 12-ти часовъ прекращались такія занятія и приемы. Остальное время до 11-ти часовъ вечера принадлежало собственно ему, какъ частному человеку. По крайней мѣрѣ отступленія отъ такого порядка бывали только по особеннымъ какимъ нибудь случаямъ. Рѣдко выѣзжая самъ, онъ также рѣдко принималъ у себя въ часы неофициальныхъ приемовъ. Даже родные, посѣщавшіе его, не гостили у него долго. Какъ человекъ дѣла, онъ не любилъ тратить время безъ пользы для дѣла. Однакожъ, еслибы кто, судя по этому, составилъ понятіе о немъ, какъ о человѣкѣ сухомъ и необщительномъ, то ошибся бы весьма сильно. Въ характерѣ его было много мягкости, искренности и никакого ригоризма. Онъ способенъ былъ къ самой нелицемѣрной и постоянной дружбѣ и имѣлъ вездѣ добрыхъ друзей. Подобныя чувства и расположенія были въ немъ тѣмъ чище и выше, чѣмъ меньше онъ позволялъ себѣ пристрастія или какой нибудь лести. (Всѣ эти выдержки, въ которыхъ мы видимъ живую и мѣткую правду, — изъ „Рѣчи“ о Евгеніи—Прот. Фаворова. См. Труды К. Д. Ак. 1867 года, августъ.) Всегда доступный, откровенный, благотворительный, справедливый, онъ пользовался общею любовью и съ своей стороны всѣмъ и каждому охотно удѣлялъ изъ неистощимой сокровищницы своихъ свѣдѣній. На самомъ лицѣ и во всей наружности его живыми красками изображались, умъ, добродушіе и приветливость.

Таковъ былъ Митрополитъ Евгеній!“

Преподаватель исторіи въ Губернской Гимназій *Н. Е. Стеерный* поставилъ себѣ задачею ознакомить съ дѣятельностію Митрополита Евгенія, какъ историка, показать что сдѣлано имъ для русской исторической науки вообще и опредѣлить значеніе его учебно-историческихъ работъ въ нашей историографіи.—Съ

этой цѣлью онъ объяснилъ, что личность Митрополита Евгенія, по серьезности и разносторонности своего образованія, по обилію и разнообразію своей ученой дѣятельности, принадлежала къ числу замѣчательнѣйшихъ личностей своего времени. „Въ числѣ 107 извѣстныхъ сочиненій Митрополита Евгенія, говорилъ Н. Е., встрѣчаются: сочиненія по богословію догматическому, проповѣдническому и защитительному, сочиненія, относящіяся ко всеобщей и русской исторіи, церковной и гражданской, сочиненія археологическія, по словесности и философіи, по исторіи русской словесности, по географіи и статистикѣ, по педагогикѣ, физикѣ и медицинѣ; въ добавокъ ко всему этому огромное количество изданныхъ и неизданныхъ писемъ, тоже имѣющихъ научное значеніе!“ Далѣе показавъ, что между такимъ обиліемъ и разнообразіемъ сочиненій Митрополита Евгенія всего болѣе (62) оказывается число историческихъ трудовъ и по преимуществу по русской исторіи, Н. Е. пришелъ къ заключенію, что русская исторія была главнѣйшимъ и любимѣйшимъ предметомъ занятій этого великаго труженика науки и что современники такъ дѣйствительно разсматривали и цѣнили Митрополита Евгенія, признавая въ немъ по преимуществу историка. Затѣмъ, объяснивъ, что недостатокъ времени, общирность задачи и скудость нашихъ мѣстныхъ библиотекъ не дали ему возможности одѣлать одѣнку всѣхъ историческихъ трудовъ Евгенія, Н. Е. перешелъ къ разсмотрѣнію двухъ его капитальныхъ сочиненій, на составленіе которыхъ покойный Митрополитъ употребилъ большую часть своей жизни, и которыя въ свое время приобрѣли автору всеобщую знаменитость не только въ Россіи, но и за границей, — сочиненій, которыя и до сихъ поръ не потеряли еще своего значенія въ научномъ отношеніи, — а именно словарей свѣтскихъ и духовныхъ писателей. По мнѣнію г. Сѣвернаго, словарь свѣтскихъ писателей прежде всего доказываетъ заботливость автора содѣйствовать успѣхамъ и правильному развитію историческихъ за-

натій.— Сводя въ одно цѣлое все сдѣланное до него историческою нашею наукою, давая оцѣнку замѣчательнѣйшимъ нашимъ дѣятелямъ исторической науки, Митрополитъ Евгеній указывалъ тѣмъ самымъ не только на количество, но и на качество сдѣланнаго. Относясь же сочувственно и одобрительно къ такимъ серьезнымъ историческимъ нашимъ дѣятелямъ, какъ Татищевъ, Бееръ, Шлеперъ, Миллеръ. Новиковъ и другіе, указывая съ другой стороны на неиспорченность приемовъ такихъ дѣятелей, какъ Елагинъ и особенно Эминъ, такую оцѣнку прежнихъ дѣятелей исторической нашей науки Митрополитъ Евгеній полагалъ въ свое время развитію правильнаго историческаго вкуса. Митрополитъ Евгеній доказалъ свой здравый критическій умъ и свое вѣрное историческое чутье тѣмъ, что въ словарь свѣтскихъ писателей, какъ и во всѣхъ остальныхъ историческихъ трудахъ своихъ, умѣлъ избѣжать господствовавшаго въ то время историко-риторическаго, ложно-классическаго и сантиментальнаго направленія, видѣвшаго всю цѣль исторіи въ изяществѣ и чувствительности разсказа и въ панегирическомъ преувеличеніи минувшаго дѣла. Онъ строго соблюлъ себя и отъ крайностей другаго, начавшаго въ то время формироваться славянофильскаго направленія. Соблюлъ онъ себя и отъ самой опасной для историка, не чуждой многимъ писателямъ того времени, привычки—отрываться отъ строго-опытной или фактической почвы, не опиравшейся на несомнѣнные показанія историческихъ источниковъ; съ другой стороны соблюлъ онъ себя также и отъ нерѣдкаго въ то время историческаго легковѣрія, чуждавшагося и боявшагося критики источниковъ и фактовъ. Митрополитъ Евгеній былъ послѣдователемъ того разсудочно-критическаго направленія, котораго держались такіе историки, какъ Татищевъ, Шлеперъ и Щербатовъ, которое не допускало риторическихъ украшеній и преувеличеній, которое стремилось къ безпристрастію и не увлекалось патріотизмомъ: Всѣ статьи словаря

указываютъ на громадныя разностороннія знанія, на серьезное знакомство автора со всѣмъ тѣмъ, что было лучшаго въ тогдашней нашей и западно-Европейской литературѣ. Приступая къ составленію біографій писателей, Митрополитъ Евгеній самымъ серьезнымъ образомъ ознакомился съ ихъ ученою дѣятельностію: видно было, что онъ перечитывалъ всѣ ихъ сочиненія, а не ограничивался одними указааніями и перечисленіями сочиненій. Все сказанное подтверждается и другими сочиненіями Митрополита Евгенія, какъ-то: описаніемъ Воронежской губерніи, исторіей Грузіи и словаремъ духовныхъ писателей. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ, цитируются, приводятся указанія по разнымъ предметамъ, рассматриваются нерѣдко критически положенія, выводы и факты, сдѣланные разными нашими историками, начиная отъ Татищева до Карамзина.—Исторія Грузіи была такимъ новымъ и свѣтлымъ явленіемъ въ ученомъ мірѣ, что она, тотчасъ послѣ своего появленія, была переведена на нѣмецкій языкъ. Тоже самое обширное знакомство Митрополита Евгенія съ предшествовавшею ему ученою историческою литературою нашею видно и изъ словаря духовныхъ писателей. Статья о Татищевѣ, гдѣ онъ разсуждаетъ о развитіи у насъ географическихъ знаній, доказываетъ короткое знакомство автора съ существовавшею у насъ географическою литературою. Сочувственный тонъ рѣчи Митрополита Евгенія въ статьяхъ о нѣкоторыхъ естествоиспытателяхъ и дѣлаемая имъ въ этихъ статьяхъ собственныя замѣчанія, указываютъ на знакомство автора съ естественными науками. Словарь духовныхъ писателей явился гораздо ранѣе словаря свѣтскихъ писателей и имѣлъ громадныя успѣхы, что доказывается и двукратнымъ его изданіемъ и восторженными привѣтствіями, какими онъ встрѣченъ былъ въ тогдашней нашей бібліографической критикѣ. Впрочемъ это сочиненіе, благодаря усиленнымъ совокупнымъ изслѣдованіямъ древней русской жизни и ея вѣсьменности, предпринятымъ и совершеннымъ гражданскими и духов-

ными нашими историками, не имѣть уже теперь для насъ такого важнаго значенія, какое продолжаетъ сохранять словарь свѣтскихъ писателей. Но для того времени, когда появился словарь духовныхъ писателей, это сочиненіе было важнымъ пріобрѣтеніемъ во многихъ отношеніяхъ не для одной церковной исторіи, но и для гражданской во всѣхъ ея видахъ: для разработки первичныхъ источниковъ палеографіи, археологии, наконецъ, для ученой библіографіи. Въ то время не было сочиненій по церковной исторіи, за исключеніемъ церковной исторіи Митрополита Московскаго Платона. Но неполнота этого послѣдняго сочиненія, отсутствие въ немъ исторіи духовной письменности и другіе недостатки сочиненія Платона—были причиной такого восторженнаго пріема современниками словаря духовныхъ писателей.—Частные вопросы церковной исторіи по преимуществу занимали Митрополита Евгенія. Такъ, онъ занимался исторіей Россійской Іерархіи, исторіей различныхъ монастырей, писалъ введеніе во всеобщую исторію монастырей, исторіи Епархій Воронежской, Вологодской, Псковской и Кіевской; затронулъ много вопросовъ, относящихся къ исторіи духовнаго образованія въ Россіи, исторіи богослуженія, церковнаго законодательства и только подъ конецъ жизни принялся за общую исторію Россійской церкви. Это показываетъ, что Митрополитъ Евгеній не считалъ возможнымъ писать церковную исторію безъ предварительнаго изслѣдованія частныхъ.

Кромѣ сочиненій по различнымъ отраслямъ наукъ Митрополитъ Евгеній занимался изслѣдованіемъ историческихъ памятниковъ,—онъ вездѣ, гдѣ только могъ, носѣпалъ и разбиралъ архивы и библіотеки и обо всемъ найденномъ дѣлалъ указанія въ своихъ словаряхъ гдѣ что есть, гдѣ чего должно искать.—Значеніе архивной дѣятельности Митрополита Евгенія для своего времени заключалось не только въ томъ, что личнымъ трудомъ своимъ онъ внесъ въ историческую науку мно-

го новыхъ, никому неизвѣстныхъ матеріаловъ, но еще болѣе въ томъ, что своимъ примѣромъ и совѣтами способствовалъ къ развитію въ другихъ охоты къ подобнаго рода трудамъ³⁴⁾. („Губ. Вѣд.“ 1868 г., № 5 и 7).

1868 и 1869 г.г.

(Редакторъ В. Р. Ковалевскій).

Покойный *Владиміръ Осиповичъ Ковалевскій*, окончивъ курсъ наукъ въ Нѣжинскомъ Лицеѣ, на 16-мъ году своей жизни, поступилъ въ Харьковскій Университетъ, гдѣ прошелъ съ отличіемъ полный курсъ физико-математическихъ наукъ, и въ 1844 году вступилъ на педагогическое поприще, которому посвятилъ 25 лѣтъ своей жизни, трудясь честно и полезно въ исполненіи обязанностей преподавателя, а въ послѣдніе годы — инспектора Воронежской Губернской Гимназіи. Обстоятельства такъ сложились, что, по окончаніи 25-ти лѣтъ учебной службы, онъ вынужденъ былъ искать на новомъ поприщѣ частныхъ занятій для своихъ способностей и знаній. На этомъ новомъ поприщѣ частной дѣятельности онъ провелъ около 7-ми лѣтъ, и, противъ ожиданія, ему суждено было здѣсь окончить исполненную трудовъ и заботъ жизнь въ такихъ лѣтахъ, когда можно было ожидать еще на многіе годы продолженія его дѣятельности тому, кто зналъ его сильную натуру и выносливость въ трудахъ. Онъ умеръ въ Воронежѣ 21 марта 1876 года, на 52-мъ году отъ рожденія. (Газ. „Донъ“ 1876 г., № 37).

В. О. Ковалевскій, бывши еще инспекторомъ Гимназіи, принялъ на себя обязанности Редактора „Ворон.

---

³⁴⁾ Болѣе подробный обзоръ жизни и дѣятельности Митрополита Евгенія, особенно за время пребыванія его въ Воронежѣ, помѣщаемъ въ концѣ книги.

Губ. Вѣдомостей“ и исполнялъ ихъ съ 24-го января 1868 г. ³⁵⁾ по 13 Августа 1871 года.

Редакторы „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ съ 13-го августа 1871 года.

По 27 августа 1872 г. — *Михаилъ Григорьевичъ Кунецовъ*, авторъ изслѣдованія, вышедшаго отдѣльною книжкою, подъ заглавіемъ „Проституція и сифилисъ въ Россіи“, и нѣсколькихъ беллетристическихъ рассказовъ, помѣщенныхъ въ 1871 г., въ газетѣ „Донъ“. Съ 25 іюня 1872 г. Михаилъ Григорьевичъ управляетъ Канцелярію Воронежскаго Губернатора.

Съ 27-го августа по 2-е октября 1872 года — *Николай Александровичъ Лаубе*, бывшій правитель Канцеляріи Воронежскаго Губернатора.

Со 2-го октября 1872 по 18-го октября 1879 г. *Иванъ Васильевичъ Петровскій*, старшій помощникъ правителя Канцеляріи Воронежскаго Губернатора.

Съ 18-го октября 1879 г. по 16-е іюля 1885 г. — *Андрей Григорьевичъ Бернгардтъ*, бывшій чиновникъ особыхъ порученій при Воронежскомъ Губернаторѣ, а нынѣ податной инспекторъ по Вобровскому и Новохоперскому уѣздамъ.

Съ 16-го іюля 1885 года — *Венедиктъ Васильевичъ Бушневъ*, старшій дѣлопроизводитель Воронежскаго Губернскаго Правленія.

---

³⁵⁾ Съ декабря 1867 г. по 24 января 1868 г. неофициальнымъ отдѣломъ „губ. вѣд.“ заведывалъ Егоръ Николаевичъ Потаньевъ, состоявшій съ 24 февраля 1861 г. по настоящее время, въ должности Начальника газетнаго стола Ворон. Губернскаго Правленія.

Неимѣя возможности, по недостатку времени, сдѣлать обзорѣніе „губ. вѣд.“ за послѣднія пятнадцать лѣтъ, а слѣдовательно разсмотрѣть подробно и дѣятельность редакторовъ, бывшихъ въ этотъ періодъ времени, мы ограничиваемся обзорѣніемъ „губернскихъ вѣдомостей“ только по 1870 годъ.

Содержаніе „губернскихъ вѣдомостей“ 1868 года.

Хроника:

Торжество, по поводу открытія движенія по Воронежско-Козловской ж. д. ор.; Празднованіе 100-лѣтней годовщины со дня рожденія И. А. Крылова. (№ 11).

Пятидесятилѣтній юбилей служебной дѣятельности Сенатора Алексѣя Иракліевича Левшина. (№ 32).

Объ изданіи Воронеж. Губ. Статистич. Комитетомъ переписки Евгенія, Митрополита Бѣвскаго и Галицкаго, съ Государственнымъ Канцлеромъ, Графомъ Румянцовымъ. (№ 77, 80).

Правила, изданныя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, по которымъ студентамъ Университета и ученикамъ Гимназій предоставляется право заниматься преподаваніемъ въ частныхъ домахъ. (№ 78).

Открытіе памятника А. В. Кольцову; Рѣчь, произнесенная А. В. Никитинымъ въ залѣ Дворян. Собранія, по этому случаю. (№ 85, 86 и 87).

Пріѣздъ въ г. Воронежъ Библиотекаря Императорской С.-Петербургской бібліотеки, профессора академіи А. Д. Иванова и три публичныя лекціи, прочтанныя имъ объ ученыхъ заслугахъ Бѣвскаго Митрополита Евгенія и Государственнаго Канцлера Графа Румянцева. (№ 99).

(Всѣ статьи, приведенныя выше, были напечатаны въ „губ. вѣд.“ подъ рубрикою „Воронеж“).

Нѣсколько словъ о юбилеѣ Митрополита Евгенія Болховитнова. (№ 4, 7).

Рѣчь, по случаю юбилея Митрополита Евгенія, произнесенная профессоромъ семинаріи, свщ. Палацкимъ въ Воронежскомъ Статистическомъ Комитетѣ 18 декабря 1867 г. (№ 5).

Празднованіе 100-лѣтняго юбилея И. А. Крылова. (№ 8).

Рѣчи, произнесенныя В. О. Ковалевскимъ и А. Ф. Седуровъ въ Губернской Гимназiи по случаю этого юбилея. (№ 12 — 16).

Артистъ-цѣвецъ Платонъ Анемподостовичъ Радокежскiй и концертъ, данный имъ въ Воронежѣ. (№ 17 и 19).

О стипендиіи Надворн. Совѣта Голлицинскаго, учрежденной при Ворон. Губ. Гимназiи. (№ 20).

О стипендиіи Воронежскихъ Русскихъ женщинъ при Маринскомъ женскомъ училищѣ. (№ 24).

Нѣсколько словъ по поводу концертовъ Контекаго и Велявскаго. (№ 29).

Объ открытіи Желюжнихъ благотворительныхъ отдѣленій мастерской женскихъ работъ. (№ 44).

Письмо къ редактору о смерти П. И. Андреева. (№ 54).

Объ открытіи въ Воронежѣ, на счетъ земства, педагогическихъ курсовъ для приготовленія учителей начальныхъ народныхъ училищъ. (№ 94).

Закрѣтіе Старороговскаго этапа. Свящ. С. Котова. (№ 95).

Нѣсколько словъ объ обидѣ, данной въ честь Воронежскаго Губернскаго Предводителя Дворянства и Предсѣдателя Губерн. Земскаго Собранія И. И. Шидловскаго. (№ 98).

Корреспонденціи изъ уѣздовъ и городовъ:

Изъ Землянска (№ 27).

Воброва (№ 34).

Вирюченскаго уѣзда (№ 38).

Ол. Уразовой. Свящ. П. Гравировскаго. (№ 45).

Хутора Колбинскаго (№ 45).

Вирюча (№ 46, 48, 52 и 75).

С. Кленоваго (Задон. уѣзда). Свящ. Д. Попова (№ 65).

С. Верхней Хавы Ворон. уѣзда (№ 67).

Сл. Николаевни, Валуйск. у. П. С. Волкова (№ 73).

Сл. Новой Сотни, Острогж. у. (№ 90).

Программа для собранія свѣдѣній о народныхъ суевѣріяхъ и повѣріяхъ въ Южной Россіи (61, 62, 63).

Программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ. (№ 64, 65, 66, 67, 68 и 69).

Протоколъ засѣданія Воронежскаго Губерн. Статистическаго Комитета на 7 ноября 1867 г. (№ 7).

Протоколи Воронежскаго женскаго Благотворительнаго Отдѣленія. (№ 39, 43, 63).

Отчетъ о состояніи Ольховатскаго частнаго народнаго училища за 1867/8 годъ. (№ 70).

Отчетъ Правленія ссудо-сберегательной кассы чиновниковъ Воронежскаго Губ. Правленія, съ 1 сентября 1867 года по 1 сентября 1868 г. (№ 84).

Отчетъ Воронежскаго женскаго Благотворительнаго Отдѣленія за время съ апрѣля по октябрь 1868 г. (№ 80).

Свѣдѣнія о движеніи дѣлопроизводства въ Воронежскомъ Окружномъ Судѣ. (№ 41).

---

1 8 6 9 г.

Хроника и статьи по поводу современныхъ вопросовъ:

Обѣдъ, данный въ Дворянскомъ Собраніи, по случаю празднованія годовщины основанія Московскаго университета. (№ 7).

О проектѣ застрахованія рогатаго скота и объ артельномъ сырвареніи. *В.* (№ 86). (Къ сожалѣнію, мы не знаемъ — кто авторъ этой и другихъ статей, ему принадлежащихъ).

Объ основаніи въ Воронежѣ новыхъ *школъ грамотности*. *В.* (№ 87).

О предложенной Статистическимъ Комитетомъ программѣ сочиненія о мѣсоводствѣ въ Воронежской губерніи. (№ 88).

О первомъ собраніи членовъ Воронежскаго общества потребителей. (№ 89, 94, 97).

По поводу слуха о предполагаемомъ вспомогательномъ обществѣ петербургскихъ извозчиковъ. *В.* (№ 92).

По вопросу о земской статистикѣ. *Вл.* (№ 94).

(Всѣ вышеприведенныя статьи были помѣщены въ „губ. вѣд.“ подъ рубрикою „Воронеж“).

Объ обѣдѣ, данномъ въ честь князя В. А. Трубецкаго. (№ 1).

Нѣсколько словъ о кончинѣ и погребеніи Н. И. Калиновскаго. (№ 32).

Аеонскія Святини въ Воронежѣ. (№ 42).

Нѣсколько словъ по поводу нашей Публичной Библіотеки и о ея капитальномъ приращеніи. *П. Исаева*. (№ 44).

Воронежскіе водопроводы. (№ 82, 86).

Учрежденіе сестеръ милосердія. *Федяевскаго*. (№ 86).

По поводу педагогическаго класса при Маріинскомъ женскомъ училищѣ. *Н--кова*. (№ 87).

О бенефиѣ г. Матковскаго. *Бюлова*. (№ 96).

Объ ассигнованіи земствомъ сумми для училищъ фельдшерскаго и повивальныхъ бабокъ въ Воронежѣ. *Бл.* (№ 96).

Корреспонденціи:

Изъ Вирюча и Вирюченскаго уѣзда. (№№ 3, 11, 23, 34, 35, 43, 44, 48, 54, 65, 66, 71, 75 и 79).

Сл. Лизиновки Острогожскаго уѣзда. (№ 5).

Валуйскаго уѣзда. (№ 62).

Исторія, статистика и этнографія:

Нѣсколько преданій изъ окрестностей Воронежа. *М. В.* (№ 2, 3, 4).

Георгіевская церковь слоб. Юрасовки. Свящ. *Дмитрія Самбикина*. (Нынѣ Архимандр. и Ректоръ Семинаріи). (№ 9 и 10).

Историческое и этнографическое описаніе сл. Старой-Безгинки, Коротоякскаго уѣзда. (№ 12 и 13).

Изгнаніе коровьей смерти. (Нѣчто изъ обычаявъ крестьянъ с. Рождества-Круглаго тожъ—Зад. у.) *А. Казминскаго*. (№ 27).

О пресмыкающихся животныхъ въ Воронеж. губ. (№ 36).

Медико-топографическое описаніе Острогожскаго уѣзда Воронежской губерніи. (№ 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54 и 55).

Вывшій городъ Усердъ въ XVII столѣтіи. *Св. Марьевскаго*. (№ 74, 76, 77, 80).

Описаніе с. Удеревки, Вирюч. у. *Шрамкова*. (№ 72).

Возможннкъ Іаковъ въ Воронежѣ. (№ 73, 75, 79, 81, 84, 85, 89, 92).

(Авторъ этой статьи *Михаилъ Викторовичъ Владиміровъ* еще въ 50-хъ годахъ помѣстилъ нѣсколько статей въ „губ.

вѣд." и былъ въ числѣ первыхъ, по времени, владѣльцовъ по отдѣлу этнографіи. По службѣ М. В. — ученикъ Второва: по окончаніи курса наукъ въ уѣздномъ училищѣ, прослужа три года въ Нижнедѣвятицкихъ присутственныхъ мѣстахъ. г. Владиміровъ, въ концѣ 1851 г., перешелъ на службу въ Воронежское Губернское Правленіе Помощникомъ Столоначальника и затѣмъ занималъ должности: Столоначальника, Секретаря Отдѣленія и Старшаго Дѣлопроизводителя, завѣдывая, между прочимъ, дѣлами по городскому хозяйству въ то время, когда расходы городовъ производились подъ строгимъ контролемъ Губерн. Правленія и когда всѣ города Ворон. губерніи имѣли запасные капиталы... Въ настоящее время М. В. служитъ Помощникомъ Правителя Канцеляріи Воронежскаго Губернатора).

О вредныхъ настьвонныхъ, появляющихся въ Воронежской губерніи. *А. П.* (№ 78).

Чернички въ Алферовкѣ. *Георгія Лебедева.* (№ 88).

О каменномъ строительномъ матеріалѣ въ Воронежской губерніи. (№ 95).

Отчетъ Воронеж. женск. Благотв. Отдѣл. за октябрь, ноябрь и декабрь мѣсяцы 1869 г. (№ 14).

Отчетъ о дѣйствіяхъ Бобровскаго Общественнаго Банка за 1868 г. (№ 22).

Отчетъ о дѣйствіяхъ Богучарскаго Общественнаго Банка за 1868 г. (№ 25).

Расходъ на содержаніе безплатныхъ квартиръ Женскаго Благотв. Отдѣленія съ 20 января по 20 іюля 1869 г., на 20 женщинъ. (№ 33 и 61).

Отчетъ о дѣйствіяхъ Воронеж. Гор. Общ. Банка за 1868 г. (№ 36).

Отчетъ о дѣйствіяхъ Новохоп. Гор. Общ. Банка за 1868 г. (№ 37).

Отчетъ о дѣйствіяхъ Вирюч. Общест. Банка за 1868 г. (№ 38).

Отчетъ Воронеж. женскаго Благотвор. Отдѣленія при Почетительномъ о бѣдныхъ Комитетѣ за 186⁹/₁₀ г. (№ 40, 41, 43).

Отчетъ о дѣйствіяхъ Острогожскаго Город. Общ. Банка за 1868 г. (№ 41).

Протоколъ засѣданія Воронеж. Губ. Статистич. Комитета.
(№ 70 и 71).

Отчетъ о состояніи Воронежской Гимназіи за 186²/₃, уч. г.
(№ 91—98).

Введенная страннопріимница и ея основатель. *М. В.* (№ 62).

Разсказъ о самоожигателяхъ. *И. Н.* (№ 68).

Кромѣ того, въ „губ. вѣд.“, въ теченіе 1868 и 1869 г., помышались постановленія Окружнаго Суда по гражданскому отдѣленію и хроника судебныхъ засѣданій по уголовному отдѣленію.

КЪ ЛѢТОПИСИ 1868 ГОДА.

5-го января послѣдовало Высочайшее соизволеніе на учрежденіе при Воронежской Гимназіи, для одного изъ обучающихся въ оной круглыхъ сиротъ, *стипендіи Надворнаго Советника Голицынскаго* на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго имъ капитала въ двѣ тысячи руб., обращеннаго въ процентные билеты. (№ 20).

Съ февраля, въ Воронежѣ началось изданіе газеты „Довѣ“, юридической, экономической и литературной. Редакторъ *М. М. Скиада*, первые издатели: *И. Ф. Вельможинъ* и *Е. С. Сталинскій*. (№ 1).

1-го февраля открыто пассажирское движеніе по Воронежско-Козловской желѣзной дорогѣ. (№ 9 и 11).

2-го февраля въ Воронежѣ происходило празднованіе столѣтней годовщины со дня рожденія нашего баснописца *И. А. Крылова*, въ Военной Гимназіи — утромъ и въ Губернской Гимназіи — вечеромъ. Въ Губернской Гимназіи прочитаны слѣдующія статьи: *В. О. Ковалевскимъ*: „Краткая біографія *И. А. Крылова*“; *Н. П. Рошупкинъ*: „*И. А. Крыловъ*, какъ народный русский баснописецъ“ и *И. А. Ингенщукимъ*: „Чертъ поэзіи *И. А. Крылова*“. (№№ 8, 11—16).

Въ 23 день февраля Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы домъ въ г. Валуйкахъ, гдѣ въ 1699 г. жилъ Императоръ *Петръ I-й*,

былъ сохраненъ и чтобы на этотъ предметъ была разрѣшена подписка.

Въ объявленіи о приглашеніи къ пожертвованіямъ на приобрѣтеніе означеннаго дома, сказано, что въ г. Валуйкахъ, на площади, находится небольшой ветхій домикъ, въ которомъ Императоръ Петръ I-й въ 1699 году, проѣздомъ въ Азовъ, жилъ нѣкоторое время и сдѣлалъ нѣсколько распоряженій относительно благоустройства города. Домъ этотъ принадлежитъ въ настоящее время (1868 г.) мѣщанкѣ Коростелевой и приходитъ въ ветхость. Жители города Валукъ, по бѣдности и малочисленности, не въ состояніи изъ собственныхъ средства приобрѣсти и поддержать этотъ домъ“. (№ 62).

28-го марта, въ деревнѣ Емельяновкѣ, Землянскаго уѣзда, скончался, послѣ скоротечной, но тяжелой болѣзни, Мировой Судья 1 участка *Петръ Иосифовичъ Андреевъ*. Покойному было только 28 лѣтъ, но, несмотря на такую молодость, онъ, какъ сказано въ извѣстіи о его смерти, „успѣлъ заслужить своими рѣдкими по благородству и стойкости убѣжденіями вполне достойное его уваженіе цѣлаго уѣзда“. П. I. Андреевъ воспитывался въ Воронежской Губернской Гимназіи и окончилъ въ ней полный курсъ въ 1857 г. (№ 54).

31-го марта послѣдовалъ Высочайшій указъ о назначеніи Воронежскаго Губернскаго Предводителя Дворянства, въ званіи Камергера, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника *А. Н. Сомова* Тверскимъ Губернаторомъ. (№ 26).

8-го Апрѣля исполнилось 50 лѣтъ служебной дѣятельности Сенатора, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника *Алексѣя Иракліевича Левшина*. Государь Императоръ, желая оказать вниманіе долговременной и полезной службѣ Алексѣя Иракліевича, всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ему орденъ святаго равноапостольнаго князя Владимира 1-й степени, при слѣдующемъ Высочайшемъ Рескриптѣ:

„Алексѣй Иракліевичъ! Вступивъ на службу 8-го апрѣля 1818 года, послѣ блестяще оконченнаго университетскаго образованія, вы въ теченіе полувѣковой карьеры вашей ознаменовали себя заслугами на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ государственной дѣятельности. Обративъ на себя еще въ самой ранней молодости вниманіе начальства отличнымъ исполненіемъ важнаго дипломатическаго порученія въ отдаленныхъ и малоизвѣстныхъ тогда киргизскихъ степяхъ, вы, будучи затѣмъ сподвижникомъ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Воронцова въ трудахъ его по управленію и устройству Новороссійскаго края, много содѣйствовали въ качествѣ Одесскаго Градоначальника прорусскія и развитію экономическаго значенія Одессы, и оставили послѣ себя въ той мѣстности неизгладимое воспоминаніе. Призванные въ 1843 году къ должности Директора департамента Министерства Государственныхъ Имуществъ, вы неуспынными своими трудами способствовали правильному устройству сельскаго хозяйства государственныхъ крестьянъ. Въ послѣдствіи, состоя въ званіи Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ то время, когда было приступлено къ предположеніямъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, вы были однимъ изъ главныхъ дѣятелей первоначальной эпохи этого великаго преобразования. Оставивъ, наконецъ, согласно желанію вашему, административную службу, вы съ 1859 года перешли къ судебной дѣятельности въ Правительствующемъ сенатѣ, гдѣ, исполняя обязанности первоприсутствующаго Сенатора, вашею многостороннею опытностію и высокимъ безпристрастіемъ приносите существенную пользу дѣлу правосудія.

Желаю нынѣ, по случаю пятидесяти-лѣтняго юбилея вашей службы, оказать особое Монаршее вниманіе къ полезной и достославной гражданской дѣятельности вашей, Я жалую васъ кавалеромъ ордена *а равноапостольнаго князя Владимира 1-й ст.*, коего зна-

ки при семъ препровождая, пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ.“

Всѣ учрежденія, въ которыхъ Алексѣй Иракліевичъ служилъ, привѣтствовали его въ этотъ день — *Воронежская Губернская Гимназія*, въ которой А. И. Левшинъ получилъ первоначальное образованіе, присоединила свой голосъ къ голосу 14 учреждений, привѣтствовавшихъ юбиляра въ этотъ день. Изъ исторической записки, хранящейся въ гимназическомъ архивѣ, видно, что А. И. Левшинъ принадлежалъ къ числу лучшихъ учениковъ гимназіи: въ 1812 году онъ, будучи ученикомъ 3-го класса, произнесъ на публичномъ актѣ привѣтственную къ посѣтителямъ рѣчь собственного сочиненія, послѣ которой началось испытаніе изъ различныхъ предметовъ; въ 1813 году ученикъ 4-го класса Левшинъ прочиталъ на актѣ собственное сочиненіе на русскомъ языкѣ. — Сверхъ того отецъ ученика Левшина ежегодно, во все время ученья сына, жертвовалъ въ пользу гимназіи по сту рублей; въ 1813 году Алексѣй Иракліевичъ, оканчивая курсъ, пожертвовалъ въ пользу гимназіи также сто рублей. — Въ послѣдствіи времени А. И. Левшинъ принесъ дань признательности мѣсту своего первоначальнаго образованія заслугами своими въ ученомъ мѣрѣ. — Сочиненія его: „Описаніе Киргизскихъ степей и ордъ“ и „Прогулка Русскаго въ Помпеи“ приобрѣли ему извѣстность серьезнаго ученаго.

На привѣтствіе Воронежской Гимназіи А. И. Левшинъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ на имя Директора училищъ:

„Привѣтъ. Вами, Милостивый Государь, мнѣ присланный отъ имени Воронежской Гимназіи, по случаю юбилея моей 50—лѣтней службы, принесъ мнѣ искреннее удовольствіе, напомнивъ самыя юные и счастливыя годы жизни моей. Примите въ замѣнъ изъявленіе моей глубокой благодарности и искреннее желаніе быть полезнымъ Воронежской Гимназіи, если она меня когда

либо призоветъ къ тому. — Между тѣмъ, желаю ей постоянно благоденствовать и совершенствоваться на пользу общую.“

17-го апрѣля въ „Воронеж. Губ. Вѣд“ напечатаны Правила объ упраздненіи словесныхъ судовъ въ Воронежской губерніи и о передачѣ дѣлъ и архивовъ этихъ судовъ въ надлежащіе уѣздные суды. (№ 27).

Съ 1-го мая Воронежскія. Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда соединены въ одну, съ наименованіемъ: „Воронежская Палата Уголовнаго и Гражданскаго Суда“. (№ 24 и 41).

Съ 1-го іюня открылъ свои дѣйствія Валуйскій Городской Общественный Банкъ. (№ 38).

Съ 17-го іюня, Женскимъ Благотворительнымъ Отдѣленіемъ при Воронежскомъ Попечительномъ о бѣдныхъ Комитетѣ, открыта мастерская женскихъ работъ. (№ 44).

23-го іюля послѣдовало разрѣшеніе Попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа на окончательное приведеніе въ исполненіе ходатайства Воронежскаго земства, объ открытіи въ Воронежѣ, на счетъ земства, педагогическихъ курсовъ для приготовления учителей начальныхъ народныхъ училищъ; но ученіе началось 1-го ноября. (№ 94).

25-го іюля, Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, утвержденъ уставъ Общества Воронежскихъ врачей. Дѣятельность этого Общества, какъ сказано въ § 1 устава, „будетъ заключаться въ сообщеніи трудовъ изъ области медицинскон науки и врачебнаго искусства, въ сообщеніи научныхъ наблюденій и обсужденіи новыхъ вопросовъ, касающихся этой науки“. (№ 68).

1-го сентября, въ Воронежской губерніи, введено въ дѣйствіе Высочайше утвержденное, 14-го апрѣля 1866 г., Положеніе о нотаріальной части. — Старшимъ

Нотариусомъ Воронежскаго Окружнаго Суда былъ назначенъ коллежскій Секретарь *Кузьминъ*; нотариусами по г. Воронежу: титулярный совѣтникъ *Милотинъ* и Таганрогскій 2 гильдіи купецъ *Путыкинъ*. Дѣйствія нотариусовъ начались 2 сентября. (№№ 52, 63 и 66). Старшій Нотариусъ Острогожскаго Окружнаго Суда *Петровъ* дѣйствія свои открылъ съ 7 декабря. („Губ. вѣд.“ 1869 г., № 2).

22-го сентября Высочайше утвержденъ въ должности Воронежскаго Губернскаго Предводителя Дворянства, въ званіи Камеръ-юнкера, статскій совѣтникъ *Иллѣоръ Ивановичъ Шидловскій*. (№ 82).

27 Октября, въ Воронежѣ, происходило открытіе памятника нашему поэту *А. В. Кольцову*. Въ часъ по полудни, на площади, гдѣ за нѣсколько времени предъ этимъ былъ поставленъ на мраморномъ пьедесталѣ таковой же бюстъ поэта, предсвященнѣйшимъ Серафимомъ, епископомъ Воронежскимъ и Задонскимъ, совершено было, въ присутствіи многочисленной публики, молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому. — Затѣмъ, по произнесеніи вѣчной памяти покойному поэту и окропленіи святой водой памятника Кольцову, почитатели его таланта отправились въ залъ Дворянскаго Собранія для слушанія приготовленныхъ къ этому дню рѣчей. — Въ числѣ посѣтителей были: Попечитель харьковскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ *А. А. Воскресенскій*, посѣтившій въ это время губернскую гимназію, и консуль Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ *Е. Шейлеръ*, прожившій въ г. Воронежѣ лишнюю недѣлю для того, чтобы присутствовать при открытіи памятника Кольцову. Въ залѣ Собранія произнесены были три рѣчи; всѣ онѣ имѣли предметомъ жизнь и поэзію Кольцова. Въ первой рѣчи, которую помѣщаемъ ниже, *В. А. Никитинъ*, бывшій инспекторъ Губернской Гимназіи, представилъ отрядныя и тяжелыя минуты въ жизни Кольцова, какъ онѣ выразились

въ его пѣсняхъ и думахъ. — Рѣчь эта отличалась особеннымъ сочувствіемъ къ поэту. — Во второй рѣчи Н. П. Рощупкинъ показалъ различіе между художникомъ — гениемъ и творческимъ талантомъ, относя А. В. Кольцова къ числу послѣднихъ. Затѣмъ перешелъ къ разсмотрѣнію содержанія поэзіи Кольцова, которое, по его мнѣнію, выражается въ 3-хъ отдѣлахъ стихотвореній: къ первому онъ относитъ тѣ произведенія, въ которыхъ Кольцовъ является чистымъ лирикомъ и выражаетъ свою исполненскую личность, отличительная черта которой заключается въ стремленіи къ жизни, къ дѣятельности соразмѣрной съ его огромными способностями, къ разнообразной и обильной пищѣ для души, переполненной черезъ край безконечно разнообразными и вошющими потребностями — символами могучей жизненности. Ко второму отдѣлу относитъ онъ тѣ произведенія, въ которыхъ Кольцовъ выполнилъ задачу гуманизированія русскаго крестьянскаго быта. Къ третьему отдѣлу относитъ думы, какъ особый и оригинальный родъ стихотвореній, созданный А. В. Кольцовымъ, въ которыхъ силился онъ выразить порыванія своего духа къ знанію, силился разрѣшить вопросы, возникавшіе въ его пытливомъ умѣ. Въ третьей рѣчи И. А. Ингеницкій высказалъ ту мысль, что поэзія А. В. Кольцова есть поэзія удалства и козачества и самая жизнь его есть жизнь бобыля — козака. А. В. Кольцовъ, по мнѣнію И. А. Ингеницкаго, по своей жизни и поэзіи, былъ представителемъ козачества.

20, 21 и 22 декабря, Библиотекаремъ Императорской Публичной Библиотеки А. Д. Ивановскимъ читаны были въ Воронежѣ публичныя лекціи о жизни и трудахъ двухъ знаменитыхъ въ исторіи просвѣщенія и народнаго образованія представителей: Митрополита Кіевскаго *Евгенія* и Государственнаго Канцлера графа Н. П. Румянцева („Губ. вѣд.“ 1868 г., № 99).

Объ этихъ лекціяхъ графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой помѣстилъ въ „Воронежскомъ Телеграфѣ“ (№ 2) статью, въ которой сдѣлана надлежащая оцѣнка какъ труда г. Ивановскаго, такъ и эпохи, въ которую жили и дѣйствовали на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія и народнаго образованія митрополитъ Евгеній и канцлеръ графъ Н. П. Румянцовъ.

„Эпоха, въ которую жилъ Евгеній, особенно замѣчательна въ исторіи русской науки одновременнымъ богатствомъ дѣятелей и любителей отечественной археологіи и библіографіи, можно сказать, изъ всѣхъ сословій общества. Такъ, графы Бутурлинъ, Мусинъ-Пушкинъ, Толстой и въ особенности Румянцовъ усердно занимались тогда собираніемъ знаменитыхъ своихъ книгохранилищъ. Ихъ окружала цѣлая плеяда ученыхъ, специально посвятившихъ себя разработкѣ русскихъ древностей. Малиновскіе, Вантышь-Каменскіе, Григоровичи, Калайдовичи, Строевы, Анастасевичи, Ермолаевы, Востоковы, Кеппены и мн. др. тщательно изучали наши памятники и полагали основаніе библіографической наукѣ въ Россіи. Въ числѣ ихъ Митрополитъ Евгеній отличался не только любовью къ предмету, но и огромными свѣдѣніями. Получивши прочное классическое образованіе, онъ былъ вполне знакомъ какъ съ классическою литературою, такъ и съ требованіями современной науки, а личные труды его по части исторіи и древностей доставили ему запасъ рѣдкихъ специальныхъ познаній. Гдѣ ни былъ онъ, въ Воронежѣ, Новгородѣ, Вологдѣ, Калугѣ, Псковѣ, Кіевѣ,—вездѣ оставилъ онъ памятники своей ученой дѣятельности. Ничто, сколько нибудь относящееся до его предмета, не ускользало отъ его любознательности, и наша археологія обязана ему многими драгоценными открытіями. Пользуемся случаемъ, чтобы заявить здѣсь о фактѣ, относящемся къ послѣднимъ годамъ его жизни, доселѣ—сколько мы знаемъ—остающемся неизвѣстнымъ.

„Въ 1836 г. Статсъ-Секретарь Н. М. Лонгиновъ посѣтилъ Кіевъ для обозрѣнія тамошняго института

Благородныхъ дѣвицъ. При свиданіи его съ Митрополитомъ, высокопреосвященный, уже приближавшійся къ предѣлу своей дѣятельной жизни, съ прискорбіемъ разсказывалъ Николаю Михайловичу, что въ Кіевѣ, въ подвалахъ казенной палаты гніють цѣлыя груды древнихъ актовъ, никѣмъ еще не разобранныхъ, и могущихъ заключать въ себѣ богатые матеріалы для исторіи. По возвращеніи въ С.-Петербургъ, Статсъ-Секретарь доложилъ объ этомъ Государю, вслѣдствіе чего состоялось соотвѣтственное Высочайшее повелѣніе. Намъ неизвѣстны подробности этого распоряженія, но то несомнѣнно, что оно послужило основаніемъ къ учрежденію въ Кіевѣ той временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ, которая, подъ руководствомъ генераль-адъютанта Дм Гавр. Вибикова, обогатила впоследствии нашу науку изданіемъ драгоценныхъ памятниковъ о древностяхъ этого края. Такимъ образомъ наука наша и этой заслугой обязана Евгенію.

„Профессоръ Ивановскій, вмѣстѣ съ тѣмъ Библиотекарь Императорской публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ, не смотря на доступность для себя библиографическихъ источниковъ разнаго рода, прошедшимъ лѣтомъ былъ уже у насъ въ Воронежѣ, съ цѣлію собранія матеріаловъ для біографіи Митрополита, уроженца здѣшняго города. ⁸⁶⁾ Теперь онъ снова посѣтилъ

⁸⁶⁾ Въ № 80 „Ворон. Губ. Вѣд.“ за 1868 годъ, сообщено объ одиннадцати автографахъ Митрополита Евгенія, находившихся у законоучителя Вор. губ. гимназій, свящ. Н. А. Волкова и въ послѣдствіи отосланныхъ г. *Ивановскому*, принявшему на себя трудъ составленія „Евген. Сборника.“

Вотъ разсказъ Н. А. Волкова о томъ, какимъ образомъ ему стались эти письма и о дальнейшей ихъ судьбѣ:

„Одинъ изъ моихъ товарищей-учителей нынѣ уже умершій, занимаясь хозяйствомъ, бывалъ нерѣдко на базарахъ и въ одно изъ такихъ посѣщеній, между прочимъ продуктами, купилъ у торговки избу, въ квартирѣ своей онъ замѣтилъ, что макъ былъ обернутъ литографированнымъ листомъ. По прочтеніи этого листа, онъ рѣшился распросить торговку, есть-ли и много-ли у ней подобной бумаги. Въ слѣдующій базаръ, къ его удивленію, найдена была икъ торговка, которая показала моему пріятелю всѣ писанныя свои бумаги и продала ему ихъ за 20 копѣекъ. Въ числѣ этой покупки были литографированныя записки, не цѣлыя впрочемъ, кажется, покойнаго Лоренца по исторіи еврейской, и письма Митрополита

Воронежъ, чтобы подѣлиться съ нами собранными богатствами. Лекціи были ижъ прочитаны въ губернской и военной гимназіяхъ и въ духовной семинаріи. Каждая изъ нихъ была болѣе или менѣе принаровлена къ спеціальности слушателей и содержала въ себѣ много любопытныхъ и полезныхъ свѣдѣній для воспитанниковъ этихъ заведеній, для которыхъ лекціи читались г. Ивановскимъ бесплатно.

„Первая, читанная 20 декабря въ залѣ Губернской Гимназіи, заключала въ себѣ очеркъ торжественныхъ собраний, по поводу столѣтняго юбилея со дня рожденія Митрополита Евгенія, бывшихъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Вологдѣ и Воронежѣ. Изложивъ содержаніе нѣкоторыхъ произнесенныхъ или изданныхъ по сему случаю статей, профессоръ обратился къ оцѣнкѣ ученыхъ трудовъ юбиляра и указалъ на необходимость ихъ изданія. Лекція эта, служа вступленіемъ къ остальнымъ двумъ чтеніямъ, представила однакоже хотя бѣглую, но полную характеристику ученой дѣятельности Іерарха. Г. Ивановскій оживилъ ея содержаніе, — независимо отъ искуснаго расположенія, — многими, весьма любопытными цитатами изъ сочиненій и переписки Евгенія, и вообще развилъ передъ своими слушателями довольно законченную картину его трудовъ.

„На другой день, 21 дек., чтеніе происходило въ Духовной Семинаріи. Здѣсь профессоръ приступилъ къ

Евгенія. Заниски по еврейской исторіи покойнымъ были подарены мнѣ, а письма оставили у себя. Въ какомъ году это было, — не помню. По смерти добраго моего товарища, я разобралъ его бумаги и нашелъ знакомыя письма. Первая мысль у меня была обратиться къ печатному міру, не захочетъ ли кто приобрести эти письма за деньги въ пользу сиротъ покойнаго. Въ этихъ видахъ я испросилъ у вдовы позволеніе войти въ переписку съ нѣкоторыми лицами, а именно: я послалъ всѣ письма къ редактору Духовнаго Вѣстника и получилъ ихъ обратно; писалъ къ редактору Странника и не получилъ даже отвѣта. — Наконецъ, въ 1863 году, я отослалъ всѣ письма въ Москву къ протоіерею Сергіевскому, на какихъ условіяхъ, — не помню; но отъ него не получалъ ни навѣстія, ни писемъ. Въ томъ же году я получилъ одиннадцать писемъ отъ одного изъ своихъ товарищей, который бралъ у меня всѣ письма для прочтенія и случайно оставилъ у себя нѣкоторыя. Всѣхъ писемъ я видѣлъ за сто сличкомъ, онѣ писаны къ одному лицу съ 1800 по 1813 годъ включительно“.

болѣе подробному изображенію дѣятельности Митрополита. Не ограничиваясь разсказами о педагогическихъ его трудахъ, оначала въ Воронежѣ, а потомъ въ С.-Петербургѣ, онъ ознакомилъ слушателей съ характеромъ той эпохи, въ которой дѣйствовалъ Евгеній. Это было въ то многознаменательное время, когда, послѣ кончины Великой Екатерины, Россія подверглась внезапнымъ перемѣнамъ, когда всѣ начинанія этой Государыни были вдругъ или пресѣчены или подчинены крутому повороту, а сотрудники и исполнители Ея воли или были удалены со сцены, или обнаружили такія стремленія, о которыхъ при Ея жизни не осмѣливались бы и помыслить. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и слишкомъ извѣстный у насъ генераль ордена іезуитовъ Груберъ. Воспользовшись случайно милостивымъ расположеніемъ къ себѣ Императора Павла Петровича, Груберъ возымѣлъ дерзкую мысль подчинить Церковь нашу Риму. Удаливъ съ помощью другаго, свѣтскаго іезуита, графа де-Местра, изъ С.-Петербурга Митрополита р.-католическихъ церквей въ Россіи Станислава Сестренцевича, онъ, подъ видомъ проекта о соединеніи церквей, составилъ записку о подчиненіи Церкви Папѣ, и готовился подать ее Государю. Нечего и говорить, что дѣло въ рукахъ хитраго іезуита было обставлено всѣми нужными пружинами и ловко подготовлено. Кіевскій протоіерей Фаворовъ, разсказывая о семъ, увѣряетъ, что въ пользу этого замысла, были предрасположены даже нѣкоторые духовныя лица Православной Церкви (г. Ивановскій съ этимъ не соглашается). Несмотря на тайну, съ которою разрабатывалось это дѣло, о немъ узналъ однакожь Митрополитъ с.-петербургскій и поручилъ Евгенію, тогда еще архимандриту, написать возражаніе, не сообщивъ ему записки Грубера, которой и самъ не имѣлъ. Понятно затруднительное положеніе Евгенія опровергать то, подробности чего не были ему извѣстны. Несмотря на это, нашъ ученый побѣдоносно вышелъ изъ затрудненія, написавъ отдѣльный трактатъ подъ заглавіемъ: *Каноническое исслѣ-*

дованіе о Царской власти. Результатомъ сего труда, доведеннаго до свѣдѣнія Государя, было—какъ извѣстно—полнѣйшее разрушеніе плановъ Грубера, и самъ онъ попалъ въ немилость

„Чтеніе въ Духовной Семинаріи, представляя полную картину не только библиографической и археологической, но отчасти и богословской дѣятельности Евгенія въ данную эпоху, было какъ нельзя лучше приспособлено къ характеру заведенія. Въ заключеніе, г. Ивановскій подарилъ семинаріи 50 экземпляровъ литографированнаго портрета Митрополита со снимкомъ (fac-simile) его подписи, и экземпляръ втораго изданія „Кормчей книги“ барона Ризенкамфа, въ которой нашъ іерархъ принималъ такое участіе. что трудъ этотъ въ большей своей части, или по крайней мѣрѣ, въ главномъ своемъ достоинствѣ, можетъ по справедливости быть ему приписанъ. Этотъ подарокъ тѣмъ драгоценнѣе долженъ быть для Семинаріи, что экземпляры втораго изданія составляютъ библиографическую рѣдкость, и ихъ въ продажѣ найти невозможно.

„Послѣднее чтеніе происходило 22 дек. въ стѣнахъ Военной Гимназіи. Представивъ очеркъ ученыхъ трудовъ преосвященнаго въ Вологдѣ, Калугѣ и Псковѣ, профессоръ остановился на совокупной дѣятельности его съ графомъ Румянцовымъ, въ Новгородѣ, по части археологическихъ изданій. Здѣсь г. Ивановскій не оставилъ безъ оцѣнки патріотическихъ трудовъ государственнаго канцлера, и, указавъ на огромныя его заслуги на пользу отечественнаго просвѣщенія, весьма подробно опредѣлилъ ту долю участія, какую принималъ въ нихъ Евгеній. Извѣстно, что гр. Румянцовъ не только былъ любителемъ русскихъ древностей, но и глубокимъ ихъ знатокомъ и просвѣщеннымъ критикомъ. Переписка его съ Митрополитомъ, раскрывая всю обширность эрудиціи сего послѣдняго, свидѣтельствуетъ и о богатствѣ археографическихъ познаній перваго. Періодъ ученыхъ сношеній этихъ знаменитыхъ

мужей совпадаетъ со временемъ славы и паденія Наполеона I. Профессоръ удачно воспользовался симъ обстоятельствомъ, чтобы привести о немъ отзывы Евгенія. Это было весьма кстати передъ военною аудиторіею заведенія.

„Указавъ въ главныхъ чертахъ на характеръ и содержаніе чтеній г. Ивановскаго, мы должны отдать полную справедливость искусству, съ какимъ онъ сгруппировалъ факты, относящіеся къ его предмету, и высказалъ взаимность отношеній Евгенія съ тою средою, въ которой онъ дѣйствовалъ, и съ эпохою, въ которую жилъ. Сознаемъ, что мы обязаны профессору такимъ удовольствіемъ, какое рѣдко встрѣчаетъ въ обиходной жизни провинціального города наша публика. Но что же публика? „Le public a brillé par son absence“, какъ говорятъ французы. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ двухъ-трехъ дамъ, принадлежащихъ къ нашему высшему кругу и серьезно относящихся къ отечественной наукѣ, мы не на считали и двадцати постороннихъ слушателей. Со всѣмъ тѣмъ чтенія г. Ивановскаго не были гласомъ вопіющаго въ пустынь; каедру его окружали питомцы заведеній, гдѣ читались лекціи. Въ молодыхъ чертахъ лицъ мы ясно прочли выраженіе живаго участія, съ какимъ они слушали профессора, и мы увѣрены, что много плодотворныхъ зеренъ запало въ умы не одного изъ юныхъ слушателей. Зерна эти—Господу послѣшествоую и слово утверждающу—дадутъ плодъ свой во время свое“. (Евген. Сборникъ вып. I, 1871 г.)

Рѣчь, произнесенная В. А. Никитинымъ въ залѣ Дворянскаго Собранія, 27 октября 1868 года, по случаю открытія памятника А. В. Кольцову.

Желая обратить вниманіе на отрадныя и тяжелыя минуты въ жизни Кольцова, я не буду останавливаться на тѣхъ картинахъ его ранней юности, когда онъ босикомъ бѣгалъ по улицамъ нашего города,

игралъ съ своими сверстниками въ бабки и свайку; когда одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ проводилъ ночи тайкомъ отъ отца за чтеніемъ русскихъ и арабскихъ сказокъ. Эти картины принадлежатъ тому завидному возрасту, когда человѣкъ, несмотря ни на какую обстановку жизни, бываетъ безъ веселья веселъ, вполне беззаботенъ, слѣдовательно и счастливъ, и счастливъ именно потому, что онъ еще ребенокъ.

Я начну съ того возраста, когда юноша Кольцовъ становится помощникомъ своей семьи, когда верхомъ на лошади, перегоняя отцовскій скотъ, онъ задумывается, глядя на широкую степь, на голубую даль неба и уносится мечтою туда, куда такъ привѣтливо манитъ его милый образъ любимой имъ дѣвушки.

Эта ранняя потребность сердечной симпатіи, доказывающая въ человѣкѣ полноту нѣжныхъ чувствъ, пришла къ нашему поэту на осьмнадцатомъ году его возраста. Любовь къ дѣвушкѣ, жившей въ услуженіи у его родителей, дѣлается для Кольцова источникомъ поэтического вдохновенія и самыхъ отраднѣйшихъ минутъ жизни. Подъ вліяніемъ этой горячей любви онъ становится вдохновеннымъ поэтомъ и въ самыхъ пламенныхъ звукахъ такъ выражаетъ чувство своей привязанности:

Если встрѣчусь съ тобой
Иль увижу тебя,
Что за трепеть-огонь
Разольется въ душѣ!
Если взглянешь, душа,
Я горю и дрожу,
И безчувственъ и нѣмъ
Предъ тобою стою!
Если молвишь мнѣ что:
Я на рѣчи твои,
На привѣты твои,
Что сказать не смѣю.

Эта первая любовь поэта, застѣнчиваго отъ природы, дѣлаетъ его робкимъ и нѣмымъ въ присутствіи любимаго предмета; но, въ отсутствіи его, въ раздольной степи, въ поэтическихъ грезахъ, онъ сознаетъ все счастье. всю очаровательную прелесть любимаго предмета. Вотъ въ какихъ роскошныхъ краскахъ и образахъ, взятыхъ изъ природы, описываетъ онъ портретъ своей возлюбленной:

Быль у ней въ глазахъ небесный свѣтъ,
На лицѣ горѣлъ любви огонь.
Что передъ ней ты, утро майское,
Ты дуброва — мать зеленая,
Степь-трава — парча-шелковая,
Заря-вечеръ — ночь-волшебница!
Хороши вы, когда нѣтъ ея,
Когда съ вами дѣлишь грусть-тоску!
А при ней васъ — хоть-бы не было;
Съ ней зима — весна, ночь — ясный день!

Кольцовъ всею душою отдается этой безкорыстной страсти, онъ находитъ въ ней такое невыразимое блаженство, которое не допускаетъ до него никакихъ другихъ впечатлѣній. Онъ наслаждается любовію до упоенія. и эти минуты упоенія, уже потомъ, въ воспоминаніи его, кажутся ему какимъ-то чуднымъ волшебнымъ сномъ, который онъ рассказалъ намъ въ слѣдующей пѣснѣ:

Не весна тогда
Жизнью вѣдала;
Не трава въ поляхъ
Зеленѣлася;
Не заря съ небесъ
Красовалася,
Не луна на насъ
Любовалася!
Нѣтъ! подъ холодомъ,
Подъ туманами,

Ты въ объятыхъ жгва
Поцалуяи!
Ночи темныя,
Ночи бурныя
Шля, какъ облачка,
Мимо солнышка...
Вьюги зимня,
Вьюги шумныя,
Надъвали намъ
Пѣсни чудныя!
Наводили сны,
Сны волшебныя,
Уносили въ край —
Заколдованный.

Кольцовъ любить такъ, какъ внушаетъ ему любить природа. Онъ любить безъ всякихъ видовъ, расчетовъ, обдуманыхъ цѣлей. Онъ не мучитъ себя никакими догучными думами и опасеніями за будущее: онъ стремится только насладиться настоящей минутой, которая для него полна очарованья. Чувствуя полную счастья, онъ сознаетъ, что

Одному жить —
Сердцу холодно,
Грудь другую
Ему надобно,
Огонь-душу —
Красну-дѣвицу;
Съ ней зимою —
Лѣто теплое,
При безлюдьи —
Горе-не-горе.

Любовь рождаетъ въ молодой душѣ Кольцова мощную отвагу, готовую на удалые подвиги. Эта молодецкая удаля, происходящая отъ избытка чувства, составляетъ его сказанье:

Мѣсяць будь иль не будь
Конь дорогу найдетъ;

Самъ лукавый въ потьмахъ
Съ ней его не собьеть,
И до ночи ятель
Свѣгомъ путь весь закрой:
Безъ дороги чутьень
Сыщеть домикъ онъ твой...
Не любивши тебя,
Въ селахъ слыль молодецъ,
А съ тобою, мой другъ,
Города ни-почемъ.

Любовь красной-дѣвицы возбуждаетъ въ душѣ
добраго молодца такую широкую, размашистую удаль,
что онъ готовъ вызвать на бой и грозную, страшную
тучу и горькую людскую долю:

Выходи жь ты, туча,
Съ страшною грозюю,
Обойми свѣтъ бѣлый,
Закрой темнотою!
Молодецъ удалый
Соловьемъ засвищетъ—
Безъ пути, безъ свѣта,
Свою долю сыщеть.
Что ему тутъ буре,
Тучи громовня,
Какъ придуть по сердцу
Очи голубныя!
Что ему на свѣтъ
Доля нелюдская,
Когда его любить
Она, молодая!

Но эта любовь, подарившая Кольцову столько
счастья, принесла ему еще большую долю страданія.
Расчеты родныхъ разлучили его съ милой дѣвушкой.
Это горе сильно отозвалось въ сердцѣ Кольцова, тѣмъ
болѣе, что онъ ни съ кѣмъ не могъ раздѣлить его. Не
видя около себя ни преданныхъ ему родныхъ, ни близ-
кихъ друзей, онъ одинъ, самъ съ собою, переживаетъ

всѣ тяжелыя минуты сердечной утраты. Веселая муза Кольцова, еще такъ недавно пѣвшая о счастье любви, теперь тоскующая, выражаетъ горькія жалобы на разлуку съ милюю. Много грустныхъ пѣсень посвящено Кольцовымъ этой разлукѣ. Даже стихи, которые поэтъ влагаетъ въ уста тоскующей дѣвушкѣ по милому другу, могутъ быть примѣнены къ тоскующему сердцу самаго поэта:

Какъ вспомню я,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горькимъ горемъ слезъ.

или:

Разступитесь, лѣса темныя;
Розойдитесь, рѣки быстрыя;
Запылись ты, путь-дороженька;
Дай мнѣ вѣстку, моя пташечка.
Я рѣкой пойду по берегу,
Подлечу горой за облакомъ,
На край свѣта, на край бѣлова, —
Искать стану друга-милова...

Долго ъздилъ онъ розыскивать милаго друга, пока не узналъ, что любимая имъ дѣвушка зачахла отъ тоски и умерла гдѣ-то въ глуши, въ козачьей станицѣ.

Но съ ея смертію не умерла любовь въ сердцѣ поэта: она сдѣлалась только глубокою раной, которая долго не могла зажить, напоминая ему счастливое время невозвратной любви.

Побывали, унеслися
Дни моей златой весны,
Въ сердцѣ горестномъ слилися
Лишь отзвуки старинки.
Мнѣ-ль привѣтливимъ казаться,
Съ хладнымъ сердцемъ вновь любить?
Мнѣ-ль надеждой обольщаться?
—Безпробудно другъ мой спитъ.

Утомленный страданіемъ, онъ и хотѣлъ-бы забыть свое горе; но это уже зависѣло не отъ него: чувство,

разъ глубоко зацавшее въ страстную натуру, горитъ до тѣхъ поръ, пока не истомитъ всего сердца. И напрасно было-бы усиліе подавить его, чтобы дать мѣсто другимъ житейскимъ страстямъ, инымъ практическимъ цѣлямъ. По крайней-мѣрѣ эту мысль ясно высказалъ Кольцовъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Что душу въ вѣсти шѣвило,
 Что сердце въ первый разъ
 Такъ пламенно, такъ нѣжно полюбило—
 И полюбило не на часъ,
 То все я слялся предать забвенью.
 И сердцу пылкому и страстному томленью
 Хочу другую цѣль найти,—
 Хочу другое также полюбить,—
 Напрасно все: тѣнь прежней милой
 Нельзя забыть!

Любовь, подавляемая поэтомъ насильно. перемѣняетъ только свой идеаль: опредѣленная и сосредоточенная на одномъ предметѣ, она переходитъ въ неопредѣленную и горячую привязанность къ природѣ и людямъ. Любящая натура Кольцова была слишкомъ широка и человѣчна, чтобы вмѣщать въ себѣ только любовь къ собственному благополучію. Тотъ огонь любви, который запылалъ въ его сердцѣ сначала для одного прекраснаго существа, теперь начинаетъ горѣть для всего прекраснаго въ природѣ и человѣкѣ. Оставшись одинокимъ, онъ болѣе, нежели прежде, всматривается въ окружающую природу, горячо чувствуетъ ея прекраснымъ и грознымъ явленіямъ.

Нерѣдко, проводя дни и ночи подъ открытымъ небомъ, среди степей и лѣсовъ, онъ любилъ углубляться въ таинственный смыслъ природы и тогда чуткой поэтической душѣ кажется, что природа, какъ и люди, имѣетъ свое горе и свои радости. Оживляя природу своею фантазіею, давая ей жизнь и силы существа разумнаго, онъ сравниваетъ съ нею то, что происходитъ въ немъ самомъ, въ его мрачной, или свѣтлой

душѣ. Оттого пѣсни Кольцова, изображающія природу, исполнены такой жизни и движенія и полны самыхъ прекрасныхъ олицетвореній. Изъ картинъ, навѣянныхъ природою на душу Кольцова, самую живую, роскошную и художественною является картина осенняго лѣса. Черный и мрачный лѣсъ, оборванный и обнаженный осенними бурями, производитъ на душу его такое грустное чувство, что онъ видитъ передъ собою не просто лѣсъ, обронившій осеннею порой свой листь, а видитъ какое-то живое существо, напоминающее богатыря, когда-то крѣпкаго силою и грознаго врагамъ, а теперь поникшаго отъ безсилья и почернѣвшаго отъ осеннихъ невгодъ. Къ этому богатырю печальнаго образа поэтъ относится съ вопросами, полными самаго родственнаго, живаго участія:

Что дремучій лѣсъ
Призадумался?
Грустью темною
Загуманился?

Что Бова — силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головою въ бою, —

Ты стоишь — поникъ?
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей — бурей?

Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ —
И развѣлъ въ прахъ;

Плащъ упалъ въ ногамъ
И разсыпался....
Ты стоишь — поникъ,
И не ратуешь.

Гдѣжь дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя-ль, было,
Для—роскошество,
Другъ и не другъ твой
Прохлаждаются. —

У тебя-ль, было,
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная.....

У тебя-ль, было,
Поздно вечеромъ
Грозный съ бурей
Разговоръ поидеть;

Распахнѣть она,
Тучу черную,
Обойметъ тебя,
Вѣтромъ-холодомъ.

И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
„Вороти назадъ!
Держи около“!

Закружить она
Разыграется —
Дрогнеть грудь твоя
Зашатаешься;

Встрепенувшись,
Разбушуешься.
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гуль.....

Буря всплачется
Лыннымъ, вѣдьмомъ, —
И несетъ свои
Тучи за море.

Гдѣжь теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился;

Одичалъ, замокъ —
Только, въ непогодь,
Всешь жалобу
На безвременье....

Такъ-то, темный лѣсъ,
Богатырь — Бова!
Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами.

Не осилили
Тебя сильныя,
Такъ дорѣзала
Осень черная.

Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражьи
Понахлынули;

Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломенной.....

Какъ вѣрно и живописно это олицетвореніе осенняго лѣса въ образѣ богатыря Бовы, и какъ превосходно умѣлъ поэтъ воспользоваться сравненіями изъ природы и сказки и выразить ихъ чисто въ духѣ нашей народной поэзіи! Не даромъ Кольцовъ любилъ эту пѣсню, посвятивъ ее памяти любимаго поэта Пушкина! Быть можетъ, создавая эту пѣсню и уносясь въ свое прошлое, онъ ставилъ себя на мѣсто осенняго лѣса, разбитаго бурями; быть можетъ идея этой пѣснѣ: „борьба силы съ сокрушающимъ рокомъ“ напоминала поэту печальную страницу изъ его собственной жизни. И у Кольцова, какъ у зеленаго лѣса, было свое золо-

тое время, время первой любви, когда молодецкая душа его просилась на бой съ тучей-бурей, съ врагомъ-недругомъ; но прошло это золотое время и наступило такое осеннее безвременье. Не силою открытою, а тайкомъ, какъ у спящаго богатыря, похитили у него дорогое сокровище, и онъ какъ темный осенній лѣсъ, поникъ одиноко грустною головушкой, только вспоминая прошлое и невольно спрашивая:

Гдѣ ты время, гдѣ ты времячко,
Какъ одно только думнвалъ—
Гдѣ-бы—какъ—съ тобой увидѣться,
Однимъ словомъ переболвиться!

Въ эти грустныя минуты одиночества поэтъ искалъ утѣшенія среди окружающей природы и въ грустныхъ, мрачныхъ явленіяхъ ея искалъ сходства съ своею судьбою. Тогда-то степь, осенній лѣсъ, мерцающій вдали огонекъ, тихая одинокая могила, мрачная осень, гроза и буря получили для него особенную прелесть и навѣяли на душу его много прекрасныхъ, вдохновенныхъ образовъ.

Любя природу, сочувствуя ея тихимъ и грознымъ явленіямъ, Кольцовъ еще болѣе любилъ человѣка, еще болѣе сочувствуя его радостямъ и страданіямъ. Симпатичная душа его чутко отзывалась на всѣ стороны человѣческой жизни; онъ самъ говорить о себѣ:

Съ сивѣшими сойдусь-ли — посмѣюсь.
Съ прекрасными встрѣчусь—имъ пльнись.
Съ несчастными—отъ души поплачу.

При такомъ сочувствіи къ человѣку, Кольцова глубоко трогала людская бѣдность, безвыходная борьба съ нуждою, горемъ и особенно тяжелая необходимость питаться чужимъ кускомъ хлѣба

У чужихъ людей
Горекъ бѣлый хлѣбъ;
Брага хлѣбная
Не различива—

Рѣчи вольныя —
Все какъ связаны;
Чувства жаркія
Мрутъ безъ отъзна...

Изъ души-ль, порой,
Радость вырвется;
Злой насмѣшкой
Внигъ отравится.

И бѣль-всѣя день
Затуманится;
Грустью черною
Миръ одѣнется.

И сядишь, глядишь
Улыбаючись;
А въ душѣ клянешь
Долю горькую.

Эту горькую долю простаго человѣка Кольцовъ зналъ не по книгамъ и по наслышкѣ, — онъ зналъ ее, какъ человѣкъ, который родился, взросъ и постоянно обращался среди простаго народа; онъ зналъ ее по опыту, какъ человѣкъ, вытерпѣвшій много отъ гнета отца, отъ зависти и насмѣшекъ другихъ. Встрѣчаясь съ горемъ съ разныхъ сторонъ, онъ умѣлъ выразить его во множествѣ самыхъ разнообразныхъ поэтическихъ образовъ. Особенно трогательны пѣсни, въ которыхъ поэтъ изображаетъ семейное горе: страданіе жены, отчаяніе добраго молодца или сердечную боль красной дѣвицы. Въ слѣдующей пѣснѣ Кольцовъ трогательно описываетъ горькія жалобы дѣвушки, противъ воли выданной замужъ за немилаго:

Безъ ума, безъ разума
Меня замужъ выдали,
Золотой вѣкъ дѣвичій
Силой укоротили.

Для того ли молодость
Соблюдали, вѣжали,
За стекломъ отъ солнышка
Красоту дѣлали, —

Чтобы вѣкъ свой замужемъ
Горевала, плакала,
Безъ любви, безъ радости
Сокрушалась, мучилась?

Говорять родители:
Поживется — слюбится,
И по сердцу выберешь —
Да горячѣе придется.

Хорошо, состарившись,
Разсуждать, совѣтывать
И съ собою молодость
Безъ расчета сравнивать.

Кольцовъ не только любилъ человѣка, но и глубоко уважалъ человѣческое достоинство. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ, безъ помощи науки, онъ умѣлъ начертать себѣ тѣ нравственныя правила жизни, которыя онъ высказалъ въ слѣдующемъ стихотвореніи и которыми неизмѣнно слѣдовалъ до конца своей жизни:

Въ высокомъ званіи предъ бѣднѣмъ
Счастливой долей не гордись,
Но съ нимъ — чѣмъ Богъ послалъ — послѣднимъ,
Какъ съ роднымъ братомъ подѣлись.
Суму дадутъ — не спорь съ судьбою,
У Бога мы равны; предъ Нимъ
Смирися съ дѣтской простотою —
И съ сердца грусть слетить, какъ дымъ....
Будь не подкупенъ въ дѣлѣ чести
И будь въ ничтожествѣ великъ.....

Судьбѣ угодно было, чтобы Кольцовъ, хотя на короткое время, узналъ другую, свѣтлую жизнь. Побывавъ по дѣламъ отца нѣсколько разъ въ Москвѣ и Петербургѣ, онъ познакомился тамъ со многими уче-

ными, поэтами и литераторами. „Почти со слезами на глазах“, говорил Вѣлинскій, „Кольцовъ рассказывалъ намъ о встрѣчѣ съ Пушкинымъ, какъ о самой торжественной и счастливой минутѣ его жизни“. Особенно полюбилось Кольцову житье въ Москвѣ, гдѣ составилъ онъ себѣ небольшой кругъ пріятелей, которые могли понимать его и сочувствовать его стремленію къ поэтической дѣятельности. Каждый разъ, когда случалось ему прѣзжать въ Москву, онъ останавливался у пріятеля своего Станкевича. Здѣсь, въ квартирѣ его, часто собирался кружокъ образованной молодежи. Кромѣ Вѣлинскаго и поэта Красова, постоянныхъ членовъ этого кружка, его посѣщали еще двѣ замѣчательныя личности: Грановскій, который приготавлился тогда къ профессорской кафедрѣ и Кудрявцевъ, который въ то время былъ еще студентомъ, но уже извѣстенъ былъ, какъ беллетристъ, помѣщавшій свои повѣсти въ „Телескопъ“ и „Московскомъ Наблюдателѣ“. Въ этотъ-то кружокъ молодежи, при содѣйствіи Станкевича, удалось попасть нашему Воронежскому поэту, торгующему баранами и плохо знающему даже предметы уѣзднаго училища.

Какой прекрасный міръ открылся для Кольцова въ обществѣ этихъ людей, которые потомъ имѣли громадное вліяніе на цѣлое поколѣніе юношей, на цѣлыя тысячи людей, искавшихъ просвѣщенія. Двигающимъ центромъ этого пріятельскаго кружка былъ самъ Станкевичъ. Своими артистическими наклонностями, разностороннимъ образованіемъ и особенно даромъ — увлекательно говорить, онъ имѣлъ обаятельное вліяніе на окружающую его молодежь. Въ это время со всѣмъ юношескимъ жаромъ Станкевичъ изучалъ философію Шеллинга, знаменитаго въ то время Берлинскаго профессора. Желая подѣлиться своимъ умственнымъ наслажденіемъ съ друзьями, Станкевичъ любилъ развивать предъ ними философскія идеи Шеллинга. Излагая ихъ, онъ владѣлъ рѣдкою способностію — дѣлать понятною для каждаго самую отвлеченную мысль, въ какую-

бы туманную оболочку она ни была одѣта ученымъ нѣмецкимъ умомъ. По словамъ Анненкова, Вѣлинскій, не знавшій нѣмецкаго языка, слѣдовательно, не имѣвшій возможности познакомиться въ подлинникѣ съ новымъ ученіемъ Шеллинга, съ жадностью слушалъ Станкевича и потомъ любимое имъ воззрѣніе Шеллинга на міръ и человѣка выразилъ въ превосходной статьѣ „Литературныя мечтанья.“

Трудно предположить, чтобы увлекательныя бесѣды Станкевича не подѣйствовали на воспримчивую душу Кольцова и не оказали какого-нибудь вліянія на его поэтическое міросозерцаніе: по крайней мѣрѣ, это вліяніе проглядываетъ въ нѣкоторыхъ его думахъ философскаго содержанія. Такъ, мысль Шеллинга, что весь міръ, а слѣдовательно, и искусство является отраженіемъ одной безконечной идеи, равно живущей и въ неподвижномъ камнѣ, и въ бѣгѣ кометы, и въ слезѣ ребенка, и въ произведеніи художника,—мысль, которую болѣе всего любилъ развивать Станкевичъ, отразилась у Кольцова въ слѣдующей думѣ, которую онъ назвалъ „Царство Мысли.“

Повсюду мысль одна—одна идея:

Она живетъ и въ нелѣ и пожарѣ;

Она и тамъ—въ огнѣ, въ раскатахъ грома;

Въ сокритой тлѣ, бездонной глубины;

И тамъ, въ безколвіи лѣсовъ дремучихъ;

Въ прозрачномъ и пловучемъ царствѣ водъ глубокихъ,

Въ ихъ зеркалѣ, и въ шумной битвѣ волнъ;

И въ тишинѣ безмолвнаго кладбища;

На всякъ горѣ безлюдныхъ и пустынныхъ;

Въ печальномъ званьяхъ бурь и вѣтра;

Въ глубокомъ снѣ недвижнаго камня;

Въ дыханіи былинки молчаливой;

Въ полетѣ къ облаку орлиныхъ крылій;

Въ судьбѣ народовъ, царствъ, ума, и чувства, всюду—

Она одна—царица бытія!

Задача моей статьи не позволяетъ мнѣ остановиться на сравненіи двухъ думъ, изъ которыхъ одна принад-

лежить Станкевичу, а другая—Кольцову. Въ 1834 году, Станкевичъ, всегда любившій жить въ сферѣ отвлеченныхъ идеаловъ, написалъ маленькую, но прекрасную думу „Двѣ жизни.“ Черезъ три года и Кольцовъ, уже находившійся подъ влияніемъ мистическаго настроенія духа, также написалъ думу „Двѣ жизни,“ въ которой выразилъ ту-же самую мысль, какая за три года была выражена Станкевичемъ въ его думѣ. Если, за неимѣніемъ фактовъ, трудно указать положительно, въ чемъ именно проявилось влияніе Станкевича на Кольцова, зато можно положительно сказать, что въ Москвѣ, въ бесѣдѣ съ Станкевичемъ, въ пріятельскомъ обществѣ его, Кольцову было такъ легко и отрадно, такъ вольно и спокойно, что онъ всею душою возненавидѣлъ свою воронежскую жизнь. Узнавъ блага жизни развитаго общества, онъ въ то же время почувствовалъ сильное стремленіе къ наукѣ, особенно исторіи. Онъ видѣлъ, какъ мало знаетъ онъ, въ сравненіи съ образованными людьми, сознавалъ, какое наслажденіе уму и сердцу могутъ принести наука и разумная цѣль жизни.

Возвратясь въ Воронежъ, Кольцовъ сильнѣе прежняго почувствовалъ весь разладъ между тою идеальной жизнью, къ которой онъ стремился, и тою грязною дѣйствительностію, въ которой онъ очутился. Судьба, какъ нарочно, показала ему свѣтлую жизнь для того, чтобы потомъ глубже низвергнуть его въ самую мрачную пучину. Задумываясь надъ жизнью, надъ своими стремленіями, Кольцовъ необходимо долженъ былъ дойти до многихъ вопросовъ, которые для него составляли загадку и тайну. Онъ хотѣлъ отыскать смыслъ жизни, найти ея прямую цѣль. Требованіе отвѣтовъ на эти запросы ума мучило Кольцова, приводило его къ сомнѣнію и разочарованію и все-таки не останавливало порывовъ его пытливаго ума:

Какъ же быть мнѣ
Въ этомъ мірѣ,
При движеніи—
Безъ желанья?

Чтожь мнѣ дѣлать
Съ бушвой волей,
Съ грѣшной мыслью,
Съ пылкой страстью?

Измученный сомнѣніями и тяжелыми думами, онъ обращался наконецъ къ молитвѣ и въ ней находилъ успокоеніе отъ тревожныхъ вопросовъ, смущавшихъ его душу:

О, гори, лампада,
Ярче предъ Расплтѣемъ
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молятва.

Думу „Неразгаданная истина“ поэтъ заключаетъ стихами, исполненными еще большаго смиренія:

Подѣвку-жь я крылья
Дерзкому сомнѣнью,
Проклянну усяля
Къ тайнамъ Провидѣнья!

Кого изъ насъ, въ извѣстную пору жизни, не смущали, такъ называемые, гамлетовскіе вопросы: о назначеніи человѣка, о замогильной жизни и тайнахъ бытія, и чей умъ не смирился въ сознаніи безсилія рѣшить эти вопросы? Изъ переписки пріятеля его Станкевича съ друзьями видно, что, отъ природы веселый и остроумный, Станкевичъ часто приходилъ въ отчаяніе отъ подобныхъ вопросовъ. „Одно спасеніе, пишетъ онъ Грановскому, отъ сумасшествія и скептицизма—исторія. Она служитъ для меня облегчающимъ средствомъ, успокаивая мой умъ, блуждающій въ сомнѣніяхъ. Не мудртвуй, братъ, много. Вообще, если трудно становится рѣшить что-нибудь, переставай думать, смись и живи.“

Подрубивъ крылья своему дерзкому сомнѣнію, Кольцовъ обратился къ дѣйствительности; онъ началъ составлять планы о томъ, чтобы бросить все въ Воронежѣ, переѣхать въ Москву или Петербургъ, зарыть-

ся въ книги и предать всего себя наукѣ. Но запутанныя дѣла отца убѣдили его, что онъ не можетъ оставить Воронежа и слѣдовательно, поневолѣ долженъ вращаться въ той сферѣ, къ которой онъ теперь чувствовалъ полное отвращеніе. Съ этого-то времени начинается для Кольцова та ужасная борьба съ действительностію, о которой мы знаемъ изъ писемъ его къ друзьямъ и изъ писемъ, исполненныхъ самой глубокой безотрадной тоски. Хотя Кольцовъ и глубоко страдалъ, однако онъ не терялъ еще бодрости духа, не покидалъ надежды на лучшее будущее; онъ еще признавалъ въ себѣ силу для борьбы и готовился выдержать ее стойко и покорно, какъ смѣлый боецъ и истинный христианинъ.—Эту рѣшимость биться съ судьбою онъ прекрасно высказалъ въ думѣ, которую онъ назвалъ послѣдней борьбой и которую закончилъ слѣдующими стихами:

Будь, что будетъ—все равно!
На святое Провидѣнье
Положился я давно!
    Не грози-жь ты мнѣ бѣдою,
    Не зови, судьба, на бой:
    Готовъ биться я съ тобою,
    Но не сладилъ ты со мной!
У меня въ душѣ есть сила,
У меня есть въ сердцѣ кровь,
Подъ крестомъ—моя могила,
На крестъ—моя любовь!

Прежде, не много лѣтъ тому назадъ, Кольцовъ могъ дѣлать свое горе съ Серебрянскимъ, который умѣлъ понимать и утѣшать его, и съ остроумнымъ, веселымъ Станкевичемъ, который одобрялъ его и помогалъ совѣтами; но теперь Серебрянскаго уже не было на свѣтѣ, а Станкевичъ, пораженный чахоткою, доживалъ свои послѣдніе дни въ Италіи, вдали отъ друзей и родины.

Чувствуя свое сиротство и одиночество, Кольцовъ, несмотря на свою вѣру, не рѣдко падалъ духомъ и

приходилъ въ такое отчаяніе, что терялъ надежду въ свои силы и въ помощь свыше.

Напрасно я молю Святое Провидѣнье
Отвести ударъ карающей судьбы,
Укрыть меня отъ бурь мятежной жизни
И облегчить тяжелый жребій мой;

Иль, слабому, ничтожному творенью,
Дать силу мнѣ, терпѣнье, вѣру,
Чтобъ могъ я равнодушно пережить
Земныхъ страстей безумное волненье.

Пощады нѣтъ! Душевную молитву
Разносить вѣтръ во тьмѣ пустынной,
И вопли смертнаго страданья
Безъотзыва въ дали глубокой тонуть.

Ужель во цвѣтѣ лѣтъ, подъ тяжестью лишеній,
Я долженъ пасть, не насладившись днемъ
Прекрасной жизни, до сыта не упившись
Очаровательнымъ дыханіемъ весны?

Такъ, за два года до своей смерти, выражалъ Кольцовъ вопли душевнаго своего страданія. Въ послѣдніе годы жизни, несмотря на мрачное расположеніе духа, его посѣщали минуты вдохновенія и тогда просвѣтленная душа его снова чувствовала наслажденія жизнию и создавала свои чудныя пѣсни. Стихотворенія, относящіяся къ этому времени, ясно показываютъ, что въ борьбѣ и страданіяхъ талантъ не покидалъ его и не слабѣлъ, но росъ и крѣпъ вмѣстѣ съ годами и несчастіями поэта. Подтверженіемъ этого можетъ служить превосходная пѣснь „Ночь“, выражающая въ себѣ столько высокаго драматизма и глубокаго пониманія человѣческаго сердца, что эту пѣсню можно поставить на ряду съ лучшими балладами нашихъ лучшихъ поэтовъ. Въ ней изображается, какъ въ чудную лунную ночь, ревнивый мужъ, караулившій жену свою, падаетъ мертвымъ отъ руки ея волюбленнаго:

Не смотря въ лицо,
Она пѣла мнѣ,
Какъ ревнивый мужъ
Билъ жену свою;

А въ окно луна
Тихо свѣтъ лила,
Сладострастныхъ сновъ
Была ночь полна!

Лишь зеленый садъ
Подъ горой чернѣлъ;
Мрачный образъ, къ намъ,
Изъ него глядѣлъ.

Улыбался, онъ
Зубъ о зубъ стучалъ;
Жгучей искрою
Его глазъ сверкалъ.

Вотъ онъ къ намъ идетъ,
Словно дубъ большой.....
И тотъ призракъ былъ —
Ея мужъ лихой.....

По костямъ моимъ
Пробѣжалъ морозъ;
Самъ не зная какъ,
Къ полу я приросъ.

Но лишь только онъ
Рукой за дверь взялъ:
Я схватился съ нимъ —
И онъ мертвый палъ.

„Что-жь ты, милая,
Вся, какъ листъ, дрожишь?
Съ дѣтскимъ ужасомъ
На него глядишь?

Ужь не будетъ онъ
Караулить насъ;
Не придетъ теперь
Въ полуночный часъ!“

— Ахъ, не то, чтобъ я...
Угъ жѣшается....
Все два мужа мнѣ
Представляются:

На полу, одинъ
Весь въ крови лежитъ;
А другой — смотри —
Вонъ въ саду стоитъ!

Въ минуты просвѣтлѣнія души, когда Кольцову становилось жить легче, онъ примирался со своею судьбою, прощалъ своихъ враговъ, крѣпче вѣрилъ въ Провидѣніе и горячѣе молился предъ образомъ Спасителя:

Предъ Тобою, мой Богъ!
Я свѣчу погасилъ,
Премудрую книгу
Предъ Тобою закрылъ.

Твой небесный огонь
Негасимо горитъ;
Возвѣчный Твой міръ
Предъ очами раскрытъ;

Я съ любовью къ Тебѣ
Погружаюсь въ немъ;
Со слезами стою
Передъ свѣтлымъ лицомъ!

И напрасно весь міръ
На Тебя возставалъ,
И напрасно на смерть
Онъ Тебя осуждалъ:

На крестѣ, подъ вѣнцомъ,
И спокоенъ, и тихъ,
До конца Ты молилъ
За злодѣевъ Своихъ!

Только на одну пламенную вѣру сердца Кольцовъ и могъ опереться въ своихъ страданіяхъ и находить силу, волю и вдохновеніе въ своемъ скорбящемъ духѣ.

1842 годъ Кольцовъ встрѣтилъ предчувствіемъ, что годъ этотъ будетъ послѣднимъ въ его жизни. Вотъ какъ выразилъ онъ это предчувствіе въ стихотвореніи на новый 1842 годъ:

Тяжелый годъ, тебя ужъ нѣтъ, а я еще живу,
И новый, тихо, безъ друзей, одинъ встрѣчаю;
Одинъ, въ его заманчивую тьму,
Свои я взоры потопляю.

Что въ ней таятъ для меня?
Ужели новыя страданья?
Ужели, безвременно, наъ міра выйду я,
Не совершивъ и задушевнаго желанья?

Предчувствіе его исполнилось: въ октябрѣ мѣсяцѣ этого года онъ скончался 33 лѣтъ отъ роду.

Отозванный такъ рано въ лучшую жизнь, Кольцовъ покинулъ этотъ міръ наканунѣ того времени, когда пѣсни его стали раздаваться по всей Россіи, а дружескій голосъ Бѣлинскаго произнесъ судъ надъ его талантомъ и надъ его жизнію, полною тревогъ и тяжелыхъ испытаній.

Въ заключеніе, я скажу нѣсколько словъ о томъ сочувствіи, какое недавно нашли пѣсни Кольцова у англійскаго поэта мистера Рольстона. Зная довольно хорошо нашъ современный литературный языкъ, онъ перевелъ по англійски нѣсколько пѣсень Кольцова, которыя печатаются въ англійскомъ журналѣ *Saturday Review*. Мѣсяца четыре тому назадъ (іюнь 1868 г.) Рольстонъ пріѣзжалъ къ намъ въ Воронежъ, чтобы взглянуть на домъ, гдѣ родился Кольцовъ и на его могилу.

Какъ истый англичанинъ, для котораго время—капиталь, онъ, въ продолженіе 3-хъ или 4-хъ часовъ, успѣлъ познакомиться съ сестрою Кольцова, г-ею Андроновой, развѣдать о мѣстѣ рожденія поэта, посѣтить его могилу и наконецъ прочесть свои переводы въ томъ домѣ, куда имѣлъ рекомендательное письмо отъ Вл.

Ив. Даля, известнаго литератора и знатока роднаго слова. Вотъ какой отзывъ слышалъ я о переводахъ Г. Рольстона: тѣ пѣсни Кольцова, которыя, по характеру отвлеченности, подходятъ къ общечеловѣческимъ, переданы довольно близко и удачно: какъ напримѣръ дужа:

Спаситель, Спаситель,
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы...

Но пѣсни, въ которыхъ выражается простой сельскій бытъ, потеряли въ англійскомъ переводѣ всѣ краски нашей народности, слѣдовательно, утратили то, что составляетъ всю прелесть и оригинальность нашего поэта. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ иностранецъ передать на своемъ языкѣ такія чисто-народныя выраженія, какія мы непрерывно встрѣчаемъ у Кольцова: напримѣръ:

„Буря всплachtetся лѣшникъ, вѣдьмош...
На дворѣ, на гумнѣ — хотъ шаромъ покати...
Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ зломъ делей перевѣдаться.
Не родсь богатыхъ,
А родсь кудравныхъ:
По дучью волѣваю
Все тебѣ готово“....

Иностранецъ, не изучавшій нашей прстонародной жизни и народнаго языка, не пойметъ всей грусти лежащей въ основѣ нашихъ народныхъ пѣсенъ, и будетъ даже дивиться, чѣмъ можетъ задѣвать и трогать насъ эта поэзія.

Не даромъ рассказываютъ, что одинъ грекъ пѣлъ свою народную пѣсню и плакалъ:

— О чемъ ты плачешь, спросилъ его русскій, или такъ печальна твоя пѣсня?

— Да, очень печальна! отвѣчалъ грекъ.

— О чемъ же говорится въ ней?

— Просто объ одномъ журавлѣ, который стоялъ на одной ногѣ и глядѣлъ въ даль.

— И больше ничего?

— Ничего!

— О чемъ же ты плачешь, и что тутъ печальнаго?

— Для тебя, чужеземецъ, ничего нѣтъ печальнаго, а для меня все печально: и моя родная природа и родные звуки. И онъ снова заплѣлъ и снова заплакалъ. („Губ. вѣд.“ 1868 г. №№ 85—87).

Къ Лѣтописи 1869 года.

Съ начала этого года предпринято изданіе газеты „Воронежскій Телеграфъ“. Въ объявленіи объ изданіи этой газеты сказано, между прочимъ, что „постоянными и дѣятельными сотрудниками въ газетѣ, кромѣ редактора, будутъ: Н. Ѡ Бунаковъ, П. Ѡ Бунаковъ, В. И. Волгинъ, П. В. Гавриловъ, А. И. Кильчевскій, П. Каньшинъ, Ю. И. Михайловскій, Н. Е. Сѣверный, К. В. Федяевскій, Ел. В. Федяевская, Н. Ѡелоровичъ, Эн—ковъ и мн. др. иногородніе корреспонденты“. Издатель и редакторъ Алексѣй Андреевичъ *Хованскій*. (№ 8).

Въ настоящее время редакторомъ-издателемъ „Воронежскаго Телеграфа“ — *В. И. Исаевъ*.

Въ 60-хъ годахъ Василій Ивановичъ Исаевъ помѣстилъ нѣсколько статей въ „Ворон. Губ. Вѣдомостяхъ“ и довольно обширный „Очеркъ бывшаго города Орлова въ историческомъ отношеніи“. (1867 г.) Тогда В. И. былъ еще воспитанникомъ Воронежской Духовной Семинаріи; по окончаніи въ 1869 г. полного курса Семинаріи *студентомъ*, при чемъ представленное имъ курсовое сочиненіе было одобрено для напечатанія въ „Епар. Вѣд.“; В. И., въ томъ же 1869 г., поступилъ учителемъ Русскаго языка въ Воронежское

Духовное училище. На подрищѣ педагога В. И. не долго оставался и въ 1870 году перешелъ на службу сначала въ Воронежское Губернское Казначейство, а потомъ въ Ворон. Казенную Палату, въ которой занималъ должности Чиновника особыхъ порученій и Старшаго Дѣлопроизводителя. Въ 1876 году В. И. оставилъ совсѣмъ службу, чтобы обратиться къ частнымъ занятіямъ, и въ томъ же году приобрѣлъ типографію покойнаго Гольдштейна и право на изданіе „Воронежскаго Телеграфа“, въ которомъ еще прежде этого г. Исаевъ помѣщалъ свои статьи. Сдѣлавшись въ 1877 г. редакторомъ „Телеграфа“, Василий Ивановичъ обратилъ особенное вниманіе на своевременное сообщеніе, особенно изъ мѣстной жизни, всего, что можетъ интересовать мѣстнаго читателя.— Съ 1880 г. В. И. состоитъ гласнымъ Воронежской Городской Думы.

Съ 1869 г. предпринято было изданіе „Воронежскаго Справочнаго Листка“, прекратившагося въ 1871 г. Редакторъ-издатель — *В. А. Гольдштейнъ*, бывшій издатель „Воронежскаго Листка“ (№ 10). Съ 1870 г. Гольдштейнъ сдѣлался издателемъ и „Ворон. Телеграфа“; онъ-же предпринималъ изданіе популярно-медицинской библіотеки (9 том.) и дѣтской библіотеки (10 том.). (№№ 1 и 99). Имѣя свою типографію г. Гольдштейнъ, умершій въ 1873 году, отличался издательскою дѣятельностью, необычною для провинціи.

25-го января опубликовано постановленіе Воронежскаго Губернскаго Правленія „о образованіи полицейскихъ и пожарныхъ командъ въ городахъ Воронежской губерніи по вольному найму“. (№ 8).

12-го февраля опубликовано постановленіе Губернскаго Правленія, которымъ, согласно отношенію Департамента Полиціи Исполнительной Министерствы Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 21 іюня 1868 г. за № 1984, въ уѣздахъ: *Богучарскомъ, Бобровскомъ, Острогожскомъ*

и *Вирюченскомъ*, кромѣ имѣющихся въ нихъ становъ, учреждено еще по одному стану въ каждомъ уѣздѣ, при чемъ распределены границы какъ вновь образованныхъ, такъ и прежнихъ становъ. (№ 13).

25-го апрѣля скончался, отъ водяной въ груди. Воронежскій Вице-Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Николай Ивановичъ Калиновскій*. (№ 32).

Высочайшимъ приказомъ, отъ 2 мая, назначенъ Воронежскимъ Вице-Губернаторомъ Начальникъ Отдѣленія Департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій совѣтникъ *Шевичъ*. (№ 40).

30-го іюня закрыта Воронежская Палата уголовного и гражданского суда. (№ 50).

Съ 1-го іюля закрыта Камера Воронежскаго Губернскаго Прокурора. (№ 54).

1-го іюля Св. Синодомъ, въслѣдствіе ходатайства Вирюченскихъ гражданъ, назначенъ крестный ходъ, изъ Усерда въ г. Вирючь, съ чудотворною иконою Тихв. Божіей Матери, которая должна находиться тамъ одинъ мѣсяць. Этотъ крестный ходъ, съ 1869 г., ежегодно совершается въ означенное время, по примѣру крестнаго хода, устроеннаго гражданами г. Острогожска, съ иконою Сицилійской Божіей Матери, изъ Дивногорскаго Монастыря. (№№ 48 и 54).

8-го іюля утверждена нормальная концессія на сооруженіе *Воронежско-Грушевской* желѣзной дороги. Сооруженіе и эксплуатація этой дороги, по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 16 день августа, предоставлены уполномоченному отъ Войска Донскаго и Воронежскаго земства г. *Полякову*. (№№ 54—57 и 68).

17 го августа въ г. Вирючь открыта женская Прогимназія. (№ 65).

14-го октября Высочайше утвержденъ проектъ штата Врачебныхъ Отдѣленій Губернскихъ Правленій въ 45 губерніяхъ, въ томъ числѣ и Воронежской. (№ 90).

18 октября послѣдовало открытіе *Воронежскихъ водопроводовъ*, сооруженныхъ, на собственный счетъ, Городскимъ Головою *Степаномъ Лукьяновичемъ Кряжовымъ*. *)
„Мысль о водопроводахъ въ Воронежѣ возникла уже довольно давно; польза ихъ для города, расположеннаго на высокой горѣ, далеко отъ рѣки, имѣющаго болѣе 40 тысячъ жителей и только нѣсколько довольно плохихъ колодцевъ, была сознаваема всѣми, и дѣйствительно, о нихъ говорили довольно много, поговорили и перешли затѣмъ, къ обсужденію другихъ полезныхъ и интересныхъ вопросовъ. И на долго, можетъ быть даже навсегда, остался-бы нашъ городъ безъ воды, если-бы дѣятельность С. Л. Кряжова не положила конецъ этому вопросу. Бывши лично въ Лондонѣ и осмотрѣвши тамъ подобныя заведенія, Степанъ Лукьяновичъ написалъ въ Воронежѣ водопроводныя трубы, машины опытныхъ мастеровъ, — и съ весны 1869 года начались дѣятельныя работы, по проведенію водопроводныхъ трубъ и постройкѣ башни для резервуара. ... Работы производились съ необычайной скоростью, — въ концѣ августа всѣ работы были уже окончены, и дѣло остановилось только за недоставкою изъ-за границы нѣкоторыхъ крановъ и другихъ металлическихъ частей; полезное дѣло подвигалось быстро впередъ.

Открытіе водопроводовъ происходило въ присутствіи г. Начальника губерніи, почетнѣйшихъ лицъ города и большой толпы народа. Послѣ молебствія, совершеннаго Преосвященнымъ Серафимомъ, соборитъ

---

*) Потомственный Почетный Гражданинъ С. Л. Кряжовъ былъ избранъ Воронежскимъ Городскимъ Головою въ 1866 году и оставался въ этомъ званіи до 27 февраля 1875 г. — почти 10 лѣтъ. Въ этотъ періодъ управленія городскимъ хозяйствомъ, г. Кряжовъ сдѣлалъ очень много для города. Кромѣ подарка водопровода, онъ заботился о скопленіи запасовъ городского капитала, жертвовалъ изъ своихъ средствъ на городской филантропическія цѣли, служилъ городу безвозмездно, а положенное ему жалованье 3000 р. назначалъ на нужды бѣдныхъ учащихся. С. Л. Кряжовъ имѣетъ нѣсколько большихъ домовъ въ г. Воронежѣ и весьма богатыя имѣнья имуществъ въ губерніи. Богатство С. Л. досталось ему отъ отца — человека весьма умнаго и практичнаго. Профессія, которой занимался отецъ — бывшіе откуда и винокуренное дѣло. („Газ. „Донъ“ 1883 г., № 33)

Преосвященнымъ Θεодосіемъ, послѣ освященія воды въ резервуарѣ башни и провозглашенія многолѣтія Государю Императору, всему Царскому Дому и затѣмъ строителю водопровода, г. Воронежскій Губернаторъ, Князь В. А. Трубецкой прочелъ слѣдующій рапортъ Воронежскаго Городскаго головы, С. Л. Кряжова, соорудителя водопровода:

„Устроенный мною въ г. Воронежѣ водопроводъ, а также каменный трехъ-этажный домъ, гдѣ помѣщается водоподъемная машина, и въ которомъ, по отзыву свидѣтельствовавшего инженера, весьма удобно могутъ помѣститься аппараты для газа, *желая навсегда и безвозмездно предоставить городу Воронежу*, имѣю честь довести о томъ до свѣдѣнія Вашего Сіятельства и почтительнѣйше испрашивать распоряженія о принятіи отъ меня въ вѣдѣніе города какъ помянутаго дома, такъ и водопровода.

При этомъ долгомъ считаю доложить Вашему Сіятельству, что было-бы желательно, если возможно, предоставляемый городу водопроводъ назвать „водопроводъ Лукьяна Артемьевича Кряжова“, въ память покойнаго родителя моего, а также изъ прибылей, которыя будутъ получаемы городомъ отъ водопровода, 10 процентовъ ежегодно отдѣлять на образованіе, безъ различія званія и пола, дѣтей бѣдныхъ гражданъ г. Воронежа“.

Громкое „ура!“ раздалось вслѣдъ за прочтеніемъ этого заявленія. Затѣмъ Преосвященный Серафимъ открылъ кранъ, изъ котораго снабжаются водою всѣ трубы г. Воронежа. На башнѣ водопровода, высокой струей, сажени въ двѣ, забилъ фонтанъ. Затѣмъ были освящены: колодезь близъ монастыря и пожарный кранъ у солнечныхъ часовъ. При этомъ была сдѣлана проба наливанія пожарныхъ бочекъ изъ крана: бочки эти наливались въ теченіе 25 - 30 секундъ каждая, такъ что въ теченіе двухъ съ небольшимъ минутъ, было наполнено до пяти большихъ пожарныхъ бочекъ!

На предложенномъ С. Л. Кряжовымъ завтракъ былъ провозглашенъ тостъ за здоровье Государя Императора, принятый шумными криками и восторженнымъ „ура“! затѣмъ былъ предложенъ тостъ за здоровье Городскаго Головы С. Л. Кряжова, строителя водопровода, и раздались новые привѣтственные крики. В. И. Веретенниковъ и И. Н. Ключковъ сказали нѣсколько словъ по поводу сдѣланнаго С. Л. Кряжовымъ важнаго и щедратаго пожертвованія на пользу города. Долго не умолкали привѣтствія жертвователю за оказанное имъ городу благо“.

Въ заключеніе описанія этого событія высказана: „польза водопровода въ Воронежѣ такъ велика, что пожертвованіе С. Л. Кряжова, помимо громадности употребленной на водопроводы суммы, является дѣломъ громадной важности, далеко выходящимъ за предѣлы другихъ пожертвованій. Обиліемъ воды и удобствомъ добыванія ея устраняется такое громадное количество неудобствъ Воронежской жизни, которое значительно даже измѣняетъ ее: не говоря уже ослучаяхъ пожаровъ, о поливкѣ деревьевъ, которые гибнутъ десятками отъ недостатка влаги, одно уничтоженіе пыли при поливаніи улицъ, можетъ произвести громадную разницу въ гигиеническомъ отношеніи. а врядь-ли что можетъ сравниться съ важностью сохраненія здоровья, этого величайшаго блага человѣка. Сколько лишняго труда и времени сохранится отъ устраненія подвоза воды изъ рѣки, по крутой горѣ, а кто не знаетъ, какъ намъ нужны и трудъ и время. Польза водопровода ясна, такъ какъ вода — одна изъ самыхъ необходимыхъ потребностей всего живущаго, и облегченіе добыванія ея, удешевленіе этого добыванія — есть дѣло въ высшей степени благодѣтельное.“

Дѣлая громадную затрату, до 150 тысячъ руб. серебромъ, въ особенности чувствительную для человѣка коммерческаго, строитель ходатайствовалъ о томъ, чтобы 10 процентовъ изъ могущихъ быть прибылей от-

дѣлялись на образованіе дѣтей бѣдныхъ гражданъ города Воронежа, безъ различія пола и званія. Такимъ образомъ, съ устройствомъ водопровода, кладется основаніе еще другому доброму дѣлу, тѣмъ болѣе важному, что здѣсь предоставляется немущимъ пользованіе высшимъ и лучшимъ благомъ—образованіемъ. Другое ходатайство состояло въ желаніи, чтобы пожертвованный водопроводъ назывался „водопроводомъ Лукьяна Артемьевича Кряжова“, въ память отца строителя. Мы не можемъ, говорить авторъ описанія, не отнестись съ величайшимъ сочувствіемъ къ желанію сына увѣковѣчить имя отца, сдѣлавъ его неразрывнымъ съ воспоминаніемъ объ одномъ изъ величайшихъ благодѣяній, оказанныхъ городу. И если Божій и людской законы обязываютъ дѣтей чтить своихъ родителей и ихъ память, то для этого врядъ-ли можно избрать путь лучший чѣмъ тотъ, который усвоенъ Русскими людьми и который состоитъ въ дѣланіи добра въ память родителей“. (№ 82).

7-го декабря происходило первое собраніе членовъ Воронежскаго Общества *потребителей*, уставъ котораго утверждёнъ 13-го августа. Общество потребителей въ г. Воронежѣ имѣло „цѣлю доставлять своимъ членамъ необходимые жизненные припасы и другіе предметы хорошаго качества, по возможности изъ первыхъ рукъ, по умѣреннымъ, не превышающимъ мѣстныхъ рыночныхъ, цѣнамъ“. (№№ 66, 94 и 97). (6-го февраля 1875 г. опубликовано объявленіе Правленія Воронежскаго Общества Потребителей о прекращеніи торговыхъ операцій и объ упраздненіи Правленія Общества. См. „Юбил. Сборн.“, т. 2, стр. 12). 38)

**) Слѣдствія для Воронежской Лѣтописи (1856—1869 г.г.) взяты исключительно изъ „Воронеж. Губ. Вѣд.“; отступленія дѣлались только въ немногихъ случаяхъ. Неудивительно, поэтому, если встрѣтятся пропуски или нѣкоторые факторы, подлежащихъ внесенію въ „Лѣтопись“ за данное время.

Заканчивая обзоръніе „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, за время существованія ихъ съ 1838 по 1870 годъ, считаемъ необходимымъ замѣтить, что изъ массы разбланныхъ въ этихъ „вѣдомостяхъ“ памятникъ мѣстной исторіи и быта, пѣсенъ, преданій, описаній мѣстностей, историческихъ актовъ и проч., — многое уже взято и издано въ отдѣльныхъ монографіяхъ и книгахъ, какъ напр.: „Городъ Острогожскъ“, „Воронежскіе акты“, „Акты бывшаго города Орлова“ и проч.; многое помѣщено въ памятныхъ книжкахъ, изданныхъ Воронежскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ; многими статьями воспользовались разные писатели для своихъ трудовъ изъ области духовной, экономической, историко-статистической, этнографической, и т. д. Но, за всеѣмъ тѣмъ, много еще остается матеріаловъ, такъ сказать, „скрытыхъ въ „губернскихъ вѣдомостяхъ“ и недоступныхъ для жизни и науки“.

Поэтому слѣдовало бы все статьи, имѣющія интересъ въ историко-статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, не вошедшія до сихъ поръ въ отдѣльныя изданія, *перепечатывать*, съ необходимыми разумѣется, сокращеніями, въ особые сборники, что можно дѣлать постепенно, по частямъ, не производя для этого вдругъ большихъ затратъ. Кроме того, можно пользоваться для той-же цѣли памятными книжками и другими мѣстными періодическими изданіями.

Мысль о сборникахъ изъ статей „губернскихъ вѣдомостей“ заявлена была столичною прессою болѣе 25-ти лѣтъ тому назадъ, но мысль эта, къ сожалѣнію, не получила должнаго осуществленія.

Изданіе такихъ сборниковъ представляется необходимымъ и въ виду трудности *сохраненія въ цѣлости* „губернскихъ вѣдомостей“.

Полное собраніе „губернскихъ и областныхъ вѣдомостей“ существуетъ, будто-бы, въ С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ; у насъ, въ Воронежѣ, мѣстныя „губернскія вѣдомости“, собранныя за все годы, за

исключеніемъ 1849-го, хранятся въ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ; затѣмъ едва-ли гдѣ еще можно найти наши „вѣдомости“ за всѣ годы. Но и тотъ экземпляръ „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, который хранится въ Статист. Комитетѣ, нельзя назвать полнымъ: не говоря уже о потерѣ „вѣдомостей“ за цѣлый 1849 годъ, мы, во многихъ случаяхъ, находили вырванными №№ „губ. вѣдомостей“, съ болѣе интересными статьями....

Такое варварское обращеніе съ произведеніями печати, даже особенно рѣдкими и цѣнными, у насъ вошло какъ-бы въ обычай и не всѣми считается постыднымъ...

„Губернскія вѣдомости“, представляя цѣнный матеріалъ для сборниковъ, могутъ служить богатымъ источникомъ и для составленія *лѣтописи мѣстныхъ событій*; въ этомъ отношеніи оказываются одинаково важными *обѣ части* „губернскихъ вѣдомостей“, т. е. официальная и неофициальная.

Для „Воронежской Лѣтописи“ за десять лѣтъ, съ 1873 по 1883 годъ, нами извлечено изъ „Ворон. Губ. Вѣдомостей“, за этотъ періодъ времени, все, что можно было извлечь необходимаго и интереснаго въ этомъ родѣ. „Лѣтопись“ эта, дополненная свѣдѣніями изъ газеты „Донъ“, а равно изъ дѣлъ и отчетовъ мѣстныхъ губернскихъ учрежденій, предназначалась для памятной книжки Воронежской губерніи, пока не рѣшенъ былъ вопросъ объ изданіи „Юбилейнаго Сборника“.

Помѣстивъ въ этотъ „Сборникъ“ (стр. 1--67) означенную „Лѣтопись“ и предпринявъ затѣмъ составленіе, для „Сборника“ же, очерка, обнимающаго исторію существованія „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ до 1870 года, мы, начиная съ 1855 года, дѣлали, изъ офиц. и неоф. частей, извлеченія тѣхъ извѣстій, которыя могутъ быть внесены въ „Лѣтопись“.

Впослѣдствіи времени надѣемся издать *отдѣльно полную „Лѣтопись“* болѣе замѣчательныхъ событій по Воронежской губерніи, въ царствованіе въ Россію почившаго Государя Императора Александра II. Съ этою именно цѣлью мы и старались извлечь изъ „губ. вѣд“, начиная съ 1855 г., все что можетъ войти въ эту подробную „Лѣтопись“.

Благодаря введенію лѣтописнаго отдѣла, трудъ нашъ принялъ большіе размѣры, хотя, въ то же время, онъ оказывается далеко не полнымъ въ основной своей части.

Не сдѣлавъ критической оцѣнки трудовъ, помѣщенныхъ въ „губернскихъ вѣдомостяхъ“ мы *не успѣли* собрать біографическія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности нѣкоторыхъ изъ болѣе замѣчательныхъ сотрудниковъ „Воронеж. Губерн. Вѣдомостей“; вопреки нашему обѣщанію (стр. 345), мы не помѣщаемъ даже оглавленія Царскихъ грамотъ и другихъ историческихъ документовъ, разновременно собранныхъ и напечатанныхъ въ „Воронеж Губерн Вѣдомостяхъ“ мѣстными изслѣдователями старины. Мы рассчитывали, въ этомъ случаѣ, на составленный и напечатанный въ 1869 г. П. А. Исаевымъ „Указатель къ неоф. части Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, но, при сличеніи „Указателя“ съ „губ. вѣд.“, оказалось, что онъ составленъ крайне небрежно и ошибочно; г. Исаевъ позволилъ себѣ даже перефразировку оглавленій документовъ и при томъ столь неудачную, что первоначальный смыслъ многихъ изъ нихъ является, въ его трудѣ искаженнымъ и съ совершенно другимъ значеніемъ, несоотвѣтствующимъ содержанію самыхъ документовъ. Понятно, что мы не могли воспользоваться подобнымъ трудомъ, какъ пособіемъ къ составленію обѣщаннаго перечня Царскихъ грамотъ и другихъ историческихъ документовъ, и не имѣли свободнаго времени для того, чтобы приступить теперь-же къ составленію означеннаго перечня по источникамъ. Считаемо при этомъ не

лишнимъ замѣтить, что, помѣщая въ нашемъ очеркѣ оглавленіе „губ. вѣд.“ по годамъ. мы также не пользовались, какъ пособіемъ, указателемъ г. Исаева и дополненіемъ къ этому указателю (1865—1869 г.), въ виду ошибокъ и пропусковъ, замѣченныхъ и въ другихъ отдѣлахъ „Указателя“.

Редакціи „губернскихъ вѣдомостей“ слѣдовало бы, хотя на будущее время, *ежегодно* составлять систематическія оглавленія „вѣдомостей“ за годъ, что не можетъ особенно затруднить, а между тѣмъ значительно облегчить работу составителямъ общихъ указателей и, въ нѣкоторой степени, замѣнить эти послѣдніе для лицъ, нуждающихся въ справкахъ.

Въ заключеніе мы должны сказать, что исторія „Ворон. Губ. Вѣд.“ неразрывно связана съ исторіею *умственной дѣятельности въ Воронежскомъ краѣ* и потому, въ біографическихъ очеркахъ редакторовъ и нѣкоторыхъ сотрудниковъ „губ. вѣд.“, а равно въ лѣтописномъ отдѣлѣ, мы старались включать, по возможности, тѣ факты и свѣдѣнія, которыя могутъ служить хотя какимъ-нибудь пособіемъ или указаніемъ при изученіи исторіи развитія умственной дѣятельности въ Воронежскомъ краѣ, по крайней мѣрѣ, за извѣстный періодъ времени. Съ цѣлю наибольшаго ознакомленія съ этимъ важнымъ, но неразработаннымъ еще предметомъ, мы, въ видѣ приложенія къ нашему труду, помѣщаемъ очеркъ жизни и трудовъ: перваго Воронежскаго историка, знаменитаго *Евгемя Болховитинова*, Митрополита Киевскаго, и нашего поэта *А. В. Колцова*. Помѣщаемъ еще и краткіе біографическіе очерки также знаменитыхъ Воронежскихъ уроженцевъ: *В. И. Костомарова* и *Н. А. Свєрцова*. Къ сожалѣнію, ни время, ни мѣсто не позволяютъ намъ привести свѣдѣнія о другихъ, принадлежащихъ Воронежскому краю дѣятеляхъ, прославившихся на поприщѣ умственной дѣятельности.

Дѣйствительный членъ Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета *М. А. Веневитиновъ* недавно помѣстилъ въ „Рус. Вѣст.“ (1886 г., № 5) статью „Изъ исторіи Воронежскаго края“; въ этой статьѣ, *М. А.*, между прочимъ, высказалъ:

„Воронежскій край однимъ изъ первыхъ вступилъ на поприще провинціальной умственной дѣятельности и далъ на этомъ поприщѣ такихъ представителей, которые составляютъ не только мѣстную гордость, но дѣлаютъ честь и всему Русскому народу. Мы назовемъ здѣсь имена историковъ: *Евгенія Волховитинова*, недавно умершаго *Н. И. Костомарова*, поэтовъ *А. В. Кольцова* и *И. С. Никитина*. Воронежскому краю принадлежатъ уроженцы его: извѣстный авторъ *Россійскихъ Древностей Г. П. Успенскій*, этнографъ *А. Н. Аванесовъ*, естествоиспытатель *Н. А. Сызрцовъ*, основатель знаменитой въ Москвѣ бібліотеки *А. Д. Чертковъ* и профессора университетовъ: С.-Петербургскаго — *А. И. Никитенко* и *М. И. Сухомлиновъ* и Московскаго — *И. К. Бабстъ*, и извѣстный путешественникъ *П. М. Савосьяновъ*.

Переходя затѣмъ къ тѣсной области изящной словесности, мы опять встрѣчаемся съ нѣсколькими заслужившими почтенную извѣстность именами. Изъ писателей первое по времени мѣсто принадлежитъ поэту, въ началѣ нынѣшняго столѣтія пользовавшемуся значительною извѣстностью, благодаря своимъ посланіямъ къ Карамзину и *И. И. Дмитріеву* и своимъ сатирическимъ пародіямъ на Ломоносова и Державина.

Поэтъ этотъ, нынѣ забытый, былъ помѣщикъ Воронежскаго уѣзда и одинъ изъ немногихъ флигель-адъютантовъ Александра I, *Сергей Никифоровичъ Маринъ* (родился 1775 † 1813). Затѣмъ упомянемъ о равно умершемъ, но подававшемъ большія надежды писателѣ *Дмитріи Владиміровичъ Веневитиновѣ* (родился 1805 † 1827), одномъ изъ представителей мѣстнаго, весьма

стариннаго помѣщичьяго рода.³⁹⁾ Въ концѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка, молодой, даровитый помѣщикъ Острогожскаго уѣзда, *Николай Владиміровичъ Станкевичъ* вернулся на родину по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, собралъ вокругъ себя нѣсколько просвѣщенныхъ и талантливыхъ любителей словесности, между которыми были *А. В. Кольцовъ* и его пріятель *Сербранскій*.

Литературные интересы этого кружка завлекли и другихъ молодыхъ Воронежцевъ, и преименно занимали ихъ до эпохи пятидесятыхъ годовъ, когда мѣстное образованное общество обогатилось еще преподавателями и воспитанниками Воронежскаго Михайловскаго кадетскаго корпуса.⁴⁰⁾

Нѣкоторые изъ воспитанниковъ этого Корпуса получили впослѣдствіи извѣстность въ области русской науки и словесности. Таковы, на примѣръ, *Н. П. Барсуковъ*, авторъ біографіи П. М. Строева, посвятившій свои силы сочиненію объ источникахъ русской агіографіи и другимъ трудамъ, и *Ө. Н. Бергъ*, извѣстный писатель.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Воронежскій край вступилъ ранѣе другихъ провинцій на поприще провинціальной умственной дѣятельности и далъ на этомъ

³⁹⁾ Родъ Веневитиновыхъ, въ которому принадлежитъ и авторъ цитруемой статьи, происходитъ отъ выходцевъ изъ города Венева, повидному, давно поселившихся въ Воронежской губерніи въ числѣ служилыхъ людей, получавшихъ въ ХУП вѣкѣ помѣстья въ за-Однѣхъ городахъ, т. е. въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній: Тульской, Орловской, Курской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской. Этимологія фамиліи Веневитиновыхъ таже, что и многихъ дворянскихъ и купеческихъ семействъ, по нынѣ существующихъ въ Воронежской губерніи, и имена которыхъ указываютъ на ихъ коренное происхождение изъ городовъ средней Россіи, откуда они переселились на югъ. Таковы, на примѣръ: Болховитниковы (изъ Болхова), Масалитиновы (изъ Масальска), Тверятиновы (изъ Твери), Тулиновы (изъ Тулы), Переславцевы (изъ Переславля) и т. д. („Истор. Вѣст.“, Авг. 1884 г.)

⁴⁰⁾ Въ біографіяхъ Второва, Никитина и Де-Пуле заключаются обстоятельныя свѣдѣнія объ умственномъ движеніи въ Воронежѣ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ.

поприщѣ достойныхъ представителей, изъ всѣхъ сословій. Къ сожалѣнію, однако, имена многихъ изъ дѣателей прошлаго времени остаются пока въ неизвѣстности.

Будущему историку предстоитъ не легкая задача — прослѣдить постепенное развитіе умственной дѣятельности въ нашемъ краѣ и не только указать всѣхъ дѣателей на этомъ поприщѣ, но и опредѣлить роль и значеніе ихъ въ умственномъ движеніи.

Св. св. митрополит Кирилл

Митрополит Московский и Коломенский

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ЕВГЕНІЙ,

Митрополитъ Кіевскій и Галицкій. *)

Евфимій Волховитиновъ (мирское имя митрополита Евгения) родился въ Воронежѣ 18 декабря 1767 года. Отецъ его, священникъ Входа-Іерусалимской, иначе называемой Ильинской, церкви, умеръ, когда Евфимію было только десять лѣтъ. Осиротѣвшій мальчикъ, оставшійся послѣ смерти отца безо всякихъ средствъ къ воспитанію и образованію, былъ принятъ въ пѣвческій архіерейскій хоръ, гдѣ, вмѣстѣ съ обученіемъ пѣнію, учили дѣтей и первоначальнымъ предметамъ общаго образованія. Изъ пѣвческой школы Евфимій Волховитиновъ поступилъ въ Воронежскую семинарію въ 1778 году. При тогдашнемъ состояніи учебнаго дѣла въ духовныхъ семинаріяхъ, едва-ли можно было получить надлежащее образованіе и въ Воронежской семинаріи. Но, на счастье Волховитинова, въ то время епископомъ въ Воронежѣ былъ Тихошъ Ш. „Сей пастыръ на Воронежѣ, говоритъ Болхо-

---

*) Свѣдѣнія для настоящаго очерка извлечены изъ слѣдующихъ источниковъ: „Ученая дѣятельность Евгения Волховитинова Митрополита Кіевскаго“—статья Д. Сперанскаго въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1885 годъ (въ трехъ книгахъ); „Биографія Евгения Митрополита Кіевскаго 1835 года“—въ Словарѣ Русскихъ свѣтскихъ писателей, соч. Митрополита Евгения, и статья А. Данскаго въ „Воронежскомъ Литературномъ Сборникѣ“, 1861 года.

вѣтнновъ, былъ первый изъ ученыхъ; ибо прежде его бывшіе воронежскіе преосвященные были изъ неучившихся въ школахъ, кромѣ развѣ преосвященнаго Веніаміна, который, сказавъ нѣсколько обучался латинскому языку въ волошскихъ училищахъ. Тихонъ III получилъ образованіе въ Московской Славяно-Греко-Латинской академіи, впоследствии преподавалъ въ ней философію и былъ ея-префектомъ. Этотъ образованный архипастыръ отечески заботился о Воронежской семинаріи. Въ 1778 году онъ открылъ въ семинаріи богословскій и философскій классы. такъ что въ годъ вступленія Евфімія Волховитинова въ семинарію тамъ были слѣдующіе классы: „богословскій“, „философскій“, „реторическій“, „синтаксическій“, „каллиграфическій“ или „архитектурный“. Сверхъ того, преподавались языки французскій и нѣмецкій. Распространяя кругъ семинарскихъ наукъ, Тихонъ заботился также о введеніи въ употребленіе новыхъ руководствъ по разнымъ наукамъ, стараясь увеличить составъ семинарской библиотеки и т. п. Въ эту счастливую пору Воронежской семинаріи Евфімій Волховитиновъ поступилъ прямо во второй классъ, „синтаксическій“, гдѣ обучался грамматикѣ, арифметикѣ, исторіи и географіи. Въ этомъ классѣ онъ пребылъ четыре года. Въ 1782 году Волховитиновъ перешелъ въ „реторическій“ классъ и здѣсь изучалъ новію и реторику. Въ числѣ 34 учениковъ этого класса отмѣченъ въ спискахъ: „отличныхъ дарованій и прилежанія“. Въ 1784 году Волховитиновъ поступилъ въ „философскій“ классъ и здѣсь отмѣченъ въ спискахъ „понятевъ“. Прислушавъ половину философскаго курса, даровитый Волховитиновъ, во время каникулъ 1785 года, подалъ преосвященному Тихону прошеніе „объ увольненіи его въ московскія училища для окончанія ученія своего“. Преосвященный на это прошеніе изъявилъ свое согласіе, причемъ предложилъ Волховитинову принскать себѣ товарища, какому и пожелалъ быть студентъ философій Боголюбовъ. 10 сентября 1785 года воронежскіе семинаристы отравились въ Москву.

По приѣздѣ сюда, они явились къ митрополиту Платону, въ то время протектору Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, съ письмомъ отъ преосвященнаго Тихона. Воронежскій епископъ писалъ протектору Академіи: „Высокопреосвященнѣйшій владыко! Милостивый отецъ и благодѣтель мой, — Представшіе съ симъ предъ священнѣйшую особу вашу два мальчика имѣютъ нужду обучаться въ Московской Академіи философіи и богословію, а паче греческому языку, въ надѣяніи ихъ и моемъ: ихъ — заступить мѣста учительскія, а моемъ — видѣть достойныхъ учителей въ Воронежской семинаріи. Благоволите, милостивый отецъ, дозволить причислить ихъ къ юношамъ, пользующимся вашего высокопреосвященства покровительствомъ... При семъ же должно пожелать я изъяснить предъ вашимъ высокопреосвященствомъ, что содержаніе пристойное сіи семинаристы отъ меня черезъ все время пребыванія ихъ въ Академіи имѣть будутъ“. Оба „мальчика“ были приняты въ Московскую Академію. Предусмотрительный преосвященный Тихонъ озаботился и о прискаваніи молодымъ людямъ руководителя въ ихъ новой жизни. Онъ поручилъ ихъ вниманію и покровительству Н. Н. Баттышъ-Камевскаго. Этотъ ученый знатокъ древностей русскихъ принималъ дѣятельное участіе въ молодыхъ воронежскихъ студентахъ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ его писемъ къ Тихону Ш.

Поступивъ въ Московскую Академію, Евфимій Волховитиновъ прошелъ въ ней полнѣйшій курсъ философскій и богословскій, и сверхъ того обучался языкамъ греческому и французскому.

Въ очастливую пору для Московской Академіи пришлось Волховитинову учиться въ ней. То было время ея процвѣтанія подъ покровительствомъ митрополита Платона.

Волховитиновъ имѣлъ возможность, во время своего пребыванія въ Академіи, приобрести лучшее по тому времени богословское образованіе и изучить хорошо классическіе языки. Не наука Духовной Академіи не вполне удовлетворила любознательнаго и

даровитаго студента. Московская Академія, несмотря на свою славу при митрополитѣ Платонѣ, на свои выдающіеся особенности въ образовательномъ отношеніи, имѣла много недостатковъ, которые были общи духовнымъ школамъ восемнадцатаго вѣка.

Новый Московскій Университетъ, по части философіи, а также и реторикѣ, стоялъ значительно выше старой Академіи. Платонъ хорошо сознавалъ и это. Употребляя всевозможныя кѣры для поднатія образовательнаго дѣла въ Духовной Академіи, онъ позволялъ въ то же время желающимъ студентамъ ея посѣщать лекціи университета. Евфимій Болховитиновъ воспользовался этимъ позволеніемъ и, вѣроятно, вскорѣ по поступленіи въ Академію, записался слушателемъ и въ Московскій Университетъ. Здѣсь онъ слушалъ лекціи только иностранныхъ профессоровъ: Шадева—по всеобщей нравственной философіи и политикѣ, Роста—по опытной физикѣ, Бодуэна—по французскому краснорѣчію, Гейма—по нѣмецкому языку.

Слушаніе лекцій въ Московскомъ Университетѣ, безъ сомнѣнія, имѣло весьма сильное вліяніе на расширеніе умственнаго круга зора Евфимія Болховитинова, и сверхъ того дало ему случай и познакомиться близко съ Новиковскимъ обществомъ, пресвѣтительная дѣятельность котораго принимала къ университету.

Около Новикова и подъ его руководствомъ многіе учащіеся молодые люди занимались, между прочимъ, переводами различныхъ книгъ съ иностранныхъ языковъ, которые потомъ и печатались „Компаніей Типографической“. Умный и живой Болховитиновъ не могъ не поддаться вліянію Новиковскаго общества, и вотъ мы видимъ, что первый студенческій трудъ его, *Критическое описаніе жизни древнихъ философовъ съ присовокупленіемъ отборнѣйшихъ изъ мнѣній, системъ и прѣлоученій, сочиненное Фенлономъ, архіепископомъ Камбрійскимъ*, свѣдѣтъ съ именемъ „Компаніи Типографической“.

Знакомство съ Новиковскимъ кружкомъ, выходящее со стороны Волховитинова цѣлымъ рядъ литературныхъ опытовъ, могло также возбуждать и развѣщать въ немъ и симпатіи къ занятиямъ исторіей. Не безъ вліянія въ этомъ отношеніи, вѣроятно, остались и его близкія отношенія къ Н. Н. Бавтищъ-Камевскому, отому знатоку и любителю русской старины. Словомъ, и пробудившейся въ обществахъ и литературѣ интересъ къ историческимъ изысканіямъ, и личныя связи и отношенія Волховитинова, уже въ годы студенчества въ Москвѣ, склоняли его къ занятиямъ русскою исторіей, влекли его на тотъ путь, который впоследствии привелъ его въ ряды первыхъ двигателей русской исторической науки.

Въ декабрѣ 1788 года Волховитиновъ возвратился въ Воронежъ, а 9 января 1789 года былъ утвержденъ учителемъ Воронежской Семинаріи. Первыми предметами его преподаванія были: риторика и французскій языкъ. Воронежская Семинарія, при поступленіи Волховитинова на должность учителя въ ней, была въ крайне разстроенномъ состояніи: по многимъ предметамъ не было наставниковъ, а нѣкоторые предметы совсѣмъ не преподавались. Молодой Волховитиновъ поставилъ себѣ задачей пополнить пробѣлы въ семинарскомъ курсѣ и расширить его предѣлы. Онъ съ перваго же года своей службы сталъ преподавать въ „реторическомъ“ классѣ, въ видѣ самостоятельнаго предмета, греческія и римскія древности, а впоследствии ввелъ въ семинарскій курсъ преподаваніе священной герменевтики, церковной исторіи и новогреческаго языка, и на первый разъ самъ преподавалъ эти предметы. За неизмѣнимъ учителя философіи, онъ преподавалъ и эту науку. Определенный префектомъ семинаріи, а потомъ исправляя въ продолженіе пяти лѣтъ должность ректора, онъ преподавалъ догматическое и нравственное богословіе. Кроме того, три года онъ былъ бібліотекаремъ семинаріи.

По всемъ предметамъ своего преподаванія Волховитиновъ составлялъ записки и руководства для своихъ учениковъ, возбуждая

старшихъ изъ нихъ въ такія научныя работы, которыя прямо и относились къ школьнымъ занятіямъ, а требовали особеннаго труда и знанія. Такъ, по его указанію и подъ его руководствомъ, старшіе ученики переводили съ французскаго языка нѣкоторыя, значительныя по времени сочиненія, напр.: *философскія размышленія о происхожденіи языковъ и знаменованіи словъ* Мопертюи, *Вольтеровы заблужденія, обнаруженныя аббатомъ Пютономъ* и др.

Поднявъ высоко образовательное дѣло въ Воронежской Семинаріи своимъ преподаваніемъ многихъ предметовъ, Болховитиновъ, ободряемый просвѣщеннымъ епископомъ Воронежскимъ Иннокентіемъ, еще болѣе вліялъ на ея благоустройство въ званіи бібліотекаря, а потомъ префекта и исправляющаго должность ректора. Поставленный по главѣ управленія Семинаріей почти съ самаго начала своей службы въ ней, онъ такъ устроилъ ее и во всѣхъ отношеніяхъ, что она стала одною изъ лучшихъ школъ того времени.

Исправляя различныя должности по Семинаріи съ рѣдкимъ усердіемъ и ревностью, Болховитиновъ не велъ замкнутой жизни, вдали отъ образованнаго общества Воронежа. Человѣкъ съ широкимъ литературнымъ образованіемъ, съ характеромъ живымъ и энергичнымъ, онъ не могъ оставаться въ кругу ограниченныя интересовъ семинарской службы. Первый среди наставниковъ Семинаріи, Болховитиновъ сразу выдвигается и въ обществѣ образованныхъ людей Воронежа. Высоко цѣнимый просвѣщенный Иннокентіемъ, онъ обращаетъ на себя вниманіе мѣстнаго Губернатора Солицова, котораго называетъ „любителемъ и ободрителемъ наукъ“, и потомъ сближается съ нимъ. Онъ знакомится съ графомъ Д. П. Бутурлинымъ и даетъ уроки его старшему сыну; начинаетъ дружбу съ П. И. Литке, адъютантомъ князя Рѣпина, который потомъ имѣлъ важное вліяніе на перемѣну его жизни. Въ особенно близкія и дружественныя отношенія Болхо-

вителиновъ входятъ съ совѣтникомъ мѣстной гражданской палаты В. И. Македонцемъ, который, по его собственнымъ словамъ, „руководилъ его въ молодыхъ лѣтахъ и помогъ ему узнать свѣтъ“.

Кромѣ этихъ связей съ представителями Воронежскаго общества, Волховитиновъ собираетъ около себя кружокъ и становится его душой и вдохновителемъ. Въ составъ этого кружка входили: Г. А. Петровъ, директоръ училищъ Воронежской губерніи, мѣстный врачъ И. П. Еллинскій, помѣщикъ Ив. Никит. Черенковъ, учитель Главнаго Народнаго Училища Г. П. Успенскій и другіе учителя этого училища. Кромѣ Петрова, воспитывавшагося въ училищѣ Петропавловской лютеранской церкви, и помѣщика Черенкова, всѣ участники кружка были лица духовнаго званія, получившія образованіе въ духовныхъ школахъ. Не осталось свѣдѣній о занятіяхъ этого кружка и его направленіи, но можно думать, что Волховитиновъ, питавшій такія симпатіи къ новому литературному направленію конца прошлаго вѣка, вносилъ эти симпатіи и въ свой кружокъ. Литературныя произведенія и отечественныя, и иностранныя, въ духѣ новаго направленія, прежде всего обращали на себя вниманіе членовъ кружка и были изучаемы ими. Энциклопедисты XVIII вѣка также занимали видное мѣсто въ ихъ бібліотекахъ. Вѣроятно, обычныя занятія кружка нерѣдко были направлены и на историческіе вопросы. Волховитиновъ, по пріѣздѣ въ Воронежъ, погрузился въ историческія изысканія; Успенскій, преподавая исторію въ Главномъ Народномъ училищѣ, также занимался исторіей... Конечно, они возбуждали интересъ къ вопросамъ исторіи и въ другихъ членахъ кружка.

Распространяя въ воронежскомъ образованномъ обществѣ интересъ къ вопросамъ литературы и науки, Волховитиновъ у себя въ кабинетѣ, со всею энергіей своихъ молодыхъ силъ, отдавался литературнымъ и историческимъ занятіямъ. Знаніе учителя Осиповича вызвало съ его стороны цѣлый рядъ записокъ и руководствъ по предметамъ, которые ему приходилось преподавать.

Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ, *Всобщая церковная исторія* по Мосгейну, *Правила священнои герменевтики* по Рамбау требовали, конечно, отъ составителя большаго труда и многоу знанія. На ряду съ составленіемъ записокъ по предметамъ семинарскаго курса, Болховитиновъ въ первые годы своей моровежской жизни трудился надъ переводами съ французскаго. Уже одно изъ руководствъ для учениковъ было переводомъ съ французскаго сочиненія. Въ 1793 году Болховитиновъ сдѣлалъ переводъ *Поэмы опыта о чловѣкѣ* и готовилъ его къ печати. Но не такъ скоро эта философская поэма англійскаго стихотворца увидѣла свѣтъ въ переводѣ Болховитинова. Только въ 1806 году напечатана была она подѣ заглавіемъ: *Опытъ о чловѣкѣ, соч. г. Попе, перев. прозой съ присовокупленіемъ отъ переводчика историческаго и философскаго предисловія къ сей поэмы и примѣчаній*. Гораздо ранѣе вышелъ въ свѣтъ переводъ обширной книги аббата Нонота *О заблужденіяхъ Вольтера*. Это сочиненіе Болховитиновъ перевелъ при участіи своихъ учениковъ и издалъ подѣ заглавіемъ *Вольтеровы заблужденія обнаруженныя аббатомъ Нонотомъ*. Кромѣ указанныхъ переводовъ, Болховитиновъ сдѣлалъ и „многіе другіе“, но они остались незамѣченными“.

Переводы съ французскаго, которые по происхожденію своему были болѣе или менѣе случайны, составленіе записокъ и руководствъ по предметамъ семинарскаго курса, за которой брали Болховитиновъ по обязанностямъ службы, стояли далеко не въ первомъ мѣстѣ въ ряду его кабинетныхъ занятій. Все вниманіе Болховитинова, съ первыхъ-же лѣтъ его пребыванія въ Воронежѣ, было обращено на отечественную исторію. Воспитавъ въ себѣ склонность къ занятіямъ исторіей еще въ годы студенчества, Болховитиновъ, съ теченіемъ времени, пыталъ все болѣе и болѣе углубившійся интересъ къ строго-научнымъ историческимъ изысканіямъ. И имъ виднѣтъ, что вскорѣ по приѣздѣ изъ Воронежѣ

Волховитиновъ началъ писать *Россійскую исторію*. Въ началѣ сентября 1792 года она уже готова была вчертъ, и Волховитинову казалось, что остается пересмотрѣть ее и потомъ отправить въ печать. Но въ конду сентября онъ увидѣлъ, что многого не достаетъ его труду, а отдѣлать и исправить времени окончательно не было. Отказавшись отъ широкихъ плановъ написать полную русскую исторію, Волховитиновъ задался другою задачею, болѣе скромною, но болѣе полевною и выполнимою по времени. Онъ обратился къ изученію тѣхъ историческихъ памятниковъ, которые цѣпляли въ его родномъ Воронежѣ; сталъ прислушиваться къ тѣмъ преданіямъ о старинѣ, которыя еще ходили здѣсь.

Немного болѣе десяти лѣтъ прошло со времени кончины святителя Воронежскаго Тихона. Память о немъ была еще очень свѣжа среди жителей Воронежа. Много ходило разсказовъ о его святой жизни, и бѣлись даже записки о ней свидѣтелей-очевидцевъ. Свѣтлая личность святителя привлекла къ себѣ вниманіе Волховитинова, и вотъ онъ въ 1796 году, на основаніи мѣстныхъ преданій и записокъ свидѣтелей-очевидцевъ, составилъ *Полное описаніе жизни Тихона*. Къ этому описанію онъ присоединилъ нѣсколько историческихъ свѣдѣній о Новгородской и Воронежской іерархіи, а также *Описаніе вѣсѣхъ сочиненій Тихона*. Нѣсколько ранѣе, въ 1794 году, Волховитиновъ составилъ *Надгробное слово* преосвященному Иннокентію, которое также изображаетъ жизнь покойнаго въ чертахъ сильныхъ и характерныхъ. При напечатаніи этого *Слова* Волховитиновъ приложилъ къ нему списокъ вѣсѣхъ Воронежскихъ преосвященныхъ. Въ 1799 году Волховитиновъ издалъ въ Воронежѣ *Избранныя сочиненія* преосвященнаго Иннокентія и къ этому изданію присоединилъ описаніе его жизни и кончины.

Но эти частныя и необширныя историческія работы Волховитинова были только приготовленіемъ къ болѣе полному и об-

стоятельному труду его по мѣстной исторіи. На основаніи розысканій въ воронежскихъ архивахъ и мѣстныхъ предавіи Болховитиновъ составилъ въ 1799 году свой *первый обширный историческій трудъ: Историческое, географическое и знаменательное описаніе Воронежской губерніи*, собранное изъ исторіи, архивскихъ записокъ, и сказаній В. с. н. п. (то-есть Воронежской семинаріи префектомъ, павловскимъ протоіереемъ) Е. Болховитиновымъ. Послано Императору Павлу. Воронежъ. Въ губ. правл. 1800 г. Въ 4 д. л. Часть этого труда *Историческое описаніе Воронежской губерніи* напечатана въ 1 части *Географическаго Словаря* (стр. 1083—1149), изданнаго въ Москвѣ съ 1801 по 1809 годъ. Въ другихъ частяхъ *Словаря* размѣщено остальное содержаніе *Историческаго описанія* по разнымъ азбучнымъ статьямъ. Въ этомъ же *Словарѣ* помѣщены были еще *многія* статьи Болховитинова изъ древней россійской географіи. Изъ историческаго описанія *Воронежской губерніи* Болховитинова дѣлали заимствованія всѣ позднѣйшіе труженники по мѣстной исторіи и статистикѣ.

Къ концу своего пребыванія въ Воронежѣ Болховитиновъ кромѣ указанныхъ выше историческихъ работъ по мѣстной исторіи, составлялъ два археологическія сочиненія которыя были его первыми печатными опытами въ области археологіи, именно: *Разсужденіе о древнемъ христіанскомъ богослужебномъ пѣніи и особенно пѣніи Россійской церкви съ примѣчаніями на оное* и *Разсужденіе о томъ что алтарныя украшенія нашей Россійской церкви сходны съ древними восточными*. Воронежъ, 1800 годъ, въ 4 д. л.

Наконецъ, наступила рѣшительная порожня въ судьбѣ Болховитинова, имѣвшая глубокое вліяніе на ходъ и направленіе всей его жизни и ученой дѣятельности. Еще въ 1793 году Болховитиновъ вступилъ въ законный бракъ съ дѣвицей,

Тамбовскаго намѣстничества, города Липецка, дочерью купца Антона Филипова Расторгуева, Анною Антоновною. — Тогдашній Воронежскій Губернаторъ, Генералъ-Маіоръ Осипъ Ивановичъ Хорватъ, увидѣвшись съ г. Македонцемъ, зная его дружбу съ Болховитиновимъ, въ видѣ упрека, замѣтилъ ему: „какъ ты допустилъ своему пріятелю жевиться? Ты отнял у Церкви великаго Пастыря!“ Но дѣло кончено. Еафимій Алексѣевичъ былъ рукоположенъ во священника, а 25 марта 1796 г. въ протоіерея г. Павловска, съ оставленіемъ при Семинаріи въ прежнихъ должностяхъ и, съ тѣхъ поръ, опредѣленъ присутствующимъ въ Воронежской Консисторіи, имѣя постоянное жительство въ г. Воронежѣ, въ собственномъ домѣ, близъ Ильинской церкви. Отъ этого брака онъ имѣлъ трехъ дѣтей, которыя умерли; въ 1799 г. скончалась и супруга его Анна Антоновна. Гдѣ погребены два сына его: Адрианъ и Николой неизвѣстно; а жена его и дочь Пулхерія покоятся въ пригородней слободѣ, города Воронежа, *Чижовкѣ*, близъ самаго алтаря церкви Сошествія Св. Духа; надъ ними воздвигнутъ былъ памятникъ самимъ протоіереемъ Болховитиновимъ, съ надписьюю:

Здѣсь погребены
 Анна и Пулхерія,
 супруга и дщерь
 Волховитиновы,
 скончавшіяся
 первая на 22 году жизни
 Августа 21 дня 1799 года,
 вторая на 1 году отъ рожденія,
 Юля 9-го того же года,
 которымъ
 супругъ и отецъ,
 отъ скорби и сердца,
 съ надгробнымъ рыданіемъ
 называетъ
 вѣчную память.

Эти слова находились на западной сторонѣ намотки; съ восточной же помѣщены слѣдующіе стихи:

Покойтесь, милые, до вѣчнаго свиданья,
Болѣзней гдѣ ужъ нѣтъ, ни скорби, ни вздыханья.

Прот. Евгений Болховитиновъ.

(См. ст. г. Давскаго въ Ворон. Лит. Сбор.)

Семейное горе глубоко потрясло Болховитинова. Онъ долъ не могъ забыть своей жены.

Знакомые и друзья Болховитинова принимали живое участіе въ его положеніи. Адъютантъ князя Реннина, жившій въ воронежскомъ имѣніи его Репьевъ, П. И. Литке убѣдилъ Болховитинова переселиться въ Петербургъ и тамъ принять монашество. Послѣдній рѣшился на эту переѣзду своей жизни и сообщилъ о своемъ рѣшеніи старинному знакомому по Москвѣ Н. Н. Бантыш-Каменскому. Этотъ сочувственно отнесся къ намѣренію Болховитинова принять монашество и предложилъ ему пріѣхать въ Москву за рекомендательнымъ письмомъ къ Петербургскому архіепископу Амвросію, съ которымъ Бантыш-Каменскій издавна находилъ въ тѣсной дружбѣ. Около половины февраля Болховитиновъ отправился въ Москву. Тяжело было ему разставиться съ Воронежемъ. Изъ Москвы онъ писалъ своему другу Македонцу: „Слушно, тяжело, больно мнѣ вспоминать о Воронежѣ, но что же дѣлать“.

Получивъ отъ Бантыш-Каменскаго рекомендательное письмо къ Амвросію, Болховитиновъ отправился въ Петербургъ, куда и прибылъ 1 марта 1800 г.

Здѣсь не замедляли дать дѣло образованному и ученому пріѣзеру, пріѣхавшему изъ далекой провинціи. 3 марта Болховитиновъ былъ опредѣленъ префектомъ Александро-Невской духовной Академіи и учителемъ философіи и высшаго красновѣрія. Онъ былъ нареченъ архимандритомъ Зеленецкаго монастыря, подібраннымъ имъ именемъ Евгенія. Скоро послѣдовало и постриженіе его въ монашество.

Такъ произошла важная и рѣшительная перемена въ жизни Болховитинова, открывшая ему новое поле для широкой и многосторонней дѣятельности.

Переѣздъ изъ Воронежа въ Петербургъ ввелъ Болховитинова въ новый періодъ жизни, поставилъ его въ болѣе обширную и разнообразную сферу жизненныхъ отношеній, служебной, практической и ученой дѣятельности. Тотчасъ по пріѣздѣ въ столицу, на него возложены были многочисленныя и разнообразныя обязанности, которыя со временемъ умножались. Определенный префектомъ Академіи, онъ долженъ былъ наблюдать за „нравственною и хозяйственною ея частью“; кромѣ того, онъ преподавалъ въ Академіи философію и высшее краснорѣчіе, а впоследствии читалъ лекціи по богословію и исторіи. На немъ лежало завѣдываніе отчетностію по монастырямъ, конхъ онъ значился настоятелемъ; съ первыхъ дней своего пребыванія въ Петербургѣ онъ несъ на себѣ обязанности члена Консисторіи; съ августа 1800 года и во весь 1801 годъ онъ исправлялъ череду богослуженія и проповѣди въ Петербургѣ; сверхъ всего, онъ иногда назначался слѣдователемъ по дѣламъ монастырскимъ, а съ 1802 года состоялъ членомъ комитета Благотворительнаго Общества.

Но многочисленныя служебныя занятія не могли совѣсть отвлечь Евгенія отъ занятій наукой. Интересъ къ ученой работѣ въ немъ преобладалъ надъ всѣми другими. Поставленный въ условія крайне неблагопріятныя для ученыхъ занятій, Евгеній готовъ былъ даже оставить Петербургъ, „гдѣ и книгъ читать было некогда“. Онъ „горѣлъ желаніемъ“ найти такую обстановку себѣ, гдѣ могъ бы свободнѣе предаваться своимъ ученымъ занятіямъ. Потому и въ Петербургѣ, среди постоянныхъ занятій по службѣ, Евгеній каждую свободную минуту посвящалъ любимымъ ученымъ работамъ.

Въ первое время своего пребыванія въ Петербургѣ онъ былъ особенно скончаніемъ печатанія *Историческаго описанія*

нія Воронежской губернии. При отъездѣ его въ Петербургъ, это сочиненіе было еще въ печати въ новой воронежской (губергской) типографіи, въ устройствѣ и развитіи которой дѣятельное участіе принималъ самъ Евгений. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ Евгений писалъ своему воронежскому другу, Петрову: „Посылайте, Григорій Андреевичъ, печатаніемъ *Воронежской губернии* и присылайте ко мнѣ отпечатанные листы изъ Петербурга. Одинъ экземпляръ посылайте также къ Ваяншиъ-Каменскому, а другой — къ Пономареву, ибо я имъ по экземпляру оставилъ. Къ Каменскому пусть посылаетъ Александръ Борисовичъ Соляцовъ, (Воронежскій Губернаторъ, содѣйствовавшій Евгенію въ составленіи исторіи Воронежской губернии), при письмахъ, а къ Пономареву вы, для превозведенія листовъ ко мнѣ. Адресуйте ихъ къ Сѣмъ Филимоновичу, онъ пересылать ихъ будетъ. Онъ также можетъ доставлять и Пономареву.“ Сказавъ о быстрой распродажѣ повѣдей Иннокентія, напечатанныхъ въ Воронежѣ, Евгений пишетъ далѣе: „...Больше всѣхъ поправитъ васъ *Исторія Воронежская.* Ея также въ Москвѣ и Петербургѣ выйдетъ до 150 экземпляровъ. Вы между тѣмъ настройте Александра Борисовича, чтобъ онъ уговаривалъ преосвященнаго Арсенія разослать ее и всѣмъ Воронежской епархіи церквамъ, для того что тамъ съ исторіи Воронежской епархіи, а вмѣстѣ съ симъ прибавкою къ первой заплата денеги и за весь экземпляръ. Итакъ, вы вполгода сбудете всѣ экземпляры съ рукъ“. При всѣхъ заботахъ Евгения о скорѣйшемъ напечатаніи *Воронежской исторіи*, она вышла изъ печати только къ іюлю 1800. Воронежскій Губернаторъ Соляцовъ совѣтывалъ Евгенію поднести экземпляръ своего сочиненія Государю чрезъ Генераль-Прокурора. Представилъ свою *Воронежскую исторію* Митрополиту Аивросію, Евгеній сообщилъ ему и о совѣтѣ Соляцова. Аивросій выразилъ согласіе на поднесеніе сочиненія Государю чрезъ Прокурора. Но Прокуроръ выходилъ лучшимъ, чтобы книга была поднесена самимъ Е-

геніємъ. По этому поводу Евгений въ письмѣ къ Македонцу говорить: „Я ни за что не соглашусь (то-есть на поднесеніе книги отъ себя), дабы не быть похвальною выскочкой. Лучше выброшу изъ головы мечту воѣ. Предамся судьбѣ.“ Въ сентябрѣ слѣдующаго года состоялось поднесеніе *Воронежской исторіи* Государю. Евгений, отъ 12 сентября 1801 года, писалъ Македонцу: „Александръ Борисовичъ описаніе Воронежа Государю чрезъ Трощинскаго поднесъ и получилъ золотую табакерку съ бриллиантами тысячи полторы, а мнѣ предоставилъ по Виргиліеву припѣвать:

Mos ego versiculos feci, tulit alter honores:
Sic vos non vobis mellificatis apes, etc.

„Митрополитъ и П. В., вознегодовавъ на его поступокъ, утѣшаютъ меня, но не знаю къ чему послужить сіе утѣшенію. П. В. пенялъ даже и Трощинскому. Вотъ каковъ вашъ Александръ Борисовичъ. Хоть бы на счетъ своей табакерки прислалъ мнѣ хлѣбъ-соль, а то ничего не одѣлавъ уѣзжалъ въ Москву; да и проститься со мной неохотился“. И въ другихъ письмахъ къ Македонцу Евгений повторяетъ свои упреки Солнцову за его поступокъ съ исторіей Воронежа. Тѣмъ не менѣе *Воронежская исторія*, не принесъ Евгению матеріальныхъ выгодъ, на которыя онъ отчасти рассчитывалъ, сослужила ему болѣе существенную службу. Она сразу выставила его въ петербургскомъ мірѣ какъ человека ученаго, серьезно занимающагося изученіемъ исторіи своего отечества; вмѣстѣ съ прежними его историческими опытами она одѣлала его „замѣчательнымъ“ въ Петербургѣ, прославляла его. Эта известность въ Петербургѣ, какъ ученаго, не разъ давала поводъ столичнымъ властямъ приглашать его къ исполненію различныхъ ученыхъ порученій, какъ напр.:

Въ 1800 году іезуитскій генералъ Груберъ, пользовавшійся расположеніемъ императора Павла, предложилъ Ему, по итриганству Нана, проектъ о соединеніи Православной Русской Церкви съ ла-

тинском. Въ Петербургѣ не на шутку заговорили о соединеніи Церкви. Время было слишкомъ не безопасное для Православія. Павелъ пожелалъ имѣть отзывъ о проектѣ Грубера отъ Петербургскаго Митрополита. Митрополитъ Амвросій, вмѣсто собственнаго отвѣта, поручилъ Евгенію составить записку „о незаконности и неосновательности папской власти въ Церкви Христовой“ съ тѣмъ, чтобы потомъ представить ее по назначенію. Евгеній скоро исполнилъ возложенное на него порученіе; его *Каноническое изслѣдованіе о папской власти въ Христіанской Церкви* было приготовлено имъ въ короткій срокъ. Будучи представлено Императору Павлу, это изслѣдованіе, поколебавъ довѣріе Государя къ іезуитамъ, побудило Его отклонить все предложенія Грубера. Когда имя автора *Изслѣдованія* стало извѣстно въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ, многіе были недовольны Евгеніемъ. „Много тогда было и на меня роптаній“, писалъ Евгеній Македонцу, „но слава Богу обошлось безъ напасти“.

Исполняя неоднократныя ученые порученія начальства, Евгеній самъ по себѣ неутомимо занимался учеными трудами. Въ столицѣ подъ руками были всевозможныя научныя средства и пособія. Академическая бібліотека была довольно богата книгами; достаточно въ ней собралось было и рукописей. Эти рукописи прежде всего обратили на себя вниманіе Евгенія. Онъ тщательно пересмотрѣлъ ихъ, сдѣлалъ имъ краткія описанія, опредѣлялъ время происхожденія вторыхъ (по столѣтіямъ) а съ нѣкоторыхъ сдѣлалъ для себя списки. Результаты своихъ ученыхъ работъ Евгеній вносилъ въ учебный курсъ исторіи, которую онъ преподавалъ въ Академіи между прочими предметами.

Евгеній не ограничивался чтеніемъ лекцій по церковной исторіи, но побуждалъ своихъ слушателей къ самостоятельнымъ ученымъ работамъ въ этой области. Онъ дѣлалъ имъ темы для сочиненій по исторіи, подбиралъ источники, руководилъ ихъ советомъ и указаніемъ. Подготовленные студентами сочиненія Евгеній

исправлялъ и переѣдлывалъ. Послѣ этого студенческіе труды публично читались на годовичныхъ академическихъ актахъ, а потомъ отдавались въ печать. Такимъ образомъ, подъ руководствомъ Евгенія, были написаны слѣдующія сочиненія: *Историческое изслѣдованіе о соборахъ Россійской церкви, Разсужденіе о соборномъ дѣлѣ, бывшемъ въ Киевѣ 1157 года на острѣна Мартина, Разсужденіе о началѣ, важности и знаменованіи церковныхъ облаченій, Разсужденіе о книгѣ именуемой „Православное исповѣданіе вѣры соборныхъ и апостольскія церкви восточныхъ“, сочиненной Киевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилой, Историческое разсужденіе о чинахъ греческой церкви.* Перечисленныя изслѣдованія Евгеній называлъ своими послѣдними трудами въ Петербургѣ надъ ученическими опытами. Занятія студентовъ самостоятельными учеными работами по исторіи впервые были введены Евгеніемъ, и онъ имѣлъ полное право писать о себѣ: „До насъ въ Петербургѣ этого не бывало, а если правду митрополитъ и другіе гонорать, то де и впредь не скоро будетъ“.

Независимо отъ ученыхъ работъ, связанныхъ со званіемъ преподавателя исторіи, Евгеній въ первое время своего пребыванія въ Петербургѣ приготовилъ замѣчательное историческое сочиненіе, обратившее на себя вниманіе и за границей. Въ 1802 г. вышло изъ печати: *Историческое изображеніе Грузіи въ политическомъ, церковномъ и учебномъ ея состояніи.*

Постоянно возраставшее, при занятіяхъ Русской исторіей, знакомство съ древнерусскою письменностью убѣждало Евгенія, между прочимъ, въ неудовлетворительности русскихъ святцевъ. Еще въ Воронежѣ онъ хотѣлъ напечатать приготовленный имъ церковный календарь. Но это свое намѣреніе онъ исполнилъ только въ Петербургѣ. Въ 1803 году онъ надалъ „Церковный календарь, или полный мѣсяцесловъ, съ означеніемъ всего что въ какіе дни въ Православной Церкви совершается, съ присовокупле-

нѣмъ разныхъ статей до Россійской юрархіи касающихся, и историческаго словаря Россійскихъ государей, императоровъ, императрицъ, царей, царицъ, великихъ князей, княгинь и князей, въ память конихъ установленъ въ церкви соборныя паннихиды, и съ хвѣстословомъ сихъ паннихидъ". Мысль о составленіи полныхъ и исторически достоверныхъ свѣдѣній, не оставила Евгенія и впоследствии, многою гармонією съ общими характеромъ его послѣдующихъ ученыхъ изысканій. Въ томъ же 1803 году онъ составлялъ *Измѣдованіе объ обращеніи Олавана въ христіанскую веру*, оставшееся въ рукописи.

Указанными трудами Евгенія оканчивается длинный рядъ ихъ за кратковременное пребываніе его въ Петербургѣ.

1 января 1804 года Евгеній былъ назначенъ викаріемъ *Новгородской* епархіи. Древній Новгородъ видомъ своихъ развалинъ, своею прошлою жизнью, вызывалъ Евгенія къ историческимъ разысканіямъ съ самыхъ первыхъ дней его пребыванія въ немъ. Направляя свои изысканія на известныя уже хранилища остатковъ древней письменности и старинныхъ бумагъ, Софійскую бібліотеку и новгородскіе архивы, епархіальные и губернскіе, Евгеній внимательно слѣдилъ—не скрываются ли гдѣ въ неизвестности другіе древніе памятники и бумаги, и если гдѣ находилъ—тотчасъ же разбиралъ ихъ и все цѣнное спасалъ. Найдя архивъ архіерейскаго дома разбросаннымъ по двору, онъ приказалъ его собрать и потомъ все цѣнное въ немъ выбралъ и положилъ на храненіе. Въ Новгородѣ еще существуетъ разсказъ о первомъ осмотрѣ Евгениемъ Новгородскаго Юрьева монастыря, при чемъ ему удалось спасти отъ погребенія цѣнныя остатки древней письменности.

Начальство монастыря, узнавъ о намереніи Евгенія посѣтить обитель, озабочилось привести въ порядокъ и чистоту нѣкоторые изъ монастырскихъ погрѣшеній. Внѣ нагруженъ воемъ великимъ хлыстомъ и отправленъ съ иконою къ рѣкѣ. Пользуясь къ по-

настырю, Евгений встрѣтилъ этотъ возъ. На вопросъ его—что везетъ инокъ, послѣдній отвѣчалъ, что на возу разныя соръ и хламъ, который онъ хочетъ бросить въ рѣку. Заинтересованный Евгений вышелъ къ возу и, когда инокъ приподнялъ рогожку, увидѣлъ порванные книжки и книжные листы. Понявъ въ чемъ дѣло, Евгений велѣлъ иноку вернуться въ монастырь. Здѣсь между прочимъ Евгений сталъ перебирать спасенный имъ отъ погребенія въ рѣкѣ *хламъ* и выбралъ на первый разъ не мало кожаныхъ книгъ и тетрадей, общія въ остальномъ портысь въ другое время. Нѣкоторыя изъ отобранныхъ тетрадей послѣ оказались драгоценными остатками древности, между прочимъ, даже и XI вѣка.

Внимательныя разсказанія древнихъ письменныхъ памятниковъ привели Евгения къ важному открытію. Въ бытность въ Новгородѣ имъ найдена была замѣчательная грамота Новгородскихъ князей Мстислава Владиміровича и Всеволода Мстиславича, пожалованная Новгородскому Юрьеву монастырю. Эта грамота и послѣ многихъ открытій, сдѣланныхъ по русскимъ древностямъ, сохранила за собой свое значеніе, какъ древнѣйшая изъ русскихъ грамотъ, уцѣлѣвшихъ въ подлинникѣ. Впослѣдствіи Евгений сдѣлалъ ученый разборъ этой грамоты, который былъ замѣчательнымъ явленіемъ въ тогдашней наукѣ.

Не только письменные, но и вещественные памятники были предметомъ изслѣдованій Евгения въ Новгородѣ. Съ нѣкоторыхъ памятниковъ онъ дѣлалъ рисунки, а нѣкоторые записался въ подлинникѣ. Самымъ цѣннымъ плодомъ изученія мѣстной старины были составленные Евгениемъ въ Новгородѣ *Историческіе три разговора о древностяхъ Великаго Новгорода*.

Занимаясь изученіемъ мѣстныхъ древностей, Евгений съ первыхъ же дней своего пребыванія въ Новгородѣ принялъ дѣятельное участіе въ только-что начинавшемъ выходить тогда журналѣ *Друзь Просвѣщенія*. Изданіе этого журнала предпринято было

графомъ Д. И. Хвостовымъ, П. И. Бутузовымъ, графомъ Г. С. Салтыковымъ и Н. Н. Савдуновымъ; журналъ издавался въ Москвѣ три года (1804—1806), по 12 книжекъ въ годъ. *Другъ Просвѣщенія* былъ явленіемъ довольно замѣчательнымъ для своего времени, какъ „журналъ литературы и художеств“, въ которомъ помѣщались между прочимъ и пронаведенія Державина, и статьи о наукахъ съ приложеніемъ чертежей и рисунковъ, и важныя документы. Главный редакторъ *Друга Просвѣщенія*, графъ Д. И. Хвостовъ, лично знакомый съ Евгениемъ и знавшій его какъ человѣка ученаго, обратился къ нему съ однимъ изъ первыхъ приглашеній участвовать въ его журналѣ.

Сотрудничество въ этомъ журналѣ дало Евгению прекрасный случай и поводъ начать печатаніемъ свой замѣчательный трудъ, который потомъ, въ видѣ двухъ словарей писателей духовнаго чина и писателей свѣтскихъ, составилъ славу его имени. Такъ смотрѣлъ на значеніе *Друга Просвѣщенія* для его труда и самъ Евгений. Впоследствии онъ писалъ Хвостову: „безъ вашего журнала едва ли бы когда онъ (то-есть *Новый опытъ Исторіи Оловара о Россійскихъ Писателяхъ*) и на свѣтъ показался“. Есть основаніе утверждать, что онъ задумалъ свои словари еще въ *Воронежѣ*, въ самомъ началѣ своей ученой дѣятельности, и тогда же приступилъ къ собранію свѣдѣній о руссійскихъ писателяхъ.

Съ другой стороны, занятія исторіей русскою, начавшіяся также въ *Воронежѣ*, знакомія Евгения съ древне-русскою письменностію и съ писателями давно прошедшаго времени, возбуждали въ немъ живой интересъ и въ старинной литературѣ. Но здѣсь свѣдѣнія были несравненно скуднѣе, чѣмъ относительно недавней новой литературы. При такихъ условіяхъ, по итннѣ г. *Сперанскаго*, автора труда, изъ котораго сдѣланы извлеченія для настоящаго очерка, — еще въ *Воронежѣ* могла возникнуть у Евгения мысль собрать свѣдѣнія о русскій

писателяхъ, которуѣ онъ и сталъ мало-по-малу приводить въ дѣло. Можно думать, что этою мыслью онъ руководился, когда издавалъ сочиненія воронежскихъ епископовъ Тихона и Иннокентія съ ихъ биографіями. Эти изданія такимъ образомъ можно разсматривать, какъ первыя опыты Евгенія по собранію свѣдѣній о русскихъ писателяхъ. Но Евгеній не остановился на нихъ и продолжалъ свои собранія во все время пребыванія въ Воронежѣ. Такъ можно думать, судя по тому обстоятельству что, когда, въ 1801 году графъ Д. И. Хвостовъ обратился къ Евгенію съ просьбой прислать ему извѣстія о трудахъ просвященныхъ Гавриила, Иннокентія, Самуила, Аполлоса и Дамаскина, то Евгеній немедленно сообщилъ ему просимыя свѣдѣнія, что могло случиться только при томъ условіи, если эти свѣдѣнія у него уже были готовы. Въ Петербургѣ Евгеній имѣлъ больше возможности и средствъ собирать свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ, чѣмъ въ Воронежѣ. Многочисленныя печатныя пособія изъ разныхъ библиотекъ, постоянно расширявшееся знакомство съ духовными и свѣтскими лицами, извѣстными въ литературѣ, какъ нельзя больше благоприятствовали этому собранію. И Евгеній пользовался выгодами своего положенія и усердно отовсюду собиралъ нужныя ему свѣдѣнія по исторіи русской литературы, такъ что къ началу 1804 года у него составились „записки относительно русской литературной исторіи“, которыя онъ уже въ первыхъ числахъ къ Хвостову прямо называетъ *Словаремъ*. Правда, этотъ *Словарь* былъ пока очень не полонъ, но все же свѣдѣній въ немъ было такъ много, что Евгеній не затруднился печатать его въ *Другѣ Просвѣщенія* съ необходимыми конечно дополненіями.

Въ 24 книжкахъ журнала Евгеній напечаталъ 298 статей о русскихъ писателяхъ, изъ которыхъ послѣдняя о Кирилловѣ Иванѣ. Эти статьи болѣею частію кратки, въ страницю, много въ двѣ, не рѣдко менѣе, но и многія изъ этихъ краткихъ статей и почти всѣ большія представляютъ въ сжатомъ видѣ выводы боль-

шихъ работъ. Нѣкоторыя изъ нихъ особенно цѣнны потому, что составлены самими писателями и могутъ считаться въ числѣ автобіографій, какъ, напримѣръ, статьи о Державинѣ, Дашковой и др. Статьи о писателяхъ старинныхъ и древнихъ представляютъ собою плодъ изслѣдованій въ области древней русской письменности, какова напримѣръ, статья о Давидѣ игуменѣ. Для этихъ статей Евгений пользовался между прочимъ рукописями библиотеки Новгородской и Софійской и др. Нѣкоторыя были плодомъ изученія памятниковъ, найденныхъ въ Новгородѣ. Таковы, между прочимъ, статьи о Геннадіи, архіепископѣ Новгородскомъ, о Григоріи Самблагѣ, Давидѣ игуменѣ, Іоакимѣ, первомъ епископѣ Новгородскомъ, Іосифѣ Волоцкомъ, Кипріянѣ митрополитѣ.

Новый отзыв Евгения былъ благосклонно принятъ въ тогдашней литературѣ. Евгений по этому поводу писалъ Хвостову, который вѣроятно указывалъ ему на успѣхъ его словаря: „Напрасно вы думаете, что я льщусь хвалами петербургскихъ журналовъ. Нѣтъ, я пишу отъ досуга, а не для славы.“

Должное уваженіе оказали труду Евгения и ученые учрежденія. Московскій Университетъ въ 1805 году избралъ Евгения въ почетные члены, а Россійская Академія въ 1806 году — въ действительные.

По прекращеніи печатанія Словаря въ *Другъ Просвѣщенія*, Евгений по прежнему усердно собиралъ свѣдѣнія о писателяхъ и обдѣлывалъ ихъ въ цѣляхъ статьи. Отъ занятій Словаремъ, помимо служебныхъ обязанностей, отвлекли Евгения и другія ученые работы, предпринятныя имъ въ Новгородѣ. Евгений приступилъ и къ изданію драгоценнаго, до сихъ поръ незабываемаго сборника, *Исторіи Россійской Иерархіи*, который въ пору его изданія былъ замѣчательнѣйшимъ явленіемъ того времени.

Въ *Московскомъ мѣсяцесловѣ на 1776 годъ*, оставшемся послѣ Евгения, сохранилась его собственноручная записка, свидѣтельствующая, что онъ началъ собирать свѣдѣнія

для исторіи русской іерархіи еще въ *Воронежѣ*. Въ началѣ упомянутого мѣсяцеслова Евгениемъ написано: *Извѣстіе объ Архангельской іерархіи, выписано изъ Московскаго любопытнаго мѣсяцеслова, издавнаго Львомъ Максимовичемъ*; затѣмъ слѣдуетъ и самое извѣстіе на полудинѣ. Эта записка на случай сдѣлана Евгениемъ въ ту пору, когда онъ былъ еще Евфимомъ Волховитиновымъ, какъ онъ и подписался на мѣсяцесловѣ 1776 года. Начавъ такимъ образомъ собирать свѣдѣнія по исторіи Россійской іерархіи еще въ Воронежѣ, Евгенийъ тогда же вносилъ ихъ и въ свои сочиненія. Въ воронежскихъ ученыхъ трудахъ его данныя по исторіи іерархіи занимаютъ видное мѣсто. Такъ, въ полномъ описаніи жизни Тихона Евгенийъ присоединилъ нѣкоторые историческія свѣдѣнія касательно Новгородской и Воронежской іерархіи; а „Нагробное слово пресвященному Иннокентію“, издалъ съ присовокупленіемъ списка всѣхъ пресвященныхъ Воронежскихъ. Въ *Историческомъ описаніи Воронежской губерніи* онъ также помѣстилъ довольно обстоятельную исторію Воронежской іерархіи. Нѣкоторые изъ петербургскихъ трудовъ Евгения также заключаютъ въ себѣ данныя по исторіи іерархіи. Таковы, напримѣръ, разсужденія *О чинахъ Греко-Россійской церкви, О началѣ церковныхъ облачений, Исслѣдованіе о соборахъ Россійской церкви* и *Церковный календарь*, издаанный Евгениемъ въ 1803 году, съ присовокупленіемъ разныхъ статей, до Россійской іерархіи касающихся. Такимъ образомъ, собраніе матеріаловъ для исторіи Россійской іерархіи, начатое Евгениемъ въ Воронежѣ, продолжалось имъ и въ Петербургѣ. Рукописныя богатства Софійской-Новгородской бібліотеки, другіе памятники старины и древности, открытаго Евгениемъ въ Новгородѣ, давали ему еще большую возможность заняться собраніемъ этихъ матеріаловъ. Издавая *Слово на память Св. Никиты епископа Новгородскаго*, произнесенное при переложеніи мощей этого святителя, Евгенийъ присовокупилъ

къ нему и списокъ всѣхъ новгородскихъ архіереевъ. На, желая ускорить дѣло составленія исторіи русской іерархіи, Евгенийъ пригласилъ къ собранію свидѣній для нея молодого префекта Новгородской семинаріи, отца Амвросія Орнатскаго. Визвѣсть нинѣ Евгенийъ дѣятельно занимался выборкой свидѣній по исторіи іерархіи изъ новгородскихъ источниковъ древности и изъ бывшихъ подъ русами пособій, такъ что въ 1806 году можно было уже приступить къ изданію собраннаго матеріала. Въ половинѣ сентября 1806 года Евгенийъ писалъ Хвостову: „Теперь овлачиваетъ меня изданіе *Іерархіи*, которой корректура ко мнѣ присылается и напечатано уже шесть листовъ, а будетъ добрыхъ тома трѣ.“ Въ 1806 году вышелъ въ свѣтъ первый томъ *Исторіи Россійской Іерархіи*, посвященный отъ лица Амвросія Орнатскаго митрополиту Новгородскому Амвросію. Остальные томы изданы были уже впоследствии, во время пребыванія его въ Вологодской и Калужской каедряхъ. Равнымъ образомъ и многія другія ученныя изслѣдованія Евгения, начатныя въ Новгородѣ, были окончены имъ и изданы только въ послѣдующее время.

Въ началѣ 1808 года Евгенийъ, назначенный епископомъ Вологодскимъ, переселился въ Вологду и пробылъ тамъ до осени 1813 года. Знакомась съ историческими памятниками старинны и древности Вологодскаго края, Евгенийъ въ самой Вологдѣ и въ ближайшихъ окрестностяхъ внимательно разсматривалъ всѣ хранилища древностей, мѣстные архивы и старинныя бібліотеки. Кромя того, по разсказамъ вологодскихъ старожиловъ, къ Евгению въ его архіерейскій домъ везли со всѣхъ концовъ епархіи „цѣлые возы“ старинныхъ архивныхъ бумагъ.

Плодомъ этихъ дѣятельныхъ розысканій были обильные матеріалы для исторіи Вологодскаго края, которые Евгенийъ во время своего „осенняго сидѣнья“ и „вечернихъ работъ“ обдѣлывалъ въ отдѣльныя ученныя статьи и цѣлыя сочиненія. Такимъ образомъ, въ Вологдѣ составлена имъ исторія Вологодской епархіи,

представляющая собою два большія отдѣльныя сочиненія: 1) *Историческое свидѣніе о Вологодской епархіи и о Пермскихъ и Устюжскихъ преосвященныхъ* (числомъ 142) *архіереевъ*; 2) *Описаніе монастырей Вологодской епархіи, нынѣ находящихся и прежде бывшихъ* (числомъ 88).

Видѣвъ съ тѣмъ Евгеній составилъ специальное сочиненіе о вологодскихъ Святыхъ: *Краткое свидѣніе объ угодникахъ Божіихъ по Вологодской епархіи издревле почитаемыхъ*. Въ этомъ сочиненіи сообщены свидѣнія о 73 угодникахъ съ показаніемъ годовъ ихъ преставленія и дней памяти, и между прочимъ о такихъ, которыхъ въ прежнихъ спискахъ святыхъ не упоминалось.

Дѣятельно разрабатывая исторію мѣстной церкви, Евгеній съ особеннымъ вниманіемъ занимался въ Вологдѣ исследованіями о персской или иранской грамотѣ; занимаясь и другими научными работами, не имѣвшими отношенія къ исторіи края. Онъ разрабатывалъ историческіе запасы, собираемые имъ въ Новгородѣ, составлялъ изслѣдованія по разнымъ частнымъ вопросамъ Русской исторіи, продолжалъ свои занятія по составленію своего *Словаря писателей*, трудился надъ собраніемъ свидѣній для *Исторіи Россійской Иерархіи* и ея изданіемъ... Изъ которыхъ изъ этихъ научныхъ работъ, будучи начаты въ Вологдѣ, были продолжены и въ Калугѣ и даже Псковѣ, гдѣ Евгеній послѣдовательно занималъ архіерейскія катедры.

Въ Калугу Евгеній былъ назначенъ 19 іюля 1813 года, а переселился туда только въ началѣ сентября. По дорогѣ онъ заѣзжалъ въ Москву, и во время кратковременнаго пребыванія въ ней не пропустилъ случая одѣлать нѣкоторыя ученые справки и рѣзсканія въ ея древнихъ хранилищахъ. Три года жизни въ Калугѣ также не прошла даромъ въ научномъ отношеніи. Онъ окончилъ изданіе трудовъ прежде начатыхъ, изучалъ и разрабатывалъ собранные имъ историческіе матеріалы, приобреталъ новые;

постоянно читалъ историческія книги, новыя и иностранныя, былъ въ частыхъ сношеніяхъ съ представителями исторической науки и ученыхъ обществъ того времени, словомъ, велъ такую же жизнь ученаго, какъ и прежде, расширяя свой кругъ историческнхъ знааній постоянными чтеніемъ и изученіемъ и тѣмъ подготовляясь къ новымъ научнымъ трудамъ.

Въ то-же время Евгенийъ принималъ дѣятельное участіе въ извѣстномъ трудѣ В. С. Соликова, *Опытъ Россійской Библиографіи*, который и начать былъ по его мысли и побужденію. Въ 1813 году вышла въ свѣтъ первая часть труда Соликова, посвященная книгамъ церковной печати (1737 сочиненій), вышедшимъ съ 1489 года по 1700 годъ. Исторія книгопечатанія въ Россіи, помѣщенная въ предисловіи къ этой первой части, заглавована Соликовымъ изъ Словаря Евгенія, — изъ статьи его объ Иванѣ Федоровѣ, первомъ русскомъ типографѣ. Въ этомъ заглавленіи П. И. Кеппель въ своихъ *Матеріалахъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи* говоритъ такъ: „Евгенію обязаны мы и лучшею частью предуготовленія къ *Опыту Россійской Библиографіи*, ибо исторія книгопечатанія въ отечествѣ нашемъ Соликовымъ заимствована изъ *Новаго Опыта о Россійскихъ писателяхъ*, помѣщенного въ *Другъ Просвѣщенія*“.

Нѣтъ сомнѣнія, что Евгенийъ помогалъ Соликову при составленіи и слѣдующихъ частей *Опыта*, снабжая его матеріалами и руководя совѣтами и указаніями во все время его занятій библиографіей.

Къ научнымъ работамъ Евгенія, въ описываемый періодъ времени, должно отнести и его *Исслѣдованія о славянскомъ переводѣ Священнаго Писанія*. Исследования о переводахъ Священнаго Писанія на славянскій языкъ были необходимы для Евгенія при составленіи многихъ статей его Словаря, какъ напримѣръ, о Максимѣ Грекѣ, о Меѳодіи, о братьяхъ Лихудѣхъ и др. гдѣ приходилось касаться, между прочимъ, и вопроса о слави-

скомъ переводѣ Библии. Евгенийъ началъ заниматься изслѣдованіемъ этого вопроса въ самомъ началѣ своихъ ученыхъ работъ по составленію Словаря.

По мѣрѣ того, какъ ученая дѣятельность Евгенія развивалась, приобретаая ему славу серьезнаго ученаго и глубокаго знатока русской исторіи и словесности, различными учеными обществами и учрежденіями одно за другимъ избирали его въ свои члены. Такъ, вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ его *Новаго Опыта о русскихъ писателяхъ* въ *Другъ Просвѣщенія*, Евгенийъ избранъ былъ въ 1805 году почетнымъ членомъ Московскаго Университета, а въ 1806 году—дѣйствительнымъ членомъ Россійской Академіи. Въ 1808 году С.-Петербургская Медико-Хирургическая Академія, а въ 1810 году С.-Петербургское Общество Любителей Наукъ, Словесности и Художествъ избрали его въ свои почетные члены. Въ 1811 году онъ получилъ дипломъ на званіе Соревнователя отъ С.-Петербургской Бесѣды Любителей Русскаго Слова. Довольный признаніемъ его ученыхъ заслугъ со стороны современныхъ ученыхъ обществъ, Евгенийъ всегда принималъ живое участіе въ ихъ научныхъ занятіяхъ, сообщая имъ результаты своихъ ученыхъ работъ и содѣйствуя чѣмъ могъ ихъ полезнымъ предпріятіямъ и трудамъ.

Особенно дѣятельное участіе Евгенийъ принималъ въ трудахъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, членомъ коего онъ вступилъ въ 1811 году. Онъ переслалъ въ Общество свой *Словарь о русскихъ писателяхъ* для его исправленія и издаванія. Калайдовичъ и Каченовскій, какъ члены Общества, работали надъ Словаремъ, исправляли его и дополняли, а Каченовскій вѣдѣть съ тѣмъ поощрять изъ него нѣкоторыя статьи въ своемъ журналѣ *Вѣстникъ Европы*. Вѣдѣть со Словаремъ Евгенийъ въ 1813 г. прислалъ въ Общество нѣсколько статей своего сочиненія, именно: 1) *О личныхъ собственныхъ именахъ у Славяноруссовъ*, 2) *О разныхъ родахъ присягъ у Славяноруссовъ*, 3) *О*

древностей вологодскихъ и зырянскихъ. Такъ какъ Общество не имѣло въ это время своего изданія, то Каченовскій, желая скорѣе издать въ свѣтъ эти статьи, безъ позволенія Евгенія также помѣстилъ ихъ въ *Вѣстникъ Европы* за 1813 годъ. Въ томъ же году онъ напечаталъ въ своемъ журналѣ *Замѣтки объ уставныхъ и губныхъ грамотахъ*, присланныя Евгениемъ въ Общество вмѣстѣ съ грамотами еще въ 1812 году.

Кромѣ указанныхъ статей, изданныхъ Каченовскимъ въ его журналѣ, Евгенийъ въ промежутокъ времени между 1813 и 1815 годами дѣлалъ и другіе вклады въ Общество.

Сносился съ Балайдовичемъ по дѣлу изданія Солгеева издателя, Евгенийъ въ то же время помогалъ ему при изданіи *Русскихъ Достопамятностей*, которое было поручено Казимировичу Обществомъ. Изданіе *Русскихъ Достопамятностей* началось съ января 1812 года и къ 1 марта было уже выпущено 6 листовъ; но прерванное событіями 1812 года, оно было окончено только въ 1815 году. Въ числѣ памятныхъ документовъ, вошедшихъ въ первую часть *Русскихъ Достопамятностей*, помѣщены и нѣкоторые изъ присланныхъ въ Общество Евгениемъ, именно: *Уставная грамота царя Иоанна Васильевича данная двинскимъ міунамъ; Уставная грамота данная отъ царя Ивана Васильевича Дашнянамъ; Губная грамота данная отъ царя Ивана Васильевича Бѣлозерцамъ.*

Въ 1816 году, въ засѣданіи 2 октября, Евгенийъ, во вниманіе къ его заслугамъ Обществу Исторіи и Древностей, былъ переименованъ въ почетнаго члена его.

Въ то время какъ Евгенийъ уже сотрудничалъ въ Обществѣ, онъ былъ избранъ въ 1815 году въ члены Базанскаго Общества Любителей Отчественной Словесности при Университетѣ, предсѣдателемъ коего былъ его другъ, профессоръ Г. Н. Городчаниновъ. Въ письмѣ отъ 26 августа 1815 года, которымъ Евгенийъ благодарилъ Городчанинова за избраніе его въ члены Общества

онъ между прочимъ высказалъ взглядъ на то, чѣмъ бы должно заниматься это Общество, сообразно съ особенными условіями, въ которое оно поставлено. Сообразно съ задачами Казанскаго общества, какія Евгенийъ намѣтилъ ему, онъ дѣлалъ и свои ученые вклады въ него.

Кромѣ указанныхъ ученыхъ обществъ и учреждений, Евгенийъ былъ избранъ въ члены С.-Петербургской Духовной Академіи (въ 1814 году) и Московскаго Общества Врачебныхъ и Физическихъ Наукъ (въ 1815).

Во время своего пребыванія въ Вологдѣ и Калугѣ Евгенийъ, уже членъ разныхъ ученыхъ обществъ и учреждений, вступаетъ въ ученые сношенія съ графомъ *Н. П. Румянцевымъ* и, сближаясь съ нимъ, становится потомъ однимъ изъ главныхъ членовъ того кружка ученыхъ, который собрался около графа и работалъ подъ его покровительствомъ и при его поддержкѣ. Въ то именно время, когда Евгенийъ въ Вологдѣ, а потомъ въ Калугѣ неутомимо занимался изслѣдованіями по русской исторіи, все болѣе и болѣе расширяя кругъ предметовъ, входившихъ въ область его изысканій, Н. П. Румянцевъ начиналъ свою славную дѣятельность на поприщѣ русской историко-археологической науки.

Къ сожалѣнію, отъ перваго времени сношеній Евгенія съ Румянцевымъ сохранилось очень мало писемъ. Въ Воронежскомъ изданіи, говоритъ г. Сперанскій, мы находимъ только два письма Евгенія къ Румянцеву (одно отъ 1813 года, а другое отъ 1816 года) и три письма отъ Румянцева къ Евгению (два отъ 1813 года и одно отъ 1815 года). Но эти немногія сохранившіяся письма знакомятъ съ обстоятельствами происхожденія и изданія замѣчательнѣйшаго труда Евгенія—его изслѣдованія о *Мстиславской грамотѣ*.

Дополнительная работа Евгенія надъ примѣчаніями на грамоту продолжалась два года, и только въ 1818 году, въ *Вѣстникѣ Европы*, въ первый разъ, были напечатаны „Замѣчанія на грамоту Великаго князя Мстислава Владиміровича и сына его

Всеволода Мстиславовича удѣльнаго князя Новгородскаго, помянуvu Новгородскому Юрьеву монастырю“.

Эти „замѣчанія“ Евгенія были самыми выдающимися явленіемъ въ русской исторической наукѣ того времени, какъ первый дипломатико-палеографическій разборъ русскаго дипломатическаго акта со снимкомъ. До Евгенія совѣтъ не было въ русской исторической литературѣ понятіемъ въ этомъ родѣ.

Работая на поприщѣ русскихъ древностей въ эпоху увлекательныхъ открытій и находокъ въ этой области, Евгений и Румянцевъ постоянно сообщали другъ другу все, что ихъ интересовало, всѣ новыя открытія свои, чтенія, мысли, ожиданія, планы. Увлеченный „страстію въ русскимъ древностямъ“, Румянцевъ спѣшилъ дѣлиться своими успѣхами съ Евгениемъ, извѣщалъ его о своихъ находкахъ, задавалъ ему разные вопросы и ждалъ на нихъ отвѣта. Ни одно ученое предпріятіе графа не начиналось безъ предварительнаго сообщенія Евгению, который давалъ о немъ мнѣніе, совѣтъ и указаніе. Связанные между собою любовію къ наукѣ, Евгений и Румянцевъ постоянно мѣнялись обоюдными услугами. Румянцевъ сообщалъ Евгению новыя матеріалы, книги, разыскивалъ для него необходимыя рукописи, выписывалъ рѣдкія книги, снабжалъ Евгенія нѣмецкими и французскими журналами. Дѣлился съ нимъ своею ученою перепискою и т. п. Евгений, въ свою очередь, былъ постояннымъ корреспондентомъ Румянцеву, извѣщалъ его о своихъ новыхъ открытіяхъ и розысканіяхъ по части древностей, сообщалъ ему свои ученныя мнѣнія и сужденія о тѣхъ или другихъ предметахъ. Взаимное уваженіе и чувства преданности Румянцева и Евгенія выражались не обоюдными услугами только, но часто и горячими завѣреніями. Со времени сближенія съ Румянцевымъ и его кружкомъ собственная ученая дѣятельность Евгенія тѣсно связывается съ дѣятельностью Румянцевомъ и членомъ его кружка, и въ этой связи продолжается до самой смерти Румянцева (1828 года), когда кружокъ ученыхъ, собра-

шился около послѣдняго, сталъ разстраниваться и падать. Эта связь съ особенною силою и быстротою стала развиваться въ бытность Евгенія во Псковѣ.

Весной 1816 года Евгеній переехалъ во Псковъ, какъ архіепископъ Пскова и всей Лифляндіи и Курляндіи. Здѣсь открывалось предъ нимъ новое поле для историческихъ изслѣдованій. Начавъ свои изысканія по лѣтней исторіи съ первыхъ же дней пребыванія во Псковѣ, Евгеній приступилъ къ составленію своего обширнаго труда, *Исторіи княжества Псковскаго*. Оконченная вчернѣ въ концѣ 1818 года *Исторія княжества Псковскаго* была издана въ свѣтъ только спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ того, въ 1831 году, въ бытность Евгенія Киевскимъ Митрополитомъ. Въ этотъ длинный промежутокъ времени Евгеній постепенно исправлялъ свой трудъ и дополнялъ его новыми свѣдѣніями, которыя онъ добывалъ во время своихъ новыхъ разысканій или же находилъ въ тѣхъ новыхъ матеріалахъ и пособіяхъ, коими его снабжалъ Румянцевъ.

Исторія княжества Псковскаго вышла въ свѣтъ четырьмя книжками, изъ которыхъ каждая заключала въ себѣ отдѣльную часть сочиненія. Первая изъ четырехъ частей посвящена „общей исторіи о Псковскомъ княжествѣ и частной о городѣ Псковѣ“; вторая—извѣстіямъ „о Псковскихъ князьяхъ, намѣстникахъ, посадникахъ, тысяцкихъ и новѣйшихъ губернскихъ начальникахъ“; третья—„исторіи Псковской церковной іерархіи“, четвертая—„сокращенной Псковской лѣтописи о всѣхъ подробныхъ происшествіяхъ, коихъ свѣдѣнія дошли до насъ и кои не могли войти въ предыдущія части“. Трудъ Евгенія по исторіи Пскова, плодъ работъ и усилій многолѣтнихъ, и до сихъ поръ сохраняетъ свои научныя достоинства и цѣну, являясь лучшимъ фактическимъ изложеніемъ судебъ Пскова.

Вмѣстѣ съ изученіемъ общей исторіи Псковскаго края Евгеній занимался отдѣльно изученіемъ древностей города Изборска

и его исторіи. Гораздо ранѣе изданія *Исторіи княжества Псковскаго*, въ 1825 году, въ *Отечественныхъ запискахъ* Евгенийъ помѣстилъ это изслѣдованіе подъ заглавіемъ *Лѣтопись древняго славянорусскаго княжества города Изборска*. Эта „Лѣтопись“ заслуживаетъ особеннаго вниманія по множеству археологическихъ данныхъ, которыя были плодомъ личныхъ разсказаній Евгениа на мѣстѣ.

Кромѣ ученыхъ трудовъ, относившихся прямо къ краю, въ которомъ онъ жилъ, Евгенийъ занимался въ Псковѣ и нѣкоторыми общими вопросами по древностямъ и старинѣ. Одинъ изъ такихъ трудовъ, *О русской церковной музыкѣ*, появился въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1821 года въ видѣ письма къ барону Розенкампфу, извѣстному изслѣдователю *Кормчей*. Это письмо было въ то время однимъ изъ первыхъ опытовъ историческаго обозрѣнія древнихъ русскихъ напѣвовъ и крюковъ. Другой трудъ — „О слѣдахъ древняго греческаго города Херсона, донныя видѣныя въ Крыму“ съ планомъ и его объясненіемъ — напечатанъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1822 года и потомъ въ *Трудахъ Общества Исторіи и Древностей*.

Въ это же время Евгенийъ съ особеннымъ вниманіемъ и усердіемъ занимался изслѣдованіемъ по вопросу о славянскихъ Коричихъ. Эти изслѣдованія первоначально необходимы были для Евгениа при составленіи нѣкоторыхъ статей его *Словаря Духовныхъ писателей*, какъ напримѣръ, о Митрополитѣ Кипріанѣ, патріархахъ Іосифѣ и Николѣ, съ просвѣтительною дѣятельностію коихъ такъ или иначе связана была и судьба *Кормчей Книги* въ Россіи. Но и послѣ того Евгенийъ дѣятельно продолжалъ свои изслѣдованія о *Кормчей*, уже независимо отъ занятій *Словаремъ духовныхъ писателей*.

Евгений, въ бытность свою въ Псковѣ, продолжалъ заниматься и прежде начатыми имъ большими учеными работами: *Исторіей Россійской іерархіи* и *Словаремъ писателей*.

19 мая 1823 года новый председатель Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, А. А. Писаревъ, вспоминалъ, что въ архивѣ Общества лежитъ *Словарь* Евгенія, обратился къ послѣднему съ просьбой дозволить Обществу его напечатать. Отвѣчая Писареву на его вызовъ и предложеніе, Евгеній писалъ ему о своемъ *Словарѣ* отъ 13 іюля 1823 года: „*Словарь* мой, въ 1813 году доставленный Обществу на поправку и дополненіе, нынѣ къ изданію почти весь уже не годится по тому списку; ибо я, видя невниманіе на него чрезъ нѣсколько лѣтъ, самъ приступилъ къ поправкѣ, дополненію и даже къ новому передѣлыванію многихъ статей; а затѣмъ, вопервыхъ, отдѣлалъ я духовныхъ писателей и издалъ уже ихъ въ 1818 году въ двухъ томахъ, потомъ съ 1820 года Н. И. Гречу началъ по хронологическому порядку сообщать статьи о свѣтскихъ писателяхъ, также почти все передѣланныя и не похожія уже на списокъ, у васъ находящійся нынѣ; еще болѣе исправить я умножить *Словарь духовныхъ писателей*, расположилъ я его вторично въ Кіевѣ напечатать и уже получилъ свой новый списокъ изъ Петербургской цензуры. Переосматривая также и статьи въ *Сынѣ Отечества*, я еще многое нашелъ требующее исправокъ и дополненій, и нѣкоторыя статьи уже у меня исправлены; но нынѣшнее новое многодѣльное и трудное мое мѣсто не даетъ мнѣ досуга даже заняться симъ дѣломъ и даже привести въ порядокъ заготовленныя уже дополненія и поправки къ прочимъ. Посмотрю, не буду ли досуженъ въ слѣдующую осень, особливо когда получу и виарія на помощь себѣ въ епархіальныхъ дѣлахъ“. Но, не принявъ предложенія Общества издать его *Словарь*, Евгеній и самъ не скоро послѣ того приступилъ къ его изданію. Только въ 1827 году вышелъ въ свѣтъ *Словарь писателей духовнаго чина* въ новомъ исправленномъ видѣ.

Между тѣмъ въ 1831 году къ Евгенію обратился съ предложеніемъ своихъ услугъ издать его *Словарь свѣтскихъ писа-*

телей И. М. Снегиревъ, извѣстный профессоръ Московскаго Университета. Получивъ отъ Евгенія рукопись *Словаря*, Снегиревъ принялся за его изданіе. Въ 1838 году вышелъ въ свѣтъ первый томъ его на буквы отъ А до Г съ дополненіями и измѣненіями, которыя сдѣлалъ въ немъ самъ Снегиревъ и другія лица. Первые пять листовъ этого тома были напечатаны еще при жизни Евгенія, и онъ, увидѣвъ ихъ, одобрилъ изданіе *Словаря*. Но, по выходѣ въ свѣтъ, оно встрѣтило мало поддержки въ публикѣ и должно было остановиться на первомъ томѣ. Такимъ образомъ снова *Словарь свѣтскихъ писателей* Евгенія остался подъ снудомъ, не принося никакой пользы ученымъ. Только уже М. П. Погодинъ, получивъ отъ И. М. Снегирева право на новое его изданіе, издалъ *Словарь* въ 1845 г. безо всякихъ перемѣнъ и дополненій противъ рукописей автора.

Собравъ въ своемъ трудѣ множество библиографическихъ данныхъ, облегчавшихъ работы будущимъ труженикамъ, Евгеній своими *Словарями* первый положилъ прочное основаніе изученію исторіи русской литературы. Пользуясь при составленіи ихъ рукописями многихъ знаменитыхъ библиотекъ и между прочимъ Новгородской, Евгеній въ своемъ трудѣ впервые сообщилъ множество такихъ біографическихъ и библиографическихъ свѣдѣній, которыя были до него совершенно неизвѣстны ученымъ и являлись послѣднимъ словомъ научныхъ разысканій въ области древней письменности. Только послѣ его *Словарей* стало возможнымъ появленіе первыхъ опытовъ исторіи русской словесности. Трудъ Греча былъ составленъ отчасти уже на основаніи біографій, помѣщенныхъ въ *Смыслъ Отечества*. Первая *Исторія древней русской словесности* Максимовича была не что иное какъ обработка данныхъ, содержащихся въ *Словаряхъ* Евгенія.

Несмотря на то, что съ теченіемъ времени, при болѣе внимательныхъ разысканіяхъ и болшей доступности разнородныхъ матеріаловъ, въ трудѣ Евгенія стали открываться недостатки, неполноты, невѣрности и т. п.,—что естественно въ подобныхъ

трудахъ, которне, какъ выразался Карамзинъ, всегда богаты бѣлыми листами для поправокъ,—несмотря на это *Словари* Евгения и главнымъ образомъ *Словарь духовныхъ писателей* и до сихъ поръ въ нервѣдкихъ случаяхъ остаются незамѣнными пособіями при изслѣдованіяхъ по исторіи свѣтской и главнымъ образомъ духовной литературы.

Послѣ шестилѣтняго пребыванія во Псковѣ, Евгенийъ 24 января 1822 года былъ назначенъ Кіевскимъ Митрополитомъ и 11 апрѣля этого года пріѣхалъ въ Кіевъ. Несмотря на свои лѣта (ему было въ это время около шестидесяти лѣтъ), съ энергіей и неутомимостію ранней молодости, онъ началъ свои новыя размысканія и изслѣдованія кіевскихъ древностей и старины, къ которымъ влекла его и сама древность и неизвѣстность многоаго, что достойно было не только памяти, но и благоговѣйнаго уваженія и сохраненія.

Прежде всего вниманіе его обратилъ на себя Софійскій соборъ, этотъ славный памятникъ первоначальной исторіи христіанства на Руси. Въ началѣ 1824 года Евгенийъ приступилъ къ описанію Кіевской іерархіи, которое намѣренъ былъ присоединить къ описанію Кіево-Софійскаго собора и издать вмѣстѣ съ нимъ одною книгою. Изслѣдованіе о Кіево-Софійскомъ соборѣ, описаніе кіевской іерархіи, составленныя Евгениемъ при дѣятельномъ содѣйствіи Румянцова, вышли въ 1825 году въ одной книгѣ подъ заглавіемъ: *Описаніе Кіево-Софійскаго собора и Кіевской іерархіи съ присовокупленіемъ разныхъ грамотъ и выписокъ объясняющихъ оное, также плановъ и фасадовъ Константинопольской и Софійской церкви и Ярославова надгробія*. Одновременно Евгенийъ трудился надъ историческимъ изслѣдованіемъ о Кіевопечерской Лаврѣ, которое и издалъ въ 1826 году подъ заглавіемъ: *Описаніе Кіевопечерской Лавры съ присовокупленіемъ разныхъ грамотъ и выписокъ объясняющихъ оное, также плановъ Лавры и обѣихъ пещеръ*. Въ то же время онъ занимался археологическими размысканіями и

ислѣдованіями, для коихъ Кіевъ представлялъ обширное и почти непочатое поле.

Прежде всего Евгенийъ обратилъ свое вниманіе на древнѣйшій и знаменитѣйшій изъ Кіевскихъ храмовъ, построенныхъ послѣ принятія христіанства Владиміромъ, на Десятинную церковь.

Въ январѣ 1825 года онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для присутствія въ Св. Синодѣ. Но дѣло археологическихъ разысканій на мѣстѣ Десятинной церкви не было оставлено Евгениемъ. Въ Петербургѣ онъ успѣлъ привлечь къ нему вниманіе и содѣйствіе правительства, чему способствовало то обстоятельство, что дѣло дальнѣйшихъ открытій на мѣстѣ Десятинной церкви соединялось съ постройкой новой церкви. Онъ принималъ живое и дѣятельное участіе и въ другихъ археологическихъ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ Кіевѣ въ его время, особенно съ 1832 года, когда тамъ образовалось какъ бы общество археологовъ.

При дѣятельныхъ изысканіяхъ и внимательномъ изученіи Кіевскихъ древностей и старини, Евгенийъ не оставлялъ своихъ работъ и надъ прежде начатыми имъ учеными трудами. Въ Кіевѣ онъ отдѣлывалъ окончательно по новыимъ, доставлявшимся ему Румянцевымъ, матеріаламъ *Исторію Псковскаго Вяжестова* и издалъ ее здѣсь въ 1831 году; въ Кіевѣ же онъ издалъ вторично первую часть *Исторіи Россійской іерархіи*, исправивъ и дополнивъ ее новыми свѣдѣніями; здѣсь же онъ не переставалъ трудиться надъ своими *Словарями*, собирая для нихъ новыя данныя, и издалъ въ другой разъ *Словарь духовныхъ писателей* въ 1827 году. Кромя того, во время пребыванія въ Кіевѣ, Евгенийъ продолжалъ усердно заниматься и разысканіями о славянской Коричей, пользуясь и здѣсь содѣйствіемъ Румянцева въ отысканіи разныхъ списковъ Коричей. Конечно, въ связи съ этими занятіями по каноническому праву, Евгенийъ приготовилъ въ 1824 году *Историческое обозрѣніе россійскаго законоположенія отъ древнѣйшихъ временъ до 1824 года*,

съ присовокупленіемъ свѣдѣній: 1) о старинныхъ московскихъ приказахъ, существовавшихъ до временъ Петра Великаго; 2) о старинныхъ чинахъ въ Россіи, и 3) о прежде бывшихъ въ Малороссіи присутственныхъ мѣстахъ и чинахъ“. Это историческое обозрѣніе было напечатано въ *Новомъ памятникѣ законовъ Россійской Имперіи*, изданномъ въ С.-Петербургѣ въ 1825 г. Также въ связи съ занятіями вопросомъ о Бормчей Евгений составилъ въ 1828 году статью „Свѣдѣнія о Кирихъ, предлагавшемъ вопросы Нифонту епископу Новгородскому“.

Ученый авторитетъ Евгенія былъ признаваемъ всѣми, а слава его за время пребыванія въ Кіевѣ достигла широкихъ размѣровъ. Ученныя общества и учрежденія одно за другимъ избирали его въ свои члены. Въ 1823 году онъ былъ избранъ членомъ Виленскаго университета, въ 1826 году — почетнымъ членомъ Академіи Наукъ, въ 1827 году — докторомъ философіи Дерптскаго университета, въ 1829 году — почетнымъ членомъ Петербургскаго университета, въ 1834 году — Кіевскаго университета и въ томъ-же году — членомъ Королевскаго Копенгагенскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ; въ 1835 г. — членомъ-корреспондентомъ Статистическаго Отдѣленія Совѣта Мин. Внут. Дѣлъ.

Ученая дѣятельность Митрополита Евгенія, продолжавшаяся почти полвѣка, такъ обширна и разнообразна, что, въ сжатомъ очеркѣ, нѣтъ возможности прослѣдить эту плодотворную дѣятельность въ надлежащей полнотѣ. Желающихъ ознакомиться болѣе подробно съ умною лѣтательностью Митрополита Евгенія отсылаемъ къ прекрасному труду г. Сперанскаго, благодаря которому мы имѣемъ возможность составить настоящей очеркъ.

Въ заключеніе приведемъ краткія свѣдѣнія о частной жизни Митрополита Евгенія.

Въ домашнемъ быту онъ былъ чрезвычайно простъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно регуляренъ. Никакой роскоши

въ помѣщеніи, въ пищѣ, одеждѣ и проч. онъ не допускалъ у себя, довольствуясь въ этомъ отношеніи удовлетвореніемъ только приличіямъ и существеннымъ потребностямъ. Зато онъ требовалъ отъ окружающихъ его правильнаго, своевременнаго и точнаго исполненія каждодневнаго дѣла, какое кому поручено было, давая собою примѣръ совершеннаго исполненія этого правила. День начинался у него очень рано. Выслушавъ раннюю литургію, онъ переходилъ къ занятіямъ дѣлами епархіальными, съ тою принималъ постороннихъ посѣтителей, если они случались. Съ 12 часовъ прекращались такіа занятія и приемы. Остальное время до 11 часовъ вечера принадлежало собственно ему, какъ частному человѣку. По крайней мѣрѣ отступленія отъ такого порядка бывали только по особеннымъ какимъ-нибудь случаямъ. Рѣдко выѣзжая самъ, онъ также рѣдко принималъ у себя и часы неофициальныхъ приемовъ. Даже родные, посѣщавшіе его, не гостили у него долго. Какъ человѣкъ дѣла, онъ не любилъ тратить время безъ пользы для дѣла. Однакожь, еслибы кто, судя поэтому, составилъ понятіе о немъ, какъ о человѣкѣ сухомъ и необщительномъ, то ошибся бы весьма сильно. Въ характерѣ его было много мягкости, искренности, и никакого ригоризма. Онъ способенъ былъ къ самой нелицемерной и постоянной дружбѣ и имѣлъ вездѣ добрыхъ друзей. Подобныя чувства и расположенія были въ немъ тѣмъ чище и янше, чѣмъ меньше онъ позволялъ себѣ пристрастія или какой нибудь лести. Всегда доступный, откровенный, благотворительный, справедливый, онъ пользовался общою любовью и съ своей стороны всѣмъ и каждому охотно уделялъ изъ неисчерпаемой сокровищницы своихъ свѣдѣній. На самомъ лицѣ и во всей наружности его живыми красками изображались „добродушіе и пріятливость“ (Смол. рѣчь Палицына „Сборникъ“, стр. 532 — 540.)

И позжее лѣта довольно, труждался въ дѣлахъ *лѣтописанія*, какъ преподобный Несторъ. Митрополитъ Евф-

вій скончався отъ кратковременной болѣзни внезапно, въ Киевѣ, 1837 г. февраля 23 дня.

Погребеніе покойнаго совершилось 27-го февраля, на пятый день послѣ его кончины. Уже въ восемь часовъ утра граждане Кіева начали толпами стекаться въ Софійскій Соборъ, дабы отдать послѣдній долгъ почившему Іерарху. Не только пространнй храмъ, во и обширнй дворъ наполненъ былъ народомъ. Преосвященный Інокентій, Епископъ Чигиринскій и Викарій Кіевскій, совершалъ Божественную Литургію; Профессоръ Академіи, Протоіерей и Кавалеръ, Іоаннъ Скворцовъ, произнесъ надгробное слово, въ коемъ изображены многоразличныя заслуги покойнаго Церкви, отечеству и наукамъ. По окончаніи Литургіи, пребывавшій на покоѣ въ Кіево-Печерской Лаврѣ, Преосвященный Іосифъ, бывшій Епископъ Ожоденскій, съ Преосвященнымъ Інокентіемъ и со всѣмъ духовенствомъ отправляли погребеніе, въ продолженіе котораго Инспекторъ Семинаріи, Ключарь Собора, и одинъ изъ студентовъ Кіевской Академіи, краткими рѣчами выразили общее всѣмъ чувство горести. Печальныя взоры всѣхъ невольно обращались на гробъ покойнаго, всѣ хотѣли бы еще однажды слышать собственный голосъ своего отшедшаго Пастыря. Тогда преосвященный Іосифъ, съ краткимъ предварительнымъ извѣщеніемъ, прочелъ (сокращенно) вслухъ всѣхъ умиленное завѣщаніе покойнаго, написанное имъ собственноручно. Вотъ что въ послѣдній разъ говорилъ, между прочимъ, нашъ бывшій Архипастырь и отецъ:

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь“.

„Ожидалъ часа смертнаго, и вспоминая грѣхи мои предъ Богомъ и людьми, обращаюсь, во-первыхъ, въ Спасителя моему съ теплымъ желаніемъ, да очиститъ Онъ благодатно Своєю множеству воли моихъ; и потому прошу всѣхъ, предъ каими я согрѣшилъ и кого я чѣмъ ибудь обидѣлъ и оскорблялъ, христиански простить мнѣ, и о мнѣ грѣшномъ возносить свои молитвы.

Взаимно и самъ я прощаю всѣмъ, по челоуѣчеству тѣмъ - иибудь оскорблявшимъ меня; да тако другъ другу оставая грѣхи, всѣ совокупно по благодати Христовѣ и Евангельскому обѣтованію. пріимемъ оставленіе грѣховъ отъ Отца Небеснаго⁴.

„Объ имѣніи моемъ, которое состоитъ болѣе въ книгахъ, нежели въ вещахъ или деньгахъ, завѣщаю слѣдующее: 1) Указныя книги отдать въ Консистоцію управляемой мною Епархіи. 2) Всѣ рукописныя переплетенныя книги и дипломы, данныя мнѣ отъ ученыхъ Обществъ, отдать въ Библіотеку Софійскаго Собора, а Высочайшіе Рескрипты — въ Архіерейскую ризницу, гдѣ и Рескрипты, данныя предѣстиваю мнѣ, хранятся. 3) Изъ книгъ печатныхъ, коихъ нѣтъ въ Семинаріи, отдать въ оную, а кои есть въ ней, тѣ въ библіотеку Кіево-Софійскаго Собора, для соборныхъ. 4) Всѣ ландкарты, атласы и эстампы въ академическую библіотеку. 5) Всѣ письменныя бумаги и записки непереплетенныя отдать наследникамъ моимъ.

„Грѣшное мое тѣло прошу погребсти въ Срѣтенскомъ придѣлѣ Кіево-Софійскаго Собора, за правымъ клиросомъ, въ стѣнѣ Софійскаго Собора.

„Господи Боже мой! въ тріехъ ипостасехъ неповѣдуемый! Благодарю Тя за всѣ милости, на меня недостойнаго во всю жизнь мою изличныя: оставая все земное и суетное, въ Тебѣ Единому, Вѣчному Благоу обращаюсь, и въ руки Твои предаю Духъ мой⁴.

По окончаніи погребенія, тѣло покойнаго обнесено вокругъ Софійскаго храма, между множествомъ народа, и останки многодѣятельнаго Пастыря успокоились на лонѣ общей матери-земли, въ томъ самомъ придѣлѣ Собора, который означенъ въ завѣщаніи, и на обвенденіе котораго незабвенный Іерархъ, незадолго до своей смерти, пожертвовалъ значительную сумму. Малый и тѣсный придѣлъ церковный есть теперь надгробный памятникъ тому, кто при жизни своей воскрешалъ забытую память предковъ. (Изъ Словаря свѣтскихъ писателей, изд. 1845 г.)

Въ очеркѣ жизни и трудовъ Митрополита Евгенія упоминалось между прочимъ о графѣ *Д. П. Бутурлинѣ*, бывшемъ владѣльцѣ слободы Бутурлиновки, Бобровскаго уѣзда, Воронежской губерніи.

Помимо нѣкотораго вліянія его на будущую судьбу знаменитаго ученаго Евгенія, личность графа Бутурлина сама по себѣ настолько замѣчательна, что мы сочли уместнымъ помѣстить здѣсь краткія объ немъ свѣдѣнія, заимствованныя изъ „Рус. Арх.“ за 1867 г.

Очеркъ жизни Графа Д. П. Бутурлина.

Гр. Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, какъ глубокою и разностороннею своею ученостію, такъ и библиографическими трудами, извѣстными всей Европѣ, принадлежитъ къ замѣчательнымъ лицамъ Русскаго общества въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Онъ былъ внукъ Фельдмаршала графа Александра Борисовича Бутурлина (1694—1767), получившаго графское, Россійской Имперіи, достоинство за взятіе Берлина въ семилѣтнюю войну, и сынъ графа Петра Александровича (1734—1787) отъ брака его съ гр. Марією Романовною Воронцовой (р. 1738). И Бутурлины, и Воронцовы пользовались особенною милостію Императрицы Елизаветы Петровны. Гр. Д. П. Бутурлинъ родился 14 декабря 1763 г. Восприимницею при крещеніи присутствовала Императрица Екатерина II, и при купели пожаловала младенца сержантомъ Гвардіи. Молодые супруги вскорѣ уѣхали въ Испанію, куда около 1765 г. Гр. П. А. Бутурлинъ назначенъ былъ нашимъ Посланникомъ. Гр. Дмитрій Петровичъ былъ еще ребенкомъ, когда скончалась мать его, и онъ воспитывался подъ попечительнымъ надзоромъ роднаго своего дяди-холостяка, графа Александра Романовича Воронцова (1741—1805), впоследствии Государственнаго Канцлера имперіи, славнаго своими обширными познаніями и

независимый образъ мысли. Молодой графъ Бутурлинъ вступилъ въ Петербургъ въ Кадетскій Корпусъ и, принимая въ время, неоднократно разсказывалъ, что тѣлесныхъ наказаній для кадетъ тамъ не существовало, а только арестъ за чернилы столомъ. Графъ Воронцовъ замѣнилъ ему мѣсто отца и умеръ въ рукахъ любимого имъ племянника въ своемъ имѣннѣ, Владимірска губ., Покровскаго уѣзда, селѣ Андреевскомъ.

По выпускѣ изъ Кадетскаго Корпуса, Гр. Бутурлинъ опредѣлился въ адъютанты къ кн. Потемкину; но не имѣя никакой склонности къ военной службѣ, пробылъ въ этой должности и болѣе, кажется, шести недѣль, и перешелъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ. Будучи въ отставкѣ, въ 1793 г., онъ женился и трюхрдной своей сестрѣ, граф. Аняѣ Артемьевнѣ Воронцовой (дочери Дѣйствительнаго Камергера Артемія Ивановича) и поселился въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, на берегу Яузъ. Здѣсь то онъ ревностно занимался составленіемъ знаменитой своей библіотеки, погибшей отъ пожара въ 1812 г.

Указомъ, отъ 31 мая 1803 г., онъ назначенъ былъ Чрезвычайнымъ Посланникомъ, во вновь учрежденномъ посольствѣ при Римскомъ дворѣ; къ нему опредѣленъ былъ и Совѣтникъ посольства гр. Кассини, но отправленіе не состоялось по случаю разрыва дипломатическихъ сношеній съ Римомъ. Въ 1809 г. Канцлеръ гр. Н. Н. Румянцовъ предлагалъ гр. Бутурлину, отъ имени Императора Александра Павловича, мѣсто Начальника Миссіи въ Штутгартѣ, „такъ какъ въ то время (сказано было въ письмѣ Канцлера), другаго почти не имѣлось“, но гр. Бутурлинъ отклонился отъ принятія этой должности, не желая, вѣроятно, покидать любимыхъ своихъ ученыхъ занятій. Позднѣе онъ былъ назначенъ Директоромъ Императорскаго Эрмитажа, и на этомъ мѣстѣ оставался до 1817 г., когда по разстроенному здоровью выѣхалъ за границу и окончательно поселился съ семействомъ въ Флоренціи, гдѣ купилъ себѣ Палаццо Николіни и сталъ жить

можно собирать вторую библиотечку, не менѣе замѣчательную первой. Онъ скончался во Флоренціи 7/19 ноября 1829 г., въ чинѣ тайн. совѣтника, дѣйств. камергера и сенатора, и погребенъ въ Ливорно, въ трансѣ Греческой церкви.

Гр. Дмитрій Петровичъ былъ единственный сановникъ, дослужившійся до 3 класса и неизмѣннѣй никакого кавалерскаго ордена: онъ любилъ указывать на единственный крестъ, висѣвшій на его груди и возложенный при св. купели руками Августѣйшей его крестной матери. Когда вѣсть о Московскомъ пожарѣ и уничтоженіи его библиотечки, картинной галлерей и экзотическихъ замѣчательныхъ теплицъ (онъ страстно также любилъ садоводство) достигла до него, въ его слободѣ *Вутурлиновскъ Воронежской губерніи*, куда онъ съ семействомъ укрѣлся зимою и гдѣ прожилъ съ 1812 по 1813 г., то онъ только сказалъ: „Все-вышній даль, онъ же и отвялъ:— да будетъ Святая Его воля“; и повѣривъ, какъ всѣ тогдашніе соотечественники, что французы сожгли тогда Бѣлокаменную, помѣстилъ въ тогдашнемъ Вѣстникѣ Европы статью размышленийъ на текстъ: „на рѣкахъ Вавилонскихъ“, примѣняя слова Пророка къ печальнымъ событіямъ той эпохи. Истинный христіанинъ и ревностный сынъ православія, онъ не заразился Вольтеріанскимъ духомъ, распространеннымъ въ высшихъ кругахъ общества во время его молодости. Замѣтивъ необыкновенныя дарованія въ домашнемъ учителѣ старшаго своего сына, *Евфиміи Волховитиновѣ*, который предавался неутѣшной скорби по кончинѣ молодой жены, гр. Вутурлинъ совѣтовалъ и убѣждалъ его вступить въ черное духовенство и, благодаря короткимъ своимъ отношеніямъ съ кн. Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ и съ другими вліятельными лицами, открылъ путь къ церковной іерархіи человѣку, прославившемуся впоследствии глубокой ученостію: это былъ преосв. Евгеній, въ позднѣйшее время Кіевскій Митрополитъ.

При разностороннихъ познаніяхъ, гр. Дмитрій Петровичъ былъ одаренъ столь рѣдкой памятью, что когда упоминался имъ какая нибудь необмывенная мысль или историческое происшествіе, то онъ немедленно указывалъ на имя автора, означалъ изданіе соответствующаго сочиненія, обозначалъ мѣсто (здѣ и шкалъ), гдѣ находилась та книга. Мало того: встрѣтившись однажды въ обществѣ съ какимъ-то французскимъ поэтомъ, представившимъ свои только что сочиненные стихи, графъ, по выслушаніи ихъ, серьезно замѣтилъ автору, что не честно выдавать чужое добро за свое, въ доказательство чего и къ изумленію бланкаго поэта и всѣхъ присутствующихъ, прочелъ на память не только что выслушанную піесу. Онъ говаривалъ, что съ ранней молодости до старости никогда не ложился спать безъ того, чтобы не приобрѣсть какого нибудь новаго познанія въ теченіи дня.

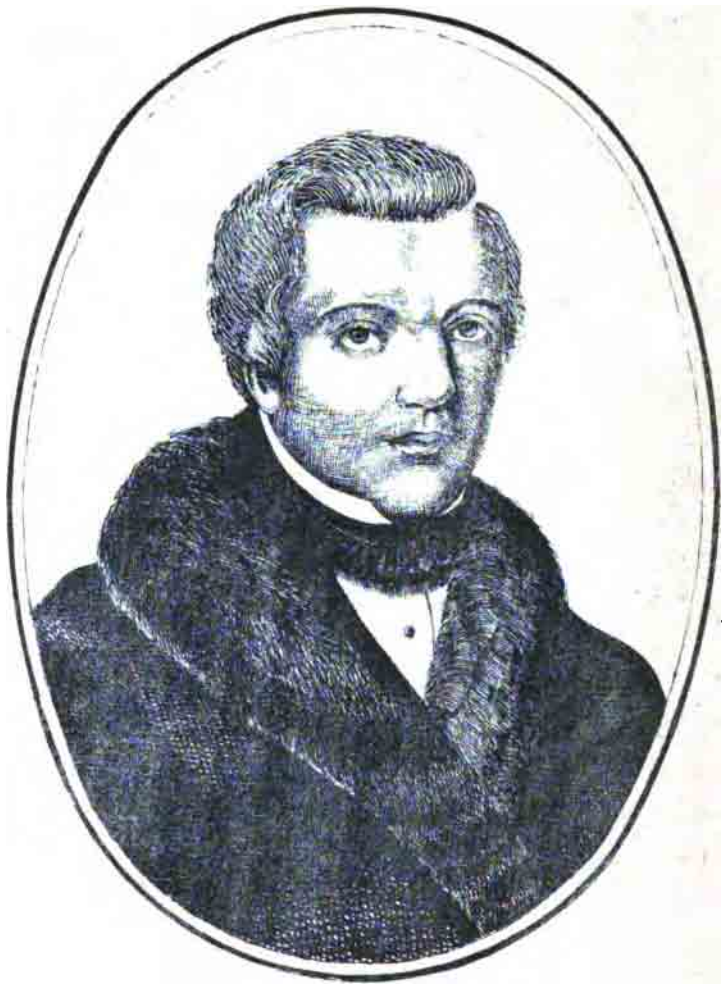
Касательно его двухъ библиотекъ трудно рѣшить, которыя изъ нихъ дать преимущество. Конечно, въ первой были немаловажныя драгоценности, напр. автографическая переписка Карла Третьяка IV съ его министромъ Сюлли; но во второй имѣлся въ полномъ почти составѣ все, что было издаваемо первыми основателями типографскаго искусства, отъ 1470 г. до конца 16 столѣтія известными Альдами, Джунта, Ельзевирами и позднѣйшими ихъ совершенствователями онаго, во 2 половинѣ прошлаго 18 столѣтія Водони въ Парижѣ и братьями Дидотами въ Парижѣ. Въ числѣ рукописей была „Божественная комедія“ современная Данту, принадлежавшая фамиліи покровителя его Маласпина (Маласпина какъ о томъ свидѣтельствовалъ ихъ гербъ, вытѣсенный на 6 кахъ переплета) съ поправками современной руки, но не той, вѣроятно писанъ былъ текстъ, изъ чего можно было допустить такое доподобиѣ, что поправки эти были самого Данта. Были такъ и палимпсесты, но не представлявшіе никакого особеннаго интереса. Вообще, обстоятельства края были весьма благоприятны для библиографическихъ рѣдкостей. Въ рукахъ мелкихъ и среднихъ

шихъ торговцевъ и на уличныхъ прилавкахъ продавались книги и рукописи, разграбленныя изъ монастырей во время французскаго занятія Италіи; кромѣ того итальянскія древнія фамиліи дешево, по нуждѣ, разставлялись съ книгами и художественными вещами полу-опустѣвшихъ своихъ палаццо. Вся бібліотека гр. Бутурлина составляла болѣе 33 тысячъ томовъ и рукописей, но какъ она представляла болѣе искусственно-бібліографическій, чѣмъ научный интересъ, то, по смерти графа, наследники его долго не могли найти покупателя въ полномъ ея составѣ; и въ теченіи только нѣсколькихъ лѣтъ могли сбыть ее въ Парижѣ съ аукціона, и то не вдругъ, а отдѣльными частями. Выручено около 300 тысячъ франковъ, тогда какъ собрать ее стоило, конечно, три или четыре раза дороже.

Семейное преданіе говоритъ, что, будто-бы, родная по матери, тетка гр. Бутурлина кн. Екат. Романовна Дашкова первоначально предлагала ему свое наслѣдство съ условіемъ прибавленія фамиліи Дашковыхъ въ Бутурлинскій, но что онъ отказался, будучи доволенъ своимъ состояніемъ и не желая допустить какое нибудь измѣненіе въ его фамильномъ имени.

АЛЕКСѢИ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КОЛЬЦОВЪ.

Типо-Литогр. Ворон. Губ. Правленія.

А. В. КОЛЬЦОВЪ.

лекскій *Васильевичъ Кольцовъ* родился въ Воронежѣ, 2 октября 1809 г. Отецъ его, воронежскій мѣщанинъ, былъ человекъ не богатый, но достаточный, промышленлявшій стадами барановъ для доставки матеріала на салотопенные заводы. **) Одаренный самыми счастливыми способностями, молодой Кольцовъ не получалъ никакого образованія. Воспитаніе его предоставлено было природѣ. Съ дѣтства онъ жилъ въ своемъ особенномъ мірѣ, — и ясное небо, дѣса, поля, степь, дѣвѣты производили на него сильное впечатлѣніе.

На десятомъ году, Кольцова начали учить грамотѣ, подъ руководствомъ одного изъ воронежскихъ семинаристовъ. Затѣмъ вскорѣ его отдали въ Воронежское уѣздное училище, изъ котораго онъ былъ взятъ, пробывъ не болѣе четырехъ мѣсяцевъ во второмъ классѣ. Такъ какъ онъ умѣлъ уже читать и писать, то

---

*) Источникомъ свѣдѣній для этого очерка служила біографія, написанная Вѣликинскимъ и приложенная къ шестому изданію стихотвореній Кольцова, вышедшему въ 1874 г. и стат. въ Рус. Худ. Листкѣ 1861 г., № 8.

**) Фамилія Кольцовыхъ считалась богатой купеческой фамиліей; въ настоящее время домъ Кольцовыхъ, находящійся на главной улицѣ города, Дворянской, и принадлежащій сестрѣ покойнаго поэта, г-жѣ Андреевой, принадлежитъ къ числу лучшихъ зданій Воронежа, не бѣднаго хорошей каменной постройкой. Словомъ, намъ положительно извѣстно, что не бѣдность и убожество окружали колыбель нашего поэта и что онъ никогда не былъ знакомъ съ горькою, подавляющею нуждою. Дѣтство и юность его прошли въ подлѣнныя матеріальномъ довольствіи и если окружающую его жизнь и можно было назвать грязною, то эта грязь не голоднаго бѣдняка, а та грязь, которая толстымъ слоемъ залегаеть на пути всего дикаго и нечужественнаго. (Де-Пуле, „Ворон. Бес.“ 1861 г.).

отецъ его и заключилъ, что больше ему ничего не нужно знать, и что воспитаніе его кончено. Что Кольцовъ не много вынесъ изъ училища, хотя былъ и во второмъ классѣ, это всего яснѣе видно изъ того, что онъ не имѣлъ почти никакого понятія о грамматикѣ и писалъ вовсе безъ орфографіи. Кольцовъ всегда чувствовалъ, что его умственному существованію не достаетъ твердой почвы, и что, вслѣдствіе этого, ему часто достается съ трудомъ то, что легко усваивается людьми недалекими, но воспользовавшимися благоудѣянными первоначальнаго обученія. Такъ напр., онъ очень любилъ исторію, но много въ ней было для него странно и дико, особенно все, что относилось до древняго міра. Вслѣдствіе того же недостатка въ первоначальномъ образованіи, Кольцовъ, при всѣй глубокости и гибкости своего эстетическаго вкуса, не могъ понимать „Иліады“, хотя и не разъ принимался читать ее въ переводѣ Гнѣдича, между тѣмъ какъ Шекспиръ восхищалъ его даже въ посредственныхъ и плохихъ переводахъ.

Несмотря на то, съ училища началось для Кольцова пробужденіе его умственной жизни: онъ началъ пристращаться къ чтенію. Получаемыя отъ отца деньги на игрушки, онъ употребилъ на покупку сказокъ, и „Бова Королевичъ“ съ „Ерусаломъ Изаревичемъ“ составляли его любимѣйшее чтеніе. Читая сказки, онъ почувствовалъ охоту составлять самому что-нибудь въ ихъ родѣ; но такъ-какъ тогда онъ не имѣлъ еще привычки поверѣть бумагѣ все, что на приходило ему въ голову, то его великии ему самому авторскія порыванія и остались въ одяѣхъ мечталъ.

Десятилѣтній Кольцовъ взятъ былъ изъ училища отцомъ своимъ для того, чтобы помогать ему въ торговлѣ. Онъ бралъ его съ собою въ степи, гдѣ, въ продолженіе всего лѣта, бродилъ его скотъ, а зимою посылалъ съ прикащиками на базары для покупки и продажи товара. Его юной душѣ полюблилось широкое раздолье степи. Не будучи еще въ состояніи понять в оцѣнѣ торговой дѣятельности, кипѣвшей на этой степи,—онъ тѣмъ же

ше понималъ и оцѣнилъ степь, и полюбилъ ее страстно и восторженно. Многія пьесы Кольцова отзываются впечатлѣніями, которыми подарила его степь.

Разставаясь съ степью, Кольцовъ мѣнилъ одно наслажденіе на другое: въ городѣ его ожидали сказки и товарищи. Симпатичная натура его рано открылась для любви и дружбы. Былъ еще въ училищѣ, онъ сблизился съ однимъ мальчикомъ, ровесникомъ ему по лѣтамъ, сыномъ богатаго купца. Сблизила его съ нимъ страсть къ чтенію, которая въ обоихъ была сильна. У отца пріятеля Кольцова было много книгъ, и друзья пользовались ими свободно, читая ихъ вмѣстѣ въ саду. Кольцовъ даже бралъ ихъ и на домъ. Правда, эти книги были ни болѣе, ни менѣе, какъ романы Дюкре-дю-Мениля, Августа Лафонтена и подобныя имъ; но если для впечатлительной, одаренной сильной фантазіею натуры и сказки о Бовѣ и Ерусланѣ могли служить нравственнымъ будильникомъ, то естественно, что эти романы были еще болѣе ей полезны. Больше всѣхъ изъ этихъ книгъ полюбилась Кольцову „Тысяча и одна ночь“ и „Кадизъ и Гармонія“ Хераскова, особенно первая. Тогда русскія простонародныя сказки потеряли для Кольцова всю свою цѣну: это былъ съ его стороны первый шагъ впередъ на пути развитія. Ему уже не хотѣлось сочинять сказокъ: романы овладѣли всѣмъ существомъ его и, разумѣется, у него родилось желаніе самому произвести что-нибудь въ этомъ родѣ, но это желаніе опять осталось при одной мечтѣ.

Такимъ образомъ, между степью съ баранами и чтеніемъ съ пріятелемъ, провелъ Кольцовъ три года. Въ это время ему суждено было въ первый разъ узнать несчастье: онъ лишился своего друга, умершаго отъ болѣзни, но скоро утѣшился, потому что былъ еще слишкомъ молодъ. Къ тому же онъ развлекалъ себя чтеніемъ. До сихъ поръ онъ не читалъ стиховъ и не имѣлъ о нихъ никакого понятія. Вдругъ, нечаянно покупаетъ онъ на рынкѣ, за сходную цѣну, сочиненія Дмитріева. Въ восторгѣ

отъ своей покупки, бѣжитъ онъ съ нею въ садъ, и начинаетъ читать стихи Дмитріева. Ему казалось, что стихи нельзя читать, но должно пѣть: такъ заключалъ онъ по пѣснямъ, между которыми и стихами не могъ тотчасъ же не замѣтить близкаго сходства. Гармонія стиха и рими полюбилась Кольцову, хотя онъ и не понималъ, что такое стихъ и въ чемъ состоитъ его отличие отъ прозы. Многія пѣсни онъ заучилъ наизусть и особенно понравилась ему „Ермакъ“. Тогда пробудилась въ немъ сильная охота самому слагать такія же звучныя строфы съ римами; но у него не было ни матеріала для содержанія, ни ушвія для формы. Однакожь, матеріалъ вскорѣ ему представился, и онъ по своему пользовался имъ для перваго опыта въ стихахъ. Тогда ему было 16 лѣтъ. Одному изъ его пріятелей приснился странный сонъ, повторявшійся три ночи сряду; будучи пораженъ этимъ, онъ рассказывалъ сонъ Кольцову, чѣмъ и произвелъ на него такое сильное впечатлѣніе, что тотъ сейчасъ же рѣшился описать его стихами. Оставшись одинъ, Кольцовъ засѣлъ за дѣло; выбралъ одну пѣсню Дмитріева и началъ подражать ей. Первые нѣсколько стиховъ достались ему съ большимъ трудомъ, остальные пошли легче, и въ ночь готова была пречудовищная пѣса, подъ названіемъ „Три Видѣнія“, которую онъ потомъ истребилъ, какъ слишкомъ желанный опытъ. Но какъ ни плохъ былъ этотъ опытъ, однакожь онъ навсегда рѣшилъ поэтическое призваніе Кольцова, которому послѣ него хотѣлось и читать чужіе стихи, и писать свои; за прозу онъ уже брался неохотно и сталъ покупать книги, писанныя только стихами. Продолжая подражать поэтамъ въ механизмѣ стиха, онъ горевалъ, что ему некому было показывать своихъ опытовъ, не съ кѣмъ посоветоваться. Наконецъ, онъ рѣшился обратиться за совѣтами къ воронежскому книгопродавцу, наивно предполагая, что кто торгуетъ книгами, тотъ долженъ знать въ нихъ и толкъ. Книгопродавецъ, хотя былъ человекъ необразованный, но не глупый и добрый; онъ сказалъ Кольцову, что его

стихи кажутся ему плохими, хоть и не может объяснить, почему именно; но что если онъ хочет научиться писать хорошо стихи, то вотъ поможетъ ему книжка „Русская Просодія, данная для воспитанниковъ благороднаго университетскаго пансіона“. Книгопродавецъ подарилъ Кольцову эту „Просодию“ и предложилъ давать ему безденежно книги для прѣчтенія. Нечего и говорить о радости Кольцова. Книги, которыя ему особенно нравились, онъ, по прѣчтеніи, покупалъ, и его небольшая бібліотека, заключающая уже сочиненія Ломоносова, Державина, Богдановича, обогатилась вскорѣ произведеніями Жуковского, Пушкина, Дельвига.

Такимъ образомъ, въ раздольѣ этого чтенія и въ попыткахъ на стихотворство, прошло пять лѣтъ. Кольцовъ достигъ 17 лѣтняго возраста, и тогда съ нимъ совершилось событіе, имѣвшее вліяніе на всю его жизнь. Въ семейство его вошла молодая дѣвушка, въ качествѣ служанки; она имѣла отъ природы все, чѣмъ можно было потрясти въ основаніи такую сильную и ностическую натуру, какова была натура Кольцова. Онъ полюбилъ эту дѣвушку и его чувство не осталось безъ отвѣта. Кольцовъ не только любилъ, онъ уважалъ, свято чтилъ предметъ своей любви, въ которомъ нашелъ свой осуществленный идеалъ женщины. Но эта связь, составлявшая жизнь и блаженство молодого поэта, не нравилась его семейству, и, когда однажды онъ возвратился изъ степи, то уже не нашелъ дома той, которая была ему дороже всего и всѣхъ на свѣтѣ. Это несчастіе такъ сильно поразило его, что онъ схватилъ сильную горячку. Оправивъ отъ болѣзни, онъ, какъ безумный, пустился развѣдывать о несчастной. Ненавѣстно, долго ли продолжались эти розыски, только результатомъ ихъ было извѣстіе, что несчастная жертва разчета, попавшись въ донскія степи, въ казацью станицу, скоро зачахла и умерла въ тоскѣ, разлуки и въ мукахъ жестокаго обращенія. Объ этомъ эпизодѣ Кольцовъ во всю жизнь хладнокровно вспоминалъ даже при концѣ своей жизни. Эта любовь сильно подѣйствовала на развитіе поэти-

ческаго таланта Кольцова; онъ какъ будто вдругъ почувствовалъ себя поэтомъ, стихъ котораго сдѣлался отголоскомъ его душевныхъ порывовъ.

Какъ ни жестокъ былъ поразившій его ударъ, но онъ вынесъ его. Въ своемъ поэтическомъ признаніи, увидѣлъ онъ возмущеніе за тяжкое горе своей жизни. Въ тому же, онъ нашелъ себѣ совѣтника и руководителя, какова давно желалъ и въ какомъ давно нуждался. Это былъ *Серебрянскій*, человекъ замѣчательный, одаренный отъ природы счастливыми способностями и прекраснымъ сердцемъ. Въ его натурѣ и судьбѣ было много общаго съ Кольцовымъ, и ихъ знакомство скоро превратилось въ дружбу. Для своихъ поэтическихъ опытовъ, Кольцовъ нашелъ себѣ въ Серебрянскомъ судѣ строгаго, безпристрастнаго, со вкусомъ и тактомъ, знающаго дѣло. Съ тѣхъ поръ какъ онъ сошелся съ Серебрянскимъ, стихотворенія его достигли той степени удовлетворительности, что стали годиться для печати.

Но не долго пользовался Кольцовъ совѣтами Серебрянскаго, потому что послѣдній, не удовлетворившись семинарскимъ образованіемъ, избравъ поприще врача, поступилъ въ Московскую медицинско-хирургическую Академію и вскорѣ умеръ. *)

Слухъ о самородномъ талантѣ Кольцова дошелъ до *Станкевича*, одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые своимъ горячимъ сочувствіемъ всему истинному, благому и прекрасному оказываютъ обществу большую услугу. Станкевичъ, сынъ воронежскаго помѣщика, былъ въ то время въ Московскомъ Университетѣ и пріѣхалъ на каникулы въ свою деревню, а оттуда иногда и въ Воронежъ, гдѣ познакомился съ Кольцовымъ, прочелъ его опыты и одобрилъ ихъ. Въ 1831 г. Кольцовъ, по дѣланъ отца своего, пріѣхалъ въ Москву и, черезъ Станкевича, пріобрѣлъ тамъ нѣ-

---

*) По поводу помѣщенной въ „Наблюдателѣ“ статьи Серебрянскаго „о мушкетѣ“, Бѣлинскій, въ письмѣ къ Панаеву, отзывался, что такихъ статей немного въ европейскихъ, не только русскихъ журналахъ.

сколько новых знакомствъ, впоследствии для него довольно важныхъ. Въ это время двѣ или три пьески его были напечатаны съ его именемъ въ одномъ, впрочемъ, довольно плохомъ московскомъ журналѣ. Для Кольцова, еще не смѣвашаго вѣрить въ свой талантъ, это было лестно и пріятно. Наконецъ, Станкевичъ предложилъ ему напечатать на свой счетъ его стихотворенія. Это намѣреніе было исполнено въ 1835 г. Изъ довольно толстой тетради Станкевичъ выбралъ 18 шестъ, показавшихся ему лучшими, и напечаталъ ихъ въ маленькой обрѣточной книжкѣ, которая доставила Кольцову большую извѣстность въ литературномъ мірѣ. Правда, тутъ больше всего дѣйствовало слово *поэтъ-самоучка, поэтъ-присолаз*, потому что въ этой книжкѣ видно было больше обшпанія въ будущемъ, нежели сильный талантъ въ настоящемъ.

1836 годъ былъ эпохою въ жизни Кольцова. По дѣламъ отца своего, онъ долженъ былъ прожить нѣкоторое время въ Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ онъ познакомился со многими литературными знаменитостями, въ числѣ которыхъ были князь Одоевскій, Пушкинъ, Жуковскій и князь Вяземскій, которые радушно приняли его и обласкали.*) Въ 1838 г., Кольцовъ опять былъ по дѣ-

*) Въ началѣ 30-хъ годовъ въ Воронежѣ уже было много лицъ, если не образованныхъ, то читающихъ. Читающіе рѣдко дѣлились на два разряда: одни пробавлялись сентиментальною литературою карамзинскаго періода, оригинальною и переводною; изъ новыхъ писателей читали Жуковскаго и Козлова; къ числу ихъ принадлежали артисты благороднаго воронежскаго театра, не рѣдко даже на семейныхъ вечеринкахъ декламировавшіе трагедіи изъ следящихъ драмъ и невинныхъ комедій, вѣкогда даваемыхъ ими на сценѣ, теперь, увы! занимаемой труппою антрепренера. Въ книжной лавкѣ г. Башкина этотъ разрядъ читателей находилъ себѣ богатую литературную пищу. Во второму разряду относились читатели новыя, поклонники Пушкина и окружающей его плеяды поэтовъ, впрочемъ, поклонники больше на словахъ, а на дѣлѣ рылые приверженцы Маринскаго, писателя, пользовавшагося нѣкоторымъ уваженіемъ даже у тогдашняго стараго поколѣнія. Но оба разряда чтенцевъ сходились въ любви къ книгѣ „Семейство Холмскихъ“, пользовавшейся въ Воронежѣ громадною популярностію потому именно, что авторъ ея Д. Н. Бѣгичевъ былъ Воронежскимъ Губернаторомъ (1830—1836), что дѣйствующія лица этого романа списаны съ ватуры (семейство В-хъ), а мѣсто дѣйствія находилось въ Задонскомъ уѣздѣ (село Х-цѣ). И такъ, въ Воронежѣ, какъ мы сказали, въ тридцатыхъ годахъ людей читающихъ было много. Понятно, что печатная извѣстность Кольцова заставила ихъ обратить на него особенное вниманіе, и Алексѣй

дать въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ этотъ разъ онъ довольно долго жилъ въ Москвѣ, гдѣ тогда ему было особенно пріятно. Постоянно хорошее расположеніе духа было причиною, что онъ написалъ въ это время много прекраснаго. Возвращеніе же домой не представляло ему ничего отраднаго; онъ позналъ, что есть другой міръ, который ближе къ нему и сильнѣе являть его къ себѣ, чѣмъ міръ воронежской и степной жизни.

Имъ овладѣло чувство одиночества, которое продолжалось въ немъ только любовію къ природѣ и чтеніемъ. Вотъ что писалъ онъ объ этомъ къ одному изъ своихъ московскихъ пріятелей: „въ Воронежѣ я пріѣхалъ хорошо; но въ Воронежѣ жить мнѣ противу прежняго вдвое хуже; скучно, грустно, бездомно въ немъ. И все какъ-то кажется то же, а не то. Для коммерціи безъ меня разстроилась порядочно, новыхъ непріятностей куча; что день—то горе, что шагъ—то напасть. Но, слава Богу, какъ-то я всё ихъ переношу теперь терпѣливо, и всё сдѣлалась для меня будто предметами посторонними и до меня почти не касающимися. На душѣ тепло, покойно. Хорошее это, солнечная погода, синее небо, свѣтлый день, вечерняя тѣнь—

Васильевичъ, какъ намъ положительно извѣстно, не чуждался самими разнообразными знакомствами: намъ не разъ и не въ одномъ мѣстѣ случалось видѣть тоненькую, зелененькую брошюрку его стихотвореній, на купленную хозяйномъ дома, а подаренную авторомъ съ самыми дружескими написаніями. Но въ Воронежѣ, кромѣ не малаго числа лицъ читающихъ, былъ въ то время и людъ образованный и, по тогдашнему, совершенно развитый; въ числу ихъ принадлежали нѣкоторые изъ учителей гимназій и нѣсколько другихъ лицъ.

Личное вниманіе Жуковского къ Кольцову, свидѣтелемъ котораго былъ весь Воронежъ, способствовало возмуженію его въ глазахъ согражданъ. Жуковский, сопутствуя въ 1837 году Государю Наслѣднику Цесаревичу, въ путешествіи Его по Россіи, посѣтилъ скромное жилище нашего поэта, выѣхавъ съ Кольцовымъ гулять по городу и долго любовался величественной панорамой, которая открывается съ такъ называемаго *Остремленія Бура*, на луговую сторону рѣки Воронежа. И это посѣщеніе, и эти прогулки на другой же день сдѣлались извѣстны всему Воронежу. В. А. Жуковский два раза посѣтилъ воронежскую гимназію—въ первый разъ въ свѣтѣ Государя Наслѣдника, во второй—на другой день, выѣхавъ съ г. Арсеньевымъ; въ это вторичное посѣщеніе онъ говорилъ преподавателямъ гимназій о Кольцовѣ, какъ о замѣчательномъ человѣкѣ, и совѣщавалъ съ ними обмѣняться. (Де-Шуле, „Ворон. Вес.“ 1861 г.).

все прекрасно, чудесно очаровательно, — и я жизнью живу и то-
ну своею душою въ удовольствіяхъ нашего лѣта. Благодарю васъ,
благодарю вмѣстѣ и всѣхъ нашихъ друзей. Вы и они много для
меня сдѣлали, о, слишкомъ много, много! Эти послѣдніе два мѣ-
сяца стояли для меня пяти лѣтъ воронежской жизни. Я теперь
гляжу на себя, и не узнаю. Словесностью занимаюсь мало, читаю
немного — некогда, въ головѣ дрянъ такая пабита, что хочется
плюнуть; матеріализмъ дрянной, гадкій, и вмѣстѣ съ тѣмъ необ-
ходимый. Плавай, голубчякъ, на всякой водѣ, гдѣ велятъ дѣла
жизнейскія; вырай и въ тѣнѣ, когда надобно нырять; гнись въ
дугу и стой прямо въ одно время. И я все это дѣлаю теперь
даже съ охотою. Новаго не написалъ ничего — некогда. Воронежъ
принялъ меня противу прежняго въ десять разъ радушнѣе; и
благодаренъ ему. До меня люди выдумали, будто я въ Москвѣ
женился; будто въ Питерѣ уѣхалъ навсегда жить; будто меня
оставили въ Питерѣ стихи писать. И все встрѣчаются со мной,
и такъ любознито глядятъ, какъ на заморскую чучелу. Я сго-
ряча не много посердился на нихъ за это; но подумалъ, и выш-
ло, что я былъ глупъ. На людей сердиться нельзя; и требовать
строго отъ нихъ нельзя; кривое дерево не разогнешь прямо, а
въ лѣсу больше криваго и сукватаго, чѣмъ равнаго. Люди пра-
вы: они судятъ по своему. Спасибо я за это, и мнѣ они нравят-
ся въ этихъ странностяхъ. Старикъ-отецъ со мною хорошъ; лю-
бить меня болѣе за то, что дѣло хорошо кончилось: онъ всегда
такія вещи очень любить. Стень опять очаровала меня, а чертъ
знаетъ до какого забвенія любовался ею. Какъ она хороша пока-
зывается, и я съ восторгомъ пѣлъ: Пера Любви — она къ ней идетъ.
Только это чувство было другаго совѣтъ рода; послѣ мнѣ ста-
ло на ней скучно. Она хороша на минуту, и то не одному, а
самъ-другъ, и то не надолго. Къ ней пріѣхалъ погостить — и въ
городъ, въ столицу, въ княжескъ жизни, въ борьбу страстей! А
то она сама-но-себѣ слишкомъ однообразна и молчалива. Среб-

рянскій доѣхалъ до двора, но очень болеть; кажется, проживет не болѣе мѣсяцевъ двухъ, а можетъ я ошибаюсь. Съ моими знакомыми расхожусь помаленьку, наскутила мнѣ ихъ разговоръ пошланы. Я хотѣлъ съ прѣзда увѣрить ихъ, что они криво смотрятъ на вещи, ошибочно понимаютъ; толковалъ такъ и такъ. Они надо мной смѣются, думаютъ, что я несу имъ вадоръ. Я кому кулъ себя отъ нихъ на другую дорогу; хотѣлъ ихъ научить— да ба!—и вотъ какъ съ ними поладилъ: все ихъ слушаю, думая самъ-про-себя о другомъ; всѣхъ ихъ хвалю во всю ночь; всѣ они у меня люди умные, ученые, прекрасные поэты, философы, музыканты, живописцы, образцовые чиновники, образцовые учителя, образцовые книгопродавцы; и они стали мною довольны; и я самъ-про-себя смѣюсь надъ ними отъ души. Такимъ образомъ, все идетъ ладно; а то что въ самомъ-дѣлѣ изъ ничего наживаетъ себя дураковъ-враговъ. Ужъ видно, какъ кого Господь умудряетъ, такъ онъ съ своею мудростію и умретъ“.*)

Въ этомъ письмѣ весь Кольцовъ. Такъ писалъ онъ всегда, и почти такъ говорилъ. Рѣчь его была всегда нѣсколько внушительна, языкъ не отличался опредѣленностью, но зато поражалъ какою-то наивностью и оригинальностью. Тогдашнее состояніе души его выражено въ этомъ письмѣ вѣрнѣе, нежели какъ, можетъ-быть, думалъ онъ самъ. Глазамъ его открылся другой міръ; воронинская жизнь сдѣлалась скучна; только прекрасная пора лѣта составляла его отраду; онъ любилъ еще степь, но уже не такъ, какъ прежде: въ первый разъ понялъ онъ, что она однообразна, что на ней весело быть на минуту, и то не одному...

*) Мы ни какъ не можемъ, говорить Де-Пуле, оправдать Болконъ въ роли, принятой имъ относительно прежнихъ своихъ знакомыхъ, которыхъ самъ же онъ называетъ *хорошими людьми*, въ несвойственной ему роли наставника, которая, естественно, становится смѣшною, когда поучающій безцеремонно говоритъ всѣмъ, что *вы-де криво смотрите на вещи* и осуждительно, когда этотъ поучающій не смущается скрыть пролической улыбки, видя, что поученіе не дѣйствуетъ; отсюда взаимное раздраженіе, отсюда всѣ не слушающіе поученій—*дураки*, отсюда полнѣйшее отчужденіе отъ Кольцова людей безкорыстно къ нему расположенныхъ, которыхъ уже и въ какомъ случаѣ нельзя назвать дураками. („Ворон. Бес.“ 1861 г.)

И такъ, кончилась эпоха непосредственной жизни. Прошедшее шло съ цѣны, настоящее стало грустно, и взоры невольно начали обращаться на будущее. Пренныя знакомства, до тѣхъ поръ основныя и, можетъ быть, даже пріятныя, сдѣлались невыносимы, и тѣ же люди явились въ другомъ свѣтѣ. Въ семействѣ своемъ Кольцовъ горячо любилъ младшую сестру, и между ними существовала самая тѣсная дружба. Кольцовъ видѣлъ въ сестрѣ много хорошаго, уважалъ ея вкусъ и совѣтывался съ нею насчетъ своихъ стихотвореній, словомъ, дѣлился съ нею своею внутреннею жизнью. Вѣря въ вадушевное ея къ нему расположенію, онъ дѣлалъ для нея все, что могъ. Настоячивостію, просьбами, лестью, всякими хитростями, онъ склонялъ своего отца купить ей фортепіано и пригласить учителя музыки и французскаго языка. Новыя связи и отношенія, новый міръ, открывшійся ему, не ослабили этой дружбы, хотя одной ея ему уже было мало и сердца его рвалось вдале. Натура Кольцова была не только сильна, но и вѣжна; онъ не вдругъ привязывался къ людямъ, сходился съ ними недо- вѣрчиво, сближался медленно; но когда уже отдавался имъ, то отдавался весь. Это имѣло для него гибельныя слѣдствія въ от- ложеніи къ вѣкоторымъ привязанностямъ: предательство, вѣролом- ство, низкія интриги особы, которой онъ былъ преданъ безуслов- но и которая казалась ему также преданною, были для него страш- ными ударами.

Кольцовъ былъ необходимъ для отца: на него лежали всѣ торговныя дѣла, на него переведены были всѣ долги, векселя и обязательства; на его дѣятельности, умѣньи и ловкости вѣсти дѣла лежала участь цѣлаго дома. Всѣ эти дѣла онъ сна- чала велъ и задѣлъ, но около послѣдней его побѣдилъ въ Мо- скву, они начали тяготить его, и въ немъ все больше и больше усиль- валось отвращеніе къ нимъ. Это не было слѣдствіемъ пошлаго идеаль- нства; Кольцовъ не боялся дѣла, но не любилъ вносить и вранъ; а между тѣмъ нужно было жить, какъ заставляли обстоятельства.

Въ 1840 г. Кольцову было сдѣлано изъ Петербурга предложеніе принять управленіе книжною лавкою, основанною на акціяхъ. Другое предложеніе было сдѣлано ему А. А. Бразовичу — принять на себя завѣдываніе конторою „Отечественныхъ Записокъ“. Первое предложеніе было ему совершенно не по дуи. Сумма акцій была незначительная, а онъ былъ убѣжденъ, что и чинать какую бы то ни было торговлю можно только съ большимъ капиталомъ, и что иначе поневолѣ выйдетъ или разореніе или не торговля, а торгашество со всеми его предѣлками, при одной мысли о которыхъ ему дѣлалось гадко. Кроме того, изъ одного изъ этихъ предложеній ему нельзя было принять еще и потому, что, по причинѣ долга въ 20000 р., по которому векселя были написаны на его имя, онъ не могъ выѣхать изъ Воронежа противъ воли отца. Осенью того же 1840 г. Кольцову снова нужно было съѣздить въ Москву и Петербургъ. Хотя по двумъ тяжбыннмъ дѣламъ, однако онъ былъ радъ и никакъ случая вырваться изъ Воронежа и увидѣться съ людьми, родными ему по чувству и по мысли. Онъ уже колебался, не остаться ли ему въ Петербургѣ навсегда; но остаться безъ всякихъ средствъ, начать снова поприще лавочнаго сидѣльца, призванія мелкаго торгаша — было для него невыносимо. Онъ все надѣялся, что отецъ дастъ ему тысячъ десять денегъ, на условіи отказатся отъ всякаго наследства, и что съ этимъ небольшимъ капиталомъ онъ найдетъ возможность пристроиться въ Петербургѣ и вести въ немъ такую жизнь, зарывшись въ книги и учась всему, чему въ могъ научиться въ свое время. Но надежды его не сбылись.

По возвращеніи домой, Кольцовъ, по обыкновенію, нашелъ все дѣла въ упадкѣ и расстройствѣ; и принялся ихъ устранимъ. Онъ долженъ былъ жить и трудиться безъ копѣйки въ карманѣ. Тогда ему овладѣла одна мысль: устроить дѣла, вѣзти въ Петербургъ, куда отецъ отпускалъ его охотно, уплативъ все долг по векселямъ на имя сына и рѣшившись прекратить торговлю

скотомъ. Но въ это время Кольцовъ началъ уже чувствовать себя дурно, и на страстной недѣлѣ чуть не умеръ, но кое-какъ оправился. Что терпѣлъ Кольцовъ, во время болѣзни, отъ близкихъ и кровныхъ, за исключеніемъ матери, принимавшей въ немъ искреннее участіе, — о томъ страшно и подумать...*) Это усилило расстройство его здоровья. Но тутъ, какъ нарочно, судьба-предательница послала ему жизнь и радость, можно сказать, блаженство, за которое онъ дорого долженъ былъ расплатиться. Страстною любовью озарился восходъ его жизни; пышнымъ, багрянымъ, но зловѣщимъ блескомъ страстной любви озарился и закатъ его жизни. Эта женщина была совершенно по немъ — красавица, умна, образована, и ея характеръ вполне соответствовалъ его кипучей, огненной натурѣ. Нужда заставила ее разстаться съ нимъ. Еще до этой разлуки, онъ уже чувствовалъ ослабленіе всего своего организма, но тутъ отерпѣлась боль въ груди и зловѣщій кашель. Дѣломъ онъ нѣсколько поправился; но это выздоровленіе было отсрочкою смерти. Для восстановленія его здоровья, ему прежде всего нужно было спокойствіе, а его то онъ и не имѣлъ. Семейныя неспрiятности непрерывно тревожили его, и хотя онъ никогда не дорожилъ особенно связями крови безъ связи духа, но все это вмѣстѣ сложило наконецъ склянную натуру Кольцова, и онъ умеръ 19 октября 1842 г., на тридцать-четвертомъ году отъ рожденія.

Такова была жизнь этого человѣка. Любовь и симпатія была основною стихіею его натуры. Въ дружбѣ онъ не зналъ расчета и эгоизма. Будучи чрезвычайно скромнѣе, Кольцовъ нисколько не заносился своимъ талантомъ, напротивъ, живо чувствовалъ недостатокъ своего образованія, особенно огорчался тѣмъ, что

---

*) Вѣлижскій, какъ другъ Кольцова, конечно, знаетъ хорошо эти печальныя, семейныя отношенія нашего поэта, въ разбирательство которыхъ въ настоящее время, когда переписка Кольцова хранится еще подъ сукномъ, войти невозможно. (Де-Пуле, „Ворон. Бес.“ 1861 г.).

ему не далась проза, и даже воображалъ, что у него вовсе нѣтъ эстетическаго вкуса.

Стихотворенія Кольцова можно раздѣлить на три разрядъ. Къ первому относятся первые его опыты, въ которыхъ онъ былъ подражателемъ поэтовъ, наиболѣе ему нравившихся. Въ этихъ стихотвореніяхъ проглядываетъ что-то похожее на талантъ и даже оригинальность; нѣкоторыя изъ нихъ даже очень недурны. Съ 1831г. Кольцовъ рѣшительно обратился къ русскимъ пѣснямъ, составившимъ особенный, созданный имъ родъ поэзіи. (Нѣкоторыя изъ первыхъ пѣсень Кольцова были еще чѣмъ-то среднимъ между романсомъ и русскою пѣсней, и если въ нихъ выражалась вся оригинальность его таланта, то все-таки не доставало еще зрѣлости мысли, чтобъ быть образцовыми въ своемъ родѣ произведеніями). Въ русскихъ пѣсняхъ талантъ Кольцова выразился во всей своей полнотѣ и силѣ; въ нихъ и содержаніе, и форма чисто русскія, такъ что даже Пушкинъ не могъ бы написать ни одной пѣсни въ родѣ Кольцова, потому что міръ пѣсни Кольцова требуетъ всего человѣка, а для Пушкина, какъ для гения, этотъ міръ былъ-бы слишкомъ тѣсамъ и малъ, и могъ входить только, какъ элементъ, въ обширную сферу пушкинскій поэзіи. Кольцовъ же родился для поэзіи, которую создалъ, былъ сыномъ народа, въ полномъ смыслѣ этого слова. Не на словахъ, а на дѣлѣ сочувствовалъ онъ простому народу въ его горестяхъ, радостяхъ и наслажденіяхъ. Онъ зналъ его бытъ, его нужды, горе и радость, прозу и поэзію его жизни, зналъ ихъ не по наслышкѣ, не изъ книгъ, но черезъ изученіе, а потому что самъ, и по своей натурѣ, и по своему положенію, былъ вполне русскій человѣкъ. Любовь въ пѣсняхъ Кольцова играетъ большую, но далеко не исключительную роль; нѣтъ, въ нихъ вошли и другіе, можетъ быть, еще болѣе общие элементы, изъ которыхъ складается русскій простонародный бытъ. Мотивъ многихъ его пѣсень составляетъ то нужда и бѣдность, то борьба изъ за копѣйки, то прожитое счастье, то жалоба на судьбу.

нанизку, и гдѣ идетъ дѣло о горѣ и отчаяніи русскаго человѣка, тамъ поэзія Кольцова доходитъ до высокаго, тамъ обнаруживаеъ она страшную силу выраженія, поразительное могущество образовъ. Однимъ словомъ, легче сдѣлаться такимъ же, какъ онъ оригинальнѣйшій поэтъ, нежели въ чемънибудь поддѣлаться подъ него. Къ третьему разряду произведеній Кольцова принадлежатъ особыя, оригинальныя, также созданныя имъ роды стихотвореній — думы. Въ нихъ онъ силился выразить стремленіе своего духа къ знанію, силился разрѣшить вопросы, возникавшіе въ умѣ его. Поэтому естественно, что думы состояли изъ двухъ частей: вопроса и рѣшенія.

Въ первомъ отношеніи, нѣкоторыя изъ нихъ прекрасны; поэзія поэзіи, доходящей иногда до высокаго, но во второмъ, конечно, не могутъ имѣть никакого значенія. Сильный, но неразвѣтанный умъ, томимъ великими вопросами, которыхъ не въ состояніи разрѣшить, обыкновенно старается успокоить себя или какою-нибудь риторическою фразою о высшемъ мірѣ, или ироническою выходкою противъ слабости ума человѣческаго. Мистическое направленіе Кольцова, обнаруженное имъ въ думахъ, не могло бы у него долго продолжаться, еслибы онъ остался живъ. Этотъ простой, ясный и смѣлый умъ не могъ бы долго плавать въ туманахъ неопредѣленныхъ представленій. Доказательствомъ этому служить его превосходная дума: *Не время-ль намъ оставить*, написанная имъ менѣе, чѣмъ за годъ до смерти. Въ ней видѣнъ рѣшительный выходъ изъ тумановъ мистицизма и крутой поворотъ къ простымъ созерцаніямъ здраваго разсудка.

Было уже сказано, что хотя первыя стихотворенія Кольцова еще съ 1831 г. печатались изрѣдка въ мало-извѣстныхъ изданіяхъ, но что публика узнала о немъ не ранѣе 1835 г., когда Станкевичъ надалъ въ Москвѣ его восемнадцать стихотвореній. Съ 1836 г. Кольцовъ постоянно печаталъ свои произведенія въ „Современникѣ“, „Телескопѣ“, „Литературныхъ Прибавленійхъ“

къ „Русскому Инвалиду“, „Синѣ Отечества“ (1838), „Московскомъ Наблюдателѣ“ (1838—1839), а потомъ большею частію въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и въ альманахахъ: „Утренняя Заря“ и „Сборникъ“. Не смотря на это, публика не могла составить себѣ вѣрнаго понятія о поэтическомъ дарованіи Кольцова, потому что половина стихотвореній его, изданныхъ въ 1835 г., не носила еще на себѣ отпечатка его самобытнаго таланта, достигшаго полнаго развитія не ранѣе 1836 г., а созданное имъ послѣ того было разсѣяно въ разныхъ журналахъ, вслѣдствіе чѣмъ ускользало отъ читателей общій колоритъ и характеръ произведеній поэта. Но когда, въ 1846 г., Н. Некрасовъ и П. Проккоповичъ издали собраніе стихотвореній Кольцова, присоединивъ къ нимъ статью покойнаго Вѣлиискаго о жизни и сочиненіяхъ поэта, тогда только вполне выдѣлился характеръ самого Кольцова и значеніе его произведеній.

Въ № 26 „Ворон. Губ. Вѣд.“, за 1864 годъ, мы нашли слѣдующее извѣстіе, сообщенное М. Ѳ. Де-Пуле:

Редакторъ и издатель „Ворон. Листка,“ г.г. Малюхинъ и Гольдштейнъ, приобрѣли отъ одного изъ воспитанниковъ вѣдшей семинаріи черновыя тетради Кольцова и друга его Серебрянскаго. При внимательномъ разсмотрѣніи оказалось, что пять тетрадей, писанныхъ рукою Алексѣя Васильевича, принадлежать несомнѣнно ему; принадлежность же еще двухъ должна пока остаться въ сколькѣ подъ сомнѣніемъ. Эти семь тетрадей, въ количествѣ тридцати трехъ листовъ, содержатъ въ себѣ *сто двадцать десяти* стихотвореній, изъ коихъ *сто четыре* еще нигдѣ не были напечатаны; если же не приписывать двухъ послѣднихъ тетрадей Кольцову, то всего не напечатанныхъ его стихотвореній *будетъ семьдесятъ одно*. Найденныя стихотворенія относятся въ 1826—30 и къ 1839 годамъ; наибольшее ихъ количество (71) принадлежитъ двумъ годамъ—1827 и 1829-му, наименьшее—1826

и 1839-му. Изъ стихотвореній, уже напечатанныхъ, встрѣчаются любопытные варианты; на многихъ видны поправки, сдѣланныя рукою Серебрянскаго. Всѣ семь тетрадей, съ присоединеніемъ стихотвореній Серебрянскаго и Волкова, выйдутъ въ свѣтъ въ Воронежѣ на изданіе г. Гольштейна.

Стихотворенія Кольцова ранней поры его литературной дѣятельности, 1825—1829 годовъ, представляютъ весьма слабыя ученическіе опыты: ничего болѣе и ожидать невозможно отъ 16—20-ти лѣтнаго юноши—мѣщанина, не получившаго никакого образованія и писавшаго пополамъ съ грѣхомъ и талиемъ карандашомъ, какими теперь не пишутъ и въ сельскихъ школахъ; но за то и въ этихъ раннихъ стихотвореніяхъ мѣстами проглядываетъ будущій талантъ народнаго пѣсенника, и тогда неуклюжіи стихи его начинаютъ звучать очень сильно. Съ 1829 года народно-пѣсенное направленіе начинаетъ весьма замѣтно проявляться въ стихахъ Кольцова. Въ отысканныхъ стихотвореніяхъ нашего поэта читатели найдутъ нѣсколько перловъ его поэзіи. Но и въ томъ, что не перлы, любители литературы вообще и соотечественники незабвеннаго поэта въ особенности, встрѣтятъ весьма много любопытнаго,—и мѣстнаго, и біографическаго.

Случайно найденныя тетради Кольцова—далеко не все, что должно было отъ него остаться: не достаетъ тетрадей большаго, самаго лучшаго періода его литературной дѣятельности, съ 1831 по 1842 г.

Въ „Отч. Зап.“ за 1867 г. (№ 3 и 4) была помѣщена статья Мамкина: „Кольцовъ и его нежданнаго стихотворенія“. Еще раньше, и именно въ 1864 г., Де-Пуле помѣстилъ въ „Русскомъ Арх.“ статью—„Нежданнаго стихотворенія Кольцова.“

Въ 1868 году, какъ мы видѣли уже изъ лѣтописи, одинъ изъ северовъ г. Воронежа украсился памятникомъ нашему славному поэту.

Николай Ивановичъ Костомаровъ

Типо-Литографія Ворон. Губ. Правленія.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ. *

Николай Ивановичъ Костомаровъ родился 4-го мая 1817 года, въ слободѣ Юрасовкѣ, Воронежской губерніи, Острогожскаго уѣзда, въ помѣщичьемъ семействѣ. Когда ему минуло десять лѣтъ, отецъ отвезъ его въ Москву и опредѣлилъ въ частный пансіонъ, содержимый лекторомъ французскаго языка при Московскомъ университетѣ, г. Ге; но черезъ годъ трагическая кончина отца, убитаго дворовыми людьми, измѣнила дальнѣйшую судьбу Костомарова. Мать отдала его, въ 1828 г., въ частный пансіонъ въ Воронежѣ, содержавшійся учителями гимназіи, Федоровымъ и Поповымъ, откуда, въ 1831 году, онъ перешелъ въ Воронежскую гимназію, поступивъ въ третій классъ, бывшій предпоследнимъ, такъ какъ въ то время существовало только четыре класса въ гимназіяхъ. Окончивъ гимназическій курсъ, въ 1838 году, онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ по историко-филологическому факультету, именовавшемуся въ тѣ времена словеснымъ факультетомъ. Въ университетѣ было тогда всего три курса. Окончивъ университетское ученіе, въ 1836 году, съ званіемъ дѣйствительнаго студента, а въ январѣ 1837 года, получивъ по экзамену степень кандидата, Н. И. Костомаровъ опредѣлился было въ Бибурскій драгунскій полкъ юнкеромъ.

*) Настоящій очеркъ заимствованъ изъ „Историческаго Вѣстника“, за май 1886 г.

ромъ, но черезъ нѣсколько оказался неспособнымъ къ военной службѣ, увлекшись разборкомъ древнихъ бумагъ Острогожскаго слободскаго полка, находившихся въ богатомъ архивѣ уѣзднаго суда, въ городѣ Острогожскѣ, гдѣ квартировалъ Бибурнскій драгунскій полкъ. То былъ первый дебютъ Костомарова въ занятіяхъ источниками русской исторіи. Это побудило его оставить военную службу. Онъ отправился въ Москву съ цѣлью приготовиться къ экзамену для полученія степени магистра русской словесности. Въ веснѣ 1838 года, пріѣхавъ на короткое время въ свое имѣніе, онъ заболѣлъ и для совѣта съ врачами отправился въ ближайшій пунктъ, въ Харьковъ. Здѣсь пришла ему мысль держать экзаменъ на степень магистра историческихъ наукъ. Послѣ почти двухъ-лѣтнихъ усиленныхъ занятій, онъ держалъ магистерскій экзаменъ 24-го ноября и 4-го декабря 1840 года. Въ 1841 году, онъ совершилъ путешествіе въ Крымъ, гдѣ осматривалъ древности. По возвращеніи въ Харьковъ, онъ представилъ диссертацию на степень магистра: „О значеніи уаи въ Западной Россіи“, которая была назначена къ защитѣ 2-го апрѣля 1842 года, и предъ самою защитою возбудила протестъ со стороны пресвитерскаго Инновентіа (Ворисова), была приостановлена и отправлена на разсмотрѣніе къ Министру народнаго просвѣщенія, графу Уварову, который поручилъ профессору Устрялову дать о ней отзывъ, и въслѣдствіе этого отзыва предписано было ее уничтожить и предать сожженію всѣ напечатанные экземпляры, а Костомарову дозволить представить новую диссертацию. Костомаровъ принялъ тогда мѣсто Сувъ-инспектора въ Харьковскомъ университетѣ и, кромѣ того, занимался преподаваніемъ исторіи въ частныхъ домахъ и заведеніяхъ. При всѣхъ этихъ занятіяхъ, онъ началъ писать новую диссертацию, набравъ темою для нея: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“. Чтобы понять, почему въ окончаніи университетскаго курса Костомаровъ съ любовью началъ

заниматься этнографіей и, такъ какъ народъ, посреди котораго онъ жилъ, были малоросіянне, то онъ любилъ и малоросійскую народность, и ея языкъ, такъ что сталъ писать на этомъ языкѣ. Еще въ 1838 году имъ написаны были, а потомъ напечатаны въ Харьковѣ „Украинскія баллады“, сборникъ стихотвореній, и „Савва Чалый“, драматическія сцены на южно-русскомъ языкѣ. Потомъ, въ 1840 году, напечатана была на малорусски его трагедія „Переяславська Ніч“ въ сборникѣ подъ названіемъ „Синиць“, издаваемомъ А. А. Корсуномъ. Тамъ же напечатанъ былъ переводъ Байроновнхъ „Еврейскихъ мелодій“ также на малорусскомъ языкѣ, а въ 1842 году въ сборникѣ подъ названіемъ „Молодикъ“, издававшимся Вецкимъ, напечатано было нѣсколько малорусскихъ стихотвореній Костомарова и въ числѣ ихъ переводы изъ чешской Браладворской рукописи. Всѣ малорусскія произведенія, напечатанныя какъ въ Харьковѣ, такъ и впоследствии въ журналѣ „Основа“ 1861 года, были подписаны имъ псевдонимомъ Іеремія Галки. Въ Одессѣ, въ 1875 году, они были выданы особою книжкою, подъ названіемъ: „Збірникъ творівъ Іеремія Галки“, но нѣкоторыя не вошли туда. Въ новой диссертациі своей Костомаровъ удалилъ ббольшую часть книги изслѣдованію малорусской народной поэзіи. Послѣ защищенія, состоявшагося 12-го января 1844 года, нѣкоторые изъ членовъ университета желали дать Костомарову катедру, но другіе воспротивились этому: Костомарову повредило здѣсь его увлеченіе этнографіей. Въ видахъ ближайшаго изученія народа, онъ бродилъ по слободамъ и шинкамъ, а въ то время это казалось до того необычнымъ и страннымъ, что нѣкоторые ученые и степенные люди считали его какимъ-то „блаженненькимъ“. Это побудило его оставить Харьковъ и перебраться въ Кіевъ. Въ этотъ край влекло его и то, что онъ въ то время началъ заниматься исторією Богдана Хмельницкаго и желалъ ближе ознакомиться съ страной, служившею сценою дѣйствій этой личности и его сподвижниковъ. Въ Кіевѣ,

въ 1844 году, онъ получилъ назначеніе на мѣсто старшаго учителя исторіи въ Ровенской гимназіи. Пробывъ въ городѣ Ровн (Волынской губерніи) годъ, онъ, въ свободное отъ классовъ время, совершалъ поѣздки въ разныя историческія мѣстности Волынской губерніи и собиралъ большой запасъ народныхъ пѣсень, вторыя впоследствии были напечатаны Д. Л. Мордовцевымъ въ его сборникѣ („Малорусскій литературный Сборникъ“, Саратовъ, 1859 г.).

Въ 1845 году, Костомаровъ былъ переведенъ на ту же должность въ первую Киевскую гимназію, а 4-го іюня 1846 года былъ единогласно избранъ адъюнктомъ-профессоромъ по кафедрѣ русской исторіи въ университетѣ св. Владимира. Въ этомъ году онъ издалъ свое сочиненіе: „Славянская мѣтологія“ (изъ лекцій), напечатанное вурлицей. Въ 1847 году, по доносу, одновременно съ другими лицами (Н. И. Гулакомъ, В. М. Бѣлозерскимъ, П. А. Кулишемъ, А. А. Навроцкимъ, А. В. Маркевичемъ г. Г. Шевченкомъ), онъ былъ арестованъ и препровожденъ въ Петербургъ, гдѣ былъ обвиненъ въ намѣреніи составить украинско-славянское общество, вслѣдствіе чего подвергся годичному заключенію въ Петропавловской крѣпости, а затѣмъ былъ переведенъ на службу въ Саратовъ, съ воспрещеніемъ преподавать и печатать собственнаго сочиненія книги. Во время постигнутого Костомарова несчастія, разстроилась женитьба его на любимой изъ дѣвушекъ, одной изъ даровитѣйшихъ ученицъ его, Алинѣ Десятницѣ Крагельской. Проживая въ Саратовѣ, Костомаровъ занялъ должность переводчика при губернскомъ правленіи, а впоследствии вмѣстѣ съ нею и должность дѣлопроизводителя статистическаго комитета, но не оставлялъ при этомъ, однако, и своихъ прежнихъ научныхъ занятій исторіей и этнографіей. Такимъ образомъ, нигдѣ еще возможности пользоваться публичными бібліотеками и архивами, онъ старался изучить то, что было уже въ личнѣ. Кроме того, онъ изучалъ великорусскую народность.—собиралъ

пѣсни, которыя впоследствии, въ 1861 году, были напечатаны Н. С. Тихонравовымъ въ „Лѣтописяхъ русской литературы“. По восшествіи на престолъ Императора Александра II, судьба Костомарова улучшилась. Въ началѣ 1856 года, съ него было снято запрещеніе печатать сочиненія, а потомъ снятъ былъ и полицейскій надзоръ, съ тѣмъ, однако, „чтобы распоряженіе въ Бозѣ почившаго Императора о недозволеніи ему служить по ученой части оставалось во всей силѣ“. Дозволеніе печатать дало ему возможность издать „Богдана Хмѣльницкаго“, историческую монографію, явившуюся въ первый разъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1857 года, потомъ изданную отдѣльными, исправленными изданіями въ 1859 и 1870 годахъ въ „Историческихъ монографіяхъ и изслѣдованіяхъ“, томы IX, X и XI, и отдѣльно въ 1884 году; — „Бунтъ Стеньки Разина“, монографію, напечатанную въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1858 года, потомъ отдѣльно книжкою въ 1859 и во II-мъ томѣ „Историческихъ монографій и изслѣдованій“ 1862 и 1872 года; — „Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ“, изслѣдованіе, напечатанное въ „Современникѣ“ 1857 года и отдѣльно въ 1862 году, и вѣскольکو другихъ небольшихъ сочиненій, впоследствии вошедшихъ въ различные томы его „Историческихъ монографій и изслѣдованій“. Такъ какъ Костомарову не дозволялось служить по ученой части, то онъ не могъ воспользоваться дарованною ему свободою, чтобы найти себѣ подходящую служебную дѣятельность, и потому въ 1857 году отправился за границу, гдѣ пробылъ около восьми мѣсяцевъ, посетилъ Швецію, Германію, Францію, Италію и Австрію, а по возвращеніи въ отечество занялъ должность дѣлопроизводителя саратовскаго комитета по улучшенію быта помещичьихъ крестьянъ и сдѣлался участникомъ въ трудахъ по великому дѣлу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Когда комитетъ оканчивалъ уже свои занятія, Костомаровъ получилъ отъ Петербургскаго университета при-

главнѣе занять катедру русской исторіи, оставившурся вакантною послѣ профессора Устрялова. Принявъ это личное предложеніе, Костомаровъ простился навсегда съ Саратовомъ и переселился въ Петербургъ, гдѣ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ожидалъ снятія съ него тяготѣвшаго запрещенія служить по учебной части. Наконецъ, въ октябрѣ 1859 года, оно послѣдовало, и въ ноябрѣ того же года Костомаровъ началъ читать свои лекціи Петербургскомъ университетѣ. Онъ пробылъ въ званіи ординарнаго профессора до мая 1862 года. Вслѣдствіе бывшихъ въ университетѣ студенческихъ беспорядковъ, университетъ былъ долгое время закрытъ: Костомаровъ оставилъ катедру и посвятилъ себя исключительно кабинетнымъ занятіямъ, совершая время от времени поѣздки въ разные историческія мѣстности для изученія памятниковъ и ознакомленія съ народными преданіями. Еще занимая катедру, въ 1860 году, онъ напечаталъ въ „Современникѣ“ большое сочиненіе: „Очеркъ быта, домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ“, вышедшее въ то же время отдѣльнымъ изданіемъ, — печаталъ въ томъ же „Современникѣ“ мелкія статьи по варяжскому вопросу, по которому держалъ съ Погодинымъ публичный диспутъ, 19-го марта 1860 года. Въ 1861 году, по порученію Императорской Академіи наукъ, Костомаровъ написалъ разборъ сочиненія Пана „Черноморскіе казаки“, за что получилъ отъ академіи золотую медаль; помѣщалъ въ разныхъ журналахъ историческія статьи, вошедшія потомъ въ разные томы его „Историческихъ новотрадіи и изслѣдованій“ и редактировалъ „Памятники старинной русской литературы“, издаваемые средствами графа Г. А. Куняевъ-Бибуродка. По оставленіи катедры, Костомаровъ сохранилъ за собою одну только служебную дѣятельность, состоя членомъ археографической комисіи и занимаясь редакціей „Актовъ, относящихся къ исторіи вѣжной и западной Россіи“. Такихъ актовъ издано съ тѣхъ поръ подъ его редакціей одиннадцать томовъ. Эту должность онъ занималъ до смерти.

Въ 1863 году, Костомаровъ получилъ отъ бывшего ректора университета св. Владимира, Иванюшева, увѣдомленіе, что университетъ желаетъ выбрать его на кафедру, но въ то время, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, Костомаровъ не могъ принять столь лестнаго для него предложенія. Въ 1864 году, онъ уѣхалъ за границу, посѣтилъ, между прочимъ, Сербію, гдѣ получилъ вѣстие изъ Россіи, что Харьковскій университетъ желаетъ пригласить его на кафедру русской исторіи. Въ 1865 году, это предложеніе сдѣлано было официально, но Костомаровъ не рѣшился уѣхать изъ Петербурга, не окончивъ труда своего: „Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII вѣка“, который былъ тогда занятъ. Въ 1869 году, онъ снова былъ приглашенъ въ университетъ св. Владимира, но и этого предложенія не могъ принять.

(о времени оставленія кафедры, Костомаровъ не переставалъ издавать труды свои по русской исторіи. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій отличаются сравнительно большими объемами, — таковы: „Сѣверно-русскія народоправства: исторія Новгородъ, Пскова и Вятки“, въ двухъ томахъ, напечатанное въ 1868 году, и впоследствии включенное въ „Историческія монографіи и изслѣдованія“, т. VII и VIII; „Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII вѣка“, напечатанное сначала въ „Вѣстникѣ Европы“ 1866 года, потомъ отдѣльными изданіями въ трехъ томахъ въ 1868 и 1869 годахъ, и составляющее томы IV, V и VI „Историческихъ монографій и изслѣдованій“; — „Последніе годы Рѣчи Посполитой“, напечатанное въ „Вѣстникѣ Европы“ 1869—1870 годовъ и отдѣльными изданіемъ въ 1870 году; — „Румна“, монографія, заключающая въ себѣ исторію гетманства Брюховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича, напечатанная въ „Вѣстникѣ Европы“, въ 1879 году, и вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ въ 1881 году, составляя томъ XV „Историческихъ монографій и изслѣдованій“; — „Мазепа“, историческая монографія,

издательная въ журналѣ „Русская Мысль“, въ 1882 году, и тогда же вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ. Продолженіе ея составляетъ монографія „Мазеиница“—въ „Русской Мысли“ 1884 года и въ отдѣльномъ изданіи 1885 года. Въ сборникѣ его историческихъ произведеній, издаваемомъ втеченіе многихъ лѣтъ, въ числѣ пятнадцати томовъ, подъ названіемъ „Историческія монографіи и изслѣдованія“, кромѣ упомянутыхъ большихъ изслѣдованій, помѣщены разныя статьи, прежде появившіяся, въ разныя время въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Съ 1873 года, Костомаровъ началъ издавать „Русскую исторію въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“, началъ отъ Великаго Князя Владимира и до вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II,—предположенную состоять въ семи томахъ; изъ нихъ седьмой еще не напечатанъ, но подготовленъ къ печати. Въ журналѣ „Всѣда“, 1872 года, печаталась большая статья Костомарова: „Историческое значеніе южно-русскихъ народного ибсеннаго творчества“, продолжавшаяся печатаніемъ въ „Русской мысли“, въ 1880 и 1883 годахъ, и оставшаяся неоконченною. Это—переработанная и значительно дополненная диссертация, уничтоженная въ 1844 году. Въ 1874 году, Костомаровъ, по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, занялся редакціей „Сборника малорусскихъ обрядовыхъ пѣсенъ“, помѣщаемнаго въ „Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Юго-Западный край“, въ томахъ III, IV и V. Въ 1875 году, въ XVI томѣ „Сборника Императорскаго историческаго Общества“ изданъ подъ редакціей Костомарова „Буваги князя Николая Васильевича Репнина“. Наконецъ, въ разныхъ временныхъ изданіяхъ, именно: въ „Отечественныхъ Запискахъ“, „Современникѣ“, „Русскомъ Слѣдѣ“, „Библиотекѣ для Чтенія“, „Архивѣ Калачова“, „Вѣстникѣ Европы“, „Всѣдѣ“, „Русской Мысли“, „Древней и Новой Россіи“, „Историческомъ Вѣстникѣ“, „Русской Старинѣ“, „Русскомъ Архивѣ“;

„Кіевской Старинѣ“, и въ газетахъ: „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Голось“, „Газета Цатцука“ и „Новое Время“, разныхъ годовъ, печатались его небольшія историческія статьи, записки, рецензіи и рассказы (нѣкоторыя подъ псевдонимомъ „Богучарова“). По всеобщей исторіи напечатано было одно только его сочиненіе въ „Вѣстникѣ Европы“, 1868 года: „Патріархъ Фотій и первое раздѣленіе церквей“,—статья, написанная по поводу нѣмецкаго сочиненія Гергенретера: „Fotius und seine Zeit“. Кромѣ упомянутыхъ ядѣсь трудовъ ученаго содержанія, Костомаровъ написалъ нѣсколько произведеній въ беллетристической формѣ, но съ исторической основой: „Кремуцій Кордъ“, драма, 1862 года; „Сынъ“, начатый въ 1859 году въ „Архивѣ Калачова“ и вполне изданный отдѣльно въ 1864 году; „Кудеаръ“—въ „Вѣстникѣ Европы“, 1875 г., и отдѣльно въ 1882 году; „Холопъ“—въ „Новомъ Времени“, 1878 года; „Черниговка“—въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1881 года, и отдѣльнымъ книжкою; „Жидотрѣпаніе въ началѣ XVIII вѣка“—въ „Кіевской Старинѣ“, 1883 года.

Костомаровъ, находясь на службѣ, съ 1860 года, членомъ Археографической комиссіи при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, состоялъ вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ-корреспондентомъ по Второму Отдѣленію Императорской Академіи наукъ, дѣйствительнымъ членомъ Русскаго Географическаго Общества, Русскаго историческаго Общества, С.-Петербургскаго и Московскаго археологическаго Обществъ, Московскаго Общества исторій и древностей, Загребской академіи наукъ, почетнымъ членомъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета и вмѣстѣ учелую степень Доктора Русской исторіи, полученную имъ отъ университета св. Владимира по вниманію къ его ученымъ трудамъ (въ 1864 году). Въ 1870 году онъ былъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а въ 1880 году получилъ орденъ св. Станислава 1-й степени.

Въ 1875 году, у Костомарова умерла престарѣлая матъ, которой онъ постоянно жилъ вѣсть. Смерть матери оставилъ не только одинокимъ, но и безнадежно, повидному, больнымъ онъ находился въ жесточайшемъ тифѣ, и врачи не надѣлись на его выздоровленіе; однако, заботами одного изъ друзей, Н. И. Катеневъ, онъ былъ спасенъ отъ грозившей ему смерти. Между тѣмъ, бывшая вѣкогда невѣста Костомарова, выданная родителями замужъ за другаго, успѣла овдовѣть. Въ 1873 г., Костомаровъ увидѣлся съ нею въ Кіевѣ и съ тѣхъ поръ находился въ иренискѣ. Узнавъ о смерти его матери и его безнадежномъ положеніи, она пріѣхала въ Петербургъ, съ цѣлью оказать ему такую будетъ возможно помощь, и Н. И. Катеневъ передалъ ей заботы о выздоравливающемъ. Весною 1875 года, оправившись отъ болѣзни, Костомаровъ женился на ней. Такимъ образомъ, черезъ 23 лѣтъ послѣ помолвки, эта достойнѣйшая женщина стала служить престарѣлому историку и въ качествѣ друга и помощника въ его ученыхъ трудахъ, и въ качествѣ тайнаго секретаря, и, наконецъ, въ качествѣ самой заботливой сестры милосердія.

Тяжкая болѣзнь еще съ осени 1884 года истощала его давно уже потрясенный организмъ; искусство врачей и заботливая попеченія преданной жены, всецѣло посвятившей себя уходу за больнымъ мужемъ, лишь отдалали роковую развязку. Ближе къ Костомарову люди съ сердечной болью видѣли, какъ постепенно угасала жизнь этого талантливаго ученаго и прекраснаго человека.

Наконецъ, 7-го апрѣля 1885 г., Н. И. Костомаровъ скончался въ Петербургѣ, на 68 году отъ рожденія.

Николай Алексѣевичъ Сѣверцовъ

Тшио-Литографія Ворон. Губ. Правленія.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢВИЧЪ СЪВЕРЦОВЪ.*

Извѣстный натуралистъ Н. А. Сѣверцовъ родился въ 1827 г. въ родовомъ своемъ хуторѣ, при селѣ Петровскомъ, въ 5 верстахъ отъ г. Боброва Воронежской губерніи. Образованіе свое Сѣверцовъ закончилъ въ Московскомъ Университетѣ.

Еще восемнадцатилѣтнимъ юношей, познакомившись съ изслѣдователемъ Средней Азіи, Г. С. Карелинымъ, Сѣверцовъ до того былъ увлеченъ его разсказами о тамошней богатой оригинальной природѣ съ рѣзкими контрастами пустынь и роскошной растительности, знойныхъ низменностей и снѣговыхъ хребтовъ, лѣтняго жара и зимняго холода, что съ тѣхъ поръ, по словамъ его самого, Средняя Азія сдѣлалась цѣлью его жизни, и въ послѣдствіи своими изслѣдованіями въ Тянь-Шанѣ и вообще Туркестанскомъ краѣ Сѣверцовъ приобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность.

Ученикъ извѣстнаго Московскаго профессора Рулье, Сѣверцовъ уже въ 1855 году обратилъ на себя вниманіе специалистовъ своимъ обширнымъ изслѣдованіемъ о *фаунѣ Воронежской губерніи*; это была его диссертация, за которую онъ былъ удостоенъ степени магистра зоологій:— „Періодическія явленія изъ жизни птицъ, звѣрей и гадовъ Воронежской губерніи“ (М. 1855 г.).

*) Такъ какъ біографіи Сѣверцова до сихъ поръ не появилось, то здѣсь сообщаются свѣдѣнія, заимствованныя изъ некрологовъ, которые появились при извѣстіи о его преждевременной смерти.

Вмѣсто сухаго перечня видовъ, въ этомъ трудѣ Сѣверцовъ, на основаніи собственныхъ наблюденій, представилъ обстоятельны очеркъ жизни животнаго міра со всѣми его видоизмѣненіями во временахъ года въ связи съ условіями климата и мѣстности.

Въ 1857 году Сѣверцову представилась возможность путешествія въ Среднюю Азію: онъ былъ командированъ Академіей Наукъ на Сыр-Дарью для изслѣдованія свойствъ такъ называемаго континентальнаго климата и вообще для объясненія тепрѣшняго географическаго распространенія животныхъ фмическими условіями земной поверхности. Путешествіе это было соединено многими лишениями и едва не стоило ему жизни, когда онъ, идя далеко въ Киргизскую степь, былъ захваченъ разбойнической шайкой Коканцевъ, отъ которыхъ, весь израненный, былъ доставленъ пѣшныкомъ въ Чокментъ. Изъ этого двухмѣсячнаго плна онъ былъ освобожденъ Генералъ-Губернаторомъ Данзасомъ и награжденъ орденомъ Владимира 3 ст. съ мечами. Результатомъ этого путешествія было обстоятельное изученіе Сыр-Дарьинской фауны и фауны западныхъ Приуральскихъ степей Арало-Басийской наменности, въ связи съ геологической исторіей мѣстной страны. О своемъ плнѣ Сѣверцовъ оставилъ свои записки. *)

Такимъ образомъ, выполнивъ блестящею возложенную на него академіей задачу, Сѣверцовъ предположилъ заняться научною обработкою и разработкою добытаго имъ богатѣйшаго матеріала, но это ему не удалось исполнить.

Въ это время, 1859 г., появилось извѣстное сочиненіе Дарвина „О происхожденіи видовъ“. Сѣверцовъ одинъ изъ первыхъ отозвался на него, и въ 1860 году помѣстилъ въ „Русскомъ Словѣ“ прекрасную статью: — „Зоологическая этнографія. Изслѣдованія о видоизмѣненіи звѣрей и птицъ“.

---

*) Свѣдѣнія объ этомъ плнѣ помѣщены были также въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1868 г.

Въ 1864 году Сѣверцовъ, воспользовавшись походомъ генерала Черниева, отправился въ Тянь-Шань, прервавъ для этого обработку добытыхъ рагве матеріаловъ. Плодомъ новаго путешествія, сверхъ открытія многихъ видовъ средне-азиатскихъ звѣрей и птицъ, было появленіе важнаго для зоологической географіи труда, изданнаго Обществомъ любителей естествознанія въ Москвѣ: — „Вертикальное и горизонтальное распредѣленіе Туркестанскихъ животныхъ“. Этими спеціальными трудомъ Сѣверцовъ положилъ основаніе для своего общаго труда по предмету зоологической географіи, изложенію и разъясненію климатическихъ и геологическихъ условій распространенія животныхъ по землѣ.

Отправившись затѣмъ на Уралъ, Н. А. — чь собралъ интересные наблюденія надъ уральскимъ рыболовствомъ и матеріалы для статьи: — „Звѣри при-Уральскаго края“ (журналъ „Аклиматизація“ 1861 г.).

Замѣчательныя изслѣдованія Сѣверцова сверхъ того печатались въ „Трудахъ 2-го съѣзда естествоиспытателей“, — въ изданіяхъ Географическаго Общества, — въ „Извѣстіяхъ“ Общества любителей Естествознанія, — въ сборникѣ — „Природа“ и въ въ-которыхъ иностранныхъ журналахъ. — Вслѣдствіе всего этого имя Н. А. Сѣверцова получило почетную извѣстность: онъ былъ призванъ почетнымъ докторомъ зоологій, почетнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ; Географическое Общество присудило ему двѣ медали (золотую — въ 1866 г. и медаль графа Литке — въ 1878 г.).

Обширныя наблюденія, громадныя коллекціи, вывезенныя Сѣверцовымъ изъ своихъ путешествій, дали ему возможность внести новыя взгляды на самыя сложныя вопросы біологій. Такъ, наприм., Сѣверцовъ далъ новую классификацію зоологическихъ областей внѣтропическихъ частей нашего материка и освѣтилъ новыми данными вопросъ о перелетахъ птицъ. — Н. А. Сѣверцовъ бесспорно былъ лучшимъ русскимъ знаткомъ позвоночныхъ

животныхъ, особенно птицъ;—въ знаніи же средне-азіатской фауны былъ первымъ авторитетомъ.

Послѣдніе четыре года, поселившись въ своемъ имѣніи, близъ г. Боброва Воронежской губерніи, Н. А. Сѣверцовъ былъ занятъ разработкою своихъ коллекцій и подведеніемъ итоговъ своей многотрудной и продолжительной научной дѣятельности, но роковая случайность прекратила эту многообѣщавшую дѣятельность.

28 января 1885 г., отправляясь въ Воронежъ, Николай Алексѣевичъ, въ 15 верстахъ отъ своего имѣнія, ѣхалъ чрезъ рѣку Икорецъ. Вучеръ не досмотрѣлъ, и тройка съ коляской и сѣдоками провалилась въ болыню. Дѣло было въ 10 часовъ вечера, и хотя Н. А.—чъ былъ вытащенъ, но, сильно потрясенный и ослабѣвшій, онъ не могъ идти, а когда за нимъ пріѣхали, то онъ былъ уже мертвъ. Такимъ образомъ Николай Алексѣевичу пришлось погибнуть не въ знойныхъ степяхъ Азіи, не подъ шайками и не въ мучительномъ плѣну у Коканцевъ, и не среди дикихъ племенъ горныхъ высей Памира, а на своей родинѣ, почти у себя дома, въ ничтожной рѣчкѣ.

Послѣ покойнаго осталась вдова, Софья Александровна, урожденная Полторацкая, и сынъ, нынѣ студентъ Московскаго университета.

Оставшіяся послѣ него коллекціи птицъ оценены въ 50,000 рублей; ихъ разработкою въ настоящее время занятъ проф. Московскаго университета Мейнцбиръ.—На разработку этихъ коллекцій отъ казны выдана субсидія въ размѣрѣ около 5,000 рублей.

ТРЕХСОТЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ Г. ВОРОНЕЖА.

О построении г. Воронежа имѣется въ историческихъ актахъ слѣдующій приговоръ: „7094 (1586) году, марта въ 1 день, Бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ приговорилъ: на Осколь-усть-Убли-и на Дону на Богатомъ Затонѣ Стоялымъ Головамъ не стояти. По Государеву Цареву и Великого Князя Феодора Иоанновича, всеа Руси указу и по приговору бояръ, князя Феодора Ивановича Мстиславскаго съ товарищи, на Соснѣ, не доѣзжая Оскола два днища, поставити велѣно городъ Ливны, а на Дону на Воронежѣ, не доѣзжая до Богатаго Затону два днища, велѣно поставити городъ Воронежъ. А быти на Ливнахъ городъ ставити воеводѣ князю Володимиру Васильевичу Кольцову-Мосальскому да Лукьяну Хрушову, на Воронежѣ воеводѣ Семену Феодоровичу Сабурову да Ивану Судакову, да Василью Биркяну; и каковы будутъ вѣсти на Ливнахъ про приходъ воинскихъ людей на Государевы украинны, и съ Ливенъ посылати съ вѣстми на Воронежъ, а съ Воронежа по тому жъ на Ливны съ вѣстми посылати; а ѣхати которыми дорогами поближе и бережнѣе; а сторожи воеводамъ поставити, присмотря въ которыхъ мѣстехъ пригоже; и станицы по тому жъ посылати присмотря, да о томъ отписати къ Государю“.

Кромѣ этого документа въ мѣстныхъ историческихъ актахъ не сохранилось никакого указанія, въ какое—именно время въ 1586 году было приступлено къ исполненію Царской воли о построении города.

Воронежская Городская Дума, желая отпраздновать въ 1886 г. трехсотлѣтіе основанія г. Воронежа, въ засѣданіи 2 декабря 1885 года, выработала программу празднованія, а затѣмъ въ виду того, что хотя въ историческихъ актахъ и значится, что 1 марта 1586 г. состоялся Царскій указъ въ Москвѣ о построеніи г. Воронежа, но день этотъ совпадаетъ съ печальнымъ въ Русской исторіи событіемъ и потому празднованіе въ этотъ день было бы неумѣстно. Кромѣ того начало марта совпадаетъ съ концомъ первой недели великаго поста, временемъ вообще несоотвѣтствующимъ праздничному торжеству, а равно руководствуясь тѣмъ, что послѣ изданія въ Москвѣ Царскаго указаго момента приступленія къ его осуществленію, долженъ былъ пройти не одинъ мѣсяць,—нашла возможнымъ перенести празднованіе 300-лѣтняго юбилея г. Воронежа на май мѣсяць, тѣмъ болѣе, что этотъ мѣсяць служилъ и служить началомъ вообще строительной дѣятельности, какъ частной, такъ и государственной; при томъ городу Воронежу приходится праздновать не обычную только годовщину, а трехсотлѣтнее его существованіе, почему и назначила днемъ празднованія юбилея 11 мая 1886 года, воскресенье.

Программа, выработанная Городскою Думою для празднованія юбилея, заключается въ слѣдующемъ:

„1) Наканунѣ юбилейнаго дня въ одной изъ древнѣйшихъ Воронежскихъ церквей совершается всенощное бдѣніе, при чемъ зданіе церкви извнѣ торжественно иллюминуеться.

2) На слѣдующій день юбилейнаго торжества совершается торжественное богослуженіе, съ благодарственнымъ молебствіемъ во всѣхъ церквахъ г. Воронежа; послѣ ранней обѣдни въ одной изъ древнѣйшихъ Воронежскихъ церквей, изъ нея послѣдуетъ крестный ходъ въ Благовѣщенскій Митрофановъ монастырь. Здѣсь литургія начнется, въ присутствіи представителей коронной власти и выборныхъ учреждений всѣхъ сословій.

3) Послѣ литургіи будетъ совершенно торжественное шествіе вокругъ той мѣстности, которая издревле служила „Острогомъ г. Воронежа“ (мѣстность вокругъ стѣнъ нынѣшняго Митрофановскаго монастыря). Во время этой процессіи, мѣстные войска будутъ стоять на Митрофановской площади развернутымъ фронтомъ. Тутъ же имѣеть быть благодарственный молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому.

4) Въ это-же утро во всѣхъ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на счетъ города, будутъ отслужены благодарственные молебны, при чемъ отъ Городской Думы будетъ роздана учащимся изданная Думою брошюра, знакомящая съ трехсотлѣтнею судьбою г. Воронежа.

5) Послѣ литургіи и молебна на Митрофановской площади, представители коронной власти, гласные Думы и всѣ другіе представители выборныхъ и сословныхъ учрежденій собираются въ залъ Дворянскаго Собранія, гдѣ будетъ составленъ всеподданнѣйшій адресъ отъ всѣхъ сословій, имѣющій быть посланнымъ телеграммой Государю Императору, и будетъ сказана соответствующая торжеству рѣчь.

6) Вечеромъ городъ торжественно иллюминуется.

и 7) На другой день празднованія гласные думы собираются въ чрезвычайное засѣданіе, на которомъ, по представленію Городской Управы, слагается недоимка городского сбора съ тѣхъ обывателей, которые пришли къ полному разоренію и обнищанію“.

По докладу Государю Императору о предположенномъ празднованіи трехсотлѣтняго юбилея со дня основанія г. Воронежа, Его Императорское Величество, въ 6 день марта, Всемилостивѣйше соизволилъ на празднованіе по программѣ, выработанной Думою, по утвержденіи ея Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Приведенная программа находилась, между прочимъ, въ разсмотрѣніи Святѣйшаго Синода и по указанію его подверглась измѣненію въ слѣдующемъ.

Такъ какъ по отзыву Воронежской Городской Думы, съ которою мѣстная Духовная Консисторія вхо-дила въ сношеніе, самый древній храмъ въ г. Воро-нежѣ, въ которомъ, согласно программѣ, должны быть совершены, на канунъ юбилейнаго празднованія, все-нощное бдѣніе, а въ самый день празднованія ранняя литургія, и изъ котораго послѣ литургіи долженъ быть крестный ходъ въ Благовѣщенскій Митрофановъ со-боръ, есть этотъ самый соборъ, то предполагаемый программю крестный ходъ не можетъ быть совершенъ, а какъ въ тоже время означенный соборъ, гдѣ по той-же программѣ должно быть отправлено торжественное богослуженіе, однопрестольный, то въ немъ не можетъ быть совершено и ранней литургіи, которая по этому имѣетъ быть отправлена въ Архангельскомъ храмѣ Митрофанова монастыря. Вслѣдствіе сего, на канунъ юбилейнаго празднованія, т. е. 10 мая, всенощное бдѣніе будетъ совершено въ Митрофановскомъ Бла-говѣщенскомъ монастырѣ архіерейскимъ служеніемъ, а въ самый день празднованія юбилея, 11 мая, во всѣхъ церквахъ города Воронежа, послѣ литургіи, должно быть совершено благодарственное молебствіе съ обыч-нымъ многолѣтіемъ. Въ тотъ же день духовенство го-родскихъ церквей г. Воронежа собирается, съ особо чтимыми иконами и священными хоругвями, въ Митро-фановъ монастырь ко времени окончанія поздней ли-тургіи, которая имѣетъ быть совершена въ главномъ Благовѣщенскомъ храмѣ сего монастыря архіерейскимъ же служеніемъ; послѣ литургіи совершается крестный ходъ по мѣстности, окружающей Митрофановъ мона-стырь (какъ положено по программѣ), а на площади монастырской совершается благодарственный молебенъ, съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому.

Воспитанники и воспитанницы всѣхъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ на средства города, въ день 11 мая, присутствуютъ за раннею литургіею въ ближайшихъ къ нимъ церквахъ, по окончанія же

литургіи идутъ въ свои училища, гдѣ законоучителемъ отправляется благодарственное молебствіе и произносится приличное торжеству поученіе; воспитанники же всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ присутствуютъ при богослуженіи въ своихъ церквахъ.

Трехсотлѣтній юбилей г. Воронежа *отпразднованъ* съ подобающею торжественностію. На канунѣ дня празднованія, въ Благовѣщенскомъ соборѣ Митрофанова монастыря Пресвященнымъ Макаріемъ, въ сослуженіи монашествующаго духовенства, совершена была всенощная. 11 Мая во всѣхъ церквахъ г. Воронежа совершены были раннія литургіи съ молебствіемъ. Квартирующій въ Воронежѣ пѣхотный Можайскій полкъ, собравшись къ 8-ми часамъ утра на Кадетскомъ плацу, отправился, въ полномъ составѣ, съ музыкой и знаменемъ, къ Митрофанову монастырю, гдѣ и занялъ близъ-лежащую площадь. Знамя-же было внесено въ соборъ. Божественная литургія въ Благовѣщенскомъ соборѣ началась въ 9½ часовъ и совершена была Пресвященнымъ Макаріемъ, въ сослуженіи Ректора Семинаріи, Архимандрита о. Димитрія и другихъ духовныхъ лицъ. Къ Богослуженію прибыли: Начальникъ губерніи, Губернскій Предводитель Дворянства, Вице-Губернаторъ, Городской Голова съ членами управы, Начальникъ Бригады, начальники отдѣльныхъ учреждений: административнаго, судебнаго, учебнаго и военнаго вѣдомствъ, представители городскихъ, земскихъ и сословныхъ учреждений въ Воронежѣ и Вольнаго пожарнаго Общества и многіе служащіе разныхъ вѣдомствъ и учреждений. Во время обѣдни Ректоромъ Семинаріи о. Архимандритомъ Димитріемъ сказано было слово, въ которомъ онъ изложилъ участіе духовенства въ поддержаніи религіи и въ созиданіи храмовъ со дня гражданского существованія края. Къ окончанію обѣдни прибыло духовенство изъ всѣхъ церквей города и изъ

многихъ принесены были особо-чтимыя св. иконы и хоругви.

По окончаніи литургіи Преосвященный владыка съ сослужащимъ духовенствомъ, въ преднесеніи хоругвей и св. иконъ, направился изъ храма на площадь и, обойдя вокругъ всего монастыря, противъ крестовой церкви, на площади, совершилъ благодарственное молебствіе. Митрофановская площадь, близъ лежащія улицы и всѣ ближайшія зданія, были положительно переполнены народомъ. Стройное пѣніе прекраснаго Архіерейскаго хора, оглашая площадь, производило сильное впечатлѣніе.

По окончаніи молебствія, войска, подъ звуки военного оркестра, сопровождавшаго полковое знамя, направились по своимъ частямъ, Преосвященный же Макарій, Архимандритъ о. Димитрій и всѣ присутствовавшіе на церковной службѣ отправились въ залъ Дворянскаго Собранія. Здѣсь гласный Городской Думы Г. М. Веселовскій прочелъ рѣчь, содержаніемъ которой было изложеніе исторіи Воронежа и края. По окончаніи чтенія, Городской Голова предложилъ выслушать составленный всеподданныйшій адресъ Государю Императору. Слова адреса были покрыты единодушнымъ „ура!“, а на хорахъ раздались звуки народнаго гимна, исполненнаго военнымъ оркестромъ; по окончаніи гимна послѣдовало новое „ура!“

Затѣмъ устроенный въ Дворянскомъ Собраніи, по подпискѣ, завтракъ прошелъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ; присутствующихъ было болѣе 200 человекъ. Во время завтрака Начальникомъ губерніи предложенъ былъ тостъ „за здравіе Государя Императора!“ Отвѣтомъ было долго несмолкавшее восторженное „ура!“ Второй тостъ предложенъ Городскимъ Головою „за здравіе Государыни Императрицы, Государя Наслѣдника Цесаревича и всей Царской Семьи!“ Такое-же единодушное, сердечное „ура!“ снова огласило залу Собранія. Слѣдующіе тосты были за благоденствіе го-

рода и гражданъ его, празднующихъ столь важный день, за Преосвященнаго Макарія, Начальника губерніи, за войска квартирующія въ Воронежѣ, Губернскаго Предводителя Дворянства, Городскаго Голову и многіе другіе тосты.

Предлагая тостъ за здоровье Начальника губерніи, Городской Голова сказалъ слѣдующее: „Считаю себя счастливымъ, занимая должность Городскаго Головы, въ этотъ торжественный, знаменательный для Воронежа день, предложить тостъ за здоровье всѣми любимаго и уважаемаго нашего Начальника губерніи!“ Тостъ этотъ всѣми присутствующими принятъ былъ съ искреннимъ и громко выраженнымъ душевнымъ сочувствіемъ.

Видимо тронутый такимъ сочувственнымъ расположеніемъ, Начальникъ губерніи отвѣтилъ на тостъ приблизительно слѣдующее: „Душевно благодарю васъ, господа, за привѣтъ — позволяю себѣ быть увѣреннымъ — сердечно выраженный.

„Сегодня мы слышали двѣ рѣчи, излагавшія прошлую жизнь Воронежа. Въ нихъ много заключалось сказаній о тѣхъ бѣдахъ, которыя переживалъ нерѣдко этотъ край. Но безъ невгодъ не живутъ ни племена, ни города. Я же вынесъ убѣжденіе, что надъ Воронежемъ и его краемъ явно почіетъ благодать Господня. — Здѣсь Великій Царь избралъ почву, чтобы растить зерно, родившееся въ гениальной Яго головѣ, и котораго плодами должно было выйти обладаніе южными морями, столь нужными для блага и славы Россіи. — Здѣсь подвизались Великіе Святители, къ чудотворнымъ мощамъ которыхъ стекается для поклоненія вся Россія. — Благодотворный климатъ, богатства и красоты природы не могли не повліять на появленіе здѣсь талантовъ и нерѣдко въ такой средѣ, откуда, по образованію, трудно было ожидать ихъ.

„Поздравляю же съ празднованіемъ нынѣшняго дня тѣхъ, которые могутъ гордиться, называя этотъ

городъ и край своею родиною, поздравляю и тѣхъ, ко-го служба или другія обстоятельства связали съ нинѣ и привелось имъ здѣсь праздновать этотъ день. — Горжусь и счастливъ, что въ такой день нахожусь среди васъ и слышу привѣтъ вашъ. Да поплетъ же Господь процвѣтаніе и благосостояніе городу и краю. Это — сердечное желаніе человѣка, полюбившаго этотъ край, сроднившася съ нимъ и всей душой благодарнаго за расположеніе, всегда ему сердечно выказываемое*.

Завтракъ окончился въ пятомъ часу.

Городъ еще наканунѣ этого дня былъ украшенъ флагами и транспарантами. Въ день празднованія всѣ торговыя заведенія были закрыты; движеніе по всему городу было необыкновенное: все напоминало о торжественномъ днѣ. Къ сожалѣнію, роскошно устроенной иллюминаціи много помѣшало сильный вѣтеръ и прошедшій вечеромъ дождь хотя и небольшой. Особенно изящно были убраны и иллюминированы дома: Начальника Губерніи, Городскаго Головы, Городской Думы, Дворянскаго Собранія, Женской Гимнази, Губернскаго Правленія, Казенной Палаты, городскихъ учрежденій и многихъ частныхъ лицъ. Не только главныя улицы города, но и другія также были роскошно иллюминированы. Улицы города даже долго ночью всѣ положительно были переполнены народомъ. Не смотря на такое стеченіе и праздничное настроеніе публики, тишина и спокойствіе рѣшительно нигдѣ не были нарушены.

Всеподданнѣйшій адресъ Его Императорскому Величеству.

„Всепресвѣтлѣйшіи Государы!

Граждане Воронежа празднуютъ 300-лѣтіе своего роднаго города, возникшаго по Указу Державнаго Твоего Предка Феодора Ивановича, съ цѣлью защиты Государства отъ набѣговъ татарскихъ ордъ. Державный

Твой Предокъ Великій Петръ избралъ Воронежъ для созданія русской флотилии, жилъ въ Воронежѣ и Своими Царствственными руками работалъ на верфи, вмѣстѣ съ Воронежскими служилыми людьми, на пользу и славу Русскаго Государства.

Затѣмъ не разъ въ послѣднія времена Русскіе Цари осчастливили посѣщеніемъ Воронежъ, возвышая тѣмъ духъ гражданъ и поддерживая въ нихъ стараніе блюсти славу и честь своего города, которому выпало на долю внести въ общую сокровищницу исторіи Русскаго Государства и свою славную страницу.

Нынѣ, празднуя знаменательный день 300-лѣтняго юбилея, Воронежскіе граждане, проникнутые глубокимъ чувствомъ благодарности къ Царямъ, повергають свои вѣрноподданическія чувства къ стопамъ Твоимъ, Державный Государь, и молятъ Бога о продленіи дней Твоихъ и Семьи Твоей на многія лѣта, на славу и пользу Русскаго Государства“.

Подписано: Воронежскій Губернаторъ
Александръ *Вогдановичъ*.

Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ благодарить гражданъ г Воронежъ за выраженіе ими вѣрноподданическихъ чувствъ по случаю празднованія, 11 мая, трехсотлѣтія со дня основанія означеннаго города.

Такое Высочайшее повелѣніе, сообщенное Господиномъ Начальникомъ губерніи Воронежскому Городскому Головѣ, было прочитано въ засѣданіи Городской Думы 9 Іюня и выслушано гласными съ благоговѣніемъ.
(„Вор. Губ. Вѣд.“ 1886 г.)

Слово, произнесенное въ Благовѣщенскомъ соборѣ Ректоромъ Воронежской Духовной Семинаріи Архимандритомъ Димитріемъ, въ день празднованія трехсотлѣтняго юбилея г. Воронежа.

Въ нынѣшнемъ году, согласно лѣтоп. сказаніямъ, исполнилось триста лѣтъ существованію нашего Бого-спасаемаго г. Воронежа, хотя есть и основательныя данныя считать населеніе этой мѣстности и гораздо ранѣе, но этотъ вопросъ остается еще открытымъ и составляетъ предметъ ученыхъ изслѣдованій отечествен. историковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что „въ 1586 г. 1 Марта, по Государеву цареву и великаго князя Феодора Ивановича указу и по приговору бояръ... поставить велѣно на Дону—на Воронежѣ, не доѣзжая до Богатаго затону (нынѣ близъ с. Копанища Корот. у.) два днища, городъ Воронежъ“. (Чтен. Моск. общ. ист. Рос. Древ. 1846. № 4. Бѣльева, о сторож. службѣ и Веселовскаго, Ист. очеркъ г. Воронежа, 1886 г. стр. 1). Это и было побужденіемъ для насъ, бл. граждане, въ нын. (1886 г.) годъ считать совершившимся трехсотлѣтіе Воронежа. День основанія Воронежа, какъ видно изъ вышеприведеннаго, былъ 1 Марта, но этотъ день, омраченный несчастнымъ событіемъ въ 1881 г., для нашего отечества на всегда долженъ быть днемъ всеобщей печали, всенародной скорби, а потому и неумѣстно провозженіе этого роковаго числа въ веселіи и радости. Представители города, справедливо считая весь нын. 1886 годъ—юбилейнымъ, въ правѣ были, по своему усмотрѣнію, для празднества избрать какой угодно день,—и ихъ выборъ, по видимому, случайно палъ на нынѣш. день, какъ воскресный, а потому болѣе *свободный* для народнаго торжества, притомъ посвященный памяти св. Кирилла и Меѳодія, равноапостольныхъ просвѣтителей славянъ, къ сонму которыхъ примыкаетъ и русскій народъ, вслѣдствіе чего этотъ день—представлялся и болѣе *приличнымъ* для сего гражданск. праздника *нашего*.

Помимо указанных побуждений къ перенесенію съ 1-го Марта на 11 Мая празднованія трехсотлѣтія, съ своей стороны не могу не сказать, что дѣйствительно приличнѣе и лучше для подобн. торжествъ (юбилея города) времени нельзя и выбрать въ теченіе всего года. Въ святцахъ 11 Мая на самомъ числѣ поставлено рѣдкое въ правосл. церкви событіе *обновленіе Царьграда*. Это, непонятное для простаго народа русскаго, воспоминаніе Греч. Церкви подало поводъ къ неправому толкованію его и суевѣрному празднованію изъ за опасенія несчастій на поляхъ, побитія градомъ нивъ за непочтеніе будто бы какого-то Царя града (т. е. какого-то мнѣич. баснословнаго владыки, царя града—атмосф. явленія).

Уяснимъ значеніе этого празднества, совершавшагося въ древн. Константинополѣ, отъ котораго и Русская Церковь приняла его и внесла въ свои мѣсяцесловы и календаря. Событіе, воспоминаемое нынѣ, было въ Греч. имперіи давно—болѣе полуторы тысячи лѣтъ тому назадъ. Равноапостол. св. Константинъ первый изъ Государей всемірной тогда бывшей Греко-римской имперіи принялъ христіан. вѣру, объявилъ ее въ своемъ царствѣ господствующею. Въ старомъ Римѣ, переполненномъ языч. храмами, гдѣ всякое почти зданіе напоминало о прежнемъ величій языч. культа, онъ рѣшился для послѣдователей новой (христіан.) вѣры избрать и новую столицу, и—въ 330 г. св. Константинъ переселился на востокъ, и на берегахъ Босфора и въ старинномъ городѣ Византіи основалъ свою резиденцію,—и такимъ образомъ до тѣхъ поръ бывшая незнатнымъ городомъ Византія поставлена во главу всѣхъ, обращена въ столицу, сдѣлана царствующимъ городомъ или по народному—*Царь-градомъ* (городомъ, въ которомъ живетъ Царь). Перенесеніе столицы изъ Рима въ Византію совершилось 11 Мая, и этотъ день тогда былъ отпразднованъ торжественно. Благочестивый Царь провелъ весь этотъ день въ обществен. бо-

гослуженіи; совершенно былъ крестн. ходъ вокругъ города, молитвою освящена была нов. столица, — ея площади и улицы были окроплены св. водою. и тогда же на память будущимъ родамъ постановлено было ежегодно 11 Мая проводить, какъ день праздничный, и Богослуженіемъ *обновлять* въ памяти народной (особенно жителей Константинополя) это событіе. Вотъ отсюда-то произошло и самое наименованіе этого дня — *обновленіе Царя-Града* (т. е. столичнаго города).

Въ Греческой церкви, кромѣ этого праздника, называемаго *обновленіемъ*, были и другіе съ такимъ же наименованіемъ, какъ напр. *обновленіе храмовъ, освященіе церквей* (какъ-то: Воскресенія Христова въ Иерусалимѣ 13 Сентября, великомуч. Георгія въ Лидѣ 3 Ноября и др.), *обновленіе городовъ* (какъ напр. нынѣ воспоминаемое обновленіе Царь-града) и т. п.; изъ Греческой Церкви впослѣдствіи эти празднества перешли и въ русскую Церковь, и доселѣ о нихъ память сохраняется, если не въ Богослуженіи, то въ святцахъ и мѣсяцесловахъ. Съ теченіемъ времени и отечествен. наша церковь устанавливала подобныя празднества, а особенно въ воспоминаніе освященія храмовъ (напр. Великой Киевопеч. церкви — 14 Авг., св. великомуч. Георгія въ Кіевѣ — 26 Ноября и др.). По уставу православ. церкви, эти празднества должны совершаться ежегодно въ день воспоминаемаго событія; вѣроятно, съ этою же цѣлью съ глубокой древности ведутъ свое начало такъ называемые храмовданные кресты, на которыхъ подробно обозначаются годъ и число освященія храма. и кресты эти поставлялись на видномъ мѣстѣ въ церкви (къ сожалѣнію, этотъ благоч. обычай въ настоящее время выходитъ изъ практики). Въ Требникѣ Петра Могилы помѣщено *послѣдованіе лѣтняго обхожденія* (друг. словами — обновленія) *освященія храма*. Въ предисловіи къ сему чинопослѣдованію сказано: „Вѣстно буди, яко день, въ онъже освящается церковь великимъ освященіемъ архіерейскимъ, подобаетъ всяко вѣмъ

парохіанамъ (т. е. прихожанамъ) той церкви (аще же въ монастыри—братіямъ) въ каждый годъ, якоже и праздникъ храма, праздновати, въ той бо день снтіе Святаго Духа на святую трапезу бысть“... (ч. 3 ст. 32).

Изъ этого видно, что греческій праздникъ *обновленіе* соотвѣтствуетъ такъ называемымъ юбилейн. празднествамъ, съ тѣмъ различіемъ, что тѣ празднества (обновленія) совершались ежегодно, а юбилей—черезъ извѣстный болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени (25, 50, 100 и т. д. лѣтъ). Такимъ образомъ, и нами торжественно нынѣ воспоминаемое трехсотлѣтіе г. Воронежа есть своего рода *обновленіе* въ нашей памяти прошлой судьбы нашего города.

Такого рода празднества—*обновленія* въ своей памяти—важныхъ событій въ судьбѣ города или цѣлой страны должны быть весьма поучительны и для отдаленнѣйшихъ потомковъ. Установленіе *юбилея* имѣетъ Божествен. происхождение. Самъ Господь еще въ ветхомъ завѣтѣ чрезъ Моисея заповѣдалъ избранному своему народу—Евреямъ торжественно проводить юбилейные годы (см. Левитъ 25 г.). Цѣлю установленія юбилейныхъ годовъ у іудеевъ—было благодарственное воспоминаніе о благодѣяніяхъ, оказанныхъ Богомъ Евреямъ въ изведеніи ихъ изъ Египта, въ освобожденіи отъ рабства и поселеніи ихъ въ обѣтованной землѣ. И дѣйствительно—чѣмъ приличнѣе заняться въ юбил. годы и дни, какъ не благодарств. *обновленіемъ* въ своей памяти благодѣяній Божіихъ, оказанныхъ намъ и предкамъ нашимъ?..

Обновимъ же и мы, бл. сл., въ этотъ день—день празднованія трехсотлѣтія г. Ворон.—въ памяти своей самое возникновеніе нашего города. Перенесемся мыслію къ тому времени, когда впервые появились въ этомъ дотолѣ пустынномъ и дикомъ краѣ царскіе посланники, а съ ними и первые поселенцы этого вновь устроимаго города. По старинному благочестивому обычаю нашихъ предковъ, первымъ дѣломъ прибывшихъ сюда

бояръ и служилыхъ людей было помолиться Богу, испросить Его благод. помощь на новое дѣло—заложеніе крѣпости въ странѣ чуждой русск. царю, въ краю, принадлежавшемъ басурманамъ—татарамъ. Выбрано было мѣсто для города, какъ болѣе другихъ удобное для стратегич. цѣлей, и прежде всего въ центрѣ избраннаго мѣста былъ устроенъ храмъ Божій или, по тогд. выраженію, *Боже милосердіе* или *Богомолле*. И въ самыхъ указахъ царскихъ предписывалось русск. боярамъ, отправлявшимся въ украинныя (пограничныя) мѣста, прежде всего „ставить Божіе милосердіе“ „Богомоліе“ (т. е. церкви, см. Опис. Ворон. Еп. Евгенія, 126). Вокругъ храма, какъ центра, какъ главной опоры для русскаго правосл. христианина, устроились общественныя зданія и жилища частныхъ лицъ. Подъ сѣнію храмовъ Божіихъ русскій человекъ чувствовал себя сильнѣе, безопаснѣе отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ надежды на челов. помощь, особенно сознается благодѣтельность молитвы. Не даромъ искони у русскаго человека сложилась извѣстная поговорка: *кто на мортъ не бывалъ, тотъ Богу и не жалелся*, т. е. кто не былъ вообще поставленъ въ такое безвыходное положеніе, что, по видимому, преграждены ему всѣ средства къ избѣжанію бѣды. Въ такомъ тяжкомъ положеніи, безвыходномъ, находились и первые поселенцы этого полудикаго края. Со всѣхъ сторонъ, многочисленныя враги окружали русскихъ людей и ежедневно имъ угрожали смертною опасностью,—гдѣ же послѣ сего искать себѣ утѣшенія, ободренія въ бѣдахъ, гдѣ найти себѣ тихій и надежный пріютъ, какъ не въ храмѣ Божіемъ, среди город. кремля?!

Принося Господу благодарственное моленіе о благополучномъ существованіи нашего города, мы, бл. сл., обновимъ въ своемъ воспоминаніи и то, что первый храмъ, возникшій въ центрѣ ново-устроеннаго города, былъ Благовѣщенскій соборъ, и мы имѣемъ рѣдкое счастье доселѣ возносить молитвы въ собор. храмъ,

досвященномъ Божіей Матери, славному и всерадостному Благовѣщенію Пресв. Дѣвъ (нынѣ существующій величественный Благовѣщенскій храмъ есть уже третій отъ начала созданія нашего града). Такимъ образомъ, Воронежъ былъ посвященъ покровительству Божіей Матери, усердной Заступницѣ рода христіанскаго, и *первый храмъ* въ новоустроенномъ городѣ былъ освященъ въ *честь Благовѣщенія Пресв. Дѣвы*, вѣроятно, съ тою благою мыслию, чтобы изъ этого отдаленнаго городка, поселеннаго въ „дикомъ полѣ“, въ виду опасныхъ для русск. народа враговъ—Татарь приходили бы къ Русскому Царю добрыя благія вѣсти. А этотъ край, какъ извѣстно, особенно былъ открытъ нападению отъ татарь, бродившихъ въ степяхъ придонскихъ, и здѣсь часто неожиданно, „воровски“ появлялись шайки хищниковъ-басурманъ, которые грабили русск. села; отсюда-то нерѣдко являлись несмѣтные полчища полудикихъ кочевниковъ, которые громили иногда самую Москву. На посвященіе нашего города покровительству Божіей Матери, безъ сомнѣнія, имѣло убѣжденіе, что придонскій край находится подъ особеннымъ благодатн. покровомъ Ея. Здѣсь—на берегахъ роднаго намъ Дона, Заступница христіанъ, задолго еще до возникновенія г. Воронежа, не разъ оказывала Свою небесную помощь нашимъ предкамъ... Достаточно припомнить два-три случая изъ Отечества. Исторіи, въ которыхъ особенно сильно проявилась вѣра русскихъ въ заступничество Матери Божіей за русскихъ въ борьбѣ съ татарами. На берегахъ Дона—въ первый разъ Московскій вел. князь Дмитрій Іоанновичъ рѣшился вступить въ битву съ татарами, которыхъ русскіе дотолѣ считали непобѣдимыми, боялись, какъ выходцевъ ада,—отъ одного упоминанія о зломъ татаринѣ обращались въ бѣгство цѣлыя рати русск. воиновъ. Куликовская битва (1380 г.) была въ день праздника Рождества Пресв. Богородицы. Извѣстно, что наши лѣтописцы тщательно замѣчали дни, въ которые русскіе одерживали побѣду надъ врагами, и обыкновенно благополуч.

исходъ войны приписывали Богу и тѣмъ святымъ, память которыхъ случилась въ тотъ день. Куликов. побѣду предки наши приписывали небесной помощи Бож. Матери, молитвамъ св. угодниковъ и пр. Сергія. Черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ сего (въ 1395 г.), въ предѣлахъ нашего края — на берегахъ Дона (не доходя ста верстъ до Ельца, значить въ нын. Задон. или Ворон. уѣздахъ), остановился страшный завоеватель Востока Тамерланъ и потребовалъ тяжелой дани отъ Московскаго князя. Противъ страшнаго полчища Татаръ, во главѣ съ страшн. завоевателемъ пол-вселенной, казалось, на землѣ не находилось никакихъ средствъ для спасенія. Наши предки возложили все свое упованіе на Бога, съ слезною молитвою обратились къ Пресв. Дѣвѣ. „Мати Божія“, возопилъ весь народъ при видѣ принесенной изъ Владиміра въ Москву чудотв. иконы, „спаси землю русскую“!.. И молитва вѣры спасла наше отечество. Никѣмъ не преслѣдуемый, Тамерланъ послѣдно оставилъ предѣлы русской земли и удалился въ свои степи. Лучезарная Дѣва, по его словамъ, съ многочисленнымъ воинствомъ небожителей, устарила Татаръ — и вотъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ проходилъ и останавливался Тамерланъ — вскорѣ стали возникать монастыри и пустыни, посвященные Божіей Матери въ память срѣтенія Ея чудотворной (Владимірской) иконы и — по старин. актамъ видимъ, что отъ Ельца до Воронежа — были поставлены обители, посвященные благоч. нашими предками Владим. иконѣ Божіей Матери, какъ напр. въ Тешевкѣ (нынѣ Задонскѣ), въ донщинской пустыни (въ 15 верстахъ отъ Задонска), въ Карачунѣ (Задон. у.) и наконецъ въ самомъ Воронежѣ (Акатовъ монастырь). Такимъ образомъ, еще до основанія г. Воронежа — этотъ край почти до самаго Воронежа былъ уже колонизованъ русскими, которые, подъ сѣнію убогихъ обителей, постепенно простирались въ глубь дикихъ придонскихъ степей и твердой рукой здѣсь утверждали власть Русскаго Православнаго Царя.

Невольно при этомъ припоминаются заслуги нашихъ русск. православныхъ обителей. *Обновимъ* же благодарн. воспоминаніемъ убогія обители смиренныхъ иноковъ и нашей украины. Они были первыми насельниками пустынного нашего края, распространителями славы Божіей въ странѣ невѣрныхъ, колонизаторами русскаго государства; избѣгая житейской молвы, они удалялись отъ мѣстъ густонаселенныхъ, углублялись въ края пустынные и основывали свои убогія кельи въ непроходимо-дремучихъ лѣсахъ, выкапывали здѣсь себѣ пещеры въ горахъ. Самоотверженные иноки съ крестомъ въ рукѣ, съ молитвой на устахъ, не страшились ни дикихъ звѣрей, ни злыхъ людей. Богъ—единный ихъ защитникъ, и подъ Его покровомъ они себя сознавали безопасными и сильными. Предъ ними невольно склонялъ буйную свою голову и гулящій человекъ; ихъ благословенія испрашивалъ храбрый черкесь-казакъ. Не страшились иноки и кочевыхъ, полудикихъ татаръ и ногаевъ,—потому что не чѣмъ басурманамъ съ ихъ скуд. обители поживиться. Монастыри здѣшняго края славную сослужили службу нашему отечеству. Они были опорными пунктами распространенія на югъ русск. государства. На этой украинѣ не было еще русск. селеній, а уже были монастыри. Замѣчательно, что подъ покровомъ ихъ впоследствии б. ч. и возникли наши города. На границѣ русскихъ владѣній съ татарскими, гдѣ встрѣчались и провожали турецкихъ пословъ еще до возникновенія г. Валукъ,—основался Успенскій Пристанскій монастырь; на самомъ отдаленномъ отъ центра русской жизни мѣстѣ въ степи калмыковъ, куда еще боялись переселяться русскіе—была уже Успен. Поройская пустынь (впоследствии соединенная съ Предтеч. Азов. монастыремъ). До построенія г. Усерда—былъ уже Сергіев. монастырь (котораго теперь и слѣдовъ не видно); не былъ еще основанъ Коротоякъ—а уже были монастыри (Вознесенскій и Казанскій); въ 1652 г. на берега Тихой Сосны переселялись изъ за Днѣпра черкесы—казаки, а уже существовалъ казацкій монас-

тырь Дивногорскій Успенскій и т. д. Так образомъ, не столько силою оружія, ни постройкой крѣпостей, сколько устроениемъ обитателей, распространялось влияніе русскаго имени въ полутатар. странѣ, въ дикомъ полѣ дальней крайины.

Подъ сѣнію монастырей вдохновлялись храбрые русскіе витязи, неустрашимые герои, рѣшавшіеся своею грудью защитить св. Русь отъ некрещ. басурманъ. Есть преданіе, что и самъ великій преобразователь Россіи Петръ I-й, во время своего похода на отдаленный Азовъ, получилъ одобреніе и благословеніе отъ неизвѣстнаго благочестиваго инока Пороиск. (Донец.) Успен. пустыни. Предъ походами на враговъ Креста, русскіе воины прежде всего являлись въ монастырь и здѣсь молились Богу и испрашивали себѣ благод. помощь на подвигъ, и Господь, по молитвамъ Церкви, давалъ имъ силу побѣждать враговъ... *Вознесемъ* теплыя молитвы за *тѣхъ* безвѣст. героев, защитниковъ нашего края, которые пали въ неравной битвѣ съ врагами Креста Христова и православнаго Царя, а такихъ героев въ нашей сторонѣ было много. Большая часть Воронеж. губерніи покрыта курганами. Эти курганы — напоминаютъ не объ однихъ только сторожкахъ — стоянкахъ стражи, охранявшей предѣлы русск. царства отъ нападенія татаръ, но и о мѣстахъ погребенія русск. людей. Не даромъ въ народѣ и доселѣ слывуть эти курганы подъ названіемъ *могилъ*. Подъ ними погребено много храбрыхъ русскихъ воиновъ. Дорогой русск. кровью полита эта сторона, бѣлыми костями — на берегахъ тихаго Дона и его притоковъ — полегли русскіе храбрецы; въ народ. преданіяхъ живетъ много рассказовъ о могильныхъ насыпяхъ, о курганахъ, какъ мѣстахъ славной геройской смерти русск. храбрыхъ людей. Самыя мѣстности своимъ названіемъ иногда напоминаютъ о самоотверж. мученич. кончинѣ первыхъ защитниковъ этого края. Такъ, *с. Костенскъ* (въ 35 вер. отъ Воронежа), по увѣренію ученыхъ, напоминаетъ о

страшной битвѣ русскихъ съ татарами: здѣсь костьми полегли наши предки подъ предводительствомъ Рязан. князей. Озеро *Рязань*—близъ г. Острогожска—напоминаетъ о жестокой рѣзнѣ храбрыми казаками татарскихъ полчищъ и т. п...

Обновимъ въ своей памяти одно изъ важнѣйшихъ и въ церков., и въ гражд. быту нашего города событіе—открытіе въ Воронежѣ епископской кафедрѣ; вознесемъ Господу Богу благодарств. молитву за то, что первопрестольникъ этой паствы святитель Митрофанъ и при жизни для всѣхъ вѣрующихъ не только въ своей епархіи, но и во всей Россіи былъ правиломъ вѣры, образцомъ кротости и смиренія, а по смерти—прославленный Богомъ нетлѣніемъ мощей, источаетъ неоскуд. милости, проливаетъ токи чудесъ. Счастливъ Воронежъ, имѣвшій такового первосвятителя, —примѣръ его благочестивой, святой жизни, благотворно влиялъ и на паству. Разказы о дивныхъ подвигахъ Митрофана, его ревностномъ охраненіи св. Церкви отъ раскола, невѣрія и суевѣрія, были сильными воспитательн. средствами къ поддержанію въ жившихъ здѣсь духа благочестія, преданности Царю и отечеству. Послѣдующіе архипастыри—воодушевляясь подвигами своего первопрестольника, старались подражать его святой жизни (Арсеній I-й—строгимъ постничествомъ, Тихонъ I-й святостию жизни, Левъ, христ. смиреніемъ, Пахомій—любовію къ благоуукрашенію храмовъ, Іоакимъ—* совершеннымъ нестяжаніемъ,—Антоній I-й горячею любовію къ отечеству, Антоній II-й вищелюбіемъ и т. д.) Имя такихъ архипастырей, и пасомые—наши предки, по мѣрѣ возможности, старались подражать ихъ высокимъ христіан. добродѣтелямъ,—а потому нашъ городъ, не смотря на свое отдаленное отъ правительствен. центра положеніе, не терялъ значенія, увеличивался и процвѣталъ.

*) По народ. преданію, послѣ Іоакима не осталось никак. цѣн. вещей, и онъ былъ погребенъ на средства гражданъ.

Благодарною молитвою обновимъ въ памяти нашей имена тѣхъ, которые блещутъ не славою своею земною дѣятельности, не громкими дѣянiями въ своей жизни, не богатствомъ и силою, а своимъ высокимъ христіанскимъ благочестіемъ. Земная слава — проходитъ и какъ дымъ исчезаетъ, и имена славныхъ сильныхъ земли, заправлявшихъ когда-то судьбами другихъ, не рѣдко предаются забвенію, и что не ими низводится на землю Божіе благословеніе, не они, а смиренные и нѣкимъ иногда не замѣченные, нерѣдко презираемые и гонимые современниками, угольники Божіи — твердая опора міра, и изъ-за нихъ Господь посылаетъ блага живущимъ на землѣ. Въ предѣлахъ нашего Воронежскаго края много было такихъ приснопамятныхъ рабовъ Божіихъ, угодившихъ Господу при своей жизни искреннимъ христіан. благочестіемъ и по смерти своей не перестающихъ молиться о благосостояніи земнаго своего отечества. Міру невѣдомы Угодники Божіи — *стѣмя святое*, по слову св. Писанія, *столпнѣ міра* (Исаіи 6, 13). Сильна предъ Богомъ молитва праведниковъ Его. На мѣстахъ ихъ земныхъ подвиговъ и временнаго упокоенія нынѣ процвѣтаютъ св. обители, города и веси. Такъ, *Воронежъ*, кромѣ святителя Митрофана, чудно и во очю всѣхъ прославленнаго, имѣетъ въ нѣдрахъ своей земли многихъ, б. ч., невѣдомыхъ міру, почившихъ Богу угодившихъ праведниковъ, какъ-то: Архипастырей: Арсенія I-го, Веніамина I-го, Иннокентія и др., къ тѣламъ которыхъ, по народ. преданію, не коснулось тлѣніе, приснопамятныхъ іерарховъ Арсенія 2-го и др., Іакова безмолвника, строгостію поста изумлявшаго своихъ современниковъ, старца Авраамія-пустынника, который по благодати Божіей изъ фанатика-мусульманина явился высокимъ образцемъ христіан. благочестія, затворицы Платониду, Таисію, блаженной памяти юродивыхъ Андрея (въ Покрово-дѣв. монастырѣ), Христіану, Марину (на Митроф. кладбищѣ) и многихъ другихъ, ихъ же имена вѣсть всевѣдущій Богъ. *Задонскъ*, прославленный въ послѣдніе годы открытіемъ цѣльбо-

носныхъ мощей святителя Тихона (I-го) — этотъ городъ, меньшій изъ городовъ отечества нашего, — болѣе другихъ славенъ именами высокихъ подвижниковъ благочестія: священно-игумена Евсевія, схи-монаховъ Митрофана, Агапита, Нафанаила, затворника Георгія. Христа ради юродиваго Антонія, стариць: Евфиміи, Матроны и мног. другихъ. Надъ Задонскомъ, по молитвамъ угодниковъ, видимо почиваетъ Господне благословеніе, что видно изъ того, что въ этомъ малолюдномъ городѣ четыре иноч. обители съ многими храмами Божиими. Въ предѣлахъ *Острогожскаго уѣзда* чтутся первооснователи древнѣйшей въ нашей странѣ обители Дивногорской — Иоасафъ и Ксенофонтъ и приснопамятные: святитель Павелъ, священно-архимандритъ Николай и ихъ сподвижники: Василій, Макарій и Серафимъ (см. Опис. Див. мон. стр. 5); великій старецъ Іоаннъ, подъ видомъ юродства, утаившій, по народ. преданію, священный санъ; основательница Бѣлогорской обители Марія, которая въ своей жизни была подсобна тезоименятой древней Маріи Египетской и глубок. нравствен. паденіемъ, и высокими святоподвижнич. подвигами, памятниками которыхъ служатъ пещеры, простирающіяся въ глубину мѣловыхъ горъ на протяженіи около трехъ верстъ; это — труды блаженной Маріи и ея приснопамятныхъ сотрудниковъ Іоанна, Андрея и другихъ. Не достанетъ и времени повѣдать о другихъ подвижникахъ, святочтимыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ нашего Воронежскаго края...

Отъ лѣтъ давно прошедшихъ, отъ глубокой старины нашей, обратимъ вниманіе на наше время и посмотримъ: — Что сдѣлано нами на пользу нашего роднаго края? Чѣмъ мы съ своей стороны содѣйствовали благоустроенію и процвѣтанію нашей отчизны? Какую жертву принесли мы на жертвенникъ нашего отечества? За разрѣшеніемъ этого вопроса пусть каждый изъ насъ обратится къ своей совѣсти и безпристрастно прослѣдитъ свою жизнь. Какими побужденіями

руководимся мы въ своей дѣятельности? Не угождени-
емъ ли себѣ самимъ, не улучшеніемъ ли только соб-
ствен. положенія, и иногда даже въ ущербъ благосо-
стоянію другихъ?!

Нашъ городъ, и по собственному наблюденію, и по свидѣтельству другихъ, въ послѣдніе годы стать клониться къ упадку, — замѣчаемъ паденіе торговли, оскудѣніе капиталовъ, разореніе домовъ; слышимъ постоянно о бѣдствіяхъ, постигающихъ нашъ край и съ кажд. годомъ болѣе и болѣе умножающихся и доводящихъ до нищеты прежде считавшихся богатыми... Видимъ отяготѣвшую надъ нами десницу Божію, карающую насъ то безплодіемъ земли, считавшейся въ прежнее время житницею Россіи, то падежемъ скота, то нападеніемъ на наши нивы невѣдомыхъ доселѣ зло-вредныхъ насѣкомыхъ, то истребленіемъ нашихъ полей саранчею, а садовъ и огородовъ — гусеницею и т. п. Все это не отъ того ли, что между нами *оскудѣваетъ праведникъ*; что мы отвратили не только очи, но и сердца свои отъ Бога...

Нын. день, посвященный воспоминанію трехсот-лѣтняго существованія Воронежа, долженъ быть для насъ и днемъ нашего обществен. сознанія въ нашихъ прегрѣшеніяхъ, изъ за коихъ нашъ городъ бѣднѣетъ, утрачиваетъ свое значеніе и падаетъ, днемъ все-народнаго раскаянія *за содѣяныя* нами въ мимошедшія лѣта, — и если для насъ дорого процвѣтаніе нашего города, благосостояніе цѣлаго края и наше собствен. благоденствіе, то лучшимъ средствомъ для всего этого должно быть нравствен. наше возстаніе, пробужденіе спящей нашей совѣсти и провозженіе благочест. жизни... Такова цѣль юбилея, а по церковному выраженію *обновленій*. Св. дерковъ въ службѣ обновленію взываетъ ко всѣмъ православнымъ христіанамъ: „Обновимся братіе и ветхаго челоуѣка со естрастьми и похотьми его отложивще, въ новой жизни проживемъ, въ новаго челоуѣка, въ вѣчный животъ насъ обновляюща-

го Христа облекшеса: всёмъ узду положимъ, отъ нихъ же смерть: вся уды накажемъ и всякую лукавую древа снѣдь возненавидимъ и обновленіе свое, еже чрезъ крещеніе, всегда поминающе, древнихъ злыхъ отбѣжимъ. Тако бо обновляется человекъ и сице почитается обновленія день.“ (Стих. на Госп. воззв.). Аминь. (Ворон. Епар. Вѣд.“ 1886 г.)

Рѣчь по случаю 300-лѣтняго юбилея города Воронежа,

составленная гласнымъ Воронежской городской думы, Г. М. Веселовскимъ и читанная имъ въ залѣ Дворянскаго Собранія 11-го мая 1886 года.

Ваше Преосвященство,
Милостивыя Государыни и
Милостивые Государя.

Въ настоящемъ торжественномъ собраніи на мою долю выпало сказать рѣчь, по случаю празднованія Воронежемъ 300 лѣтняго юбилея.

Безъ сомнѣнія, эта рѣчь должна быть посвящена, прежде всего, изложенію исторической судьбы Воронежа за 300 лѣтъ его существованія, — но возможно-ли въ какихъ нибудь 30 минутъ изложить эту 300 лѣтнюю судьбу!!!

Я заранѣе отказался отъ этой задачи и взялъ на себя другую — изложить предъ Вами только тѣ выпуклыя черты 300 лѣтней судьбы Воронежа, которыя составили и до настоящаго времени составляютъ индивидуальную, такъ сказать, особенность его исторіи.

Раскрывъ мѣстные лѣтописи, внимательно вчитавшись и вдумавшись въ ихъ сказанія, невольно видишь въ 300 лѣтней жизни Воронежа три характерныхъ полосы, изъ коихъ каждая отличается своею яркою соціальною окраскою, и каждая, въ то-же время, занимаетъ почти по стгу лѣтъ своей продолжительности.

Первая полоса или, говоря научно, первый періодъ исторіи Воронежа начинается съ 1-го марта 1586 г.— со дня изданія указа о построеніи Воронежа—и простирается до 1694 г.—т. е. до времени перваго Азовскаго похода Петра Великаго.

На этомъ первомъ періодѣ существованія Воронежа, для всякаго любознательнаго обывателя неизбежно возникаютъ два существенныхъ вопроса: 1)—зачѣмъ Московскому правительству нужно было вызвать къ жизни городское поселеніе въ глухомъ краю? и 2)—какъ это городское поселеніе выполнило ту задачу, какая была ему предназначена?

Основываясь на указѣ Царя Θεодора Іоанновича— о построеніи г. Воронежа, нужно думать, что Воронежскій край, по видамъ Московскаго правительства, долженъ былъ быть, какъ говорится, съ головы и до ногъ вооруженнымъ, неся сначала вѣстовую, сторожевую и крѣпостную службу, а потомъ, немного позднѣе,— и службу колонизаторскую.

Не смотря на краткость указа о самой мѣстности построенія Воронежа, посланные строители-воеводы, однако-жъ, замѣчательно умѣло распорядились выборомъ мѣста для построенія древняго города. Если мы примемъ въ соображеніе, что новостроющійся украинный (пограничный) городъ долженъ былъ, прежде всего, отправлять сторожевую и крѣпостную службу отъ набѣговъ сосѣднихъ кочевыхъ ордъ, то увидимъ, что мѣсто, избранное для построенія древняго Воронежа, какъ нельзя лучше, соответствовало какъ стратегической цѣли, такъ и цѣли будущаго мирнаго и культурнаго развитія.

Словомъ—царскіе воеводы-строители поступили такъ-же стратегически-умно и предусмотрительно, какъ поступили-бы, въ подобномъ случаѣ, и современные инженеры и офицеры генеральнаго штаба, вооруженные современной стратегической наукой.

На первыхъ-же порахъ, г. Воронежъ—крѣпость съ воинственнымъ населеніемъ, опоясывается посадомъ и рядомъ слободъ, населеннымъ мирнымъ ремесленнымъ, промышленнымъ и земледѣльческимъ людомъ. Эта характерная черта украинскихъ сторожевыхъ городовъ кладетъ въ основаніе поселенія зародышъ двухъ жизней:—пока за поселеніемъ сохраняется стратегическое значеніе, культурное развитіе лежитъ подъ спудомъ, но какъ только городъ отживаетъ значеніе военного пункта, онъ начинаетъ новую жизнь по пути мирнаго развитія.

Законы роста по возрастамъ повторяются совершенно одинаково какъ въ жизни отдѣльнаго индивидуума, такъ и въ жизни цѣлыхъ обществъ, народовъ. Это—историческій законъ, твердо установленный наукой. Я не буду останавливаться на немъ съ общей точки зрѣнія, тѣмъ болѣе, что нашъ городъ, какъ созданный не по вольному выбору населенія, а съ твердо-опредѣленною стратегическою цѣлью правительства, представляетъ, въ данномъ случаѣ, нѣкоторое отступленіе. Поставленный сразу въ отвѣтственное положеніе сторожеваго пункта; заселенный людьми служилыми, съ обеспеченными правительствомъ средствами къ жизни—со строго-формулированными обязанностями и обширными полномочіями—Воронежъ миноваль первую пору, первый историческій возрастъ всякаго поселенія, и сразу является центромъ для своей цѣли—благоустроеннымъ, сильнымъ и значительнымъ. На этомъ сторожевомъ стратегическомъ посту Воронежъ, наравнѣ съ другими такими же центрами, переноситъ раззореніе отъ набѣговъ казацкихъ вольницъ и воинственныхъ сосѣдей; поддается въ смутное на Руси время самозванцамъ, со всѣми послѣдствіями смуть—словомъ, живетъ тревожною боевою жизнью, не заглядывая впередъ и не пытая будущее. Чтобы судить о томъ, какъ часты были нападенія непріятелей-сосѣдей, достаточно указать, что вся юго-восточная Украина въ разныхъ

направленіяхъ перерѣзана была варварскими „*сажмами*“ (слѣды отъ конскихъ копытъ), „до черна битыми“. Калмыкъ, татаринъ, черкасъ (казакъ), раскольникъ — вотъ кто были главные враги, слѣдивше за каждою оплошностью не только мирнаго украинскаго жителя, но и самыхъ служилыхъ людей. Часто, въ виду города, непріятель отгонялъ конскія и животинныя стада, бралъ въ плѣнъ дѣляя толпы жителей, или, ограбивъ до нага, отпускалъ ихъ въ свои деревушки, опустошенныя и разоренныя до послѣдней крайности...

Московскому Правительству содержаніе Воронежа, со всею его крѣпостною администраціею, стояло не малыхъ затратъ и жертвъ, не принося почти никакихъ или, во всякомъ случаѣ, крайне ничтожные доходы, такъ какъ населеніе, которое несло-бы государственные расходы, было весьма малочисленно. Въ силу такого положенія, въ число задачъ московскаго правительства входило возможно скорое заселеніе Воронежскаго края. Выполненію этой задачи помогло политическое состояніе украины въ XVII вѣкѣ, куда бѣжало все, недовольное своимъ состояніемъ и положеніемъ внутри Россіи. Конечнымъ пунктомъ и цѣлью бѣглыхъ помѣщичьихъ колоній былъ Донъ, съ его казацкими вольницами, но туда они попадали чрезъ Воронежъ. Находя себѣ здѣсь пріютъ и укывательство, многіе оставались въ Воронежѣ осѣдыми жителями, поступая даже въ служилые люди, или-же занявшись мирнымъ трудомъ. Правительство, въ интересахъ заселенія края, не придавало слишкомъ большой важности экономической потерѣ помѣщиковъ чрезъ бѣгство отъ нихъ кабалныхъ людей, и узаконило пятилѣтнюю давность для всѣхъ дѣлъ о бѣглыхъ крестьянахъ.

Такимъ образомъ, первоначальное населеніе Воронежа составилось изъ самыхъ разнообразныхъ, въ большинствѣ неустойчивыхъ, воинственныхъ элементовъ. Наиболѣе безпокойнымъ элементомъ было казачество, составившееся наполовину изъ старожиловъ,

закаленныхъ въ удалыхъ схваткахъ съ непріятелемъ, — наполовину — изъ „охочихъ людей“ изъ Рязанскихъ земель — полу-татарь, мещеряковъ, мордвы, туземныхъ татарь — Нагаевъ, принявшихъ крещеніе и водворившихся среди русскихъ. Воронежское казачество, какъ и всѣ современныя ему на окраинахъ, отличалось разбойническимъ направлениемъ, и не только было часто въ тягость жителямъ, но и обременяло воеводу, которому приходилось усмирять и улаживать его.

Во главѣ городского населенія въ то время обыкновенно стоялъ царскій воевода, не раздѣлявшій, въ началѣ, своей обширной полномочіями власти ни съ жемъ и выполняя одинъ всѣ функціи правительственной власти.

Только впоследствии, съ осложненіемъ дѣлъ и при совершенно другой задачѣ города, стала мало-по-малу специализироваться и раздѣляться власть воеводы съ другими лицами, при чемъ, какъ въ уголовное, такъ и въ финансовое управленіе введено было выборное начало, хотя высшій мѣстный контроль надъ всѣмъ управленіемъ всегда оставался въ рукахъ воеводы. Воеводы на Воронежъ назначались сначала по двое — старшій и младшій, а потомъ — и по одному а мѣсто младшаго воеводы заступаетъ уже „осадный голова“.

Всѣ расходы по содержанію крѣпости Воронежа далеко превосходили скудные въ началѣ доходы казны съ торговли и промысловъ. Только впоследствии, когда измѣнилось воинственное положеніе города, и стали развиваться торговля и промышленность, доходы и расходы казны стали уравниваться.

Возникновеніе Воронежа относится къ той порѣ Русской исторіи, когда все вообще русское народное ховяство находилось еще въ первобытныхъ формахъ: промышленности мануфактурной, фабричной, заводской — почти не существовало даже въ мѣстахъ со скученнымъ населеніемъ, а тѣмъ болѣе на окраинахъ, — была только въ общемъ распространеніи на всемъ протяже-

ни Русской территоріи промышленность земледѣльческая и натурально-торговая, но и та, и другая еще не отдѣлились одна отъ другой и существовали вмѣстѣ въ однихъ и тѣхъ-же рукахъ;—другими словами: сословіе торговцевъ было въ тоже время, и сословіемъ земледѣльцевъ, а иногда, какъ напримѣръ въ Воронежѣ, оно-же было и служилое сословіе.

Но, потомъ, торговое значеніе Воронежа начинаетъ быстро измѣняться, вмѣстѣ съ быстрымъ возрастаніемъ населенія юго-восточной украины. Въ теченіи одного столѣтія (XVII) Воронежъ получаетъ уже значеніе торговаго центра, точно такъ-же, какъ онъ дѣлается въ это время центральнымъ мѣстомъ для склада и отпуска необходимыхъ военныхъ запасовъ на Донъ (донскихъ отпусковъ).

Изъ промысловъ, существовавшихъ въ древнемъ Воронежѣ, упоминаются въ Воронежскихъ актахъ: земледѣліе, промыслы на р. Дону и звѣриные—въ окрестныхъ лѣсахъ, а также—пчеловодство,—это были самыя древнѣйшіе промыслы, существовавшіе здѣсь еще раньше основанія города Воронежа.

Частная жизнь: нравы и обычаи Воронежа, внѣшность и внутренность жилищъ—ни въ чемъ почти не отступали отъ общихъ чертъ патріархальной жизни на Руси въ XVII вѣкѣ. Та-же изба, съ сѣнями, раздѣленная на горницы и свѣтлицы, съ краснымъ крыльцомъ и теремами, съ амбарами, житницами, конюшнями, погребицами и бидноженками; тѣ-же сосуды и утварь: ковши, ставцы, чаши хлѣбныя, братины, енды и др.—серебряныя, оловянныя и мѣдныя;—тѣ-же наряды—ферези на соболяхъ—алма и бѣлыя, однорядки, кафтаны съ позументами и по чину нашивками; зидуны, полукафтаны, епанчи, шубы, шапки, сапоги изъ грубой кожи и сафьяна,—словомъ—какъ это водилось на всей Руси,—и особенность военнаго населенія—оружіе: сабля, садакъ, лукъ, ладуна, пистолець, самопаль—нѣрѣдко съ отдѣлкою изъ серебра, бархата, кости или раковины.

Тоже самое надо сказать и о внутреннем складѣ жизни мѣстнаго населенія какъ въ семьѣ, такъ и въ общественномъ строѣ. Въ XVII вѣкѣ на Руси еще крѣпко держались патриархальные родовые принципы, безусловно заправляя семейною и общественною жизнью и строго внося въ семью тенденціи Сильвестровскаго „Домостроя“ и воспитывая на почвѣ ихъ мировоззрѣніе общества. Право главы рода, государя родовой семьи, почиталось, какъ неограниченное и безъапелляціонное, точно такъ-же, какъ въ общественной жизни царилъ принципъ права сильного, рождая рабство семейное, рабство социальное и рабство служилое. Въ особенно-тяжеломъ положеніи, по свидѣтельству всѣхъ историковъ, находилась въ древне-русской жизни — женщина всѣхъ сословій, о которой народная мудрость сложила поговорку, что „кураца — не птица, женщина — не человѣкъ“. Дѣйствительно, обстановка ея жизни, начиная съ теремовъ и кончая людской избой, исключала все разумное. Даже законное материнское чувство не всегда могло проявляться свободно. Воярышня, сѣнная дѣвушка, кабальная дѣвка, — всѣ онѣ жили одной мыслью — о замужествѣ, одинаково подневольныя въ выборѣ мужа, а выданныя замужъ за нелюбимаго человѣка — тянули свою долюшку безропотно, или-же предавались тайному разврату, а въ иныхъ случаяхъ, доведенныя до крайности, прибѣгали къ кровавой расправѣ. Только въ концѣ XVII столѣтія, патриархальная семья, подточенная лицемѣріемъ и рабскимъ тайнымъ сопротивленіемъ, начинаетъ падать, готовая уступить теченію жизни и новымъ ея идеаламъ.

Въ обычаяхъ и нравахъ того времени еще очень ярко сквозятъ остатки язычества, выражаясь въ грубой невѣжественности, полной суевѣрій.

Если въ Воронежѣ эти черты XVII вѣка не такъ рельефно обозначились, какъ въ другихъ внутреннихъ областяхъ, то лишь благодаря его полуосѣдлому населенію, на половину неспокойному, неустойчивому и не разъ преступавшему законъ и право. Къ тому-же ча...

стве проѣзды чрезъ Воронежъ иностранныхъ пословъ, такъ или иначе, вносили съ собою въ народную жизнь новые элементы, знакомя съ обычаями и правами другихъ народовъ.

И такъ, какъ военный центръ, Воронежъ не могъ удерживать въ полной неприкосновенности традиціи отцовъ и дѣдовъ, а новая первенствующая роль, выпавшая на его долю, съ эпохою Петра Великаго, опрокинула старый строй патріархальной жизни, налетѣвъ на него неотразимымъ шкваломъ...

Еще ранѣе, уже съ половины XVII вѣка стратегическое значеніе Воронежа начинаетъ мало-помалу падать, перейдя на долю земли Донскихъ казаковъ, силами которыхъ Московское правительство рассчитывало добывать оттѣсненныхъ къ югу Нагаевъ и Крымцевъ. Такимъ образомъ, впереди Воронежа образовался новый стратегическій пунктъ, упразднявшій сторожевую службу Воронежа, но этотъ новый пунктъ требовалъ поддержки; — требовалъ „кормленія“, и Воронежу выпала роль „питательнаго“, такъ сказать, пункта. Эту новую нелегкую службу Воронежъ несъ въ видѣ извѣстныхъ „Донскихъ отпусковъ“, дожившихся тяжелымъ бременемъ на мѣстное населеніе...

На этой переходной ступени, отъ военной къ мирной обывательской жизни, застала Воронежъ эпоха Петра Великаго, избравшаго Воронежъ мѣстою выполнения своихъ грандіозныхъ плановъ — созданіе русской флотиліи, и, такимъ образомъ, роль Воронежа, какъ питательно-служебнаго военнаго центра, продержалась еще на четверть вѣка.

Съ эпохою Петра, начинается новая эпоха для Воронежскаго края.

Не много въ Русской исторіи городовъ, на которыхъ останавливалась великая политическая мысль нашихъ великихъ политическихъ дѣятелей, но эта доля досталась Воронежу. При пробудившемся сознаніи политическаго значенія Россіи и при возникшей мысли —

о необходимости сближенія Россіи съ западною Европою, отдѣлавшись навсегда отъ преобладанія надъ собою Востока, надежды обновлявшейся Россіи, въ лицѣ Петра 1-го, упали, главнымъ образомъ, на три пункта: 1-й—это Сѣверное море съ своимъ Архангельскомъ; 2-й—Южное море (Азовское и Черное) съ своимъ Азовомъ и Воронежемъ, и 3-й—Балтійское море съ своимъ еще только существовавшимъ въ то время въ идеѣ—С.-Петербургомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тотъ или другой ходъ Русской исторіи вполнѣ зависѣлъ отъ того, на долю какого изъ этихъ трехъ политическихъ пунктовъ выпадетъ жребій—сдѣлаться окномъ въ западную Европу. Исторія давно рѣшила этотъ жребій, и мы теперь имѣемъ уже нѣсколько періодовъ Русской исторіи, развившихся преимущественно подъ вліяніемъ Петербурга. Но въ то время, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, еще была возможность и иного выбора: прежде чѣмъ возникъ Петербургъ, политическая мысль и надежда покоились на Вѣломъ морѣ; а когда надежда эта оказалась неудобоосуществимою, тѣже надежды, и еще съ большимъ политическимъ нетерпѣніемъ, перенеслись съ сѣвера на югъ—черезъ Воронежъ, къ Азовскому морю. Вотъ эта-то пора—и есть та историческая страница, какую по праву приобрѣлъ себѣ въ Русской исторіи г. Воронежъ.

Грандіозный планъ свой Петръ Великій осуществилъ если не вполнѣ, то, для ближайшихъ своихъ воинственныхъ цѣлей, удовлетворительно: Азовъ былъ взятъ, и, такъ или иначе, Воронежская флотилія, созданная Петромъ, послужила ядромъ будущаго могущественнаго русскаго флота.

Въ теченіи пятнадцати лѣтъ, съ 1694 г. и по 1709 г., Петръ Великій нѣсколько разъ посѣщалъ Воронежъ; жилъ здѣсь въ устроенномъ для него „Государевѣ шатрѣ“; создалъ верфь, адмиралтейство; работалъ съ топоромъ и пилою въ рукѣ и, не щадя силъ и энергіи, упорно, путемъ борьбы и строгостей, за-

ставилъ работать весь край, призывая на верфь всѣ способныя къ труду силы. Волею и энергіей Царя, закипѣла на Воронежѣ спѣшная горячая работа по кораблестроенію, создавъ для него даже специальную мѣстную администрацію и привлекая въ Воронежъ до 50 т. рабочихъ. Но въ дѣлѣ судостроенія Петру Великому пришлось испытать не мало и разочарованій, такъ какъ значительное число кораблей оказались плохо состроенными....

Съ 1703 г. кипучая дѣятельность въ Воронежѣ начинаетъ замирать, уступивъ мѣсто, дѣятельности Тавровскому адмиралтейству.

Въ этотъ періодъ корабельныхъ работъ въ Воронежскомъ краю, силы Россіи уже не тяготѣли къ одному пункту, какъ это было до 1700 г. Съ этого года началась упорная война со Шведами, и съ 1703 г. едва-ли еще не съ большею энергіею, чѣмъ въ Воронежѣ, закипѣла работа на Финскомъ заливѣ, при созданіи Петербурга; а тутъ еще на югѣ загорѣлся, было, бунтъ Булавина, грозившаго уничтожить до основанія Азовскій флотъ,—все это парализировало ходъ работъ на Воронежѣ. Такимъ образомъ, съ 1703 г. до самой смерти Петра, г. Воронежъ уже не имѣетъ за собою крупныхъ историческихъ фактовъ и погружается съ этихъ поръ въ общую судьбу Русскихъ городовъ, теряя мало-по-малу свои особенности, отличавшія его исторію какъ до Петра, такъ и въ Петровскую пору.

Что-же дала Воронежу и какое значеніе имѣла на историческую судьбу Воронежа эпоха Петра Великаго?

Поставленный волею Петра въ первенствующую роль, какъ военная верфь, Воронежъ призванъ былъ сослужить отечеству великую службу,—но Воронежскому краю она не дешево стоила, положивъ на алтарь отечества много тяжелыхъ жертвъ. Прежде всего, бросается въ глаза огромная затрата капитала и труда на приготовленіе необходимыхъ предметовъ возникавшаго флота:—все, что было на пути шествія изъ Моск-

вы въ Воронежѣ—должно было въ эту пору служить одному дѣлу. Прежде всего, разумѣется, гнетомъ легла подводная повинность: — окрестные жители отбывали ее уже не „понаряду“, какъ это обыкновенно дѣлалось, а „поголовно“. Подводчики часто бросали подводы и убѣгали въ лѣса, откуда, вѣроятно, возвращались не скоро, если мы примемъ во вниманіе требованіе Государя—„читать все безъ мотчанія и порухи, на спѣхъ, днемъ и ночью“, а иногда подъ угрозою „великаго разоренія и смертной казни, за оплошку и нерадѣніе“.

Рядомъ съ этимъ, не меньшій беспорядокъ въ хозяйствѣ производили солдатскіе переходы и стоянки. Этотъ бурный переходъ будущихъ моряковъ изъ Москвы въ Воронежѣ сопровождался „самовольствомъ“ и „дуровствомъ“ солдатъ, вслѣдствіе чего, Лефорть, до котораго дошли объ этомъ слухи, не замедлилъ писать Государю—„о приказаніи капитанамъ смотрѣть за солдатами, чтобъ отъ нихъ дуровства не было,—дорогою они много дуровали“. Мы уже не указываемъ здѣсь на тяжелую повинность струговаго дѣла, надъ которымъ должны были работать до 30000 человекъ въ такомъ краю, который еще не могъ въ то время считаться достаточно люднымъ краемъ.

Народная нелюбовь къ затѣямъ Петра въ Воронежѣ выразилась въ обыкновенномъ Русскомъ реактивномъ средствѣ—въ побѣгахъ и пожарахъ. Въ сочиненіи г. Елагина есть нѣсколько весьма важныхъ фактовъ, по которымъ можно судить, до какой степени разстраивался Воронежскій край, вслѣдствіе этихъ постоянныхъ нарядовъ на казенныя Воронежскія работы. Тяжесть нарядной службы тѣмъ болѣе увеличивалась, что рабочіе должны были имѣть свои запасы, подводы съ лошадьми и кормомъ и топоры. Разумѣется, слѣдствіемъ такихъ чрезмѣрныхъ требованій, начались побѣги, и множество подъячихъ отправлено было по уѣздамъ съ приказаніемъ: „тѣхъ бѣглецовъ, сыскавъ, отослать ихъ къ воеводамъ, а за побѣги учинить имъ наказаніе“.

—бить батоги“. Въ однихъ мѣстахъ жены и дѣти заключались въ тюрьмы, въ другихъ — бились на правезѣ выборные лучшие люди, въ иныхъ, какъ на примѣръ, въ Усмани было приказано воеводѣ, „ежели не достанетъ указаннаго числа помѣщичьихъ и вотчинничьихъ крестьянъ, выслать въ добавку самихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ съ лошадьми и топорами“. Такимъ образомъ, Воронежскій край пустыль; поля и вообще всякая частная производительность края отъ недостатка рабочихъ рукъ рѣшительно приходила въ упадокъ.

Пребываніе Петра въ Воронежѣ, со всею его святою, съ иностранцами-мастерами, не могло не имѣть громаднаго вліянія на мѣстныхъ жителей. Воронежъ, едва-ли не прежде всѣхъ другихъ городовъ, долженъ былъ столкнуться съ реформою Петра. Не даромъ мы встрѣчаемъ указанія на тотъ замѣчательный фактъ, что Воронежское купечество при Петрѣ приняло Европейскій оттѣнокъ и рѣзко отличалось отъ купечества другихъ городовъ. Пирь и празднества, бывавшіе въ Воронежѣ всякій разъ по пріѣздѣ сюда Государя, — пирь, обставленные иностранными обычаями и затѣями, часто шедшими въ радикальный разрѣзъ съ Русскою стариною, — а тутъ еще цѣлые кварталы голландцевъ и нѣмцевъ съ ихъ оригинальною, въ особенности въ глазахъ тогдашняго Русскаго общества, жизнію, начиная отъ костюма и оканчивая языкомъ и пищею — безъ всякаго сомнѣнія, возбуждали въ мѣстныхъ жителяхъ напряженное чувство, и если не захватывали этого чувства въ свою пользу, то, по крайней мѣрѣ, возбуждали борьбу, реакцію, выразившуюся особенно рѣзко въ столкновеніяхъ тогдашняго мѣстнаго представителя Русской жизни и православія святителя Митрофана съ Петромъ. Наконецъ, и первая школа грамотности открыта была въ Воронежѣ Петромъ I-мъ.

Массы пришлаго люда, шедшаго въ Воронежъ для корабельнаго дѣла, создали громадный спросъ на пред-

меты добывающей и обрабатывающей промышленности. Въ силу этого, Петровская пора владеть основаніе тѣмъ промысламъ, которые отвѣчали потребностямъ того времени и которые впоследствии развились въ фабричную промышленность. Таковы, напримѣръ: суконное и кожевенное производства. Вместе съ тѣмъ, въ Петровскую пору необыкновенно оживляется торговля Воронежа. Если мы вспомнимъ, что на Воронежѣ считалось иногда до 50 т. рабочихъ рукъ, специально занятыхъ корабельнымъ дѣломъ, то невольно придемъ къ заключенію, что въ то время болѣе, чѣмъ когда нибудь, должно было образоваться и быстро развиваться въ Воронежѣ специально-торговое сословіе, удовлетворявшее только нужды и потребности специально занятого корабельнымъ дѣломъ люда. Поэтому, Петровскую пору мы считаемъ первымъ моментомъ для специализированія торговаго сословія. До Петра Воронежскіе торговые люди все еще оставались столько-же торговцами, сколько и производителями, а послѣ Петра въ Воронежѣ образуется уже въ настоящемъ смыслѣ *купечество*. Главный торгъ послѣдняго, по словамъ Болковитинова, состоялъ въ казенныхъ подрядахъ и откупахъ.

Но искусственно-вызванная Воронежская торговая дѣятельность при Петрѣ, едва-ли могла бы повести къ благопріятнымъ результатамъ, если бы Воронежское купечество, въ свое же время, не пошло опять по той дорогѣ, по какой шли его предшественники—торговые люди. Мы не хотимъ отвергать того вліянія на наше Воронежское купечество, какое имѣла на него Петровская пора и какую признавали за нею, какъ Митроп. Евгений, такъ и составители „Экономическаго описанія (въ 1811 г.) Воронежской губерніи“, говорившіе „что самый языкъ и общежительныя обыкновенія у Воронежскаго купечества противъ прочихъ украинскихъ—ближе къ Московскимъ и С-Петербуржскимъ“. Такого вліянія отвергать нельзя; оно неизбѣжно; но мы хотимъ только сказать, что Петровскому Воронежскому

купечеству не дано прочной основы, какъ не дано такой основы и всему вообще Петровскому дѣлу въ Воронежѣ;—если можно такъ выразиться, ему данъ былъ духъ предприимчивости,—духъ спекулятивный, но самый предметъ этой предприимчивости былъ столько же рискованнымъ, сколько и политическія надежды Петра—черезъ Воронежъ съ его флотомъ—создать политическо-европейскую силу Россіи. И, дѣйствительно, многіе изъ Воронежскаго купечества—приверженцы Петровской производительности—постепенно переходили за его пріятіями:—то въ Тавровъ, то въ Павловскъ, то въ Таганрогъ и Азовъ, то опять назадъ въ Воронежъ,—если не разоренные, то близкіе къ этому.

Для подтвержденія же той мысли, что Воронежское купечество послѣ Петра опять обратилось къ оборотамъ натуральными продуктами своей мѣстности, есть указаніе Митр. Евгенія, писавшаго свое сочиненіе о Воронежской губерніи, въ концѣ XVIII вѣка и которому, слѣдовательно, могли быть достовѣрно извѣстны купеческія операціи этого вѣка. „Пока въ Воронежѣ и другихъ нижнихъ мѣстахъ“, говоритъ онъ, „были адмиральтейскія заведенія, то Воронежскіе купцы купечествовали нужными для оныхъ запасами; а послѣ начали отправлять изъ Воронежа на низовыя Донскія мѣста и на Кавказскую линію хлѣбъ по Дону барками, называемыми здѣсь будары“.

Съ внѣшней стороны Воронежъ въ Петровскую пору хотя и обогатился постройками, но эти постройки имѣли спеціальное назначеніе и уничтожены почти всѣ рядомъ пожаровъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Опустошительный пожаръ 1748 г., уже по смерти Петра Великаго, уничтожилъ почти весь новый городъ и смель въ Воронежѣ внѣшніе памятники временъ великаго Преобразователя. Петровское дѣло, чрезъ какихъ нибудь 50 лѣтъ, также сдѣлалось преданіемъ, не рѣдко переходящимъ въ устахъ простаго народа въ одинъ мнѣическій рассказъ.

Но исчезло ли вліяніе Петровской поры на позднѣйшія поколѣнія Воронежцевъ—это рѣшается само собою, если принять во вниманіе ту характерную особенность г. Воронежа, которая и теперь еще обособляетъ его въ средѣ другихъ губернскихъ городовъ. И въ настоящее время еще слышатся въ устахъ простонародія—то пѣсня, то сказка про какого-то богатыря-Царя, и эти пѣсни, и эти сказки можно слышать въ нижней части города, гдѣ остался до сихъ поръ передъ глазами жителей одинъ унылый памятникъ Петровской поры—„Цейхгаузъ“, слывущій въ народѣ подъ названіемъ „чихауса“.

И такъ, еще со второй половины царствованія Петра Великаго, началось политическое увяданіе Воронежа.

Историческая пѣсенка Воронежа была спѣта еще при жизни Петра. Правда, въ это время изъ Петербурга шли еще царскіе указы, какъ-бы свидѣтельствовавшіе о заботѣ Петра о Воронежскомъ краѣ, но эти указы безъ личнаго „орлинаго взгляда“ Петра, превращались мало-по-малу въ однѣ лишь „приказныя отписки“,—въ одну лишь формальную процедуру—„что на Воронежѣ-де что-то надо сдѣлать и что-то тамъ дѣлается“. По существу же дѣла оказывалось, что послѣ того, какъ Петръ Великій пересталъ лично заглядывать въ г. Воронежъ, все Его дѣло здѣсь „пошло прахомъ“.

Городъ Воронежъ въ эту пору пріобрѣтаетъ значеніе провіантскаго и продовольственнаго пункта, снабжавшаго продуктами своего плодороднаго края какъ мѣстныя войска, такъ и цѣлыя южныя арміи.

Съ этого момента начинается третій періодъ въ исторіи Воронежа, въ теченіи котораго Воронежъ жилъ мирною жизнью постепеннаго культурнаго развитія, наравнѣ съ другими внутренними городами Россіи.

Какъ Петръ Великій, такъ и Екатерина Великая для г. Воронежа сдѣлали весьма много. Лѣтописныя

страницы ихъ царствованій для г. Воронежа, не смотря на то, что оны, по волѣ историческихъ судебъ, вошелъ въ послѣдствіи въ обычную сѣренькую колею губернскаго города, все-таки запечатлѣны золотыми буквами. Съ одной стороны, при Петрѣ I и Екатеринѣ II, г. Воронежъ успѣлъ сослужить трудную службу общегосударственнымъ цѣлямъ, а съ другой—сумѣлъ выдѣлить себя изъ среды другихъ губернскихъ городовъ настолько, что его и теперь еще нельзя ставить на одну доску съ Тамбовомъ, Курскомъ, Пензой и т. п. губернскими городами.

Въ 1772 году, Воронежъ снова былъ опустошенъ пожаромъ и возстановлялся уже по плану, конфирмованному 11-го марта 1774 года.

Но внѣшнее улучшение города Воронежа, вытекавшее, такъ сказать, изъ стихійныхъ поводовъ, затмѣвалось въ исторіи г. Воронежа болѣе яркимъ государственнымъ актомъ Екатерины Великой—учрежденіемъ Намѣстничества и введеніемъ „Учрежденія о губерніяхъ“. Во время оно, Намѣстничество—это была такая административная единица, которая равнялась современнымъ „областямъ“ съ обширностью ихъ земли и населенія. Воронежскіе Намѣстники, проживавшіе хотя и непостоянно въ г. Воронежѣ, стягивали около своей квартиры столько служебныхъ лицъ и частныхъ иногороднихъ пришеенцовъ, что отъ скопленія и суетоли административныхъ и частныхъ лицъ г. Воронежъ приходилось извлекать одну лишь пользу и „богатѣть“.

По инструкціи, данной Намѣстникамъ въ руководство, должны были первыми открыться въ г. Воронежѣ учрежденія, вѣдавшія специально дѣла губернскаго города Воронежа. Это—первый моментъ зарожденія автономныхъ учреждений въ г. Воронежѣ.

Послѣ параднаго открытія въ Воронежскомъ Намѣстничествѣ разныхъ учреждений, наступила пора

внутренней, такъ сказать, работы разнаго рода канцелярій, на плечи которыхъ цѣлыми массами ложились всевозможныя инструкціи Намѣстническаго Правленія: — о заведеніи новыхъ порядковъ и о разрѣшеніи, такъ или иначе, встрѣчавшихся на практикѣ вопросовъ и недоразумѣній. — Согласно новому „Учрежденію о губерніяхъ“, ломался вѣковой строй прежняго провинціальнаго управленія — и можно себѣ представить, сколько заботъ и трудовъ нужно было положить на первыхъ порахъ, чтобы, съ одной стороны, не надорвать работниковъ этого перелома, а съ другой, чтобы ввести въ жизнь новыя реформаціонныя идеи Великой Преобразовательницы! Словомъ — это было время: для однихъ — поборниковъ старины — временемъ полнаго отчаянія и недоумѣнія, чѣмъ закончатся въ результатѣ смѣлыя и гуманныя реформы, для другихъ — поборниковъ новизны — временемъ лучшаго приложенія своихъ силъ и средствъ для привитія и укрѣпленія въ русской государственной жизни новыхъ началъ.

Въ концѣ XVIII ст., въ Воронежѣ, благодаря занятому имъ мѣсту центра обширнаго управленія, стали возникать и такія учрежденія, которыя говорили о развитіи общественныхъ потребностей, выходившихъ изъ ряда вонъ. Въ 1787 г. получилъ свое начало и Воронежскій театр, обязанный своимъ возникновеніемъ и устройствомъ Воронежскому Намѣстнику В. А. Черткову.

Не забыто было въ Воронежѣ, въ концѣ XVIII ст., и печатное дѣло. По настоящему, впрочемъ, ему слѣдовало-бы возникнуть еще раньше, именно: въ 1709 г., когда Петръ Великій, находясь въ послѣдній разъ въ Воронежѣ, былъ весьма усердно занятъ водвореніемъ печатнаго дѣла въ Россію.

Сообразно принятому послѣ Петра направленію, и экономическая жизнь Воронежа постепенно переходила отъ искусственно возбужденной экономической

предпринимчивости — къ предпринимчивости, указываемой естественнымъ географическимъ положеніемъ края.

Рѣчь моя, мн. гг., жъ безъ того затанулась дѣлами старинны глубокой, а потому, переходя къ исторіи XIX вѣка, я позволю себѣ остановиться лишь на болѣе выдающихся моментахъ этого періода. Но прежде я долженъ отмѣтить характерную особенность нашего вѣка, — это активное и сознательное участіе общественной инициативы въ дѣлахъ обще-государственныхъ.

Въ Воронежѣ починъ исполненія гражданского долга принадлежитъ Воронежскому дворянству, которое, въ тяжелую годину приготовленій къ отечественной войнѣ, сдѣлало весьма значительныя пожертвованія на военныя нужды и повторяло таковыя неоднократно и впоследствии. Примеру дворянства послѣдовало вскорѣ и купечество. Призывъ правительствомъ дворянъ къ образованію милиціи встрѣчался въ Воронежѣ съ энтузіазмомъ. Въ одномъ этомъ фактѣ сказывается значительный ростъ въ уровнѣ общественнаго развитія и замосознанія. На этой почвѣ вырастаетъ впоследствии большинство общественныхъ учрежденій филантропическаго и образовательнаго характера, созданныя общественной инициативой на общественныя средства и пожертвованія частныхъ лицъ....

А также цѣлый рядъ царскихъ посѣщеній, слѣдовавшихъ одно за другимъ, держатъ Воронежъ на виду, такъ сказать, и, какъ видный городъ — Воронежъ имѣлъ побудительныя причины заботиться о своемъ благоустройствѣ, получая въ милостивыхъ отзывахъ Высочайшихъ гостей должное себѣ поощреніе.

Еще два крупныя явленія въ XIX в., которыя дали Воронежу замѣтную особенность въ средѣ другихъ губернскихъ городовъ и которыя имѣли влияние на направленіе его жизни, замѣчаемое и въ настоящую пору — это открытіе въ г. Воронежѣ мощей св. Митрофана и появленіе двухъ Воронежскихъ поэтовъ: Кольцова и Некитина. Открытіе мощей св. Митрофана

сдѣлало Воронежъ цѣлью обширнаго паллигримства, такъ что съ 30-хъ годовъ ежегодно въ Воронежъ стало приходиться и прїѣзжать отъ 200—300 тыс. богомольцевъ разныхъ званій, состояній, и притомъ — со всѣхъ краевъ обширной Россіи. Такой приливъ пришлаго населенія, съ одной стороны, подѣйствовалъ развивающимся образомъ на мѣстную торговлю и промышленность, — съ другой — влилъ элементъ броженія въ спокойную традиціонную жизнь воронежцевъ, сдѣлалъ ее удобоподвижною къ перенятію и воспринятію идей и мыслей извнѣ, привозимыхъ не почтою, какъ это было въ большинствѣ другихъ губернскихъ городовъ, а живыми людьми....

Съ 30-хъ годовъ нынѣшняго вѣка, г. Воронежъ неоднократно встрѣчалъ у себя, кромѣ обыкновенныхъ богомольцевъ, и Царственныхъ Особъ, которыя также прїѣзжали на поклоненіе св. мощамъ. Воронежская лѣтопись отмѣтила на своихъ страницахъ цѣлый рядъ такихъ посѣщеній, и одно изъ нихъ, между прочимъ, выдвинуло на дорогу Воронежскаго прасола — поэта Кольцова. Мы разумѣемъ здѣсь личное знакомство Кольцова съ поэтомъ Жуковскимъ, сопутствовавшимъ Государю Наслѣднику Цесаревичу, при посѣщеніи Имъ г. Воронежа въ 1837 г. Съ Кольцова, имѣвшаго блестящій успѣхъ на поприщѣ литературы, начинается уже непрерывный рядъ литературныхъ стремленій въ небольшой группѣ воронежцевъ. Изъ этой группы вышелъ въ послѣдствіи поэтъ Никитинъ; — эта же группа положила основаніе мѣстной періодической прессѣ и одновременнымъ изданіямъ, такъ что мѣстная литература, благодаря этимъ традиціямъ, сдѣлалась теперь для Воронежа не капризомъ одного или нѣсколькихъ лицъ, а потребностью общества. Вотъ почему въ Воронежѣ въ настоящее время уживаются бѣтъ періодическихъ изданій, тогда какъ въ большинствѣ другихъ губернскихъ городовъ едва прозябаютъ одніе губернскія вѣдомости.

Преодо мною остаются теперь еще раскрытыми страницы мѣстной лѣтописи, на которыхъ записаны факты недавняго прошлаго, въ которомъ видную, и даже выдающуюся роль играетъ мѣстное самоуправленіе, одѣлавшее очень много въ сферѣ народнаго образованія, въ сферѣ внутренняго и внѣшняго благоустройства города....

Будущій историкъ отмѣтитъ въ исторіи этого послѣдняго полуувѣка и рельефно выразившуюся умственную дѣятельность общества, инициативною котораго создается цѣлый рядъ обществъ ученыхъ, филантропическихъ, учрежденій общественной взаимной помощи; организацію дѣла народнаго образованія, — словомъ — всё тѣ учрежденія культурнаго общества, какими владѣетъ Воронежъ нынѣ. Всё эти факты недавнихъ дней требуютъ нѣкотораго промежутка времени, на разстояніи котораго только и можно дѣлать имъ оцѣнку и налагать объективно исторію ихъ...

Трехсотлѣтній юбилей застаетъ Воронежъ въ моментъ упадка экономической жизни, торговли и промысловъ, но явленіе это не имѣетъ мѣстнаго характера, — Воронежъ лишь отразилъ на себѣ общее положеніе всего государства.

Что же касается другихъ сферъ общественной жизни, то Воронежъ сдѣлалъ много больше другихъ губернскихъ городовъ и вступаетъ въ четвертое столѣтіе своего историческаго оуществванія съ прочными задатками для дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія.

Разумѣется, въ дѣятельности общества есть не мало пробѣловъ и ошибокъ, но повтореніе ихъ въ жизни отдѣльнаго человѣка и цѣлыхъ обществъ, народовъ — это непреодолимый историческій законъ. Эти пробѣлы и ошибки послужатъ грядущимъ поколѣніямъ полезнымъ урокомъ. Ихъ задачи будутъ состоять въ томъ, чтобы — отличить въ дѣлахъ отцовъ зерно отъ плевелъ, возрастить первое и уничтожить вторыя, па-

мятутя, что каждое поколѣніе въ свой чередъ подлежитъ нелицепріятному суду исторіи. . .

Я кончилъ, мм. гг.! Думаю, что буду выразителемъ общаго настроенія даннаго момента, если позволю себѣ, въ заключеніе, отнестись съ теплою благодарностью къ памяти предковъ, положившихъ свои силы на дѣло служенія нашему городу. •

Вмѣстѣ съ тѣмъ, на рубежѣ четвертаго столѣтія, пожелаемъ г. Воронежу счастливаго преуспѣянія въ будущемъ, пожелаемъ великихъ и сильныхъ, съ честною душою гражданъ въ рядахъ грядущихъ поколѣній, и чтобы девизомъ будущей исторіи г. Воронежа были: свѣтъ, правда и честь.

(Газ. „Донъ“ 1886 г.)

Празднованіе трехсотлѣтія Воронежа въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Воронежской епархіи.

Въ Воронежѣ.

На канунъ празднованія трехсотлѣтія г. Воронежа въ Семинар. церкви отправлено было Ректоромъ Семинаріи, Архим. Димитріемъ, въ сослуженіи священниковъ (духовника воспитанниковъ) о. Димитрія Таирова и (надзирателя за своекошт. воспитанниками) о. Василия Бучнева, всенощное бдѣніе вмѣстѣ съ воскресн. службою и св. равноапостольнымъ просвѣтителямъ Славянъ Кириллу и Меѳодію.

Въ самый день торжества литургія была совершена вышеупомянутыми священниками Дим. Таировымъ и В. Бучневымъ. На литургіи было произнесено свящ. В. Бучневымъ приличное торжеству слово. Послѣ литургіи, по случаю благополучно совершившагося трехсотлѣтія г. Воронежа, былъ отправленъ благодарственный молебенъ Господу Богу, съ присоединеніемъ канона св. равноапостол. Кириллу и Меѳодію. Въ концѣ молебна, послѣ многолѣтія Государю Импе-

ратору со всею Царскою Фамилією, Св. Синоду и пр., была возглашена вѣчная память: а) благовѣрному Государю и Великому Князю Теодору Іоанновичу (основателю Воронежа), благочестивѣйшимъ Государямъ Императорамъ Петру I-му (какъ благодѣтелю Воронежскаго края), Николаю I-му и Александру II-му (осчастливившимъ Воронежъ своимъ Высочайшимъ пощещеніемъ) и Екатерину II-ю; б) Преосвященнымъ. Епископамъ и Архіепископамъ Воронежской епархіи; в) военачальникамъ, градоначальникамъ, потрудившимся надъ благоустроеніемъ Воронежскаго края, Христолюбивымъ воинамъ положившимъ свою жизнь за св. зѣру и отечество, и г) всемъ праотцамъ, отцамъ и братьямъ нашимъ, въ православной вѣрѣ и благочестіи скончавшимся.

На литургіи присутствовали, за неимѣніемъ своей церкви, воспитанницы Маринской женской гимназіи.

Въ этотъ же день въ актовомъ залѣ, послѣ пѣнія *Христосъ воскресъ*, при собраніи воспитанниковъ г. Инспекторомъ была сказана краткая рѣчь о значеніи для Воронежа торжества трехсотлѣтія; пѣвчими пропѣтъ былъ гимнъ св. Кириллу и Меѳодію, составленный Чайковскимъ; послѣ гимна воспитанникъ *Θ. Шабашевъ* прочелъ „Очеркъ постепеннаго населенія Воронежскаго края и—въ особенности Воронежск. уѣзда“. Послѣ сего чтенія пѣвчими былъ исполненъ другой гимнъ св. Кириллу и Меѳодію („Славяне! пѣснію высокою“....). Послѣ гимна воспитанникъ *Дим. Казаневскій* прочелъ статью о Воронежскомъ Благовѣщенскомъ Соборѣ (какъ первомъ храмѣ въ г. Воронежѣ). Воспитанниками Семинаріи были пропѣты стихиры Пасхи: „Да воскреснетъ Богъ“.... Послѣ чего прочитана была статья о замѣчательнѣйшихъ воспитанникахъ Воронежской Епархіи (*Кіев. Митрополитъ Евгеній, профессорахъ Академіи В. Н. Карповъ, Архим. Теофанъ,*

протоіереѣ Пл. Ив. Ставровѣ, Ѳ. Сп. Симашкевичѣ и нѣкоторыхъ другихъ). Актъ закончился пѣніемъ тропаря св. Іоанну Богослову, покровителю Семинар. храма, и народнымъ гимномъ „Воже. Царя Храни“!

Въ Задонскѣ.

Воронежское торжество 11-го мая нашло себѣ откликъ и въ Задонскомъ Духовномъ Училищѣ.

Въ субботу 10-го мая, въ Николаевской монастырской (колоколенной) церкви, временно служащей училищною, было отслужено по праздничному всенощное бдѣніе. Въ воскресенье, въ обычное время—въ 7 часовъ утра началась Вожественная литургія. Предъ концемъ литургіи, Смотрителемъ Училища, священникомъ В. Знаменскимъ, совершавшимъ богослуженіе, было произнесено слово, въ которомъ указано на значеніе юбилейнаго празднества для Воронежской губерніи, въ частности—для г. Задонска и мѣстнаго Духовнаго Училища. По окончаніи литургіи совершенно было благодарственное Господу молебствіе, съ приглашеніемъ многолѣтія Царствующему Дому, военачальникамъ и градоначальникамъ, учащимъ и учащимся и всеѣмъ православнымъ христіанамъ.

Начавшись въ св. храмѣ, юбилейное празднество продолжилось въ зданіи Духовнаго училища, гдѣ въ 5 часовъ вечера того же дня, въ присутствіи учащихся и учащихъ, состоялись чтенія, посвященныя юбилейному празднеству и сопровождавшіяся пѣніемъ хора монастырскихъ пѣвчихъ. Чтенія почтили своимъ присутствіемъ Почетный Блюститель училища, о. Архимандритъ Проконій съ старшею братіею монастыря, представители городского духовенства и нѣкоторые, прикосновенные къ училищу, изъ уѣднаго.

По содержанію своему чтенія имѣли цѣлью главнымъ образомъ ознакомленіе учащихся съ прошлымъ

Воронежскаго и, въ частности, Задонскаго края. Такъ какъ матеріаломъ для чтеній, за исключеніемъ одного, служили готовыя печатныя статьи, то для прочтенія ихъ найдено возможнымъ и удобнымъ назначить лучшихъ изъ учениковъ училища.

Послѣ пѣнія „Христосъ воскресъ“ и нѣсколькихъ словъ Смотрителя училища по поводу юбилейнаго праздника, воспитанникомъ IV кл. Гр. Первѣвымъ были прочтаны избранныя мѣста изъ „Очерка постепеннаго населенія Воронежской губерніи“ Архим. Дмитрія. По окончаніи чтенія, хоромъ пѣвчихъ былъ пропѣтъ тропарь св. Кириллу и Меѳодію. Предметомъ втораго чтенія была краткая исторія соборнаго храма въ Задонскомъ Богородицкомъ монастырѣ, заимствованная изъ „Указателя храмовыхъ празднествъ въ Воронежской епархіи“ того же автора. Читалъ ученикъ III-го кл. Влад. Никитинъ. За этимъ чтеніемъ слѣдовалъ прекрасно исполненный хоромъ гимнъ св. Кириллу и Меѳодію. Пѣніе опять смѣнилось чтеніемъ. Ученикъ IV кл. Ал. Лосевъ прочиталъ отрывокъ изъ житія Святителя Тихона, до принятія послѣднимъ монашества. По исполненіи, затѣмъ, хоромъ гимна „Коль славленъ“.... послѣднее чтеніе было предложено Смотрителемъ училища. Предметомъ чтенія служили первыя страницы изъ исторіи Задонскаго Духовнаго Училища, именно, основаніе его и положеніе за первые три года существованія (1819 - 1822 г.), насколько это видно изъ уцѣлѣвшихъ дѣлъ Правленія Училища. Пѣніемъ гимна „Боже, Царя Храни“ и пасх. ирмоса „Свѣтися, свѣтися“, праздникъ собственно литературное закончилось, отдавши должное и церковному воспоминанію 11-го мая (въ пѣніи) и юбилейному торжеству (въ чтеніяхъ).

По окончаніи чтеній корпорацію преподавателей для гостей, почтившихъ училищное празднество, въ квартирѣ Смотрителя, была предложена закуска.

Въ Павловскѣ.

11-го мая, на литургіи въ церкви духовнаго училища, было произнесено священникомъ училищной церкви слово по поводу 300-лѣтняго существованія г. Воронежа, а послѣ литургіи, было отправлено благодарственное молебствіе; затѣмъ, ученики училища были собраны въ одномъ изъ классовъ, гдѣ, послѣ чтенія тропаря и кондака свв. Кириллу и Меѳодію, учитель русскаго языка г. Вѣлосоровъ прочелъ историческое описаніе города Воронежа, послѣ чего былъ пропѣтъ гимнъ свв. Кириллу и Меѳодію; послѣ этого надзиратель училища г. Хмѣлинскій прочелъ исторію населенія Воронежской губерніи съ историческимъ очеркомъ города Павловска; засимъ были пропѣты: „Вознесу Тя, Боже мой“... и „Боже, Царя Храни“.... и въ заключеніе тропарь свв. Кириллу и Меѳодію.

Въ Вирючь.

Въ церкви Вирюченскаго духовнаго училища была совершена, 11-го мая, Божественная литургія о. Смотрителемъ училища, на которой было произнесено приличное празднику слово, а по окончаніи литургіи былъ отправленъ благодарственный молебенъ. Непосредственно за тѣмъ всѣ воспитанники училища были собраны въ одномъ изъ классовъ, и о. Смотритель въ рѣчи своей, обращенной къ нимъ, указалъ имъ на заботы Начальства и родителей ихъ о ихъ воспитаніи, убѣждая ихъ приложить стараніе къ тому, чтобы оправдать эти заботы о нихъ, заботы, направленные къ тому, чтобы они, воспитанники, сдѣлались достойными къ принятію, впоследствии, на себя высокаго званія проповѣдниковъ и учителей вѣры, высокимъ образцемъ каковыхъ были чествуемые въ тотъ день Учители Словенскіе, святые Меѳодій и Кириллъ. Въ 5 часовъ вечера воспитанники училища были собраны снова въ

училище, и г. помощникъ Смотрителя сообщилъ имъ свѣдѣнія о населеніи Бирюченскаго уѣзда, на основаніи брошюры Архим. Дмитрія „Постепенное населеніе Воронежскаго края“, а также прочелъ воспитанникамъ изъ Указателя мѣстныхъ праздниковъ, Архим. Дмитрія, о томъ, что касается Бирюченскаго Духовнаго Училища въ частности; засимъ воспитанники были отпущены на гулянье за городъ, подъ надзоромъ лицъ инспекціи и нѣкоторыхъ изъ гг. наставниковъ училища.

(Ворон. Епарх. Вѣд. 1886 г.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Воронежская Лѣтопись болѣе замѣчательныхъ событій, за десять лѣтъ, съ 1873 по 1883 годъ. Составлена Н. В. Воскресенскимъ. 3

II. Этнографическіе очерки Воронежской губерніи. Статья А. И. Селиванова 69

Содержаніе: О почитаніи пятницы.—О двенадцати пятницахъ.—Свадеб. обряды въ началѣ XIX ст. въ Воронежѣ.—О народныхъ болѣзняхъ и ихъ суевѣрномъ леченіи.— Народныя прижѣты и повѣрья.

III. Телеграфъ и Телефонъ въ Воронежской губерніи. X. X. Дампея 117

Содержаніе: Распространеніе государственнаго телеграфа въ Воронежской губерніи.—Тарифная система.—Телеграфная администрація.—Телеграфъ Козлово-Воронежско-Ростовской ж. д.—Телефонъ.—Метеоры, наблюдаемые на Воронежской телеграфной станціи.

IV. Городъ Задонскъ и его окрестности. Статья іеромонаха Геронтія 135

V. Земскія школы и народное образованіе въ Воронежскомъ уездѣ. Статья В. И. Миропольскаго 159

VI. Воронежскія Губернскія Вѣдомости. Ст. Н. В. Воскресенскаго 179

Содержаніе: Положеніе объ изданіи Губернскихъ Вѣдомостей.—Губернскія, Областныя и Войсковыя Вѣдомости.— Основаніе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.— Воронежская Губернская Типографія въ сороковыхъ годахъ.—

Редакторы и сотрудники Воронежских Губернских Вѣдомостей и краткій обзоръ неофициальной части Вѣдомостей, съ основанія ихъ, до семидесятихъ годовъ, съ присовокупленіемъ лѣтописныхъ извѣстій, съ 1855 по 1870 годъ. — Біографіи и краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности редакторовъ и нѣкоторыхъ сотрудниковъ Воронеж. Губ. Вѣдомостей:

Грабовскаго, Ник. Лукьян.	213
Симонова, Пет. Илар.	214
Малыкина, Пет. Васил.	215
Аванасьева, Алексан. Степ.	219
Фонъ-Кремера, Анд. Ив.	222
Тарачкова, Ник. Степан.	—
Средина, Вал. Андреев.	223
Второва, Ник. Иван.	236
Александрова-Дольника, Конст. Осип.	—
Зиговьева, Ив. Ив.	252
Никитина, Ив. Сав.	298
Малышева, Ив. Ив.	324
Малышева, Вас. Ив.	331
Бузина, Викт. Вас.	333
Михайлова, Анд. Родионов.	336
Терентьева, Африк. Яковлев.	344
Спасовскаго, Вит. Дмитріев.	354
Скиади, Мих. Мих.	368
Шалошниковъ, Пет. Дан.	375
Де-Пуле, Мил. Оед.	378
Сцепурн, Ад. Фрай.	389
Шклярѣвскаго, Ал. Анд.	—
Курбатова, Ник. Пав.	408
Веселовскаго, Григ. Мих.	423
Твачева, Григ. Григ.	428
Ростоцкаго, А. И.	448
Селиванова, Алек. Иванов.	464
Федяевскаго, Конст. Васильев.	488
Апцыферова, Никол. Ив.	492
Олифера, Конст. Сем.	493

	Стр.
Архимандрита Дмитрія (Самбькина)	496
Ковалевского, Владим. Осипов.	545
Владимірова, Мих. Вик.	550
Исаева, Вас. Ивасовича	587
Кромѣ того, въ той же статьѣ, помѣщены біографиче- скіе очерки:	
Тулинова, М. Б.	294
Придорогина, Ив. Алексѣев.	382
Серафима, Архіепископа Воронеж. и Задонскаго	449
Марина, Ап. Ник.	459
Малышева, Ив. Анд.	468
Бунакова, Ник. Фед.	520

VII. Приложение къ ст. «Воронежскія Губернскія Вѣдомости». Біографическіе очерки:

Евгенія, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго	601
Графа Бутурлина, Дм. Пет.	641
Кольцова, Алексѣя Вас.	647
Костомарова, Ник. Иван.	665
Сѣверцова, Ник. Ал.	675

VIII. Празднованіе трехсотлѣтняго юбилея въ Воронежѣ и рѣчи архимандрита Дмитрія и Г. М. Веселовскаго . . . . .

Къ этому тому приложены:

Схема телеграфнаго сообщенія Воронежской губерніи	128
Типы Воронежской губерніи (Н. И. Второва).	272 и 282
Портреты: Ив. Сав. Никитина	298
» Евгений, Митроп. Кіевскаго и Галицкаго	601
» А. В. Кольцова	647
» Н. И. Костомарова	665
» Н. А. Сѣверцова	675

**Въ Воронежскомъ Губернскомъ Статистическомъ
Комитетѣ имѣются въ продажѣ слѣдующія
изданія:**

1) Воронежъ въ историческомъ и современно-статистическомъ отношеніяхъ Г. М. Веселовскаго. 1866 г.

Цѣна 1 р. 50 к.

2) Переписка Митрополита Кіевскаго Евгенія съ Государственнымъ Канцлеромъ графомъ Румянцовымъ и другими современниками. Вып. I-й (1870 г.) II-й (1885 г.—2-е изданіе) и III-й (1872 г.)

За три выпуска цѣна 3 руб.

Памятная Книжка на 1863—64 г. Цѣна 50 к.

Памятная Книжка на 1878—79 гг. Цѣна 50 к.

Воронежскій Край (историческій очеркъ) Л. В. Вейнберга. Изд. 1885 г. **Цѣна 50 к.**

Видъ г. Воронежа въ 1702 г. въ увеличенномъ видѣ и раскрашенный.

Цѣна 1 р., безъ красокъ 50 коп.

Воронежскій Юбилейный Сборникъ, изд. Стат. Комитета 1886 г., 2 тома. **Цѣна:** съ этн. типами Воронежской губер., собр. Н. И. Второвымъ—4 р., безъ оныхъ—3 р. За обыкновен. переплетъ—30 к., изящн.—1 р.